

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

8

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/2002 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.Н. Сахаров – О новых подходах к истории России 3
- В.А. Субботин – Колониальные войска в конце XVIII –
начале XX века 21

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В.С. Кузнецов – Юань Шикай 39

ВОСПОМИНАНИЯ

- К.И. Глобачев – Правда о русской революции. Воспо-
минания бывшего начальника Петроградского охран-
ного отделения 59

ПУБЛИКАЦИИ

- А.Г. Шляпников — За хлебом и нефтью 88

СООБЩЕНИЯ

- П.В. Петров, В.Н. Степаков, Д.Д. Фролов — Война в
Заполярье (1939—1940 гг.) 116
- А. Кикнадзе — Грузия и Британия: двусторонние
отношения 133

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- М.А. Емельянов** — Кавалер четырех орденов Славы
И.Г. Меркулов 138
- С.А. Баканов, Р.М. Жумашев** — О темпах ликвидации
неграмотности в Казахстане в 1926—1939 годах 142
- Б.А. Нахапетов** — Придворная медицинская часть в Рос-
сии. XIX в. 146

ИСТОРИОГРАФИЯ

- М.В. Дмитриев** — Этнонациональные отношения русских
и украинцев в свете новейших исследований 154
- М.П. Ирошников, А.М. Кулегин** — В.И. Ленин. Неизвест-
ные документы. 1891—1922 гг. 159
- А.И. Нарезный, А.К. Мамитов, А.В. Щербина** — Россий-
ские либералы 162
- А.Б. Мазуров** — С.Н. Богатырев. Государь и его советни-
ки. Ритуализированные консультации в политической
культуре Московской Руси. 1350-е—1370 годы 165
- М.Ц. Арзаканян** — В.П. Смирнов. Франция в XX веке 167
- Л.А. Зимулина** — Т.Л. Лабутина. Воспитание и образо-
вание англичанки в XVII веке 169

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- А.М. Валькович** и др. — Осторожно — плагиат! 171

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ИСТОРИИ РОССИИ

А.Н. Сахаров

События конца 80-х — начала 90-х годов в СССР очень сильно повлияли на состояние отечественной исторической науки. Переосмысление истории Отечества, особенно истории XX века, робко начатое еще на исходе 50-х и в 60-е годы, развернувшееся в полную силу в конце 80-х годов и продолжающееся и поныне заметно отразилось на изменении общественного, в том числе политического, климата в стране. Эти два процесса шли параллельно, тесно переплетаясь друг с другом. И сегодняшняя оценка научной и общественной ориентации исторической науки требует учитывать состояние общества, характер его развития, основные тенденции.

Для современной исторической науки характерны значительная поляризация, дифференцированность, большая независимость и свобода от «директивных указаний». Стремление к исторической истине делает ее более жесткой, холодной, объективной, что иногда пугает и самих историков, и читателей исторических трудов. Вообще, я думаю, что история — это самая жестокая из всех наук и именно потому, что она способна сказать нам правду о нас самих, о нашем прошлом, настоящем и будущем. Общество, как и отдельная личность, увы, с трудом переносит правду о себе, особенно, если оно не до конца освободилось от тоталитарных пут в политике, социальных отношениях, экономике, психологии. И то, что сегодня историческая наука России выходит на пока еще довольно приблизительный и отдаленный уровень этой правды, неспроста вызывает истерику как в научных кругах, так и в крайне политизированном обществе, переживающем переходное состояние, а одновременно и во властных структурах.

Исторической особенностью первой половины 90-х годов XX века явился политический крах тоталитарного государства, в основе идеологии которого лежал суррогат из марксистских идей, имперских традиций, самодержавной амбициозности, революционного мессианства, утопических общественных иллюзий, убогой гордости невежественных и правителей, и масс.

На смену этому государству пришел странный полукommунистический, полукапиталистический, полукриминальный гибрид, жизнь которому дают все те же люди, кто был рожден, взращен и воспитан в послевоенный период. Даже беглый взгляд на состояние нашего общества показывает, что прежний режим властно диктует свои параметры во многих областях, в отношениях между людьми, между властью и обществом. Новой России масштабно

переданы кадры снизу доверху, ментальность прежнего режима, многие обычаи, психология, привычки, комплексы и многое другое. Этот режим, наконец, передал новой России глубоко криминализированную сущность, при которой буквально вся страна от генсека до последнего дворника жила «не по закону». Этот странный синтез относится и к кадрам историков, и к исторической науке в целом. Пожалуй единственное, чем новый режим коренным образом отличается от прежнего, это известная, почти официальная свобода от сталинизма, без которой, как это выяснилось уже бесповоротно, невозможно дальнейшее движение общества вперед в условиях современной цивилизации. Идеологический вакуум почти мгновенно заполнился единственной мощной, неплохо организованной, имевшей определенные традиции идеологической силой — концепциями «шестидесятников», антисталинистов, сторонников «первозданного» марксизма, адептов позднего В.И. Ленина, нэпа и всевозможных альтернатив — от А.В. Чаянова до Н.И. Бухарина и Л.Д. Троцкого, «истинной» социал-демократии Ю.О. Мартова и Г.В. Плеханова. Кажется, что это восхождение к идеологическому официозному Олимпу началось в период «перестройки» М.С. Горбачева, но реальная энергия этой силы была освобождена, конечно, в полной мере лишь с падением либерально-коммунистического режима «нового мышления», поскольку «санкционированная» горбачевская свобода, не удовлетворявшая радикалов-антикоммунистов, мешала в значительной мере полностью раскрыться и «шестидесятникам». Сегодня соотношение сил поменялось: радикалы и в политике, и в публицистике, и в науке расчистили завалы сталинизма, а «шестидесятники», верные своим либерально-коммунистическим, «истинно марксистско-ленинским» политическим взглядам, отринутым в период «застоя» историческим концепциям, обогатившись новыми архивными пластами, огромным, ставшим доступным фактическим материалом по истории XX века, властно вступили на научный подиум, беспепелляционно оттесняя оттуда как консерваторов-сталинистов, так и сторонников радикальных антикоммунистических воззрений, которых они роднят с новым режимом, с дилетантской, официозной, совершенно антикоммунистической публицистикой и т.д.

Этот их запоздалый реванш, ставший результатом победы противных им политических сил, вполне исторически оправдан и закономерен. Сегодня это неопровержимый факт отечественной историографии, выстраданный антисталинистскими, а вместе с ними и антикоммунистическими силами в целом, безусловно этапный, но как и всегда в науке, безусловно временный.

Одновременно с этим в историографии вслед за публицистикой все более и более мощно звучит и антикоммунистическая научная линия, представленная радикалами, свободными от обаяния и традиции «шестидесятников». Для радикалов вся сумма фактов отечественной истории XX века вообще перевешивает в сторону антикоммунистических и антимарксистских исторических концепций. Любопытно, что порой принципиальные расхождения между историками, исповедующими идеалы «шестидесятников», и радикалами-антикоммунистами обнаруживаются лишь в обобщающих концептуальных выводах, хотя их трактовка отдельных фактов мало чем отличается друг от друга. Указанные основные направления в историографии отражают реальные исторические процессы.

В этой связи встает вопрос о так называемом кризисе современной российской исторической науки. Что есть этот кризис? Ответ на этот вопрос также дается в связи с теми основными направлениями в общественной науке, о которых шла речь выше. Одни видят кризис в обвале всей старой идеологизированной исторической науки, неспособности на основе старых марксистских подходов познать историческую истину и призывают к поискам новой теории исторического синтеза («Кризис отечественной историографии в главном и основном рожден кризисом марксизма», «марксизму как в принципе догматическому учению противопоказано творческое начало»,

«марксизм и плюрализм мнений несовместимы»¹⁾). Другая точка зрения состоит в том, что кризис в науке объясняется не крахом марксизма, а несостоятельностью его советских истолкователей, гипертрофированностью некоторых положений марксизма, в том числе об общественно-экономических формациях, классовой борьбе как решающих рычагах общественного развития. Общественно-историческая теория (философия истории) возможна и необходима, а теоретический плюрализм ценен лишь как необходимое условие разработки адекватного варианта теории. Марксов исторический материализм видится при этом как та основа, которая, если освободить ее от лженаучных примесей, будет по-прежнему играть решающую роль в познании исторического процесса²⁾. Свидетельством кризиса, таким образом, представляется либо полный, либо частичный отказ от прошлых методологических и научно-исследовательских ценностей и поиск новой адекватной историко-методологической опоры. Совершенно очевидно, что и эти оценки также находятся в поле идеологическом и политизированном.

Мне представляется, что вообще разговоры о кризисе исторической науки возникают именно в период острейшего не столько научного, сколько политического и идеологического противоборства спорящих сторон, для которых не существует права на инакомыслие, и все, что не укладывается в их собственную схему, видится как очередная ересь. При этом выход из кризиса мыслится как победа «истинной» теории исторического познания, то есть — создание очередной монополюсной концепции, поглощающей и подчиняющей себе все остальные (неправедные!) направления.

С этой точки зрения именно отказ от раз и навсегда данных установок в науке, обращение к новым методологическим ключам познания, не только возрождение обновленного марксизма, но и новое прочтение — с учетом судеб мира и России в XX в., творчества Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Вебера, основателей «школы Анналов», современных западных адептов социальной истории, эмигрантской русской историософии и других историософских и методологических течений свидетельствуют о том, что российская историческая наука как раз выходит из кризиса, означающего лишь отсутствие движения мысли, и вступает в новый плодотворный этап своей жизни. Сегодня для российских историков не существует более какой-то одной, единственной, избранной теории познания. Напротив, как действующий инструмент познания, осваиваются наиболее важные из этих теорий. Не существует какого-либо одного избранного периода или региона, исторические разработки которых брались бы за образец. Сегодня российская наука стремится синтезировать все лучшее, что дала мировая историография. Историки с успехом осваивают богатейшее наследие российской исторической науки в лице ее крупнейших представителей, чье творчество в течение долгих десятилетий замалчивалось либо искажалось³⁾. Пристальным вниманием пользуются достижения советской историографии, особенно в области конкретной истории, с одновременным отказом от тоталитарных оценок и препарированных в советское время основных положений марксизма⁴⁾.

Осваивается широчайший спектр западной историографии истории России и СССР, которая в течение длительного времени осуждалась и квалифицировалась как фальсификация истории. Выходят в свет как прежние работы западных историков, так и исследования последних лет, в том числе посвященные проблемам российской и советской истории⁵⁾. Сегодня стало совершенно очевидным, что нет какой-нибудь отдельной «западной» историографии, как нет и отдельной российской исторической науки. Существует единая мировая историческая наука. В синтез научно-исторических знаний успешно включаются и классические работы историков российской эмиграции⁶⁾.

Наконец, крепнет региональная историография (Урал, Сибирь, Дальний Восток, черноземный центр, юго-западный регион и т.д.), отражающая присущие этим районам специфические интересы и темы, используется регионально-цивилизационный подход (например, роль Урала, Сибири или

Дальнего Востока в судьбах России) ⁷. Увеличивается масса новых архивных материалов, которые становятся доступными, расширяется использование российских и западных архивохранилищ, устанавливается тесный контакт российских и западных ученых.

Современный этап развития российской исторической науки отмечен стремлением в условиях свободы творчества и бескомпромиссной полемики овладеть всей гаммой познавательских и исследовательских приемов. Как назвать этот этап — «кризисом» или «выходом из кризиса» — дело не научных, а политических пристрастий.

В первую очередь речь идет о методологических проблемах исторической науки. Сегодня бытует представление, будто в этой области царит полный застой, что историки и историософы этим просто не занимаются, а ловко уходят от сложных понятий и категорий, определяющих периодизацию истории, ее критерии и сущность. В частности, вне рассмотрения якобы оказываются наше отношение к понятиям «формация», «цивилизация», «исторический прогресс» и другие важные методологические категории. Однако это не так. В 90-е гг. и на рубеже XXI в. эти вопросы все чаще поднимаются на страницах научной печати и, хотя они действительно не стали пока еще предметом широких научных конференций, симпозиумов, ощущается все более нарастающее научное напряжение в этой области знаний, расширяется амплитуда их обсуждений, вовлекается все более богатый исторический и философский материал, включая историософские концепции прошлого.

По-прежнему широко представлена в российской историографии точка зрения, что марксистский подход к «типизации и периодизации исторического развития» на основе выделения общественно-экономических формаций не только не устарел, но остается основным в познании исторического процесса, так как де позволяет выявить объективный и закономерный характер общественно-исторического процесса и представить последний как сложную саморазвивающуюся систему. При этом отбрасываются жесткие социально-экономические и классовые детерминанты как основные рычаги познания исторического процесса ⁸ и утверждается, что формационный «подход оставляет вне поля зрения отдельное конкретное общество, являющееся относительно самостоятельной единицей исторического развития» ⁹. На этих, я бы сказал, либерально-формационных позициях, не рекламируя это, но руководствуясь этими постулатами в своей исследовательской и педагогической деятельности, стоит сегодня подавляющая часть российских историков.

Но все шире пробивает себе дорогу цивилизационный подход к истории, основанный на разработках Данилевского, Ламанского, Шпенглера, Вебера, Тойнби, Хантингтона, теоретиков евразийства и других аналитиков. В его основе лежат более широкие и емкие понятия, охватывающие черты и признаки развития общества, которые представляют собой величины более долговременные, сущностно более устойчивые, чем социально-экономические факторы. Они прежде всего охватывают территориально-природную, языковую, духовно-нравственную, религиозную, этническую сферы, которые выражают интересы общества и характеризуют его в целом ¹⁰. Это, конечно, не означает полного отрицания формационного подхода к истории. Факторы, определяющие формацию, могут входить составной частью в характеристику той или иной цивилизации. Эволюция сторонников формационного подхода в сторону отказа от жестких социально-экономических характеристик развития общества порой сама ведет их к сближению со сторонниками цивилизационного подхода к истории.

На методологическую поверхность подняты и проанализированы сегодня разработки русского историка-славянофила В.И. Ламанского с его попытками разделения общества на «миры настоящего», «миры будущего» и «миры прошлого», в основе которых лежат критерии «мироорганизующего могущества». В соответствии с этим романо-германскую Европу Ламанский

считал «миром настоящего», цивилизации Азии, проигравшие мировую борьбу за первенство — «миром прошлого», а «миром будущего» полагал греко-славянский мир с русским ядром, чей цивилизационный взлет, по его мнению, был еще впереди ¹¹.

В этой же связи введена в научный оборот и историософская теория Н.Я. Данилевского об извечном противостоянии России и Европы, о российской цивилизации как особом историческом феномене. Его знаменитая книга «Россия и Европа» была впервые за долгие десятилетия переиздана, а его историософские взгляды получили современную научную интерпретацию ¹².

Переизданы также работы О. Шпенглера и А. Тойнби. В условиях определенного кризиса «исторического материализма», эрозии формационного похода к истории и неясности и дискуссионности цивилизационных критериев историки и философы все чаще в своих трудах обращаются к их, вновь ожившим, концепциям ¹³. При этом обращается внимание на общецивилизационные основы периодизации истории человечества: «возрастная» (то есть в рамках той или иной цивилизации) переход от культуры аграрно-сословного общества к культурному и политическому господству города, сопровождаемый «городскими революциями» с их идеологическими или религиозными окрасками (Шпенглер); рождение «дочерних цивилизаций» в лоне гибнущих локальных «универсальных государств» на базе реакций общества по принципу «вызов — ответ», возглавляемых «творческой элитой», стремящейся к духовному обновлению (Тойнби). Обращается также внимание и на то, что эти мыслители ставят евро-атлантическую цивилизацию в центр конструируемых ими моделей, поскольку именно на просторах Европы, по их мнению, в полной мере протекали процессы, определившие метаморфозу человеческих обществ. Делаются попытки использовать методологию Шпенглера и Тойнби для объяснения процессов, протекавших на просторах Восточно-европейской равнины, в том числе и России ¹⁴.

Интерес к теории евразийцев также имеет сегодня не чисто умозрительный характер, а ведет к неустанным попыткам объяснить российскую историю как в прошлом, так и в настоящем и будущем перманентной привязанностью России не только и не столько к Европе, как полагают адепты евро-атлантической модели развития, основной, так сказать, эталонной для человечества, сколько к азиатским просторам, азиатским народам, цивилизациям, государствам, духовности, традициям и т.п. Во-первых, это отражается в широкой публикации трудов евразийцев, как в периодической печати ¹⁵, так и в сборниках статей. Во-вторых, в появлении в первой половине 90-х годов серии книг Л.Н. Гумилева, который в обоснование евразийских концепций широко использует конкретно-исторический материал истории русской и ряда государственных образований Востока ¹⁶. Позднее появилась серия статей, посвященных извечной проблеме «Россия и Запад», в которых евразийству отдается пальма первенства в противовес европоцентристским концепциям ¹⁷. Был создан журнал «Евразия», который неустанно смещал в своих публикациях акцент в трактовке отечественной истории в сторону евразийства.

Цивилизационные проблемы вышли на первый план и в оценке конкретных периодов в истории России. Так, идет дискуссия относительно возможности применения к истории России принятых на Западе понятий «средние века» и «новое время». А.Б. Каменский обращает внимание на цивилизационную асинхронность явлений и того и другого периода на Западе и в России, хотя и признает существование общей модели развития европейского мира, куда включается и Россия, но с весьма значительным запозданием, в несколько веков. Понятия же «феодализм» и «капитализм», по его мнению, впервые сформировались в западной историографии на материале именно западной истории. Автору представляется более близким понятие «традиционное общество» в применении к допетровской Руси. Что касается реформ Петра I и послепетровского времени, то Каменский отмечает, во-первых,

верхушечный характер преобразований «средневекового реформатора» (наш термин), во-вторых, консервацию основополагающих условий жизни страны (культура хозяйствования, сельскохозяйственное производство, бытовые традиции, миросознание русского человека), в общественной же жизни укреплялись элементы несвободы, подавлялись ростки гражданского общества. Лишь после реформ 1860-х гг. положение стало медленно меняться, хотя и на протяжении XVII — первой половины XIX вв. уже обозначился процесс разрушения традиционного сознания.

Каменский считает более адекватными периодизации истории России такие понятия, как «традиционное» и «современное» общества в их «веберовском смысле», то есть, когда религиозные и мифологические представления воспринимаются как основополагающие в социальной организации и жизни на первом этапе. Характерные черты капитализма, главными из которых являются свобода частной собственности, рыночных отношений, свобода человеческой личности и новые технологии, относятся к следующему этапу. XVIII — первая половина XIX в., по мнению автора, как раз и являются переходными от «средневековья» к «новому времени» с точки зрения общеевропейской модели¹⁸.

В последнее время появляются и другие попытки периодизировать историю России с позиций не прежнего «исторического материализма» и даже не с точки зрения ставших для российской историографии вдруг доступными и близкими схем западных и старорусских историософов, а с позиции какой-то одной доминирующей черты российского общества, пронизывающей всю русскую историю, во всяком случае со времени перемещения российской государственности в междуречье Волги — Оки — Клязьмы. Такой системообразующей доминантой русской истории Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов в ряде своих работ считают власть. Менялась власть — менялась история. Власть — первичная и все определяющая — компоновала страну: вся русская история реализуется через власть и посредством власти. Поэтому эти авторы, скажем, вводят такое понятие, как «Великая самодержавная революция» Ивана IV, а последующие века русской истории рассматривают сквозь призму «Великого передела» власти — от опричнины до «нынешней смуты»¹⁹.

Наконец, к разряду новых методологических подходов следует отнести и получившие в условиях свободы научного творчества новые импульсы альтернативного взгляда на русскую историю, помогающего понять всю ее многомерность, противоречивость, порой ошеломляющую возможность круто повернуть ее ход. Если прежде под исторической альтернативой, как правило, понималось лишь обращение к судьбам российской революции, к всепобеждающей «прогрессивной» революционной альтернативе, к проблемам послереволюционного развития страны в XX в. на путях «истинного ленинизма», «альтернативы Бухарина» и т.п.²⁰, то в 90-е годы этот круг значительно расширился и видоизменился. Был поставлен вопрос о либеральной альтернативе развития России²¹, о возможности иного конституционного развития страны на протяжении XVI — начала XX в., что, по существу, означало попытку нового цивилизационного осмысления всего русского исторического пути в эти века, рассмотрения, так сказать, «теневой» русской истории, которая на всех этапах сопутствовала ее «генеральной» — состоявшейся — линии. В этой же связи по-новому был поставлен вопрос о смысле борьбы за единство и централизацию русских земель, в которой важную цивилизующую роль могли сыграть, кроме победившего лидера — Московского княжества, Русско-Литовское государство, а также Тверское княжество; рассмотрены другие «русские альтернативы»²². Проблема исторической альтернативы учитывается и при исследовании других периодов и событий российской истории — Крымская война 1853—1856 гг., первая мировая война и т.д.

В связи с отмеченными методологическими новациями претерпевают эрозию прежние, устоявшиеся десятилетиями, представления даже истори-

ков традиционной школы. Если мы обратимся к монографиям, сериям статей по истории России как древней, средневековой, так и XX века, то по-прежнему встретим такие категории, как феодализм, капитализм, социализм. Впрочем, сегодня эти понятия наполняются новым смыслом. Историки пытаются дойти до сути вещей, понять, что же такое феодализм, не в жестком социально-экономическом смысле слова, а в широком цивилизационном понимании; что же такое капитализм и как он развивался в России, что же такое социализм в XX в., как он произрастал на российской почве и как соотносился с мировыми социалистическими учениями и движениями. Думается, наличие такого стихийного синтеза — верный признак жизнеспособности российской исторической науки.

С этим связаны и споры вокруг понимания прогресса в истории. Странники цивилизационного подхода противопоставляют понятию так называемого абстрактного социально-экономического прогресса реальную историческую ценность — человека, личность, ее интересы. В центр понятия «прогресс» ставится критерий совершенствования человека, развитие и становление его общественных и духовных ценностей, которые связаны со становлением свободной, независимой, материально обеспеченной и духовно богатой личности²³. В рамках формации эти понятия фактически размываются, хотя и декларируются. В условиях цивилизационной оценки они представляют собой реальную историческую величину. Сегодня оба эти подхода находят адекватное отражение в историографии.

Одновременно происходит определенное «укрупнение» взгляда на историю. Если раньше вся история, особенно XX века, делилась на отдельные небольшие отрезки: период коллективизации, индустриализации, период войны и так далее, то сегодня, укрупненно взглянув на исторический процесс, мы понимаем, что XX в. — это часть всей нашей истории, абсолютно сопоставимая с прошлой историей, со всей мировой историей. Сопоставимая — вовсе не в том смысле, что все события вели к 1917-му году, как полагали еще вчера. Российский XX в. — неотрывная часть всей истории во всем ее многообразии, всех общественных связях и цивилизационных аналогиях. Понять это помогает сравнительно-исторический метод, который раньше не пользовался большим вниманием. Сегодня этот подход, при котором сравниваются и века, и регионы, и цивилизации, значительно обогащает наше знание, наше понимание истории.

Наконец, сегодня российская историческая наука базируется и на многофакторном подходе к истории. Наряду с социально-экономическим, классовым подходом рассматриваются и иные подходы, иные факторы, которые помогают понять историю страны: географический и этнический, религиозный и внешнеполитический, факторы взаимовлияния и синтеза различного рода цивилизаций, скажем, древнеримской и европейской, византийской и российской и другие, которые вообще невозможно отделить от развития нашей истории. Эти факторы действовали в разные периоды с различной силой. В период татаро-монгольского нашествия на первый план выдвигался фактор внешнеполитический, защита отечества, но отнюдь не классовый, как полагали раньше. То же самое можно отнести и к другим периодам нашей истории, скажем, к 1812 году. Все это воспринимается историками, по-новому трактуется и создает совершенно иную палитру в обрисовке развития событий. Обществу изучается в целом, во всем его движении от древнейших времен до современности и при этом подразумеваются все составные части социума: не только рабочие, не только крестьянство, но и предпринимательские слои и духовенство, и верхи и элита и другие слои. Сегодня это признано всеми направлениями в историографии. У историков России, как и у историков вообще, не может быть классов любимых и нелюбимых, нет героев любимых или нелюбимых, мы не можем проклинать отдельные периоды истории, как и превозносить другие. Мы стремимся понять историю в целом.

Большое значение для современной историографии приобрел и психологически-личностный подход к истории, значимость и роль конкретных

лиц в истории, их влияние на ее ход. Прежде к этой проблеме был совсем иной подход. Скажем, историки представляли, что XVIII в. проходил под доминантой таких революционных фигур, как А.Н. Радищев и Е. Пугачев, но совершенно игнорировались другие исторические личности, а также их совсем иное, причем подавляющее влияние на российскую историю. В последних трудах ощущается плюралистический и многофакторный личностный подход. Не отрицается роль того же Радищева в развитии российского либерализма (причем со значительными коррективами в сторону не столько революционных, сколько демократических черт в его идеологии²⁴), не отрицается роль Пугачева в 70-е гг. XVIII в. в мобилизации низов общества на борьбу с его верхами (однако с коррективами в сторону осуждения разрушительной и антицивилизационной стихии пугачевского восстания). Но не только в этом заключалась жизнь России на всех этапах ее истории от древности до начала XX века. Были в ней и либералы, и реформаторы — И.И. Шувалов, Н.И. Панин, М.М. Сперанский, Д.А. и Н.А. Милютины, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, военные деятели и дипломаты: Г.А. Потемкин, А.А. Аракчеев, М.Б. Барклай де Толли, А.М. Горчаков; были выдающиеся российские монархи Александр I и Александр II и другие, которые оставили неизгладимый, в основном позитивный, след в истории нашего отечества²⁵. По существу в последние годы произошла переоценка практически всех крупных фигур в отечественной истории в сторону объективности, взвешенности, отказа от убогих антинаучных идеологических стереотипов как дореволюционного, так и советского времени.

Все это отражается и в работах Института российской истории РАН, в работах университетских историков Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Новосибирска, Омска, Владивостока и других городов и научных центров нашей страны, в исторической периодике.

В настоящее время российская историография базируется на новых, сквозных темах. Если мы сегодня говорим, например, «аграрная история» или «аграрная революция», то вкладываем в это порой совсем иной, нежели прежде, смысл. Такова статья В.П. Данилова «Аграрная революция в России. 1902—1922 гг.»²⁶. Перед нами предстает совершенно новый подход, включаются новые понятия, рассматривается период не только дореволюционный, но и советский. Конечно, тамбовское восстание крестьян в 1920—1921 гг. было продолжением аграрной революции начала XX в., хотя и в иных условиях и общественных взаимосвязях. Думаю, что такой же подход характерен и для коллективизации страны — сложной и противоречивой аграрной революции уже советского времени, в которой ударной революционной силой стала крестьянская беднота. Одновременно жизнеспособная, хозяйственно крепкая, заинтересованная в своем индивидуальном труде часть крестьянства поднималась против тоталитарного обезличивающего, антисобственнического нажима со стороны власти и поддерживающей ее бедноты.

Новые исследовательские подходы, новые темы появились на горизонте российской историографии. В свое время мы «упивались» закрытием «белых пятен» в истории. Впрочем, вскоре историки всей своей исследовательской практикой показали, что дело не в этом. На каждом историческом отрезке, на каждом периоде истории, у каждой исторической личности, каждого масштабного события имеются свои «белые пятна». Выявилось, что практически вся наша история — это огромное «белое пятно». Но не потому, что историки сегодня пытаются переписать всю историю, а потому, что новые подходы, о которых говорилось выше, касаются не отдельного события и не отдельного периода, или отдельной личности, а всей российской истории в целом. Происходит не переписывание, а переосмысление истории России.

Приведем несколько примеров.

Традиционное место у современных историков занимает история Древней Руси. Но это уже не борьба за углубление марксистского понимания древнерусского феодализма, а, напротив, попытка поставить под сомнение старую идеологизированную схему, за которой стояли толкователи сталин-

кого курса «Истории ВКП(б)». Санкт-петербургская школа во главе с И.Я. Фрояновым сегодня выступает против завышения социально-экономического и политического уровня Древней Руси и оценивает ее с иных, чем прежде, цивилизационных критериев²⁷. Пересмотру подвергается и история борьбы за объединение русских земель в XIII—XV веках. Ранее считалось, что самой судьбой первенствующая роль была здесь уготована Москве. Сегодня разрабатывается версия о полицентрическом характере объединительных процессов, когда лидерами попеременно становились Юго-Западная Русь, Литовско-Русское государство, Тверь и, наконец, Москва. И пути России могли бы быть иными, если бы это объединение пошло иным, нежели состоявшимся, путем²⁸.

Сегодня историков уже не удовлетворяют прежние подходы к проблеме крепостного права в России. В работах группы Санкт-петербургских ученых, а также в трудах акад. Л.В. Милова осуществляется поворот в сторону выявления исторически оправданных закономерностей появления крепостного права в России, когда в условиях бедности русской нации, ограниченных климатических возможностей, малой производительности крестьянских хозяйств и одновременно необходимости всевозрастающих расходов на поддержание боеспособности страны, укрепления ее ударной силы — помещиков, землевладельцев вообще, завоевания страной независимости в борьбе с Ордой, преодоления военно-экономической блокады с Запада у государства не было другого способа соединения работника со средствами производства, мобилизации сил для решения национальных задач кроме постепенного усиления крепостнического режима. Получает дальнейшее развитие и точка зрения историков XIX в., согласно которой именно на время Петра I приходится пик российского крепостничества, когда происходило закрепощение всех сословий, начатое еще до этого, а с начала XIX в. осуществляется их медленное поэтапное раскрепощение под влиянием экономических, политических и моральных обстоятельств. Получает развитие и идея о более широком понятии крепостного права, включавшей в себя и крепость личности по отношению к коллективу (общине)²⁹.

В область полного переосмысления вошла и тема так называемых крестьянских войн. Подвергается обоснованному сомнению не только их сущность, идеология (отнюдь не антигосударственная, а скорее царистская), но и аргументируется их в основном казацкое, вольно-бунтарское содержание, подчеркивается негативное (в отличие от прошлых, лишь позитивных, оценок) влияние крестьянских войн, а, по существу, казацко-крестьянских восстаний на судьбы России³⁰.

К новым темам относятся также русский реформизм и либерализм, предпринимательство, консерватизм³¹.

Новый исторический пласт поднят современной исторической наукой в исследовании российской эмиграции. Разрабатываются проблемы эмиграции XIX в., послереволюционной политической эмиграции, третьей ее волны в послевоенный период и ее новый, так сказать, «диссидентский» облик в 60-е—70-е годы. В сфере исследовательского интереса оказываются условия жизни, адаптация, правовой статус российской эмиграции, ее различные общественно-политические, религиозные течения и организации, ее наука и культура, политика различных зарубежных правительств по отношению к российским эмигрантам, взаимоотношения эмиграции с окружающей средой, отношения между эмигрантами и их бывшей родиной — Россией и СССР³².

Практически заново разрабатывается история русской церкви, монашества³³.

Вновь пробудился потухший было в советские годы исследовательский интерес к истории российских представительных учреждений, истории местного самоуправления. Если прежде этот интерес ограничивался в основном обращением к истории Земских соборов в связи с их ролью в укреплении абсолютистских начал в России, то в 90-е гг. и на рубеже XX и XXI веков этот

интерес принял совсем иной характер. Историки стали рассматривать представительные учреждения в России с древнейших времен до начала XX в. как элементы складывавшейся новой цивилизации, как модели, ведущей к будущему переустройству России на новых антиабсолютистских, а позднее и демократических началах. Объектом анализа стали демократические традиции древности, восходящие еще к догосударственному периоду, Новгородская Республика, представительные и выборные государственные учреждения Московского царства, Земские соборы, Уложенная комиссия, земские учреждения, российская Дума и другие ³⁴.

Историю внешней политики России нельзя отнести к новым темам. Тем не менее в 90-е гг. она зазвучала в историографии по-иному. Ушла в прошлое привязка ее то к феодальной, то к феодально-буржуазной, самодержавной государственности, а на первый план вышли геополитические интересы нашего Отечества, складывавшиеся еще в глубокой древности и модифицировавшиеся, но не утратившие своей первоосновы в последующие века. В соответствии с этим по-иному предстают и творцы этой политики — А.Ф. Адашев, А.Л. Ордин-Нащокин, В.В. Голицын, Г.А. Потемкин, А.М. Горчаков и многие другие, а также русские правители — первые Романовы, Петр I, Екатерина II, Александр I, Александр II, Александр III и Николай II, вся деятельность которых была направлена в одних случаях более, в других менее, успешно на защиту геополитических интересов России. Эти новые тенденции отразились в 5-томном издании «История внешней политики России», охватывающем период от глубокой древности до начала XX века ³⁵.

На новой основе изучается история русской культуры, российского меценатства, филантропии. Прежде историки, как правило, базировались на концепции существования двух антагонистических культур: революционной, демократической, пролетарской, с одной стороны, и буржуазной — с другой. Сегодня есть большие сомнения в правильности такого жесткого подхода к этой теме. Оказывается, что история культуры, как и другие области истории, не терпит таких сектантских подходов. Она богаче, ярче, красочней, наполнена яркими людьми разных общественных направлений: и либералами, и консерваторами, и реакционерами, и радикалами, и революционерами. И все это — история нашей культуры, нашей духовности. Что касается истории филантропии, филантропических учреждений и русских филантропов, то эта тема, запретная для советской историографии, сегодня звучит в полный голос ³⁶.

Совершенно по-новому разрабатывается история народов России. В первую очередь это касается проблемы присоединения народов к России и последующего их существования в рамках Российской империи. Сегодня отстывает в сторону апологетический подход. Ученые стремятся объективно рассматривать эту сторону российской истории, учитывая как действительно добровольный характер присоединений, так и насильственный, сложный, противоречивый путь этих процессов, когда осуществлялись различные формы вхождения народов в состав России, занимались разные позиции как верха, так и низа общества. Анализируется и складывание системы управления национальными окраинами России, которая имела не только противоречивый, насильственный, но и весьма гибкий, порой достаточно терпимый, характер ³⁷. Новый историографический пласт составляют сегодня исследования депортации советских народов в 30-е — 40-е годы ³⁸. В сфере острых дискуссий остаются отношения России с северо-кавказскими народами в XIX в., особенно в период так называемой Кавказской войны. Освобожденная от старых идеологических схем эта тема сегодня обрабатывается новыми идеологическими стереотипами, о чем откровенно пишут историки ³⁹.

Особо следует сказать об истории России близкого к нам XX века, когда бушевали различные политические страсти, которые до сих пор мешают взвешенному и спокойному изучению этой темы. И все же предпринимаются

попытки анализа этого периода. К сожалению, историки постоянно находятся под воздействием тенденции, связанной с политизацией истории XX века. Когда берешь в руки труды, касающиеся XX века, сразу чувствуешь, какой политической ориентации придерживается тот или иной автор. Скажем, существует точка зрения, что 1917 год — величайшее событие в истории страны, но одновременно с этим высказывается и полярная концепция, а именно, 1917 год — проклятое событие в истории России. Существует и такая позиция, что время с 1917 по 1929 год — благодатный период в нашей истории и лишь с усилением власти Сталина открылась эпоха тоталитаризма. Но высказываются и прямо противоположные суждения, что все это один период и что Ленин «породил» Сталина, ГУЛАГ, именно он заложил основы тоталитарного государства. Такой разброс мнений вполне корреспондирует и с основными направлениями научных исследований истории XX в. в России, ведущихся на Западе ⁴⁰.

Новым направлением стала тема «Власть и общество» в России. Применительно к истории советского периода разработки ведутся на основании недавно рассекреченных архивных материалов, среди которых письма людей в карательные, партийные органы, советские судебные органы. Они раскрывают всю чудовищность тоталитарного сталинского режима с его подавлением личности, гражданской свободы, особенно в аграрной сфере. Новым словом в этой области стала фундаментальная многотомная публикация Института российской истории РАН «Совершенно секретно». Лубянка — Сталину о положении в стране. 1922—1934 гг.». В нее вошли недавно рассекреченные фонды архива ФСБ, которые содержат ежемесячные отчеты ВЧК, ОГПУ, НКВД руководству страны об истинном положении в СССР, о состоянии промышленности, сельского хозяйства, о настроениях среди рабочих, крестьян, интеллигенции, молодежи, в армии, анализ дел в церковной среде, в антисоветском подполье, в криминальной сфере и другие аспекты внутренней жизни страны. Эти материалы впервые формируют наше представление о другой стороне «строительства социализма», показывают весь драматизм истории народа, осуществившего кардинальную социально-политическую революцию в стране и оставшегося наедине с мировой и российской цивилизацией и продолжавшего жить и творить, реагировать на политику властей, также вышедших из народа, в соответствии со своим уровнем культуры и своей ментальностью. Эти материалы проливают истинный свет на некоторые тайные пружины политики большевистского руководства, в том числе и репрессии, как в отношении страны в целом, так и отдельным слоям ее населения, раскрывают грандиозную по своим масштабам систему тотальной слежки за своим народом. Дополнением к этой уникальной публикации является и вышедший первый том документов «Власть и общество. Российская провинция», который также на недавно рассекреченных материалах, касающихся абсолютно «закрытой» в годы Советской власти Нижегородской (Горьковской) области с ее мощным и секретным военно-промышленным потенциалом, дает возможность проследить истинные взаимоотношения народа, его отдельных слоев и власти ⁴¹.

На одно из первых мест в переосмыслении истории России и СССР выдвигается проблема Великой Отечественной войны СССР 1941—1945 годов. Наряду с традиционной историографией, не выходящей в основном за рамки официальной концепции войны, сформулированной в свое время И.В. Сталиным и в последующих партийных документах, разрабатывается и другая версия, подчеркивающая значительную ответственность советского режима за развязывание войны в рамках реализации концепции мировой революции, подготовку сталинского руководства к превентивной войне против Гитлера. Сегодня, кажется, уже никто не сомневается в наличии у Сталина такого намерения. Яростные споры идут лишь в отношении возможных ее сроков ⁴².

В России эти подходы оформились как самостоятельное научное направление и представлены группой ученых (в том числе молодых) ⁴³. Эта

дискуссия нашла отклик и на Западе⁴⁴. Все это сегодня обсуждается, отражается на страницах журналов «Отечественная история», «Вопросы истории» и других, в многочисленных статьях, монографиях, на заседаниях «круглых столов». В этом политическом накале видны истоки реального научного плюрализма, в котором так нуждается настоящая историческая наука, стремящаяся стать объективной, неидеологизированной.

Под этим объективным углом зрения изучается революция и гражданская война, «военный коммунизм» и коллективизация, создание тоталитарной системы в СССР, проблема репрессий, в частности, расправа с Еврейским антифашистским комитетом в 1948 г., вопросы государственного антисемитизма в СССР, время «оттепели», история военно-промышленного комплекса СССР, внешняя политика СССР, особенно в 1939—1941 гг., возникновение «холодной войны», история ГУЛАГа, голода в СССР, смысл деятельности ЦК КПСС и Политбюро, направленной на складывание, совершенствование тоталитарной системы в стране, тайные пружины этой политики, облик «народных» вождей, их взаимоотношения между собой, и т.д.⁴⁵

Много объективного, документально подтвержденного видится в новых подходах к этим темам. Возьмем гражданскую войну. Конечно, здесь чувствуются политические симпатии и все же идет фронтальное изучение противоборствующих сторон. Мы знакомимся с программами антибольшевистских правительств, с книгами А.И. Деникина, с аграрной программой Врангеля, задуманной в Крыму, но так и не осуществленной. Мы узнаем многие факты, которые до сих пор для нас были неизвестны.

Это относится и к другим темам по истории XX века. В исследование вовлекаются ранее закрытые, либо неизвестные фигуры истории России XX в., имя которым легион. Однако до сих пор не написана правдивая история так называемой перестройки, этих последних, уже бесплодных усилий либерально-коммунистического руководства страны, вдохновляемого идеалами «шестидесятников» и поддерживаемого значительной частью советской элиты и некоторыми социальными группами, по реформированию общества с целью сохранения старой системы в ее основных и главных параметрах особыми средствами вплоть до «большой крови».

В области демографии идет напряженная работа по исследованию влияния социально-политических процессов в стране на демографическое развитие. В Институте российской истории РАН было проведено крупное исследование по проблемам потерь в Великой Отечественной войне. Эти материалы были посвящены не только времени войны, но и смежным периодам, связанным с потерями населения во время коллективизации, голода как в центре, так и на Украине и многим другим вопросам. Вслед за этим была продолжена масштабная работа по воссозданию демографических процессов в России в XX в., охватывающая все основные параметры в различные хронологические периоды, в том числе в поворотные годы столетия (урбанизация начала века, переселенческая политика, первая мировая и гражданская войны, катастрофические для населения страны 20-е — 30-е гг., вторая мировая война, послевоенные годы)⁴⁶.

Отдельно следует сказать о серии крупных документальных публикаций Международного фонда «Демократия» под общей редакцией акад. А.Н. Яковлева. Эти публикации посвящены ключевым, наиболее драматическим, а потому больше всего «закрывавшимся» событиям советской истории на всех ее этапах. Это и события гражданской войны, и внутривластная борьба за власть в 50-е годы, и политические репрессии, и борьба с инакомыслием в период становления и развития тоталитарного государства. Про эту серию, насчитывающую уже около двух десятков томов, можно сказать, что она вместе с уже перечисленными выше документальными публикациями создает прекрасную возможность для нового сосредоточенного прочтения, объективного изучения и осмысления советской истории, свободного как от стереотипов советской эпохи, так и от экзальтированных разоблачений публицистов конца 80-х — первой половины 90-х гг. XX века⁴⁷.

В последние годы в западной историографии оформилось новое направление изучения истории различных обществ и государств, так называемая «история повседневности» или историческая антропология, позволяющее в известной степени пролить дополнительный свет на глубинные, личностно-общественные процессы, протекающие в том или ином обществе. Все шире используется «история повседневности» и советскими историками. Этот метод исследования применяется к различным эпохам.

«Героями» исследования становятся не народы, классы, социальные группы, а «живые», «простые люди» с их обыденными взаимоотношениями, надеждами, разочарованиями, планами, причем на разных ступенях общественной лестницы. Новый подход позволяет, во-первых, сопоставить наблюдения над российской историей с западными аналогами, а, во-вторых, проследить эволюцию жизни «простых людей» и их представлений, традиций в рамках развития самой российской цивилизации. И то, и другое позволяет глубже и совершенно с неожиданной стороны подойти к решению как формационных, так и цивилизационных сторон истории нашего Отечества⁴⁸.

В период поворота российской исторической науки к новым темам, новым личностям многие исследователи посвятили себя изучению верхов общества, «средних слоев», реформаторов, предпринимателей. Это вызвало в научной печати раздраженные пассажи со стороны ревнителей «истинного марксизма», сторонников формационного подхода к истории, ностальгические сетования по поводу забвения истории «трудящихся классов» — рабочих и крестьян. Но, во-первых, эти сетования несправедливы, поскольку изучение рабочего движения в России, российского радикализма и декабризма продолжается, хотя исследовательские масштабы в этой области и сократились, приняв, я бы сказал, «нормальное», равноценное по отношению к другим темам внимание, но никак не гипертрофированное, как прежде. А, во-вторых, складывается впечатление, что для этих ревнителей истории «трудящихся классов» сама эта история заключается в анализе состояния рабочего класса и крестьянства в основном в их дореволюционном обличе «эксплуатируемых классов». Между тем жизнь и драматическая судьба этих социальных слоев продолжалась и после Октябрьской революции и складывалась отнюдь не счастливо. Об этом, в частности, говорят и тяжелое положение крестьянства в период «военного коммунизма», и мощные крестьянские восстания, в том числе восстание на Тамбовщине в 1920—1921 гг., подавленное регулярными войсками Красной армии, и многочисленные конфликты в рабочей среде — забастовки, волнения, новочеркасское выступление рабочих в 1962 г., задавленное хрущевскими танками, и многие другие факты из истории «трудящихся классов» уже в советское время.

Эти проблемы все чаще выходят на передний план исторических исследований. Обращение к судьбам интеллигенции, ученых, истории Академии наук СССР во времена тоталитарной системы, в частности, судьбы российских диссидентов, — разве это не исследования о социальных слоях России XX века? Как-то странно понимают «защитники» «трудящихся» место народа в системе государства и власти, связывая его страдания лишь с дореволюционной реальностью! Кое-кто не считает все эти явления послереволюционной истории историей «трудящихся классов». Между тем, все это вместе взятое — и антипомещичьи восстания крестьян на заре века и после Февральской революции 1917 г., и тамбовское восстание, и антиколхозное движение в конце 20-х — начале 30-х гг., и выступление против советской системы — это единое целое в развитии как дореволюционного, так и послереволюционного российского общества, в судьбах простых людей, помогающие нам понять всю сложность, противоречивость и драматизм истории народа России в XX веке⁴⁹. Причем до сих пор не поставлены кардинальные вопросы о реальном значении места народных масс — рабочих, ремесленников, крестьян в российской цивилизации, в создании и развитии общечеловеческих ценностей, которые, как показал опыт истории, в том числе и советского общества, являются категориями непреходящими.

Сегодня российская историческая наука жизнеспособна, динамична, дискуссионна. Она тесно связана с мировой историографией, исследования историков основываются на все более широком использовании мирового и отечественного историографического наследия, на вовлечении в орбиту изучения все более глубоких архивных пластов. Она развивается в условиях свободы и это является залогом того, что у российской историографии есть хорошее будущее.

Примечания

1. ИСКЕНДЕРОВ А.А. Историческая наука на пороге XXI века. — Вопросы истории, (ВИ), 1966, № 4, с. 8; его же. Что скрывается за «новыми» парадигмами истории? — ВИ, 1998, № 4, с. 175.
2. СМОЛЕНСКИЙ Н.И. Теоретический плюрализм и проблемы исторической науки. Методологические поиски в современной исторической науке. — Новая и новейшая история (ННИ), 1996, № 3, с. 76—79; СЕМЕНОВ Ю.И. Материалистическое понимание истории: недавнее прошлое, настоящее, будущее. Там же, с. 80—81.
3. См.: КИРЕЕВА Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М. 1990; Историки России XVIII—XX вв. Вып. 1—5. М. 1995—1998; Историки России XVIII — начала XX вв. М. 1996. КОРЗУН В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. Екатеринбург-Омск. 2000. Переиздаются практически все основные работы видных российских историков XVIII — начала XX вв., а также исторические труды, в которых ставились ключевые вопросы цивилизационных судеб страны (см., например: ДАНИЛЕВСКИЙ Н.Я. Россия и Европа. М. 1991; РОЗАНОВ В.В. Сочинения. М. 1990; Вехи. Интеллигенция в России. М. 1991; Из глубины. Сборник статей о русской революции. М. 1991).
4. См., например, История и сталинизм. М. 1991; Историческая наука России в XX веке. М. 1997; Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М. 1996; Советская историография. М. 1996; Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М. 1996; СИДОРОВА Л.А. «Оттепель» в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М. 1997; Параллельно с разработкой с новых позиций ключевых проблем истории России XX в., в том числе истории советского общества, был осуществлен широкий выпуск сочинений российских политических деятелей, репрессированных, либо оказавшихся в эмиграции (см., например: МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. Т. 1—2. М. 1990; КЕРЕНСКИЙ А.Ф. На историческом повороте. Мемуары. М. 1993; РАСКОЛЬНИКОВ Д.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М. 1990; ВАЛЕНТИНОВ Н. Недорисованный портрет. Встречи с Лениным. Малоизвестный Ленин. Ранние годы Ленина. М. 1993; НИКОЛАЕВСКИЙ Б.Н. Тайные страницы истории. М. 1995; СОЛОМОН Г. Среди красных вождей. М. 1995; БУХАРИН Н. Этюды. М. 1988; ТРОЦКИЙ Л.Д. Сталин. Т. 1—2. М. 1990; его же. Сталинская школа фальсификаций. М. 1990; его же. Преданная революция. М. 1991 и др.). Заметное место в этом ряду новых, неожиданных и даже сенсационных публикаций стали занимать работы диссидентов, «невозвращенцев», покинувших СССР уже в период «застоя» (см., например: ВОСЛЕНСКИЙ М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. 1991; ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М. 1992; РАПОПОРТ В., ГЕЛЛЕР Ю. Измена Родине. М. 1995 и многие другие). Ощутимый вклад в расширение исследовательской источниковой базы истории России XX в., в том числе мемуарной, внес журнал «Вопросы истории», публикующий из года в год, либо закрытые ранее, а ныне рассекреченные исследовательские и мемуарные материалы, либо новые источники (А.Ф. Керенского, А.Г. Авторханова, Н.С. Хрущева и другие).
5. См., например: Россия в XX веке. Взгляд зарубежных историков. М. 1996; КАРП Э. Кн. 1. История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923. Т. 1—2. М. 1990; ТАКЕР Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. М. 1990; ПАЙПС Р. Русская революция. Ч. 1—2. М. 1994; ФИЦПАТИК Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. 2001; ее же. Ук. соч.: деревня. М. 2001. Изданы работы прежних лет Д. Хоскинга, М. Левина и Р. Сервиса о Ленине, С. Коена о Бухарине и многие другие.
6. См., например: ВАНДАЛКОВСКАЯ М.Г. П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: политика и история. М. 1992; ее же. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М. 1997; ЕМЕЛЬЯНОВ Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М. 1998. Эти и другие работы вышли на фоне широкого издания трудов историков, религиозных мыслителей русского зарубежья (см., например: ИЛЬИН И.А. Сочинение в двух томах. М.

- 1993—1994; его же. О грядущей России. М. 1993; его же. О сущности правосознания. М. 1993; его же. Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М. 1993; БЕРДЯЕВ Н.А. Судьба России. М. 1990; его же. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990; БУЛГАКОВ С.Н. Христианский социализм. Новосибирск. 1991; КАРСАВИН Л.П. Малые сочинения. СПб. 1994; МЕРЕЖКОВСКИЙ Д. Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии. М. 1998 и другие), а также различного рода сборники (см., например: Путь. Орган русской религиозной мысли. Кн. 1. М. 1992; О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. 1900).
7. См., например: АЛЕКСЕЕВ В.В., АРТЕМОВ Е.Т. Регионализм в России: история и перспективы. I Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 1996, № 3.
 8. КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах. — НИИ, 1995, № 1; Методологические поиски в современной исторической науке. Формация или цивилизация? М. 1993 и др.
 9. СЕМЕНОВ Ю.И. Ук. соч., с. 82.
 10. См. ИСКЕНДЕРОВ А.А. Историческая наука на пороге XXI века, с. 17—18.
 11. См. ЦЫМБУРСКИЙ В. Сколько цивилизаций? С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века. — «Pro et Contra», т. 5, Лето 2000, с. 176—177 и сл.
 12. ДАНИЛЕВСКИЙ Н.Я. Россия и Европа. М. 1991; БАЛУЕВ Б.П. Споры о судьбах России (Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа»). М. 1999.
 13. ШПЕНГЛЕР О. Закат Европы. Ростов-на-Дону. 1998; ТОЙНБИ А.Дж. Постижение истории. М. 1991.
 14. ЦЫМБУРСКИЙ В. Ук. соч., с. 178—191.
 15. См., например, САВИЦКИЙ П.Н. Геополитические заметки по русской истории. — ВИ, 1993, № 11—12.
 16. См. ГУМИЛЕВ Л.Н. Эпохи и цивилизации. М. 1993; его же. От Руси к России. М. 1994 и др.
 17. В основном на этом поприще заявил о себе литератор и историк В.В. Кожин, применивший евразийские взгляды к современному объяснению российской истории. В то же время отмечены и более сдержанные и даже критические материалы в отношении идеализации евразийства и обоснования евразийского пути России как единственно правильного в прошлом и безусловно применимого в настоящем.
 18. Историк во времени. М. 2000, с.43—60.
 19. Там же, с.68—91.
 20. См., например, ВОЛОБУЕВ П.В. Выбор путей общественного развития: Теория, История. Современность. М. 1987.
 21. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. 1998, с. 271—281; см. также, ВИ, 1996, № 9. А.А. Искендеров рассмотрел эту цивилизационную проблему применительно к одному из ключевых периодов новейшей истории России — XX веку, выявил мощные либеральные тенденции, дошедшие из глубин десятилетий, и не менее мощные общественные препятствия развитого гражданского общества в России, которые привели страну к коллапсу в 1917 г. (ИСКЕНДЕРОВ А.А. Закат империи. М. 2001).
 22. См. Конституционные проекты в России. XVIII — начало XIX в. М. 2000, с.9—94; АЛЕКСАНДРОВ Д.Н. Южная, Юго-Западная и Центральная Русь в XIII—XIV вв. и образование Литовского государства. М. 1994; его же. Полицентризм объединительных тенденций в Южной, Юго-Западной, Юго-Восточной и Западной Руси (XIII—XIV вв.). Авт. докт. диссерт. М. 2001.
 23. ИСКЕНДЕРОВ А.А. Историческая наука на пороге XXI века, с. 22.
 24. Конституционные проекты, с.49; см. РАДИЩЕВ А.Н. Полн. собр. соч. М.—Л. 1938. Т. 1, с. 193—194.
 25. См., например: Российские самодержцы. М. 1993; Романовы. Исторические портреты. М. 1997; ДЕМИДОВА Н.Ф., МОРОЗОВА Л.Е., ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А.А. Первые Романовы на российском престоле. М. 1996; Российские реформаторы. XIX — начало XX в. М. 1995; о И.И. Шувалове, Н.И. Панине см. Конституционные проекты в России; ЕЛИСЕЕВА О.И. Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М. 2000; ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М. 1996; ФЕДОРОВ В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М. 1997; Подвижники России. М. 1999 (среди них наряду с традиционными для историографии XX в. названы и имена деятелей, которые лишь в последние годы привлекли внимание исследователей: митрополит Иларион, Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, митрополит Филипп Колычев, Г.А. Потемкин, М.А. Милорадович, П.А. Столыпин).
 26. Крестьяне и власть. М. Тамбов. 1996, с. 4—23.
 27. См. ФРОЯНОВ И.Я. Древняя Русь. Опыт исследований истории социальной и политической борьбы. СПб. 1995; его же. Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб. 1996 и др.

28. ДУМИН С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское). — История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М. 1991; АЛЕКСАНДРОВ Д.Н. Южная, Юго-Западная и Центральная Русь в XIII—XIV вв. и образование Литовского государства. М. 1994.
29. МИЛОВ Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 1998; Крепостное право и крепостничество в России. Дискуссионные проблемы. Материалы «круглого стола». СПб. 1997, с. 5—54.
30. СОЛОВЬЕВ В.М. Актуальные вопросы изучения народных движений (полемиические заметки о крестьянских войнах в России). — История СССР, 1990, № 3; ДАННИНГ Ч. Была ли в России в начале XVII века крестьянская война? — ВИ, 1994, № 9. См. также вновь введенную в научный оборот точку зрения А.А. Кизеветтера (КИЗЕВЕТТЕР А.А. К истории крестьянских движений в России. — ВИ, 1994, № 1).
31. Российские реформаторы. М. 1995; Реформы и реформаторы в истории России. М. 1996; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб. 1996; Российские либералы. М. 2001; Предпринимательство и предприниматели России до начала XX века. М. 1997; Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М. 1997; Российские консерваторы. М. 1997; Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. 2000.
32. Миссия русской эмиграции. Ставрополь. 1992; Российские ученые и инженеры в эмиграции. М. 1993; Культурное наследие российской эмиграции. 1917—1940. Кн. 1—2. М. 1994; СЕРАПИОНОВА Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике. 20-е — 30-е гг. М. 1994; Православная церковь в России и эмиграции в 1920-е гг. СПб. 1995; Русская эмиграция в Югославии. М. 1996; История русского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX—XX веках. М. 1996; КУЗЬМИНА О. Русские в Англии. М. 1997; МЕЛИХОВ Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917—1924 гг.). М. 1997.
33. Переизданы работы прошлых лет, запрещенные ранее в СССР (КАРТАШЕВ А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I—II. М. 1991; КАРТАШЕВ А.В. Церковь. История. Россия. М. 1996; МАКАРИЙ, митрополит. История русской церкви. Т. I—IV. М. 1994—1996; и другие), выходят новые публикации современных церковных авторов (см. например, В. ЦЫПИН, протоиерей. История русской церкви. 1917—1997. М. 1997). В этом же аспекте следует рассматривать и возрождающуюся историографию истории Русской церкви (см. АНТОЩЕНКО А.В. Антон Владимирович Карташев. — Историки России XVIII—XX века. Вып. 4. М. 1997; см. также: Церковь в истории России. Вып. 1—4. М. 1998—2000; ВАСИЛЬЕВА О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства. 1942—1948. М. 2000; Архивы Кремля. В 2-х кн. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. М. 1997).
34. Государственная Дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. I—IV. М. 1995; СМИРНОВ А.Ф. Государственная дума Российской империи. 1906—1917. М. 1998; ПИСАРЬКОВА Л.Ф. Московская городская дума. 1863—1917. М. 1998 и др.
35. История внешней политики России. Конец XV—XVII век. М. 1999; XVIII век. М. 2000; Первая половина XIX века. М. 1999; Вторая половина XIX века. М. 1999; Конец XIX — начало XX века. М. 1999.
36. См. БОХАНОВ А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М. 1989; ВЛАСОВ П. Обитель милосердия. М. 1991; ДУМОВА Н.Г. Московские меценаты. М. 1992; БАДЯ Л.В. Благотворительность и меценатство в России. М. 1993; УЛЬЯНОВА Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914 гг. М. 1999; Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб. 2001.
37. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М. 1997; Русское население национальных окраин России XVII—XX вв. М. 2000; ТРЕПАВЛОВ В.В. История Ногайской орды. М. 2001.
38. БУГАЙ Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М. 1995; БУГАЙ Н.Ф., ГОНОВ А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. Ростов-на-Дону. 1997 и другие.
39. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? М. 1998.
40. Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М. 1996; Россия в XX веке: историки мира спорят. М. 1994.
41. См., например: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М. 1998; Общество и власть. 1930-е годы. М. 1998; Письма во власть. 1917—1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М. 1998; «Альметьевское дело». Трагические страницы из истории крестьянства альметьевского района (конец 20-х — начало 30-х гг.). Сборник документов и материалов. Казань. 1999; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939: Документы и материалы. В 4 т. (т. 1: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ. 1918—1922. М. 1998; т. 2. Советская деревня глазами ОГПУ. 1923—1929. М. 2000.) Крестьянские историки: русская деревня 20-х годов в письмах и документах. М. 2001; Трагедия советской деревни. Коллек-

- тивизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5 т. 1927—1939 (т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929. М. 1999; т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930; М. 2000; т. 3: Конец 1930—1933. М. 2001, т.4: 1934—1936. М. 2002); «Совершенно секретно». Лубянка — Сталину: о положении в стране. 1922—1934 гг. Т. I—IV. М. 2001—2002; Общество и власть. Российская провинция. 1917—1980-е годы (По материалам Нижегородских архивов). Т. 1: 1917 — середина 30-х годов. Москва-Нижний Новгород-Париж. 2002 и другие.
42. См. подробнее: САХАРОВ А.Н. Война и советская дипломатия. 1939—1945. — ВИ, 1995, № 7.
43. См. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии. — Отечественная история, 1994, № 3; Неизвестная война. Россия XX века. М 1996; Другая война. 1939—1945. М. 1996; НЕВЕЖИН В.А. Синдром наступательной войны. М. 1997 и другие; См. также новый, личностно-психологический подход к истории войны в работах: СЕНЯВСКАЯ Е.С. 1941—1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. М. 1995; ее же. Человек на войне: историко-психологические очерки. М. 1997; ее же. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М. 1999.
44. Was the USSR Planning to Attack Germany in 1941? — Russian Studies in History. 1997, Vol. 36, № 2.
45. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М. 1997; БУЛДАКОВ В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 1997; Гражданская война в России: перекресток мнений. М. 1994; ГОЛДИН В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х—90-е гг.). Архангельск. 2000; Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М. 1995; ТРУКАН Г.А. Антибольшевистские правительства России. М. 2000; БОРИСОВА В.В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М. 2001; ТЕЛИЦЫН В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство в 1917—1921 гг. М. 1998; Кронштадская трагедия 1921 г. Документы. Кн. 1. М. 1999; Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941—1948. Документальная история. М. 1996; КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М. 2001; Формирование административно-командной системы. М. 1992; ГИМПЕЛЬСОН Е.Г. Формирование советской политической системы. М. 1995; ТРУКАН Г.А. Путь к тоталитаризму 1917—1929. М. 1994; НЭП — приобретение и потери. М. 1994; НЭП в контексте исторического развития России XX века. М. 2001; ИВНИЦКИЙ Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М. 1996; Рязанская деревня в 1929—1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы. М. 1998; ИВАНОВА Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М. 1997; ЗИМА В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М. 1996; ШИШКИН В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволуционная Россия (1917—1928 гг.). СПб. 1997; Власть и общество в СССР 20—40-е годы: политика репрессий. М. 1999; СИМОНОВ Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М. 1996; БЫСТРОВА И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы «холодной войны» (вторая половина 40-х — начало 60-х годов). М. 2000; ЗЕЛЕНИН И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М. 2001; ДЕНИСОВА Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М. 1996; Советская внешняя политика. 1917—1945 гг.: Поиски новых подходов. М. 1992; Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М. 1995; Советское общество: будни «холодной войны». М. 2000; Россия и Европа в XIX—XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М. 1996; Россия и внешний мир. Диалог культур. М. 1997; Россия и мир. Глазами друг друга. Из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М. 2000; Академическое дело. 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб. 1993. Вып.2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб. 1998; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1952. М. 2000; ЕСАКОВ В.Д., ЛЕВИНА Е.С. Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М. 2001; ХЛЕВНЮК О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М. 1996; Советское руководство. Переписка 1938—1941. М. 1999; Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958—1964. Документы. М. 1998; См. также: Тайны Кремля. Сталин. Молотов. Берия. Маленков. М. 2000; ВОЛКОНОВ Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. М. 1989; его же. Ленин: Политический портрет. М. 1994; Советское общество. Возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1—2. М. 1997.
46. Людские потери в СССР в Великой Отечественной войне. СПб. 1996; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900—1939. М. 2000; т. 2. 1940—1951. М. 2001; ЖИРОМСКАЯ В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М. 2001; КОТОВ В.И. Народы союзных республик СССР. 60—80-е годы. Этнодемографические процессы. М. 2001.
47. Филипп МИРОНОВ. Тихий Дон в 1917—1921. М. 1997; Сибирская Вандея. М. 2000; Власть

и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике 1917—1953 гг. М. 1999; «Надзорные производства» Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991: Аннотированный каталог. М. 1999; Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и др. документы. М. 1999; Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и др. документы. М. 2001; Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и др. документы. М. 1998; Экология и власть. 1917—1990. М. 1999 и другие издания Международного фонда «Демократии».

48. См. КРОМ М.М. Историческая антропология русского средневековья: контуры нового направления. — Историк во времени. Третьи Зиминские чтения. М. 2000, с.61—68; БЫЧКОВА М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М. 1996; ЖУРАВЛЕВ С.В. «Маленькие люди» и «Большая история». Иностранцы московского электростанционного завода в советском обществе 1920-х — 1930-х гг. М. 2000; ОСОКИНА Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1935 гг. М. 1993; ее же. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М. 1998; ЗУБКОВА Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М. 2000; НАРСКИЙ И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М. 2001.
49. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. Антоновщина. Документы и материалы. М. 1994; Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. М. 1998; КОЗЛОВ В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск. 1999.

Колониальные войска в конце XVIII – начале XX века

В.А. Субботин

История колониальных войск неотделима от истории самих колоний. С годами росла (а иногда падала) численность армий, составлявших оплот империй. Варьировались политические и социальные условия армейской жизни. Менялись стратегия и тактика под влиянием географических факторов, нового вооружения. И не менялось лишь зависимое положение колоний, определявшее особенности их войск, которые использовались, главным образом, на периферии империй и значительно реже – в Европе. Историю колониальных армий можно рассматривать по-разному. Последовательность изложения не обязательно вытекает из хронологического или страноведческого подхода, возможно сущностное рассмотрение проблемы, ее тематическая характеристика. Сюда входят события разного масштаба, столкновения между противниками, представлявшими различные цивилизации. В колониальной истории соседствовали дружины мелких африканских племен и армии восточных империй, ополчения европейских переселенцев и регулярные части их собственных метрополий. При всех различиях колониальные войска в определенные эпохи имели общие черты, были схожи по вооружению, по подготовке (как и вообще армии западноевропейских стран), по географическим и иным условиям, в которых они сражались.

Географические условия включали периферийное положение колоний, их удаленность от Западной Европы, хотя в разные периоды могли быть уподоблены колониям некоторые европейские страны (балканские и др.), входившие в многонациональные государства. В XIX – начале XX в. колониями Западной Европы обычно именовали лишь заморские владения. Их заморское положение порождало растянутость коммуникаций на путях к метрополиям, зависимость от морских перевозок, ограниченные возможности связи, особенно до открытия телеграфных линий. Кабельная подводная связь Франции с Дакаром, например, появилась в 1905 г. после открытия двумя годами раньше сплошной линии, опоясавшей земной шар ¹.

Удаленность колоний учитывалась в мобилизационных планах метрополий, желавших использовать заморские армии в европейских конфликтах. В начале XX в. Франция предусматривала концентрацию транспортных средств в портах Алжира и Сенегала на случай европейской войны. Само по себе использование в Европе колониальных войск не было новостью, также как

Субботин Валерий Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН.

привлечение войск из других стран не было необычным ни в древности, ни в средние века.

В глубинных районах Азии и Африки колониальные войска были подолгу оторваны от баз на морском побережье, от своих метрополий. Нередко военная обстановка обуславливала автономность в управлении войсками; их командование должно было самостоятельно решать вопросы, которые в метрополии возлагались на различные инстанции. Это были не только военные вопросы, так как зачастую в колониях гражданская администрация подменялась армейской. Расширенная компетенция командования поощрялась военными кругами метрополии, видевшими в заморских завоеваниях средство укрепить собственную значимость, поддержать армейский престиж.

Традиционные армии, сражавшиеся против европейцев, отставали в военно-техническом отношении, что было главной причиной их поражений. Отсталость могла быть невелика, в какой-то мере она компенсировалась адаптацией к местным условиям. И все же речь шла о колонизации слабо вооруженных стран более сильными и более развитыми. Передовой Европе, чаще всего, противостояли архаичные деспотии и догосударственные образования, слабо связанные между собой, зачастую враждебные друг другу. В колониях ввиду взаимовлияния цивилизаций, политической конъюнктуры смешивались различные формы военных структур, азиатских и африканских.

Политическая разобщенность не была исключительным свойством стран Азии и Африки; на их территории, как и в Европе, сталкивались соперники, выступавшие вместе и порознь. В XIX в. в борьбе великих держав за Ближний Восток наиболее крупным столкновением была Крымская кампания. Одна из участниц этой кампании, Турция, была одновременно объектом колониального раздела на Ближнем Востоке и завоевателем на Балканах, противницей русской колонизации на Кавказе и колонизатором в Сирии, Судане и т.д. Китай накануне первой опиумной войны (1840—1842 гг.) подавлял антиманьчжурские (т.е. антиколониальные) выступления в Синьцзяне. Движение Борцов за великую Индию в начале XX в. выдвигало планы подчинения Восточной Африки и Явы. Страны бассейна Индийского океана были завоеваны для Англии индийскими солдатами колониальных войск. Но у торгового капитала Бомбея, Калькутты и иных центров, поддерживавших Англию, были собственные интересы в этих странах, принявших часть диаспоры — тамилы, телугу, гуджаратцы и др. ²

Численность колониальных армий зависела от разных обстоятельств. Прежде всего, это были возможности метрополий, их международное положение. Соотношение между войсками в колониях и метрополиях зависело от политической конъюнктуры, от европейских вооруженных конфликтов. Немало значили расчеты на доходность колоний, уровень сопротивления, военно-техническая подготовка европейцев и их противников, близость или удаленность театров военных действий. Европейские армии сокращались там, где была мала вероятность крупных столкновений или где можно было достичь своих целей ограниченными средствами.

Мог сыграть роль демонстрационный эффект предыдущих этапов колонизации, когда была жива память о суровых расправах прошлого или когда складывались союзнические отношения за счет дипломатии, подкупа вождей и т.п. Как пишет английский исследователь М.Ховард, когда европейцы в колониях утвердились, исчезла «зависимость от доброй воли на местах или от дикого запугивания...». Европейцы стали выступать, «как замкнутые, сложные общности, тесно связанные со своими странами, как общности, обладающие средствами и возможностями в виде самоочевидных преимуществ для тех, кто с ними ассоциировался» ³.

В английских колониях, чаще всего, было больше войск, чем в метрополии. Но в годы наполеоновских войн в рядах английской армии оказались 700 тыс. человек, тогда как на службе Ост-индской компании было до 250 тыс. сипаев и 50 тыс. английских солдат. После Крымской войны (на нее Лондон послал 100 тыс.) колониальная армия в Индии составляла 200—250 тыс., не-

многим больше, чем в метрополии. По европейским масштабам это было просто мало, и О. Бисмарк позволил себе как-то заметить, что в случае высадки англичан в Германии он пошлет полицейского их арестовать. В 80-е годы в Германии под ружьем было 700 тыс. человек. К тому же, по утверждению Бисмарка, подготовка командного состава охватывала «значительно более широкие слои, чем в любой другой стране»⁴.

Армии, воевавшие в колониях других держав до 1918 г., уступали по численности англо-индийским, т.е. набранным или расквартированным в Индии (исключением была русско-японская война, в которой 1,3 млн русских противостояли 1,2 млн японцев). Франция при Луи-Филиппе располагала на своей территории 200 тыс. солдат, а на завоевание Алжира (1830 г.) был отправлен экспедиционный корпус в 37 тыс. человек. Италия в конце XIX в. держала под ружьем свыше 200 тыс. В Эритрею в 1895–1896 гг. были направлены 20–25 тыс., а в бою при Адуа против эфиопов (по разным оценкам их было 70–120 тыс.) участвовали 11 тыс. итальянцев, а также 7 тыс. эритрейцев и бывших египетских аскари. Весь экспедиционный корпус в Эфиопии был приблизительно равен тогдашней федеральной армии США (25–30 тыс.), которая после Гражданской войны, главным образом, расправлялась с индейскими племенами апачей, сиу, утов⁵.

В годы первой мировой войны в Великобритании и ее империи были мобилизованы 9,7 млн человек, в том числе в Индии – 0,8 млн. Индийцы сражались на различных фронтах на Ближнем Востоке, в Европе и Африке. Франция, мобилизовавшая в те же годы 8,5 млн, набрала в колониях 0,6 млн солдат, воевавших в Европе и Африке. Кроме того, 0,2 млн человек из рабочих батальонов были направлены, главным образом, на военные и гражданские предприятия метрополии. В целом численность колониальных войск в годы первой мировой войны выросла в таком же масштабе, как европейских. Пять шестых (500 тыс.) французских колониальных войск воевали в Европе и одна шестая (100 тыс.) – за ее пределами⁶.

Таким образом, крупные контингенты колониальных войск потребовались Франции для европейской войны, тогда как на заморские экспедиции хватало менее значительных сил. Приблизительно то же можно сказать о Великобритании, правда, с поправкой на широкое использование колониальных войск на Ближнем Востоке против Турции.

Расовый состав колониальных войск не был одинаков. Но обычно в офицерском корпусе преобладали выходцы из метрополий, а среди солдат – жители колоний. Существовали части, состоявшие полностью из европейцев, также как части, полностью укомплектованные местными жителями. Обособление частей по расовому признаку, чаще всего, объясняли необходимостью раздельного довольствия, разными нормами снабжения европейцев и неевропейцев. Английское командование не считало возможным одинаково кормить солдат с разным цветом кожи. Но в немецких и французских войсках в годы первой мировой войны действовали, в основном, одни и те же нормы снабжения для всех солдат, белых и черных.

В Индии, где правила до сипайского восстания Ост-индская компания, ей подчинялись три армии: Бенгальская, Бомбейская и Мадрасская. Армии эти состояли, во-первых, из индийских солдат (сипаев) под командованием, главным образом, английских офицеров и, во-вторых, из чисто европейских подразделений. Кроме того, в Индии находились так называемые королевские войска. Они представляли собой подразделения, сформированные в метрополии, взаимодействовавшие с Ост-индской компанией, но не подчиненные ей. В 1858 г. государственные функции компании были упразднены, ее европейские воинские подразделения влились в королевские войска и встали под единое командование вместе с индийскими сипаями.

Этнический состав войск нередко менялся. В середине XIX в. сенегальские стрелки во французской армии были действительно выходцами из Сенегала. С конца XIX в. это были, чаще всего, уроженцы других колониальных территорий, вошедших во Французский Судан, Верхнюю Вольту и т.д. В

Индии, по мере продвижения англичан в глубь страны, в армии падал удельный вес жителей районов Бомбея, Мадраса, Бенгалии. В 1815 г. впервые появился полк гуркхов — выходцев из Непала. Они привозили в Индию жен со своей родины, строили отдельные поселения. Их дети стали в англо-индийских войсках связистами, техниками, а в гуркхские части шли новые наемники из далекой горной страны ⁷.

В Османской империи (вошедшей со времени Парижского конгресса 1856 г. в концерт европейских держав) армия в XIX в. была разнородной в этническом отношении, но объединенной одной религией. Раньше основой ее пехоты служили янычары («новое войско»), первоначально набиравшиеся из мальчиков-христиан, обращенных в ислам. Важное место занимали арабийские кавалеристы, башибузуки («беспутные головы») — ополченцы из Малой Азии, египетские мамлюки («рабы») — дворцовая гвардия и знать в долине Нила. В 1811 г. была вырезана верхушка мамлюков, интриговавших против паши Мухаммеда Али. Через 15 лет такая же участь постигла в Стамбуле 3 тыс. янычар — противников султана Махмуда II. Со второй половины XIX в. турецкая армия, ориентированная на европейские образцы, набиралась по всеобщей воинской повинности, но только из мусульман. Христиане платили налог, освобождавший их от службы в армии. В дальнейшем это правило отменили. В годы первой мировой войны были мобилизованы 2,7 млн человек, в том числе армяне, греки, евреи и др. ⁸. Этнический состав колониальных войск брали в расчет голландцы в Ост-Индии. В 1825–1830 гг. они подавляли обширное восстание на Яве. Чтобы бороться с мусульманами-яванцами, в колониальные войска набирали возможно больше индуистов с о.Бали, христиан с Молуккских островов и Северного Сулавеси.

Социальный облик колониальных армий, столь же разнообразный, что и этнический, зависел, в частности, от местных людских ресурсов, от методов комплектования, добровольных или принудительных, от соотношения между европейцами и неевропейцами. Помимо частей и подразделений, присланных из Европы, и помимо регулярных местных формирований существовали иррегулярные войска. Обычно это были ополчения во главе с вождями, перешедшими на сторону европейцев. Социальный состав ополчений отражал государственную или племенную традиционную организацию. В боевых условиях ополченцы служили разведчиками, охраной на марше, группами преследования отступающего противника.

Между регулярными и иррегулярными частями не было непроницаемой стены. Случалось, ополченцы переходили в строевые войска, лучше вооруженные и лучше снабжавшиеся. В свою очередь регулярные войска могли заимствовать у ополченцев военную организацию и образ жизни. Французские спаги (кавалерийские части в Алжире, а затем в Тунисе и Марокко), расквартированные вне городов, распределялись по своего рода кочевьям, смала. Так арабы именовали группы палаток, подчиненных какому-либо вождю, главе родственных кланов. В смала жили семьями, использовали окрестные пастбища, возделывали поля ⁹.

Воинская служба на контрактных началах была способна привлечь молодежь в колониях, когда не было большого риска уйти в опасные походы, когда трудно было найти другие заработки, выбыть из сельской нищеты. Те, кто вербовался — и европейцы, и коренные жители колоний, — не всегда имели представление об европейских порядках. В большинстве колониальных армий дисциплинарные правила включали телесные наказания, в том числе шпицрутены и плети. Во Франции и ее колониях они формально были запрещены со времен революции XVIII века. Но в английских и германских колониях телесные наказания официально разрешались, в частности, в годы первой мировой войны. Число ударов, плетью или палкой, ограничивали то 25-ю, то 50-ю, что давало повод для сторонников экзекуций жалеть о «старом добром времени».

Добровольцев, контрактовавшихся на воинскую службу в колониях, часто не хватало, и власти прибегали к вербовке зависимых слоев населения, к

покупке рабов. Ост-индская компания набирала пехотинцев-сипаев повсюду: в Индии, в бассейне Аравийского моря и даже на Малагаскаре, поставившим рабов. В целом в первой половине XIX в. англо-индийские войска комплектовались преимущественно в Бенгалии из мусульман и высших индуистских каст. В 50-е годы XIX в., как известно, одной из причин сипайского восстания стало перевооружение войск патронами с жировой смазкой. Патроны полагалось надкусывать, животный жир неизвестного происхождения попадал в рот, что было нарушением религиозных запретов мусульман и индуистов. Бенгальская армия стала главным очагом восстания, а после его подавления англичане предпочли набирать в вооруженные силы жителей Северо-Западной Индии, раджпутов, сикхов.

Во время египетского похода Бонапарт рассчитывал пополнить свою армию невольниками-африканцами. Это видно из инструкции генералу Л. Дезе, который был отправлен воевать в Верхний Египет. «Я хотел бы, гражданин генерал, — писал Бонапарт на следующий день после победы под пирамидами, — купить две-три тысячи негров старше 16-ти лет, чтобы распределить их по сотне на батальон»¹⁰. В Западной Африке французы и немцы набирали рабов, купленных или полученных в счет налогов. Перед первой мировой войной французские власти предпочитали набирать свободных африканцев с тем, чтобы солдатское жалование не попадало старейшинам-рабовладельцам. Сенегальские стрелки при вербовке получали единовременное вознаграждение (160 франков по четырехгодовым контрактам), затем — месячное жалование (до 15 франков).

Большинство солдат Независимого государства Конго (с 1908 г. — Бельгийское Конго) по происхождению были рабами. Английский консул Р. Кей-змент писал в 1903 г., что, по его мнению, они были довольны своей судьбой. По крайней мере один из солдат как-то сказал консулу, что предпочитает «находиться с охотниками, нежели с дичью»¹¹. Значительную часть Форс пюблик — бельгийской колониальной армии — составляли так называемые волонтеры из английских и французских колоний в Африке. Они, чаще всего, также были рабами или, подобно наемникам — суахили с Занзибара, неоплатными должниками, для которых вербовка представляла единственное средство избежать неволи.

В Камеруне немцы пополняли свои колониальные войска, Полицайт-руппе, рабами, купленными у правителя Дагомеи. Для солдат в свою очередь закупали тех, кого именовали их женами. В 1893 г. исполняющий обязанности губернатора приказал за провинности пороть солдаток в присутствии мужей. Результатом стал солдатский бунт, подавленный ротой морской пехоты, которую вызвали из Германии¹².

Унтер-офицерский и офицерский состав местных регулярных войск частично состоял из неевропейцев. В Индии подразделениями сипаев командовали и английские, и местные офицеры. Последние обычно получали свои звания за многолетнюю безупречную службу, могли дослужиться до генеральского чина. В Западной Африке французы предоставляли в корпусе сенегальских стрелков офицерские должности выходцам из местной знати, в частности, выпускникам Школы заложников, созданной в 1854 г. губернатором Сенегала Л. Федербом. Офицеры-африканцы могли к концу своей карьеры получить производство в лейтенанты, не выше. В армии метрополии, случалось, высокие посты занимали выходцы из колоний, имевшие французское гражданство. Генералами были А. Доддс, сенегальский мулат (руководил в 1892—1894 гг. экспедицией в Дагомею), Л.А. Бриер де л'Иль, мартиниканский мулат (командовал в 1884 г. войсками в Тонкине).

Европейские части, служившие в колониях, по социальному составу могли не отличаться от тех, которые оставались в метрополии. В английской армии не было каких-либо подразделений, созданных для службы в колониях. Части, расквартированные в Индии и других владениях, были обычными войсками метрополии. Время от времени они заменялись или пополнялись за счет других английских частей.

Английская армия состояла из контрактников, всеобщая воинская повинность была введена только в 1916 году. В начале XVIII в. герой-бедняк одного из романов Д. Дефо голодал, воровал и «не видел для себя иного выхода», как идти в солдаты за три шиллинга шесть пенсов в неделю¹³. Через век-полтора Англия во многом сохранила белой облик. Солдат получал мало, хотя регулярно: один шиллинг в день в начале XIX в., несколько шиллингов через сто лет при другой шкале цен. После армии полагалась нищенская пенсия. Бывший солдат бродяжничал, умирал в канаве, в лучшем случае — в приюте. Больше половины контрактников-новобранцев составляли безработные из бывших наемных работников и ремесленников; прочие были гуляки, искатели легкой жизни, молодые люди с сомнительной репутацией, спасавшиеся от судебного преследования. Добровольцев, годных по медицинским показателям, не хватало; поэтому приходилось брать ослабленных горожан, жителей трущоб, а не здоровых сельских парней. Викторианский полковник, руководивший набором в шотландский полк, как-то отказал одному из претендентов на контракт, посоветовал ему подкормиться и подрасти. В ответ он услышал: «О, сэ, возьмите меня! Я коротышка, но я крутой». Полковник изменил свое мнение и коротышку принял¹⁴.

За примерную службу солдатам разрешали жениться, и они могли жить с семьями в казармах, разделяя часть комнат занавесками. Жены подрабатывали уборкой и стиркой на офицеров. Когда часть отправляли воевать, например, в бурскую кампанию, семьи оставались в метрополии, дети ходили в школу при казарме. В случае, если солдат переводили в колонии с мирными условиями жизни, жен и детей брали с собой. В Индии скромное жалование позволяло сносно устраиваться и даже держать местную прислугу. Холостые солдаты стояли перед выбором: либо тратиться на вино, карты и проституток (как в метрополии), либо создавать подобие семьи с местными женщинами, которых оставляли при переводе в другие гарнизоны.

Во Франции всеобщая воинская повинность была введена в годы революции 1789 года. В пределах определенных контингентов ежегодно отбирали рекрутов по результатам жеребьевки. Со времен кардинала Ришелье существовали так называемые морские роты, предназначенные для военных действий в колониях. Они неоднократно меняли название («морская пехота» в XIX в.) и в 1900 г. превратились в «колониальные войска» с двойным подчинением колониальному и военному ведомствам. Кроме этих войск в заморских экспедициях участвовали другие формирования из метрополии. В частности, туда направляли подразделения солдат-штрафников и просто уголовников, которым в армии засчитывали срок заключения. Именно им в 40-е годы XIX в. придали собак, взятых в кочевьях и выдрессированных для травли непокорных кабиллов.

В Алжире в середине XIX в. экспедиционный корпус включал много иностранцев, из которых в 1836 г. был сформирован Иностраный легион. По словам прусского генерала К. Декера, побывавшего в колонии, правительство преследовало двоякую цель, набирая иностранцев. С одной стороны, оно щадило собственно французских солдат, с другой, — «избавлялось от множества так называемых политических беженцев, особенно поляков»¹⁵. Правда, иностранцы не оправдали надежд монархического правительства. В 1835 г. их разбили в Западном Алжире в районе Макта, а через год при штурме Константины легион ничем не был замечен, если не считать активного участия в разграблении города.

Офицерский корпус французской армии, в том числе морской пехоты, формировался преимущественно из выпускников военных училищ. Для поступления в училища требовалась подготовка, которую редко могли обеспечить бедные семьи. Ввиду этого по социальному происхождению французские офицеры были, чаще всего, выходцами из состоятельных крестьян или горожан, многие — из семей потомственных военных. Дети дворянских фамилий традиционно предпочитали идти во флот. Служба в колониях могла ускорить присвоение званий, хотя в заморских странах офи-

цер, как и солдат, рисковал жизнью и здоровьем несравненно чаще, чем в метрополии.

В английской и германской армиях среди офицерства также преобладали выходцы из зажиточных слоев населения, включая тех, кого в Пруссии именовали юнкерами, а в Англии — джентльменами, не только по размеру текущего счета в банке. Жалование английских офицеров было сравнительно невелико, но их социальный престиж был значителен. Офицер должен был жить, не скромничая, желательно было держать лошадей, тратиться сверх того, что платило государство. До 1871 г. офицерские патенты покупались. У. Кэрнз, автор популярной книги об английском офицерстве, писал в 1901 г., что не следует спешить с повышением жалования, не следует «давать всякому возможность пребывать в армии без какого-либо собственного частного дохода». Может быть, продолжал он, принесет пользу изучение немецкой системы, при которой офицеры, записанные в полк, должны были пройти годичный испытательный срок, после чего их дальнейшее пребывание в армии зависело от решения общего собрания сослуживцев, таких же офицеров¹⁶.

Использование различных видов вооруженных сил в заморских странах имело свои особенности. И в Новом, и в Старом свете колониальные державы опирались на флот в своих десантных операциях или, напротив, отражая десанты других держав. В Новом свете наиболее значительны были морские столкновения англичан и французов в годы Войны за независимость Соединенных Штатов. На Дальнем Востоке морские силы широко применялись со времен опиумных войн, а в Северной Африке и Восточной Европе — в наполеоновских войнах и Крымской кампании. В XIX в., завоеывая Марокко, Триполитанию и Киренаику, европейцы смогли оттеснить арабов и берберов в глубинные области в значительной мере с помощью военно-морских флотов. Речные флотилии сыграли заметную роль в ряде районов Африки, Южной Азии (Бирма).

Применение пароходов в военных целях началось во время первой бирманской войны (1824—1826 гг.), когда войска Ост-индской компании наступали в глубь страны, главным образом, используя р.Иравади, основную водную артерию, объединяющую Бирму. На Иравади были доставлены тягачи, которые обеспечили транспортировку войск и снаряжения, а один из тягачей был превращен в канонерку. Ост-индская компания добилась, чтобы метрополия начала строительство канонерок для обеспечения некоего сухопутно-морского пути от Лондона до Калькутты (Суэцкого канала еще не было) через Месопотамию с использованием Евфрата. В противном случае, уверяла компания, Евфрат будет захвачен Россией, которая его закроет для иностранцев, как она это сделала на своих реках. О каких закрытых реках шла речь, компания не уточняла, хотя было известно, что Россия воевала с турками не одно десятилетие, в частности, добиваясь не закрытия, а открытия Дуная, проливов и т.д.¹⁷.

После Бирмы мелкие паровые суда нашли применение как буксиры в Китае в первой опиумной войне. С их помощью крупные парусники-фрегаты смогли маневрировать в извилинах дельты р.Жемчужной, бомбардировать фортификации Кантона с их старинными пушками, встроенными в крепостные стены. Английский бронированный корабль «Немесис» уничтожил ракеты десятка джонок с китайскими воинами, вооруженными допотопными ружьями, абордажными сетями и горшками с варом. У китайцев был один современный корабль в одну тыс. тонн, купленный у американцев, но никто не знал, как с ним обращаться¹⁸.

Последующие войны в Китае прошли по схожим сценариям (вторая опиумная, франко-китайская, японо-китайская, подавление ихэтуаньского восстания). Знакомство китайцев с новой военной техникой росло, но неумелое командование и расхищение государственных средств на армию делали сопротивление малоэффективным. В 1900 г. при подавлении ихэтуаней 40-тысячный экспедиционный корпус восьми держав вошел в Пекин и разграбил его, встречая слабое сопротивление. Европейцам подчас приходилось

опасаться друг друга не меньше, чем китайцев. В районе Тяньцзиня русские и англичане начали спор о границе русской концессии, на спорный участок обе стороны направили своих солдат. Кончилось тем, что Лондон и Санкт-Петербург договорились убрать оттуда войска, что помогло эвакуации экспедиционного корпуса вообще.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. потребовала от англичан повышенного внимания к кавалерии, ведущему роду войск у буров. Лошади, доставленные англичанами из Европы, быстро выбывали из строя ввиду непривычного климата и малопригодного фуража. Требовалось пополнять конский состав лошадьми местного происхождения либо доставленными из Азии. В тропических областях Африки ввиду распространения мухи цеце использование кавалерии было ограниченным. В пустынных и полупустынных областях Сахары кавалеристов заменяли мехаристы – солдаты на верблюдах. Как средство транспорта в Африке и странах Востока широко использовались волы, мулы, ослы. Автотранспорт – полугоратонные Фиаты – обеспечивал снабжение итальянских войск в прибрежной части Триполитании в итало-турецкой войне 1911–1912 годов. Тогда же итальянцами были использованы для разведки 35 самолетов французских моделей: Ньюпоры, Блерио, Фарманы ¹⁹.

Сухопутные войска использовали преимущественно легкую артиллерию, исходя из возможностей конной тяги и бездорожья в заморских странах. В то время, когда в метрополиях специалисты решали кому подчинить артиллерию на разных уровнях, от батальона до армии, для колониальных войск главной задачей по-прежнему была транспортировка орудий. В начале XX в. в войнах, приближавшихся к европейским условиям, потребовались укрытия от ружейного огня, стрельба по невидимым целям с наблюдателями-корректировщиками. Такие усовершенствования в артиллерии, как прицелы для непрямой наводки, безоткатные орудия были впервые применены в англо-бурской и русско-японской войнах.

Самостоятельные действия вдали от баз снабжения требовали придать отдельным частям и подразделениям инженерные, санитарные, транспортные службы. В результате численность частей и подразделений возрастала, увеличивались обозы. Как правило, в обозах солдатам местного происхождения разрешалось держать прислугу, жен и детей. Там же могли находиться мелкие торговцы, слуги и прислужницы европейцев. Семьи военнослужащих заносились на довольствие с ограниченным рационом. Все вместе они были неизбежным бременем, снижавшим мобильность войск. В первую англо-афганскую войну (1838–1842 гг.) при отступлении англичан из Кабула на 4,5 тыс. войск приходилось 12 тыс. обозников – «неимоверная куча лагерных спутников, проклятье английских войск в Индии», как их называл военный историк Д.Дж. Броун ²⁰. С конца XIX в. расширились функции армейских служб, занимавшихся транспортом и военной техникой. В их ведение было включено продовольственное и бытовое обслуживание армий. Разумеется, в первую мировую войну солдат из колоний отправляли на фронт без обременительных обозов.

Подготовка войск, служивших в колониях и в Европе, была схожей: стрельбы, тренировочные походы, строевые занятия, гимнастика. В немецких частях в Африке обращали внимание на умение вести бой в условиях кустарниковой саванны. Изменения в экипировке зависели от местных условий. В Семилетнюю войну (1756–1763 гг.) в Канаде командир одного из английских полков, участник лесных боев, приказал коротко остричь солдат и офицеров, отрезать фалды у сюртуков, одеть поверх обуви гамашу. В Средней Азии русским солдатам подошли белые рубахи для гимнастики (гимнастерки), а Кавказ дал черкески и папахи. После нескольких лет войны в Алжире французские тяжелые кивера были заменены на легкие кепи. Поскольку в гористых районах Северной Африки случались холода, войска получили суконные накидки.

Стратегия колониальных войн, чаще всего, определялась политически-

ми соображениями и была направлена на то, чтобы попеременно разбить отсталых противников, лишить их возможности совместных действий в тех немногих случаях, когда они объединялись. Отсюда вытекала повышенная роль дипломатии, которая могла повлиять на выбор противника, на направление главного удара. Как говорил американский генерал-конфедерат Н.Б. Форрест, стратегия «обозначает грубый здравый смысл. Когда ее применяют индейцы, она называется предательством»²¹.

В Западной Европе стратегия могла строиться на угрозе захвата и захвате столиц, после чего ослабленный противник должен был идти на дипломатические переговоры или сразу капитулировать. В странах Востока такие операции не всегда приносили окончательную победу; обширные сельские местности позволяли сохранять силы, вести маневренные войны. А в дипломатическом искусстве местные правители нередко превосходили европейских генералов. Абд аль-Кадир, руководитель алжирских арабов, после захвата столицы Алжира воевал с французами еще 15 лет. Он не раз вступал с ними в переговоры, добивался поставок оружия, в частности, от Т.Р. Бюжо, руководителя ряда экспедиций. После захвата городов на средиземноморском побережье арабы не были сломлены. Их сопротивление прекратилось, в основном, лишь тогда, когда Бюжо стал исходить из стратегии тотальной войны, уничтожая все материальные ценности оседлых жителей и кочевников: их жилища, сады, скот. «Мы сжигаем на своем пути все дуары, все деревни, все хижины», — писал будущий маршал Франции А. де Сент-Арно, участник алжирских походов²².

При ликвидации колониального господства в сравнительно развитых и обширных странах Нового света в XVIII—XIX вв. военно-стратегические и дипломатические условия, в которых шли войны за независимость, оказались благоприятны для англо-американских и латиноамериканских колонистов. Георг III и английские министры недооценили боевые качества и религиозное рвение североамериканских повстанцев, когда те взяли за оружие в 1775 году. Дипломатические просчеты способствовали вступлению Франции, а также Испании и Нидерландов в войну на стороне восставших штатов.

Испания в начале XIX в. была ослаблена войнами с Англией, а затем наполеоновским вторжением. Флот был потерян в Трафальгарском бою в 1805 г., и переброска войск в бунтовавшие колонии была затруднена. Александр I, не ладивший с Англией, тайно обещал передать Мадриду часть своих кораблей. Когда они прибыли в Испанию, оказалось, что речь шла о старых, никуда не годных развалинах. Вице-королевство Ла-Плата смогло отразить нападения англичан, опираясь на местную милицию, которая стала в этой колонии, как и в других странах Южной Америки, основной военной силой. Но эта сила оказалась не в руках испанцев (как рассчитывали в Мадриде), а в руках креолов. Колониальная армия Ла-Платы превратилась в армию освобождения. После разгрома Наполеона и реставрации Бурбонов на испанском троне Мадрид смог отправить в Новый свет около 60 тыс. войск — слабо подготовленных новобранцев. Как пишет один из современных исследователей, в вице-королевстве Новая Испания «моральное состояние войск было низким, дисциплина была расшатана, снабжение было недостаточным»²³. Время от времени из метрополии прибывали подкрепления, но их не хватало. В 1820 г. четыре батальона, подготовленные в Кадисе для отправки в Новый свет, подняли восстание во главе с Р. Риего, требуя политических свобод.

Англия и США теснили Испанию в Западном полушарии. В 1819 г. США воспользовались тем, что испанская казна, как всегда, была пуста, и купили Флориду. Вскоре они признали независимость республик, созданных в Латинской Америке, и провозгласили, что вмешательство в их дела со стороны Европы будет недружественным актом (доктрина Монро, 1823 г.). Англия субсидировала повстанцев в Новой Испании, укрывала их лидеров, в том числе С. Боливара, фактически поддерживала набор волонтеров в Европе для

войн в Новом свете. После 1822 г., когда Бразилия провозгласила независимость, ее флот возглавил опытный английский моряк Т. Кокрен. И этот флот, и войска, не подчинявшиеся Лиссабону, еще недавно считались вооруженными силами метрополии. Освобождение латиноамериканских колоний оказалось не столько результатом поражения португальских и испанских колониальных войск, сколько следствием их перерождения в армии независимых государств.

Почти через век после североамериканской Войны за независимость потерпела крах колониальная экспансия Франции в Мексике. Помощь, оказанная Наполеону III временными союзниками — Испанией и Англией, — оказалась ограниченной, а герилья, развернутая мексиканцами при поддержке США, — эффективной. Французский экспедиционный корпус маршала А. Базена в 35 тыс. человек должен был покинуть страну после двух лет бессмысленных походов между главным мексиканским портом Веракрус и Рио-Гранде ²⁴.

Тактические приемы, применявшиеся колониальными войсками, прежде всего основывались на огневом превосходстве европейцев. В Европе в XIX в. повышение дальности и плотности огня вынуждало отказаться от применения колонн и перейти к наступлению цепями. А в заморских странах огневая мощь противников европейцев обычно была невелика, и построение пехоты можно было не менять. Лишь в XX в. положение стало меняться в тех случаях, когда европейским армиям противостояли войска, обладавшие такой же, как они, или, может быть, несколько меньшей насыщенностью огневыми средствами (англо-бурская, русско-японская, итало-турецкая войны).

В столкновениях с традиционными армиями в Тропической Африке (суданские кампании Англии и Франции в XIX в.) европейцы всегда вели наступательные операции, тогда как их противники обычно отступали, пытаясь ослабить колониальные войска долгими переходами, длительным пребыванием в нездоровых местностях. В конечном счете на поле боя, вне зависимости от того, кто наступал и кто предпочитал отстаивать укрытые позиции, превосходство европейцев, оснащенных современным артиллерийско-стрелковым оружием, имело решающее значение ²⁵. И наступающие, и обороняющиеся, когда могли, использовали фортификации. Голландцы на Яве, подавляя восстание 1825—1830 гг., создали сеть укрепленных постов, между которыми поддерживали связь патрули и мобильные колонны, расширяя сферу оккупации. В свою очередь яванцы стремились удержать укрепленные усадьбы своей знати, также как на Суматре аче, контролировавшие подступы к Малаккскому проливу и сопротивлявшиеся голландцам вплоть до начала XX века ²⁶.

Огневое преимущество европейцев подчас удавалось уменьшить решительными наступательными действиями, быстрым сближением с противником, навязыванием ему рукопашного боя. Так было, в частности, при Изандлване в зулусской кампании 1879 г. и при Адуа в итало-эфиопской войне 1895—1896 гг. Европейских войск там было намного меньше, чем в Северной Африке или в странах Востока, но политическое значение побед африканцев, особенно при Адуа, было несомненным. В обоих случаях европейцы недооценили своих противников, пренебрегая обычными в Европе правилами разведки и согласованности действий при наступлении. При Изандлване одна из английских колонн (1800 человек, преимущественно европейцы) разбила походный лагерь, прежде чем была произведена тщательная разведка близлежащих холмов. Зулусы смогли скрытно приблизиться к английским позициям, а затем, преодолев перебежками пространство в несколько сот метров, довели дело до рукопашного боя, в котором огневое преимущество англичан было сведено к минимуму. Бой при Адуа, обеспечивший Эфиопии независимость на 40 лет, свидетельствовал об авантюризме итальянского командования, которое избрало наступательную тактику без необходимой подготовки. Генерал О. Баратьери повел наступление в слабо изученных горах,

где маршруты его колонн пересекались и путались, мешая выдвинуться на заданные рубежи. В ходе боя связь колонн друг с другом и командующим была утрачена, тогда как эфиопы хорошо использовали пересеченную местность, которая давала укрытия их контратакующим отрядам. Итальянские колонны были разбиты поодиночке, из 17 тыс. солдат и офицеров 6 тыс. погибли, 3 тыс. сдались в плен²⁷.

Боевые действия в Европе, чаще всего, заключались в использовании армий, искавших успеха в крупномасштабных операциях, как наступательных, так и оборонительных. За продвижением кавалерии следовала оккупация территории пехотой. Но то, что в Европе было правилом, в колониях было исключением. Кавалерия могла наступать, не оставляя за собой пехоты. Военные действия сводились к операциям мелкого масштаба. На первом плане зачастую оказывались небольшие части, от которых требовались такие качества, как выносливость на многодневных переходах, скрытность сближения с противником, неожиданность удара. Тактика мелких групп и отрядов сопровождения была особенно необходима в малонаселенных и, обычно, слабо изученных районах, что показали, в частности, североамериканские войны конца XVIII века.

В 1755 г. близ будущего Питтсбурга индейский отряд, поддержанный группой французов, разгромил полторатысячную английскую колонну генерала Э. Брэддока. У генерала была охрана из индейцев, но она разбежалась до боя, так как, по словам одного из индейских вождей, Брэддок «смотрел на нас, как на собак, и никогда не слушал, что бы мы ни говорили»²⁸. В лесу при слабой видимости колонна, окруженная индейцами, подверглась яростным атакам. Англичане потеряли 900 человек, индейцы – 50, французы – 15. Остатки колонны, включая виргинского полковника Дж. Вашингтона, взятого в качестве знатока местных условий, бежали, побросав артиллерию.

Несколько позднее англичанам стали удаваться набеги на французские посты в Канаде, когда под руководством одного бывшего контрабандиста были созданы небольшие отряды рейнджеров (по названию английских королевских лесников). Используя индейские приемы маскировки, известные читателю больше всего по Фенимору Куперу, рейнджеры пробирались к французским постам, выбирали удобное время для неожиданных атак, устраивали засады, перерезали линии снабжения, терроризировали французских колонистов.

Тактика «малой войны», по сути дела равнозначная партизанской, стала известна как испанская «герилья», применявшаяся регулярными и иррегулярными войсками в тылу наполеоновских армий вне Франции. Эта тактика была нацелена, с одной стороны, на военные результаты, с другой, – на психологическую обработку гражданского населения, создавая в тылу противника обстановку тревоги, неуверенности в исходе оккупации и т.п. Сама по себе герилья не была новшеством, и примеры ее можно приводить, начиная с доисторической эпохи. В новое время в Азии, Африке, Латинской Америке герилья обрела конкретные черты, как война слабых против сильных, колоний против метрополий, отсталых стран против передовых.

Стратегия и тактика в колониях зависели намного больше, чем в Европе, от климатических и санитарных условий. Долгое время широкие стратегические замыслы в ряде районов Азии, Африки и Америки не могли быть реализованы ввиду распространения там тяжелых заболеваний и высокой смертности. О широких колониальных захватах в Африке не было речи еще в середине XIX в., когда половина экспедиционного корпуса в Алжире прошла через госпитали, а гвинеysкое побережье считалось «могилой белого человека». Положение изменилось в конце XIX в., когда малярию стали лечить хинином, а не кровопусканием, когда кипячение воды стало обязательным условием профилактики кишечных заболеваний. Коренные жители колоний меньше, чем европейцы, были подвержены тропическим заболеваниям, во всяком случае некоторым из них. В частности, было установлено, что среди солдат, набранных в Вест-Индии и отправленных в Западную Африку,

смертность от желтой лихорадки была в несколько раз меньше, чем среди англичан. Иммунные свойства, приобретенные на протяжении многих поколений африканцами, могли быть уподоблены повышенной сопротивляемости европейцев простудным заболеваниям в северных широтах. В годы первой мировой войны это учитывало командование Антанты, поскольку в зимние месяцы боеспособность африканских солдат падала ²⁹.

Освоение новой военной техники было первоочередной задачей традиционных армий. Вооружение совершенствовалось и для противников европейцев было важно не отстать в заимствованиях и, если удастся, обеспечить свои войска европейскими инструкторами или теми, кто прошел у европейцев необходимую выучку. Инструкторов-европейцев привлекали, в частности, правители Имерины — крупнейшего государства Мадагаскара. Правда, эти инструкторы, в основном англичане, мало чем помогли в 1895 г. в войне с Францией, когда не хватало боеприпасов, не были отремонтированы артиллерийские орудия. В армии Самори, вождя малинке в Западном Судане, сражались перебежчики из сенегальских стрелков. В 1892 г. в Дагомее правитель фонов Беханзин три месяца сдерживал продвижение французской колонны в 3,5 тыс. человек. Там, где позволяла местность, он с успехом использовал артиллерию, подготовленную, по-видимому, с помощью португальских мулатов из торговых семей Невольничьего Берега.

В новое время пушки стали весить меньше, чем раньше, их мобильность и скорострельность повысились. Пика была заменена штыком, фитиль — кремневым замком, более надежным в ветреную и сырую погоду. Устаревшее оружие предстояло сбывать в заморские страны, его цена зависела от спроса и предложения, от расторопности конкурентов. Старые ружья, нередко бракованные, стоили недорого: в середине XIX в. на побережье Африки их сбывали по полфунта стерлингов за штуку. Они были привычны, просты в обращении, их можно было чинить в местных условиях. Правда, такие ружья могли быть опаснее для стрелка, чем для предполагаемой жертвы. Они были способны взорваться в руках; шум от них производил больше эффекта, чем проблематичное попадание в цель. Для лучших воинов предпочтительнее было достать ружья последних моделей. Раббах — один из арабских правителей в Судане в конце XIX в. — платил за английские «мартини-генри», заряжавшиеся с казенной части, по сто серебряных талеров Марии Терезии, тогда как раб стоил меньше десяти талеров. Мухаммед бин Абдулла, правитель сомалийцев, в те же годы давал за новейшее оружие по пять-шесть верблюдиц.

Вплоть до Крымской войны на вооружении европейских армий были гладкоствольные, однозарядные, заряжавшиеся с дула кремневые ружья. 30% выстрелов давали осечку. Английская «бурая Бесс» со стволом, окрашенным по приказу А. Веллингтона в коричневый цвет для маскировки, весила 12,5 фунтов (5,7 кг) ³⁰. При калибре в 19 мм считалось, что она была на 200 ярдов (182 м), а фактически пули сохраняли убойную силу только на 80. Прицелов не было, на поле боя солдат стрелял возможно скорее, опасаясь, что противник сделает то же самое. На перезарядку уходило не меньше минуты, а потому стреляли цепями, попеременно уступавшими друг другу место.

Постепенно вводились нарезные ружья, кремневый замок уступил место пистону, совершенствовались заряды. Нововведения не всегда встречали с одобрением. На появление в Англии пистонного ружья, не боявшегося осечек от сырости, один из английских журналов откликнулся в 1817 г. недовольным письмом читателя: «Тем, кто говорит, что оно [пистонное ружье] бьет при сильном ветре и дожде, я отвечаю, что джентльмены не ходят на охоту в такую погоду. А если новое оружие применяют в военных целях, война станет настолько ужасной, что превзойдет всякое воображение...» ³¹.

С 60-х годов XIX в. обозначился переход на винтовки. Появились медные гильзы, бездымный порох. В XX век европейские армии вступили с магазинными («скорострельными») винтовками калибра 6-8 мм: англичане — с «ли-метфордами», немцы — с «маузерами», французы — с «лебелями». Высо-

кое качество гильз и пороха позволило создать безоткатные пушки; при их транспортировке в тропических условиях не было былых трудностей. Поддержанная пулеметным и артиллерийским огнем, используя природные и искусственные укрытия, пехота могла вести прицельную стрельбу на значительном расстоянии. Менялся рисунок боя, складывалась новая тактика, намечался переход к окопной войне. Традиционным армиям стало труднее догонять европейцев, мало кто мог изготавливать в своих мастерских современное оружие. Тем более что в Европе для нового оружия пошли в ход новые сорта стали.

Совершенство европейского оружия придавало уверенность колониальным войскам, закрепляло чувство превосходства над традиционным противником. Для европейских солдат и офицеров это чувство сливалось с представлениями об избранной белой расе, для солдат местного происхождения — с желанием подражать европейцам, которые выглядели существами высшего порядка. Складывалась мораль заведомого победителя в колониальных войнах, поощрявшаяся командованием. Поддержанию этой морали составляло задачу колониалистской пропаганды. Она велась в беседах командиров с подчиненными, в проповедях военных священников перед их паствой, в печатных изданиях, распространявшихся среди солдат. Для обывателя метрополии, в частности во Франции, образ солдат колониальных войск воспроизводился в лубочных картинках (лубок из Эпиналя и т.д.). Среди сюжетов были бой под пирамидами, арабские стрелки, атакующие в 1870 г. в Эльзасе, капитан Ж.-Б. Маршан в тропических лесах и болотах. На рубеже XIX—XX вв. заняли свое место в колониалистской пропаганде иллюстрированные журналы, школьные учебники и пособия.

Солдат должен был чтить метрополию и ее руководителей. Француз, если он был республиканец, не должен был забывать о свободе, равенстве и братстве (в метрополии, а не в колониях), англичанин — помнить о главе империи, за здоровье которого (или которой) офицеры пили на каждой вечеринке. На счет метрополии следовало относить заботу о солдате, о его сегодняшнем и завтрашнем благополучии. Оно складывалось не только из добрых пожеланий. Солдат видел, как обогащались офицеры и генералы, и хотел им подражать. Возможность пожить в покоренных странах была реальной и не выглядела зазорной. Бонапарт ставил себе в заслугу мобильность своих войск, возраставшую при сокращении обоза, который заменяли реквизициями, наложенными на завоеванные страны. В 1796 г. по случаю начала итальянской кампании будущий император адресовал известное обращение к армии: «Солдаты!... Я поведу вас в самые плодородные равнины мира. В нашей власти будут богатые провинции, большие города, и там вы получите богатства, почести и славу»³².

Сплоченность колониальных армий во многом строилась на грабеже, насильничании, вседозволенности. С одобрения Лондона английское командование рассматривало, как само собой разумеющееся, грабеж на завоеванных территориях. С его точки зрения, это был законный захват трофейного имущества, которое солдаты и офицеры должны были сдавать командующему для продажи на аукционах. Выручка делилась в пропорциях, установленных по воле начальства. После удачной кампании в Северо-Западной Индии в 1843 г. командующему Ч. Нейпайеру достались 70 тыс. ф.ст., солдаты получили по несколько шиллингов. Нейпайеру его доля показалась мала, и он потребовал, чтобы ему дали в придачу кровать жены местного вождя, полагая, что там где-то спрятано золото. Вождельным объектом грабежей были храмы и дворцы правителей. Во второй опиумной войне в 1860 г. французы оказались проворнее англичан. Они первыми вступили в Пекин, первыми ограбили летнюю резиденцию императора. Англичанам пришлось довольствоваться остатками: знаменитыми китайскими вазами и шелковым шитьем. После их распродажи солдатам досталось по четыре фунта стерлингов.

В прессе и литературе нечасто появлялись сведения о бесчинствах, сопровождавших походы колониальных войск. Случалось, такие публикации

были нарочито двусмысленными, отрывочными, подписанными псевдонимами, скрывавшими боязнь авторов оказаться среди нежеланных обличителей. Французским офицерам, готовым опубликоваться в Париже, было над чем задуматься, например, в 1888 г., когда ведущий журнал «Ревю блё» обвинил будущего генерала А. Фрея в том, что он «видит все в мрачном свете». Э. Пероз, автор воспоминаний о кампаниях в Западном Судане, был излишне откровенен в своих зарисовках. Думается, это сыграло не последнюю роль, когда в 1901 г. из-за незначительного инцидента (передача англичанам нигерийских преступников без санкции Парижа) была сломана его военная карьера. Контр-адмиралу П. Ревейеру, казалось, нечего было опасаться. Знаток Дальнего Востока, он первым прошел пороги Меконга, командовал флотом в Кохинхине. И все же он предпочел подписать свои воспоминания псевдонимом П. Бранда. «От аннамитов, — писал контр-адмирал, — требуют предавать своих братьев, у них вырывают оговоры с помощью пыток, ударами плетки. Безбородые мальчишки, гардемарины, командуют местными барками, наводят порядок на реках и в деревнях, вешают, расстреливают налево и направо союзников и противников»³³.

3 августа 1914 г. Германия объявила войну Франции. В тот же день французский средиземноморский флот вышел из Тулона, чтобы прикрыть транспорты, начавшие переброску войск из Африки, в том числе сенегальских стрелков. С конца августа эти войска были на линии фронта. Как и Франция, Англия отправила на западный фронт все части, которые были отобилизованы к началу войны, включая две индийские дивизии. Состав индийских дивизий не был точно определен. Помимо пехоты туда входили кавбригады, артиллерийские части. К началу войны Индия имела девять дивизий (120 тыс. человек), позднее — десять. Кахорская и меерутская, воевавшие на западном фронте, считались лучшими. Еще две отправились на месопотамский фронт, открытый в ноябре 1914 года. Остальные завершали подготовку в Индии, одновременно выделяя часть полков на операции в Восточной Африке, под Суэцем, на Галлипольском полуострове, на салоникском фронте. Введенные в бой части пополнялись по мере убыли личного состава в результате потерь (100 тыс. убитых за войну). В общей сложности Индия мобилизовала 770 тыс. человек, в действующей армии находилось более 500 тысяч. Был достигнут предел мобилизационных возможностей; перейти его — значило, по мнению английской администрации, вызвать в Индии беспорядки. Добровольцев-контрактников не хватало. В Пенджабе, где наборы были особенно значительными, шла принудительная мобилизация, хотя власти утверждали, что брали рекрутов с их согласия³⁴.

На западном фронте с 26 октября 1914 г. индийцы отбивали атаки немцев, пытавшихся возобновить наступление после первого марнского сражения. Вскоре в долине Лис пришлось рыть траншеи, в которых больше месяца стояла ледяная вода. Окопы переходили из рук в руки, индийцам придали огневую поддержку, которая, правда, уступала немецкой. В декабре в траншеях, разрушенных артиллерией, какое-то время держался 129-й белуджский полк. В конце концов, остатки белуджей были оттуда выбиты. Они вышли из-под огня, потеряв сотни товарищей, которые остались лежать в окопах с ружьями, забитыми грязью. В начале 1915 г. 129-й полк, как и другие части, был переморирован и снова отправлен на передовую. Начинались бои на Ипре. 26 апреля 500 индийцев — все, что оставалось от белуджей, — пошли в наступление. Их остановила немецкая газовая контратака. Никаких противогазов и защитной одежды им не выдавали, две трети полка погибло. До конца 1915 г. другие индийские части все еще оставались на линии фронта, но потеряли лучших солдат. Вместо них пришли резервисты, пожилые, слабо подготовленные. Их некому было готовить. Офицеров и унтер-офицеров, понимающих хинди или урду, было мало, поскольку со времен сипайского восстания Англия ограничивала численность местных командных кадров.

В Месопотамии английский десант (еще две индийских дивизии), захвативший течение Шатт-эль-Араб и Басру, был нацелен на нефть Мосула.

Но до Мосула было далеко, и пока что приходилось базироваться в Южной Месопотамии, нездоровой части страны. Медицинская служба была слабой, питание — недостаточным, индийцы несли чувствительный урон от малярии и бери-бери.

В мае 1915 г. правительство Великобритании стало коалиционным, что демонстрировало единение либералов, консерваторов и др. Теперь следовало показать, что такое правительство поднимает эффективность военных усилий, что оно способно к наступательным действиям, если не в Европе, то хотя бы на второстепенных фронтах. Было решено, что одна из индийских дивизий под командованием генерал-майора Ч. Тоунзенда начнет продвижение на север, к Багдаду. Тем более что турки, отвлеченные боями на других фронтах, были малоактивны³⁵. До конца ноября 1915 г. Тоунзенд наступал, но в декабре, не доходя до Багдада, он потерял половину солдат в безуспешных атаках. Пришлось отходить на юг, к Кут-эль-Амара. Там, окруженный четырьмя турецкими дивизиями, Тоунзенд продержался четыре с половиной месяца. Направленные на выручку английские и русские части не смогли к нему пробиться, и в апреле 1916 г. после изнурительной осады он капитулировал с уцелевшими девятью тысячами индийцев. В 1917 г. Лондон отправил в Месопотамию свежие войска, начавшие новое наступление на север. В марте был занят Багдад, после чего наступление прекратилось ввиду необходимости концентрировать все силы на западном фронте и из-за серьезных потерь. Наступление возобновилось осенью 1918 г., когда турки, обескровленные боями на Балканах, тщетно пытались остановить англо-индийские войска вблизи побережья Средиземного моря. На палестинском фронте 34 тыс. турок противостояли англо-индийским и арабским войскам, насчитывавшим 105 тыс. человек. В октябре 1918 г. союзные войска, усиленные французским десантом в Бейруте, заняли Аккру, Халеб, Дамаск. 30 октября турки сложили оружие.

Если Англия держала в Европе две индийские дивизии (20—30 тыс. человек), то Франция использовала там 250 тыс. североафриканцев, 134 тыс. сенегальцев (т.е. выходцев из Западной и Экваториальной Африки), более 100 тыс. солдат из других колоний. В боях погибли 120 тыс., в том числе 30 тыс. сенегальских стрелков. Чисто колониальных дивизий, подобных англо-индийским, у французов не было. Основной тактической единицей в колониальных войсках Франции был батальон (свыше 1 тыс. человек перед войной).

Возможность широкого использования колониальных войск на территории метрополии обсуждалась с 90-х годов XIX века. Первым об этом заговорил, насколько известно, дипломат и писатель Э.М. де Вогюэ, автор исследований по русской литературе. В метрополии падала рождаемость, призывников не хватало, и приходилось все чаще думать о колониях. Мобилизация в Северной Африке могла принести существенные результаты, но вызвала сомнения политическая надежность арабов. До начала первой мировой войны воинскую повинность для них не вводили, предпочитали набирать добровольцев. Этого было достаточно, чтобы численность «Африканской армии» (то есть частей, расквартированных в Магрибе) составила 50—60 тысяч. В дальнейшем, когда потребовалось намного больше войск, началась принудительная мобилизация³⁶.

Генерал Ш. Манжэн, участник экспедиции Маршана, с 1909 г. опубликовал несколько статей, в которых нарисовал перспективу создания «черной армии» из десятков, а, может быть, сотен тысяч чернокожих солдат — выходцев из глухих селений, крепко скроенных, не склонных рассуждать, исполнительных. Несколько офицеров через различные органы прессы выразили сомнения в том, что присутствие таких солдат будет одобрено в Европе, где на них станут смотреть как на экзотических дикарей, тем более что вместе с ними придут их жены. Манжэн всех успокаивал, хотя не вдавался в подробности о женах черных африканцев, возможно, полагая, что этим должны интересоваться не столько французы, сколько более чувствительные француженки.

Мобилизация в колониях прошла по-разному. В Алжире обошлось без волнений, но в Тунисе и Марокко жители окраинных территорий попытались воспользоваться уменьшением французских гарнизонов, частично отправленных на различные фронты. В 1916 и 1918 гг. французская авиация на границе Туниса с Триполитанией применяла химические средства, в частности, сбрасывала бутылки с бромом на кочевья в районах Налут и Вазин. В Марокко шла настоящая война, стойвшая французам свыше 2 тыс. убитыми. Во Французской Западной Африке восстали эве (Дагомея), сонинке, бамбара и туареги (Верхний Сенегал — Нигер). Генерал-губернатор И. Ван Волленховен предлагал прекратить дальнейшую мобилизацию, а когда она была продолжена, подал в отставку и отправился на фронт, где вскоре погиб ³⁷.

Использовать черных солдат в метрополии было не так просто, как писал Манжэн. Его критики были во многом правы, утверждая, что сенегальские стрелки будут испытывать трудности с акклиматизацией в зимние месяцы. Заболеваемость оказалась достаточно высокой, чтобы вынудить командование снимать черных африканцев с фронта на три-четыре месяца, держать их зимой на Юге Франции или отправлять в Магриб. Контакты между белыми и черными солдатами особых сложностей не вызывали. Но на фронте не удалось создать смешанные подразделения, которые могли бы с помощью европейских офицеров и унтер-офицеров быстрее поднять боеспособность сенегальских стрелков. От таких подразделений пришлось отказаться ввиду различий в снабжении черных и белых солдат, особого режима перемещений сенегальских стрелков между лагерями и фронтом.

Контакты с местным населением не ограничивались. На фронт шли посылки от благотворительных организаций и частных лиц, налаживалась переписка, приходили приглашения приезжать на побывки, которыми сенегальские стрелки широко пользовались. Судя по воспоминаниям солдат, большинство их вступало в связи с французженками, начиная от активисток по переписке и кончая обитательницами борделей ³⁸.

На фронте солдаты болели, главным образом, легочными заболеваниями, обморожениями ног, венерическими болезнями. В госпиталях за ранеными ухаживали, помимо штатного медперсонала, добровольные помощницы из патриотических и христианских организаций, «военные крестные», как их принято было называть. Медицинское обслуживание было на высоком уровне, жалоб было мало. Этого нельзя было сказать о некоторых лагерях, где не все было подготовлено к приему солдат и где не был наведен порядок даже к концу войны.

Колональные части воевали в Дарданеллах, под Верденом, на Сомме и Марне. В окопах, писал А. Барбюс, однополчане скрашивали жизнь, подшучивая друг над другом, но не над африканцами. «Их никто не задевает. Они внушают почтение и даже некоторый страх. Между тем, эти африканцы кажутся веселыми и оживленными. Они, конечно, идут в окопы первой линии. Это их обычное место; их появление — признак предстоящей атаки. Они созданы для наступления...» ³⁹.

В 1917 г. центральным событием на западном фронте стал провал французских попыток продвинуться в районе Шмэн-де-Дам (между Реймсом и Шони). Отступление французов прикрыли части, сохранившие боеспособность, в том числе 12-й мальгашский маршевый батальон. Натиск немцев был остановлен ценой тяжелых потерь: более половины мальгашей погибли. В войсках вспыхнули волнения, подавленные генералом Ф. Петеном с помощью жандармов, а кое-где — сенегальских стрелков. В июле сенегальцы были использованы против русских солдат, отказавшихся в Тулоне сесть на корабли, направляемые к Салоникам. Бои в районе Реймса и к югу от Шмэн-де-Дам продолжались в 1918 г., когда развернулось последнее немецкое наступление. Вот сообщение немецкого Агентства печати от 5 июня 1918 г. со всеми пропагандистскими украшениями: «Чернокожие несут гигантские потери. Они опились городскими запасами водки и вин. Впереди — немцы, сзади — белые французы с пулеметами. Сенегальские, мадагаскарские и мартини-

канские негры занимают траншеи вокруг Реймса и идут на верную смерть. Сражаются отчаянно... Все чернокожие вооружены тесаками, большими боевыми ножами. Беда немцам, попадись они им в руки»⁴⁰. Реймс остался у французов, и в середине июля немецкое наступление выдохлось. На фронт к союзникам подошли американские подкрепления, конец войны был близок.

Прошлое колониальных армий отразило историю колоний не меньше, чем их метрополий. По своей социальной и этнической структуре заморские армии воспроизвели иерархическое устройство европейских и колониальных обществ, господство имущих верхов и бюрократии в Европе и вне ее.

По своему назначению они были орудием экспансии. Действуя за пределами метрополий как средство колонизации, т.е. агрессии, они заведомо лишались функции обороны своего отечества. Эту функцию они могли себе вернуть в единственном случае: перестав быть собственно колониальными армиями (что произошло в Латинской Америке в начале XIX в.). Особое место заняли колониальные войска, попав в Европу в первую мировую войну. Здесь они выступали как наемники либо как принудительно завербованные солдаты.

Первая мировая война показала, что расчеты метрополий на поддержку со стороны колониальных войск были обоснованы. Использование этих войск было одним из преимуществ Антанты перед центральными державами. Правда, широкая мобилизация не могла быть бесконечной; ее пределы, казалось, были достигнуты. «Налог кровью», выплаченный за счет рекрутских наборов, вызвал ряд восстаний, заставивших задуматься о его целесообразности в былых размерах. Но до конца войны позиции Антанты в азиатских и африканских владениях были прочны, преимущества перед Четверным союзом — реальны, а потому, с точки зрения метрополий, курс на мобилизацию более полутора миллионов человек был в целом оправдан.

Примечания

1. HENNIG R. *Verkehrsgeschwindigkeiten in ihrer Entwicklung bis zur Gegenwart*. Stuttgart. 1936, S. 113.
2. ZAMANI. *A Survey of East African History*. Nairobi. 1968, p. 255–281.
3. HOWARD M. *The Military Factor in European Expansion*. In: *The Expansion of International Society*. Oxford. 1984, p. 40.
4. [Bismarck O. von]. *Der Kanzler Otto von Bismarck in seinen Briefen, Reden und Erinnerungen*. Ebenhausen bei München. 1915, S. 343. См. также: *Artisans, Peasants and Proletarians. 1760–1860*. L.a.o. 1985, p.59; *The New Cambridge Modern History*. Vol.X. Cambridge. 1960, p.485; ЕРОФЕЕВ Н.А. *Английский колониализм в середине XIX в.* М. 1977, с.27.
5. *Chambers's Encyclopaedia*. Vol.XIV. Lnd. 1955, p.432; *Conquête et pacification de l'Algerie*. P. 1931, p.8; BARATIERY O. *Memorie d'Africa. 1892–1896*. Torino. 1898, p.220–222, 338; DUPUY R.E. *The Compact History of the United States Army*. N.Y. 1973, p.145–168.
6. TUCKER S.C. *The Great War 1914–18*. Bloomington – Indianapolis. 1998, p.205; MASON P.H. *A Matter of Honour*. Lnd. 1975, p. 405, 411; CHARBONNEAU J. *Du soleil et de la gloire. La grandiose époque de nos contingents coloniaux*. P. 1931, p.8.
7. BRAUN P.C.M.S. *Die Verteidigung Indiens 1800–1907*. Köln-Graz. 1968, S. 26–27.
8. *Les Bashi-bazouks*. — *Revue britannique* (P.), 1857, Janvier, p. 24–25; MURPHY C.C.R. *Soldiers of the Prophet*. Lnd. 1921, p. 175–176.
9. *Conquête et pacification de l'Algerie*. P. 1931, p. 423–424; *Histoire militaire de l'Afrique Equatoriale Française*. P. 1931, annexe.
10. [Napoléon] *Correspondance de Napoléon Ier*. T.V. P. 1860, p. 470.
11. *Correspondence and Report from His Majesty's Consul at Boma Respecting the Administration of the Independent State of the Congo*. Cd. 1933. Lnd. 1904, p.36.
12. RUGER A. *Der Aufstand der Polizeisoldaten (Dezember 1893)*. In: *Kamerun unter deutscher Kolonialherrschaft*. Bd. I. Brl. 1960, S. 97–147.
13. ДЕФО Д. *Робинзон Крузо. История полковника Джека*. М. 1974, с. 337–338.
14. FARWELL B. *Mr. Kipling's Army*. N.Y. — Lnd. 1981, p. 86.
15. DECKER [C.] *von Algerien und die dortige Kriegführung*. Bd. 2. Brl. 1844, S. 12.
16. CAIRNES W.E. *Social Life in the British Army. By a British Officer*. Lnd. 1901, p. XVII.

17. HEADRICK D.R. *The Tools of Empire. Technology in the Nineteenth Century.* N.Y.-Oxford. 1981, p. 19–28.
18. GRAHAM G.S. *The China Station.* Oxford. 1978, p. 147.
19. BOEHLER W.H. *The History of the Italo-Turkish War.* Annapolis (Md). 1913, p. 15–16.
20. BROWNE D.G. *Private Thomas Atkins. A History of British Soldier from 1840 to 1940.* Lnd.-Melbourne [1940], p. 34.
21. *Ibid*, p. 225.
22. *L'Afrique islamique (Le monde religieux. Nouv. ser. Vol.29) [Deux Sèvres].* 1966, p. 94.
23. COSTELOE M.P. *Response to Revolution. Imperial Spain and the Spanish American Revolutions.* Cambridge a.o. 1986, p. 89.
24. LUBIENSKI J. *Der maximilianische Staat. Mexiko 1861–1867.* Wien etc. 1988, S. 59–60.
25. CALLWELL CH. E. *Small Wars: Their Principles and Practice.* Lnd. 1906, p.398.
26. ТЮРИН В.А. *Ачехская война.* М. 1970, с. 68 и сл.
27. FURNEAUX R. *The Zulu War. Isandhlvana and Rorke's Drift.* Lnd. 1963, p.40 ff.; BERKLELEY G.F.H. *The Campaign of Adowa and the Rise of Menelik.* Lnd. 1902, p. 272–347.
28. SHEPPERD G.A. *A History of War and Weapons 1660 to 1918.* N.Y. 1971, p.76.
29. HEADRICK D.R. *Op. cit.*, p. 62–65; BALESI CH. J. *From Adversaries to Comrades-in-Arms. – West Africans and the French Military. 1885–1918.* Waltham (Mass.). 1979, p. 101.
30. BROWNE D.G. *Op. cit.*, p. 20.
31. HEADRICK D.R. *Op. cit.*, p. 86.
32. LAS CASES [E.J.]. *Mémorial de Sainte-Hélène.* P. 1968, p. 155.
33. RÉVÉILLÈRE (Paul Branda). – *Patriotisme. Colonisation.* P. 1903, p. 195.
34. *The Times.* 3.8.–10.V.1924.
35. CADELL P. *History of the Bombay Army.* Lnd. 1938, p. 267 ff.
36. MANGIN CH. *La force noire.* P. 1910, p. 260 etc.
37. *L'Afrique française*, 1919, № 9–10, p. 267; *Une âme de chef. Le gouverneur général J. Van Vollenhoven.* P. 1920, p. 264–266.
38. BALESI CH. J. *Op. cit.*, p. 118.
39. БАРБЮС А. *Огонь.* М. 1955, с. 51.
40. Цит. по: CHARBONNEAU J. *Op. cit.*, p. 47.

Юань Шикай

В.С. Кузнецов

Род Юань, к которому принадлежал родившийся 16 сентября 1859 г. Юань Шикай, был известен в провинции Хэнань и за ее пределами. Его представители владели землей, имели торговые лавки в ряде городов. Члены фамилии Юань обладали учеными степенями, что открывало дорогу к занятию чиновничьих должностей. Среди столичной бюрократии были представители рода Юань. Ученую степень имел отец Юань Шикая — Юань Баочжун.

Юань Шикай появился на свет в то время, когда устои империи Цин трещали под ударами восставших няньцзюней, разнородных противников власти. Они завладели уездным городом Сянчэном, в окрестностях которого проживало семейство Юаней. Оно перебралось на новое место и поселилось во вновь построенном остроге, который получил название «Юанева острога». Острог стал опорным пунктом по оказанию сопротивления няньцзюням. Юань Шикаю было 5 лет от роду, когда отряды няньцзюней подступили к самому «Юаневу острогу». Он не только видел кровопролитие, вызванное бунтовщиками, но и неоднократно слышал от отца и старших рассказы о том, как няньцзюни «убивали и жгли». Восстание няньцзюней угрожало привычному укладу быта его семейства и самой жизни сородичей, оно запечатлелось в сознании Юань Шикая с юных лет и отразилось на его политической философии неприятием стихийного восстания масс.

Следуя семейной традиции, Юань Шикай поступил на государственную службу. Обладание низшей ученой степенью само по себе не открывало особых перспектив к быстрому продвижению по службе. В мае 1881 г. Юань Шикай перешел на службу к командующему Хуайской армии ¹ У Чжанцину, состоявшему в близких отношениях с одним из родичей Юань Шикая. Но главное, У Чжанцин был доверенным лицом тогдашнего «сильного человека» Китая генерал-губернатора столичной провинции Чжили Ли Хунчжана.

В июне 1882 г. в Корее вспыхнуло антиправительственное восстание солдат и городской бедноты. Для наведения порядка в вассальном королевстве Пекин по просьбе Сеула направил войска под началом У Чжанцина. С ним отбыл и Юань Шикай. В августе 1882 г. Япония также по договоренности с корейским правительством ввела свой военный отряд в Сеул.

Китайское правительство за рвение, проявленное Юань Шикаем, отметило его заслуги: «он командовал войском строго, расправлялся, наводя спо-

Кузнецов Вячеслав Семенович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

койствие, исходя из обстоятельств». Дебют Юань Шикая на ратном поприще был поощрен наградой. В декабре 1882 г. новое корейское правительство обнародовало программу, которая предусматривала ликвидацию вассальной зависимости Кореи от Китая. Одновременно речь шла об ограничении власти вана (короля). Возникла угроза физического возмездия на него. В этих условиях Юань Шикай по собственному почину решил двинуть войска во дворец «защищать вана». И лично командовал отрядом, который вступил в бой с японскими солдатами в Сеуле, и одержал верх.

Китайские войска под началом Юань Шикая взяли под охрану дворец короля. Ли Хунчжан был доволен действиями Юань Шикая: противники вана были разгромлены, было укреплено положение цинского правительства как сюзерена. 30 октября 1885 г. по рекомендации Ли Хунчжана двор назначает Юань Шикая полномочным представителем, «поставленным в Корею осуществлять общее управление дипломатическими и торговыми делами». По существу он стал наместником Цинов в Стране утренней свежести.

Одну из своих задач Юань Шикай видел в сохранении традиционной системы отношений между Китаем и Кореей, согласно которой цинский император выступал как сюзерен корейского короля. Решительно действуя в этом направлении, Юань Шикай не только демонстрировал верноподданническое рвение маньчжурскому двору, но и отстаивал имперские (национальные) интересы китайского государства как такового. Им, по мнению Юань Шикая, угрожала деятельность других иностранных государств. И он добился у вана отказа принять русских военных инструкторов, а также отставки американского военного атташе Д.Фулка².

Политика китайского гегемонизма, которую проводил Юань Шикай в Корее, объективно способствовала предпринимательской деятельности китайцев на Корейском полуострове. Выступая за сохранение традиционных отношений империи Цин и корейского королевства, Юань Шикай защищал не только престиж маньчжурского царствующего дома, но и поддерживал великодержавные настроения среди ханьской элиты, которая считала Китай патроном соседних азиатских государств.

В начале 90-х годов XIX в. Япония активно готовится к войне с Китаем. Но Юань Шикай не усмотрел угрозы, приняв на веру миролюбивые слова японского посланника в Сеуле. А когда осознал опасность, то стал ратовать за демонстрацию военной мощи Китая. Но Ли Хунчжан не поддержал этой инициативы. И Юань Шикай решил вернуться домой, ссылаясь на недуг. 17 июня 1894 г. ему предписали вернуться домой. 1 августа 1894 г. вспыхнула китайско-японская война, закончившаяся для Китая поражением.

В конце 90-х годов имя Юань Шикая вновь на устах пекинских царедворцев, в сообщениях иностранной прессы. В 1898 г. он оказался в центре дворцовой междоусобицы, исход которой имел большие последствия для политической жизни Китая. Император Цзай Тянь решил избавиться от опеки своей тетки, вдовствующей императрицы Цы Си. Военное обеспечение этой акции Цзай Тянь доверил Юань Шикаю. Но тот не выполнил предписания³. В результате, император, известный как сторонник реформ, лишился власти, а Цы Си официально стала регентшей. Последовали казни представителей ханьской элиты, сторонников Цзай Тяня. Юань Шикая поносили не только как изменника, предавшего государя, но и сторонника придворной клики ретроградов во главе с Цы Си.

В 1899 г. в Китае происходят массовые выступления против иностранцев под лозунгом «Да здравствует власть дома Цин, смерть иностранцам!». Движение это получило название восстания ихэтуаней или боксеров. Избиение иностранцев-миссионеров и принявших христианство китайцев приняло бы еще большие масштабы, если бы не решительная позиция по пресечению бесчинств толпы, которую заняли некоторые наместники, в частности, Юань Шикай (тогда губернатор провинции Шаньдун). Его патриотизм как сына Поднебесной не перерос в чувство слепой ксенофобии. И позиция его выглядела в известной степени как неповиновение правительнице империи

Цы Си, которая в своих указах властям на местах предписывала «вырезать» миссионеров и христиан-китайцев. Благодаря решительным действиям Юань Шикая, имевшего в своем распоряжении обученное иностранцами войско, боксеры были вынуждены покинуть Шаньдун ⁴.

Восстание ихэтуаней повлекло за собой в 1900—1901 гг. интервенцию восьми государств. Царствующее семейство бежало из Пекина, предписав Юань Шикаю защищать столицу. Однако он не перебросил туда свои войска. Дистанцируясь от маньчжурского правящего клана во время восстания ихэтуаней, Юань Шикай показал, что он отнюдь не слепой исполнитель воли Цы Си.

Тем не менее она посчиталась с мнением Ли Хунчжана, который в 1901 г., незадолго до своей кончины, рекомендовал Юань Шикая в качестве своего преемника на посту наместника столичной провинции Чжили и командующего Бэйянской (Северной) армией. Тот, кто занимал этот пост, сосредоточивал в своих руках всю полноту военной власти в империи.

Росту влияния Юань Шикая способствовало и то обстоятельство, что среди известной части китайских интеллектуалов за ним закрепился ореол защитника национальных интересов Китая. Весной 1903 г. произошло обострение русско-китайских отношений ⁵. Для защиты территориальной целостности родины китайские учащиеся в Японии формируют студенческую армию. Ее представители отправились к Юань Шикаю заявить о готовности студентов-добровольцев встать под его знамена. К этому времени Юань Шикай располагал в стране самой значительной военной силой.

Неудачный исход для Китая войны с Японией побудил правящие круги Поднебесной встать за повышение боеспособности китайских вооруженных сил. В 1901 г. был издан декрет об их реорганизации по европейскому образцу. Наиболее успешно этот декрет был реализован в провинции Чжили, где Юань Шикай между 1903 и 1906 гг. создал 6 дивизий современных войск, которые впоследствии составили основу Бэйянской армии ⁶. Становление ее знаменовало собой появление нового фактора в политической жизни империи Цин. Бэйянская армия — опора ханьца Юань Шикая, костяком ее командного состава были командиры-ханьцы.

Наличие под началом Юань Шикая Бэйянской армии частью маньчжурской аристократии воспринималось настороженно, и извечные противоречия между основными группировками высшей цинской элиты — ханьцами и маньчжурами — проявились в борьбе за власть над армией. Противниками Юань Шикая выступила группа маньчжурских аристократов: Цзай Фэн, Те Лян, Лян Би, Шань Ци.

Подспудная борьба между кланом маньчжурских правителей и ханьскими сановниками прорвалась наружу в сентябре 1906 года. На совещании относительно преобразования административной системы Юань Шикай выступил с инициативой ликвидировать Цзюньцзичу и сделать ответственным Нэйгэ ⁷. Против выступили Те Лян и другие, которые предложили, чтобы в ведении министерства армии находились все вооруженные силы страны и вся военная власть была сосредоточена в центре. Эта новация была явно направлена против Юань Шикая. Последнее слово в противоборстве ханьских и маньчжурских бюрократов сказала Цы Си, взяв сторону соплеменников. 6 ноября она утвердила введение новой административной системы, отвергнув предложения сделать Нэйгэ ответственным главным распорядителем и сохранив Цзюньцзичу.

Придерживаясь в известной степени принципа симметричного представительства маньчжуров и ханьцев в высшем административном аппарате, 4 августа Цы Си распорядилась ввести Юань Шикая в состав Цзюньцзичу и одновременно назначила его главой Вайубу (внешнеполитического ведомства). Возглавляя Вайубу Юань Шикай не только стремился поддерживать престиж правящего дома, но и отстаивал национальные интересы Китая, пытался противодействовать дальнейшему усилению позиций в стране Франции, Великобритании, России и Японии ⁸, которые в гораздо большей степе-

ни преуспели в «освоении» Поднебесной в сравнении с США и Германией. Поэтому Юань Шикай стремился искать поддержки у последних, рассчитывая использовать их как противовес устремлениям вышеупомянутой четверки. И здесь Юань Шикай действует в духе традиционного приема китайской дипломатии — «и и чжи и» («руками варваров обуздывать варваров»).

С именем Юань Шикая связано появление новых административных институтов, призванных решать насущные вопросы общественной жизни. В 1906 г. по его рекомендации учреждается министерство внутренних дел. В августе 1908 г. трон санкционировал девятилетнюю программу приготовлений по созданию конституционного представительного правительства. Юань Шикай считался главным инициатором в проведении этой политики трона. Она была призвана усилить устои империи и повысить авторитет династии посредством умиротворения оппонентов внутри страны.

Действуя как защитник государственных интересов Китая и соответственно правления маньчжурского дома Цин, Юань Шикай однако не пользовался расположением всех членов царствующего клана. Известное благоволение вдовствующей императрицы Цы Си, фактической правительницы страны⁹, обернулось для него отстранением от государственных дел. Суть интриги вкратце такова.

14 ноября 1908 г. было объявлено о смерти императора Цзай Тяня, на следующий день умерла вдовствующая императрица Цы Си. Трон унаследовал малолеток Пу И, племянник покойного государя и сын князя Чуня (Цзай Фэн). Одним из двух «Великих опекунов» наследника престола стал Юань Шикай. Но вскоре его отправили в отставку. Юань Шикай уже не пользовался тем расположением царствующей фамилии, которое ему оказывала Цы Си. 2 января 1909 г. вышел высочайший указ. В нем выражалось сожаление, что у Юань Шикая «болит нога, ходить трудно и затруднительно выполнять служебные обязанности», поэтому ему предписывалось «вернуться домой и подлечиться».

10 октября 1911 г. в Учане (провинция Хубэй) произошло антиправительственное выступление, явившееся началом т.н. Синьхайской революции. 11 октября учанский военно-революционный комитет выступил с призывом свергнуть маньчжурскую монархию и учредить республику. Двор приказал генерал-губернатору Жуй Чэну и начальнику гарнизона Чжан Бяо навести порядок в Учане. Но оба, не выполнив приказа, сбежали. Поведение этих начальников-маньчжуров продемонстрировало неспособность сановных представителей маньчжурского служивого сословия справиться с выступлением ханьцев против царствующего инородного дома. На роль своего спасителя двор теперь выбирает ханьца Юань Шикая. 14 октября 1911 г. вышел императорский указ, гласивший: «Юань Шикай назначается генерал-губернатором Хугуана¹⁰, одновременно на него возлагается ответственность за подавление мятежа [в Хугуане]».

На императорский указ от 14 октября 1911 г. Юань Шикай, находясь на родине, в Чжандэ (провинция Хубэй), отозвался всеподданнейшим докладом от 16 октября — «Прочитав указ, — сообщал он, — я был тронут до слез». Но, сетовал Юань Шикай, нога продолжает болеть, к тому же добавились боли в левой руке. Да еще начала мучить астма. Сверх того, «стали преследовать кошмары, сделалось сердцебиение и мысли путались в голове». В силу всего этого Юань Шикай просил дать ему «необходимый для лечения отпуск».

Не спеша выполнять предписание трона, Юань Шикай всесторонне анализирует возложенную на него задачу. С самого начала антиправительственного путча он не делал ставку исключительно на силовое решение, но считал вероятным мирное урегулирование. Уже 19 октября Юань Шикай телеграммой вызвал в Чжандэ своего доверенного Лю Чэнэня и поручил ему заняться «делами по умиротворению»¹¹. Это в плане политическом. Вместе с тем, Юань Шикаю предприятие с «технической» точки зрения представлялось более серьезным, чем оно виделось при дворе. В повторном докладе

трону он пишет: «Необходимо полностью подготовиться, в большом количестве собрать солдат, узнать себя, узнать противника и разом навести порядок». На военные расходы Юань Шикай просит двор выделить 4 млн. лян серебра (1 лян — около 32 г).

Поручив Юань Шикаю подавить мятеж, цинский двор не только не выделил средств, но и не дал ему свободы рук. 14 октября следом за указом о назначении Юань Шикая регент Цзай Фэн скрепил печатью другой рескрипт. Согласно его Юань Шикай не мог самостоятельно распоряжаться как провинциальными войсками, так и соединениями Бэйянской армии. Он был обречен на положение помощника военного министра маньчжура Инь Чана.

Видя промедление Юань Шикая, двор пытается побудить его к действиям путем личных внушений. В Чжандэ отправляют ханьца Сюй Шичана, старого приятеля и советчика Юань Шикая, первого руководителя созданного по инициативе Юань Шикая министерства внутренних дел. Задачей Сюй Шичана было убедить Юань Шикая, «превозмогая болезнь», выехать ко двору. В ходе встречи оба договорились, что от имени Юань Шикая Сюй Шичан передаст цинскому двору следующие предложения: 1) в будущем году созвать парламент, 2) организовать ответственный Нэйгэ, 3) амнистировать участников Учанского восстания и снять запрет с деятельности партий, 4) дать полную власть в военных вопросах в руководстве войсками, 5) полностью выплатить военное довольствие войскам.

Юань Шикай уже готов превозмочь недуги, если двор примет его рекомендации. Они разнородны по своей направленности и значимости. Юань Шикай пытается убедить трон прибегнуть к мирным средствам, чтобы справиться с ситуацией: это и амнистия участникам выступления в Учане, это и снятие запрета с деятельности партий. Иницируя такие новшества, как создание ответственного кабинета, Юань Шикай открыто подрывал самодержавие правящего маньчжурского дома. Но все это было в перспективе. Пока же Юань Шикай думает о том, чтобы умиротворить революционеров, избегая кровопролития. Амнистия участникам выступления в Учане и разрешение на функционирование партий призваны были, если не примирить противников цинской монархии с ней, то по меньшей мере внести в их ряды определенный разлад. Юань Шикай дает указание секретарю Лю Чэнэню направить письмо Ли Юаньхуну, главе учанского революционного правительства, который 27 октября был провозглашен «Президентом Китайской Республики», в котором выразил желание «успокоить народ». Юань Шикай обращает внимание Ли Юаньхуна на то обстоятельство, что борьба против маньчжурского господства выливается во взаимное истребление ханьцев. Если Ли Юаньхун и его соратники против этого, то сообщите и «можно будет сообща решить государственные дела»¹².

В это время цинскому двору пришлось отреагировать на рекомендации Юань Шикая. 27 октября вышел указ. Он гласил: во-первых, Инь Чан, ранее посланный для руководства операциями против революционеров в провинции Хубэй, отзывается в Пекин; во-вторых, Юань Шикая возводят в ранг «высочайше уполномоченного» («циньча дачэнь»), в ведение которого переходили все военно-морские силы и сухопутные войска, необходимые для подавления революционных сил; в-третьих, из императорской казны выделяется 1 млн лян серебра на военные расходы цинских властей провинции Хубэй; в-четвертых, командование 1-й и 2-й армиями, ранее находившихся под началом Инь Чана, соответственно переходило к Фэн Гочжану и Дуань Цижую, порученцам Юань Шикая. В итоге, вся военная система цинских властей в мятежной провинции Хубэй реально перешла в руки Юань Шикая. Он тут же продемонстрировал завидную оперативность верноподданного слуги государева. 28 октября Юань Шикай уведомил двор и Инь Чана: «30 октября отправляюсь на юг». В приказе войскам Юань Шикай изложил свое видение решения проблемы мятежа. Во-первых, на 30% полагаться на военную мощь и на 70% — на политические средства. Во-вторых, вести переговоры с позиции силы¹³.

В октябре на севере страны происходит антиправительственный путч 3-х командиров (Чжан Шаоцзэн, Лань Тяньвэй, У Лучжэнь¹⁴) частей Бэйянской армии. Мятежники готовились наступать на Пекин. С известием о бунте частей Бэйянской армии, Пекин охватила паника. Вдовствующая императрица Лун Юй с малолетним Пу И готовилась покинуть Пекин. Такая перспектива не устраивала Юань Шикая. Отъезд императора из Пекина был чреват скоротечным крахом режима со всеми вытекающими отсюда последствиями, как внутри-, так и внешнеполитического порядка. Бегство императора ускорило бы процесс политической децентрализации страны, ибо он выступал символом китайского государства, как в стране, так и за ее пределами. Создавалась крайне неустойчивая и опасная для Китая внешнеполитическая ситуация. Пекин для внешнего мира официально был местопребыванием цинского двора и с бегством оттуда императора в неопределенном положении оказывалась вся система договорных отношений Китая с державами, ибо государь выступал гарантом международных договоров Китая. Усугубление анархии, которым было чревато отсутствие царствующего клана, угрожало жизни и имуществу иностранцев. Лично для самого Юань Шикая бегство императора и вдовствующей императрицы означало, что он лишился возможности апеллировать к трону и действовать от его имени.

Чтобы справиться с грозящим кризисом, Юань Шикай срочно предпринимает следующие меры. Во-первых, он телеграфировал министру армии Инь Чану, чтобы тот помешал вдовствующей императрице покинуть Пекин. Во-вторых, направил своего доверенного Чжао Бинцзюня в столицу, чтобы тот вступил в контакт с Инь Чаном.

Наведя порядок в Пекине, Юань Шикай взялся за мятежную провинцию Хубэй. Прибыв в Сяогань (провинция Хубэй), он лично контролирует и ускоряет штурм Бэйянской армией Ханькоу. Захват его войсками Юань Шикая (1 ноября) и подавление армейского бунта на севере избавили цинский двор от огромной опасности. Этим царствующее семейство было обязано Юань Шикаю, и тот не преминул добиться признания своих заслуг. Он получил военную власть в столичном районе и добился от цинского двора согласия организовать ответственное Нэйгэ, чего добивался раньше. В тот самый день, когда Бэйянская армия заняла Ханькоу, было объявлено о роспуске «Нэйгэ, состоящего из членов царствующей фамилии», о назначении Юань Шикая цзунлидачэнем (премьером) Нэйгэ. Поражение на поле боя революционеров-маньчжурофобов обернулось усилением позиций при дворе ханьской бюрократии в лице Юань Шикая. Победу над политическими противниками в лице революционеров правящий клан ознаменовал сдачей властных позиций.

Таким образом, пока на юге с оружием в руках боролись за свержение маньчжурской монархии, на севере мирным путем ее преобразовали в конституционную монархию. 2 ноября Цзычжэньюань¹⁵ приняла конституцию Китая. 19 ее пунктов были продиктованы командованием Бэйянской армии. Первым по значимости лицом в столице империи официально стал Юань Шикай. Отныне «вся ответственность», гласил высочайший указ, за назначение чиновников и выполнение воли правительства возлагается на премьер-министра и министров.

Нанося поражение революционерам в районе Трехградья (городов Учан, Ханькоу, Ханьян) Центрального Китая, Юань Шикай расправляется с мятежными командирами — У Лучжэнем и Чжан Шаоцзэном¹⁶. После захвата Бэйянской армией Ханькоу, Юань Шикай демонстрирует стремление поладить с революционным лагерем. С одной стороны, звучат умиротворяющие призывы, с другой, Юань Шикай снова направляет письмо главе революционного режима Ли Юаньхуну. Ли и его соратникам были обещаны амнистия и высокие посты, их просили стать вновь лояльными Пекину на условии, что будет создано конституционное правительство, которое сделает трон «подобно идолу, которому поклоняются монахи». Для личных переговоров с Ли Юаньхуну Юань Шикай 11 ноября направил в Учан своих представителей.

Юань Шикай не упускает возможности продемонстрировать свою приверженность конституционным порядкам. Он не принял назначения на пост премьера согласно указа императора от 1 ноября. Это волевое назначение Юань Шикая премьером по сути было последним актом самодержавия. Но Юань Шикай отказывается признавать властные полномочия монарха. Он хочет быть избранным собранием в соответствии с новой конституцией. 8 ноября Цзычжэньюань на основании недавно обнародованной конституции выдвинула Юань Шикая на пост премьера. На следующий день трон «согласно конституции» подтвердил это назначение. Получив государев указ об этом, Юань Шикай не преминул встать в позу, не спеша засвидетельствовать благодарность трону. Под различными предлогами оставался в Сяогани и только после неоднократных телеграмм двора соблаговолил выехать в Пекин. 14 ноября Юань Шикай представился вдовствующей императрице Лун Юй и поклялся в своей верности цинскому дому. После этого он посетил посланников держав и сделал заявление, опубликованное в газете «Ши бао», 1—2 декабря 1911 г., в котором изложил свою политическую программу. Вкратце суть ее такова. На протяжении нескольких сот лет в Китае нет авторитетного ответственного правительства. В этом причина нынешней смуты. Продолжение ее чревато распадом государства. Для прекращения междоусобицы нужно немедленно создать прочное правительство. Какая будет политическая система в Китае? «Мое главное желание заключается в сохранении государя (хуанди) настоящей династии, то есть я за конституционно-монархическую систему власти, [однако] с прежним односторонним подходом в маньчжуро-ханьских отношениях естественно надлежит полностью покончить».

Говоря о своем желании сохранить цинскую монархию, Юань Шикай не претендует, чтоб оно было директивной: «я намереваюсь созвать людей всех провинций, чтобы изучить большой вопрос: в конечном счете какая политическая система Китаю нужна?»¹⁷.

Это заявление Юань Шикая — политическая программа премьера конституционной цинской (маньчжурской) монархии. Она адресована ее противникам, как основа для примирения. В условиях тогдашней китайской действительности основная политическая борьба шла вокруг того, каким быть государственному строю в Китае. Выступления против монархии одновременно были выступлениями против присутствия инородцев-маньчжуров как таковых. В дни Синхайской революции часть элиты ханьского этноса решала политическую и национальную задачи — свержение монархии и обретение национальной независимости. В последнем случае национальный императив гипертрофировался в националистический экстремизм, принимавший формы геноцида маньчжуров как народности.

Ликвидация политической власти маньчжуров на местах сопровождалась не только физическим истреблением чиновников-маньчжуров, но и поголовной резней маньчжуров как таковых. В отличие от националистического экстремизма политиканов-революционеров Юань Шикай выступал за национальное примирение ханьцев и маньчжуров. За последними стояли монголы, чьи князья были в особых, привилегированных отношениях с маньчжурским домом. Гонения на маньчжуров находили соответствующий отклик среди монголов и других инородцев, подданных империи Цин, что было чревато отложением их от Китая.

Как премьер Юань Шикай был против решения вопроса о политическом устройстве Китая политиками и военными, которые делают ставку на силу. Монархия — традиционная форма государственного устройства Китая и каким оно будет следует решать, считает Юань Шикай, общенациональному представительному форуму. Но он возможен только при условии примирения революционеров и монархии. Волеизъявление о государственном устройстве должно исходить от народа как такового без градации его на особые социальные группы. «Все имеют интересы, все имеют мнения. Научные, военные, шэньшыйские¹⁸, торговые круги — все высказывают суждения. Если позволить повсеместно всем создать маленькие организации, тогда не будет

единства мнений, не смогут [они] слиться, или возникнет бедствие расчленения [страны]!».

Юань Шикай последовательно осуществлял курс на изживание политического наследия маньчжурского царствующего клана, на китаизацию высших органов власти. Ранее уволенные цинским правительством деятели (Лян Шии, Тан Шаои и др.) возвращаются в Пекин и помогают Юань Шикаю формировать кабинет. 16 ноября Юань Шикай обнародовал список Нэйгэ. Символично, что там значился лишь один министр-маньчжур. В состав кабинета в качестве замначальника правового ведомства был включен Лян Ци-чао¹⁹. Сторонник реформатора-императора Цзай Тяня после дворцового переворота вдовствующей императрицы Цы Си он эмигрировал. Включая в состав своего кабинета Лян Ци-чао, Юань Шикай рассчитывал на поддержку старорежимной интеллектуальной элиты, в особенности оппозиционной цинскому дому.

Кабинет Юань Шикай формировал по собственному усмотрению: большинство членов составили его приверженцы или старые друзья. Оставляя в стороне проявления nepотизма, которыми отмечена кадровая политика Юань Шикая, отметим, что она открывала перед ханьской элитой бóльшие, чем прежде, возможности в решении важнейших государственных дел Китая. Голос маньчжурской аристократии уже не играл решающей роли. Такая подвижка отвечала националистическим устремлениям определенных слоев ханьского этноса.

Став премьером маньчжурской монархии, ханец Юань Шикай оказался не в состоянии сдержать отторжение периферийной ханьской элиты от Пекина, как единого политического центра страны, ибо он оставался олицетворением маньчжурского царствующего дома.

Тем не менее Юань Шикай всеми путями пытается закрепить представление о Пекине, как о столице, где инородцы уже не правят, но реальная власть у ханьцев в лице премьера Юань Шикая. Он добивается устранения членов царствующего клана от какого-либо участия в решении государственных дел. Юань Шикай использует здесь и вдовствующую императрицу Лун Юй, и британского посланника Дж. Н. Джордана. При его поддержке Юань Шикай убедил Цзай Фэна передать большую печать «князя-регента» и вернуться в свою резиденцию. Цзай Фэн сохранил титул, но лишился возможности даже формально санкционировать решения кабинета.

Юань Шикай прекрасно сознавал, что реальная политическая власть у того, у кого военная сила. 10 тысяч человек дворцовой стражи в Пекине, находившейся под началом князя-регента, не без оснований тревожат Юань Шикая. Первым делом он назначает генерала Бэйянской армии Фэн Гочжана командующим дворцовой стражей и одновременно переводит ее артиллерийские части из Пекина в провинцию Шаньси. Затем под предлогом подготовки и выступления в поход, Юань Шикай вывел дворцовую стражу из Пекина и поручил Дуань Чжигую (брату известного военачальника Бэйянской армии Дуань Цижуя) сформировать особые охранные части и разместить их в столице. В итоге Юань Шикай стал фактически хозяином столицы при сохранении присутствия маньчжурского императорского дома. Вдовствующая императрица Лун Юй и малолетний император Пу И реальной власти не имели. Но проблема отношений Пекина как центра с периферией, где местные политики не признавали его власти, оставалась нерешенной.

Одной из своих первостепенных политических задач Юань Шикай провозгласил примирение с революционерами. После организации Нэйгэ он вновь посылает своих порученцев в Ханькоу. 20 ноября они начали переговоры с представителями Ли Юаньхуна. По мнению Юань Шикая усовершенствование политической системы приведет в будущем к созданию конституционной монархии.

В таких условиях Юань Шикай продолжает военную кампанию. 27 ноября Бэйянская армия заняла Ханьян. Но на следующий же день Юань Шикай распорядился прекратить наступление. Атака на Ханьян была лишь такти-

ческим приемом с целью сделать противную сторону более сговорчивой. Одновременно он просил британского посланника Дж.Н. Джордана посредничать в мирных переговорах. Не без участия британского консула в Ханькоу боевые действия между императорскими и революционными войсками в районе Трехградья были прекращены.

В начале декабря военное противостояние монархистов и республиканцев ознаменовалось ничейным результатом: первые завладели Ханьяном, последние — Нанкином. Так Китай оказался разделенным на монархический Север и революционный Юг. Пекину, как столице империи Цин, в лице премьера Юань Шикая противостоял неустойчивый конгломерат политиканов-республиканцев, представлявших отложившиеся провинции. У Тинфан, ответственный за внешние контакты республиканцев, предлагает Юань Шикаю мирные переговоры. Тот соглашается и направляет к южанам своего старого помощника и советника Тан Шаои. Лидеры южан хотели компромисса с «сильным человеком» Севера, но на условиях, которые поставили бы его под их власть: республика, с Юань Шикаем как президентом, избранным ими, под руководством и под надзором парламента, а не ограниченная монархия, в которой бы Юань Шикай пользовался властью с одобрения марионетки-императора.

Тан Шаои оказался плохим защитником монархии. 20 ноября он перешел на сторону У Тинфана и уведомил Юаня, что он «убедился, что только отречение императора и учреждение республики удовлетворят народ и предотвратят дальнейшее кровопролитие». Юань Шикай вновь открыто заявил, что является противником республики. «Если бы я участвовал в установлении республики, — отвечал Юань Шикай Тан Шаои, — то это бы заклеило меня как лжеца перед всем миром». Пекинскому корреспонденту «The Times» Моррисону Юань Шикай заявил: «Учреждение республики могло означать лишь нестабильность из-за безудержной демократии, распрей и расчленения. В таких условиях интересы всех пострадают и в империи в течение нескольких десятилетий не будет мира»²⁰.

Среди причин, которые определяли неизменность позиции Юань Шикая, следует выделить живучесть монархических настроений среди правящей ханьской элиты. Ряд ее представителей, внешне поддерживая революцию, утвердились в качестве правителей провинций, сохранив монархические симпатии. Это были правители провинций Хубэй, Хунань, Чжэцзян, Сычуань, Цзянсу. Политически они поддерживали Юань Шикая.

В то же время Тан Шаои и У Тинфан договорились созвать Национальное собрание, которое решит вопрос о форме государственности. Об этом 27 декабря Тан Шаои уведомил Юань Шикая. В тот же день Юань Шикай телеграфировал просьбу вдовствующей императрице созвать совещание членов царствующего дома. Тан Шаои, докладывая Юань Шикаю трону, считает, что ничего не остается, как срочно открыть Национальное собрание, созвать представителей всех провинций, чтобы сообща решить вопрос — монархия или республика. Если не согласиться, тогда переговоры прекращаются. Если переговоры прервутся, тогда раскол. А если раскол, тогда вновь начнутся бедствия войны. Если потерпим поражение и враг подступит к городу [Пекину], разве можно будет сохранить в неприкосновенности государя и благородных сородичей? Разве можно будет защитить жизнь и имущество иностранцев? Если созвать Национальное собрание, услышать голос народа, действительно можно будет надеяться на то, что в стране сохранится монархия. А если допустить, что решат быть республике, то обращение с императорским семейством будет лояльным и есть надежды на счастье и благополучие Китая. До окончания срока нынешнего соглашения о прекращении военных действий остается только 3 дня, если не получить высочайшего указа на открытие Национального собрания, тогда надежда на неограниченное перемирие безусловно рухнет²¹. Цинский двор оказался вынужденным согласиться на созыв Национального собрания. Юань Шикай тут же телеграфировал Тан Шаои указание обсудить с У Тинфаном порядок выборов. С учетом перспек-

тивы общенациональных выборов Юань Шикай всемерно укрепляет свои позиции в провинциях Севера. Для этого он сурово расправляется с революционерами, членами Тунмэнхуэя, с общественными деятелями, демонстрировавшими свою независимость от Пекина, укрепляет связи с правителями Маньчжурии Чжао Эрсюнем и Чжан Цзолинем.

Основной вопрос революции — ликвидация маньчжурской монархии — вступил в новую фазу с прибытием в страну Сунь Ятсена. В день его приезда, 25 декабря 1911 г., участники мирных переговоров представителей революционеров и Пекина договорились, что вопрос о будущей форме государственного строя будет решен Национальным собранием. Однако эта договоренность была довольно условной, ибо еще ранее, 14 декабря, в Нанкине, который был провозглашен столицей Китайской республики, оппозиционные Пекину деятели решили избрать Сунь Ятсена президентом заочно. Формально он избирается в Нанкине 29 декабря 1911 г. временным президентом. Происходит это на собрании выборщиков от ряда провинций²².

29 декабря Юань Шикай объявил, что Тан Шаои, подписав соглашение о процедуре созыва парламента, превысил свои полномочия. Поскольку он, Юань Шикай, не признал этого соглашения, то отправляет Тан Шаои в отставку, а о последующих переговорах с У Тинфаном сам договорится. Он также отказался рассматривать предложение республиканцев о будущем правительстве из-за обстоятельств, сопутствующих избранию Сунь Ятсена.

30 декабря Цзычжэнюань высказался против республики. Политический демарш монархически настроенной элиты Севера поддержала Бэйянская армия. Так республиканский режим в лице Сунь Ятсена и монархия в лице Юань Шикая противостояли друг другу. 29 декабря 1911 г. Сунь Ятсен по телеграфу уведомил Юань Шикая, что хотя временно принимает обязанности президента республики, но намерен оставить этот пост другому.

В ответной телеграмме от 2 января 1912 г. Сунь Ятсену, уже выступавшему как временный президент республики, Юань Шикай сообщал, что вопрос о том быть стране монархией или республикой решит нация. Юань Шикай давал ясно понять, что не признает легитимности президента Сунь Ятсена и намерен узнать его отношение к решениям представительного всекитайского Национального собрания, когда оно состоится.

Считая, очевидно, ниже своего достоинства вступать в объяснения с «самозванным» президентом, Юань Шикай обращается за разъяснениями к У Тинфану относительно намерений новоявленного режима. 5 января Юань Шикай телеграфирует У Тинфану: «Слышал, что в Нанкине неожиданно организовано правительство. Притом в тот день, когда Сяо Вэнь (Сунь Ятсен. — В.К.) вступил в должность президента, он поклялся изгнать маньцинское (маньчжурское, цинское. — В.К.) правительство²³. Это явно противоречит моему мнению, что Национальное собрание решит вопрос о [государственном строе]. Особо спросите уважаемых представителей у этого избранного президента, с какой целью его избрали?».

Между Юань Шикаем и У Тинфаном завязалась бесплодная телеграфная баталия вокруг трех проблем: прекращение боевых действий и отвод войск, Национальное собрание и временное правительство. В частности, Юань Шикай отклонил утверждение У Тинфана, что собрание в Нанкине, созванное под революционной протекцией, было подлинно представительным. Он требовал созыва конференции в Пекине, Чифу или даже в Ханькоу. Фактически вопрос уже решен, отвечала противная сторона, и другое собрание не нужно.

Пропагандистская кампания радикальных революционных деятелей за свержение монархии сфокусировала внимание на личности Юань Шикая, как на одном из основных противников революции. Экстремистские ханьские националисты создают «Дружину тайных убийц». Она поставила цель физически расправиться с Юань Шикаем. 16 января 1912 г. на улице Динцзыцзе на Юань Шикая по возвращении из императорского дворца было совершено покушение.

Ко времени покушения на Юань Шикая двор получил из Нанкина условия отречения. Цзай Фэн, давний недруг Юань Шикая, советуется с ним, как быть. Юань Шикай посетовал экс-регенту на безнадежность ситуации и на свою неспособность подавить революцию, акцентировал первостепенную важность объединения страны.

В день, когда была брошена бомба в экипаж Юань Шикая, он перед этим с князьями И Куаном и Цзай Фэном составили пробный план, который бы позволил осуществить отречение монарха и дал бы возможность Юань Шикаю объединить страну. Как предусматривалось планом, трон берет обратно государство под свой полный контроль, формально приняв отставку Юань Шикая и его кабинета. Заключительным указом Юань Шикай назначается миротворцем и провозглашается отречение, после чего Юань Шикай формирует в Тяньцзине временное правительство. Этот план был передан республиканцам.

Бомба, взорвавшаяся на Динцзыцзе, явилась прелюдией к очередной угрозе со стороны республиканцев в отношении монархии и ее премьера Юань Шикая. Для республиканцев план отречения, составленный двором с ведома Юань Шикая, означал передачу ему полномочий трона. В этом случае нанкинская администрация представляла как мятежный режим, выступающий против центрального правительства, признанного иностранными государствами. Поэтому республиканцы ополчились против упомянутого плана, настаивая на том, чтобы император отрекся без передачи кому-либо своих полномочий. Словом, нанкинская администрация претендовала на то, чтобы быть правопреемником Пекина. Отвечая Юань Шикаю относительно предложенного двором плана отречения, республиканцы выдвинули четыре условия. Во-первых, император должен отречься и отказаться полностью от власти суверена. Во-вторых, ни один маньчжур не может входить в состав будущего временного правительства Китая. В-третьих, временная столица не может быть в Пекине. В-четвертых, Юань Шикай не участвует в республиканском временном правительстве до тех пор, пока за рубежом не признают последнее как преемника маньчжурского правления в стране и до тех пор, пока оно не будет реконструировано и не будут установлены мир и согласие.

Это был ультиматум Нанкина. Если вышеизложенные требования, уведомил он, не будут приняты, то 29 января, когда срок перемирия истечет, боевые действия будут возобновлены. Юань Шикай не оставил ультиматум южан без внимания, выставив их как противников национального согласия. Я, заявляет Юань Шикай, исхожу теперь из желания служить высшим инте-

ресам всего народа Китая, а не той или другой его части. Я не преследую личных амбиций, а лишь надеюсь продолжать свою службу в качестве премьер-министра с целью обеспечить надлежащие выборы представителей в Национальное собрание или другими средствами подтвердить подлинные взгляды большинства народа относительно будущего правительства. Принимая во внимание, что отношение республиканских вожаков создает трудности для проведения всеобщих выборов, он говорит о желании по возможности как можно быстрее добиться мира и создания прочного правительства. Для этой цели он готов, по его словам, уйти в отставку и передать контроль любому способному вожаку, который добьется результата в разрешении ситуации в высших интересах Китая. «Я, — заявляет Юань Шикай, — не борюсь за сохранении [власти] маньчжуров, — но за поддержание закона и порядка. В настоящее время мои военные планы чисто оборонительные. Я не атакую республиканцев, но если военные действия возобновятся, генералы на фронте могут действовать с широкими полномочиями, данными им»²⁴.

Цинский режим в лице вдовствующей императрицы Лун Юй и премьер-министра Юань Шикай заявляют о готовности сопротивляться республиканцам. Но для оказания действенного противодействия одним полномочий фронтовым командирам было мало. Для войск требовались деньги. Лун Юй дала добро на заем у Японии. Это означало, что ханьцам пришлось бы оплачивать новые расходы по защите маньчжурского клана и давало бы Японии новые возможности для вмешательства во внутренние дела Китая. Идее получить заем у Японии решительно воспротивился Юань Шикай и от нее отказались.

Инцидент на улице Динцзыцзе и ультиматум республиканцев, очевидно, укрепили Юань Шикай во мнении, что медлить с отречением монарха нет смысла: это затягивало агонию режима и усугубляло внутри- и внешнеполитическое положение страны. Он разъясняет И Куану, что войска не спасут режим и что для безопасности цинского дома и маньчжуров наилучшее политическое решение — отречение.

Найдя взаимопонимание у И Куана, Юань Шикай от имени всех членов кабинета направил доклад Лун Юй. Народное войско (т.е. республиканское. — В.К.), с которым заодно и толпы людей, говорилось в докладе, решительно стоит за республику, а у правительства нет достаточно войск. Если как обычно медлить, то настанет день, когда изнутри все развалится. Покорный слуга и министры, резюмировал Юань Шикай, неоднократно принимая во внимание крайнюю важность изменения государственного строя, не осмеливаются демонстрировать военную мощь, навлекать беды на народ, не решаются также безрассудными поступками производить перемены, чтобы погубить государственный строй. Желаем лишь того, чтобы вдовствующая императрица, император созвали императорское семейство и на этом совещании срочно определили политическую линию²⁵.

По получении упомянутого доклада Лун Юй тотчас же созвала собрание членов царствующего дома в присутствии императора. Два дня, 17 и 18 января, обсуждался вопрос об отречении от трона. Большинство выступило против. 19 января для участия в очередном совещании при высочайшем присутствии Юань Шикай направил Чжао Бинцзюня, Лян Ши и Ху Вэйдэ изложить предложения кабинета. Они заключались в следующем. Одновременно распускаются правительство в Пекине и Нанкине, в Тяньцзине создается временное объединенное правительство, созывается парламент, который решит вопрос о государственном строе. Маньчжурские князья отвергли все эти предложения. Представители Юань Шикай пригрозили отставкой кабинета. Совещание окончилось безрезультатно. Лян Би и другие члены правящего дома, его единомышленники, считая Юань Шикай нелояльным династии, обрушились на него с нападениями. Кампанию инициировала партия «Цзун шэ дан» и велась она от имени некоего Союза в поддержку конституционной монархии. В то же время на местах распространялось «Коллективное заявление ханьцев, состоящих в знаменитых войсках Пекина»²⁶. Юань Шикай обвинялся в том, что «презирает основные правила поведения, наносит вред и позорит государственный строй».

В нападках на Юань Шикая с приверженцами цинской монархии блокируется нанкинское временное правительство. Оно заявило о тайных намерениях Юань Шикая, который не «только хочет устранить маньчжинское правительство, а к тому же желает ликвидировать национальное правительство».

Позиция Юань Шикая во время общенационального политического кризиса, спровоцированного революцией, определялась целым комплексом факторов разного порядка. Достоверно воссоздать их с достаточной полнотой не представляется возможным. Но тем не менее примечательные обстоятельства, лежащие на поверхности, заслуживают внимания, поскольку в известной степени позволяют представить некоторые мотивы поведения Юань Шикая. Известные сановные бюрократы, зная о его монархических убеждениях и его неприязни к князю-регенту Цзай Фэну, захватившему было бразды правления, подогревали властные амбиции Юань Шикая, пытая его, почему бы ему самому не стать императором. Так, сановник Ни Сычун и другие внушали Юань Шикаю: «В Поднебесной великая смута, народу не на что положиться, тот, кто быстро идет, первым станет». Иными словами, это был намек на то, чтобы Юань Шикай провозгласил себя императором. Юань Шикай отклонил это предложение.

Негативная реакция Юань Шикая на такого рода зондаж позволяет близко подойти к пониманию его политической философии вообще и его отношения к революции 1911 г. в частности. Традиционные конфуцианские заповеди по всей видимости в определенной степени довели над сознанием Юань Шикая. Революция, участники которой выступали против власти монарха, дарованной ему Небом, претила Юань Шикаю в силу уже своей противоестественности. Монархия на протяжении веков была традиционной формой китайской государственности и она, как представлялось Юань Шикаю, была привычна для психологии рядового обитателя Поднебесной, не сведущего в преимуществах иного государственного устройства, нежели извечно существовавшего и олицетворяемого царем (императором). Он, как отец и глава семейства (общества), составленного из разнородных по своему социальному положению сородичей (сочленов), имел больше возможностей поддерживать внутренний порядок в общем доме, т.е. в Поднебесной, уже в силу сакрального характера своей авторитарной власти. Республика как политический институт была чужда традиционной политической культуре Китая. Всевластие бюрократии определяло деспотическую природу существовавшего на протяжении веков Китайского государства. При такой системе мнение плебса, т.е. всех тех, кто не принадлежал к правящей элите, в обычных, не экстраординарных условиях, не принималось во внимание при решении общенациональных дел и вопросов. Деспотия монарха в известных временных пределах обеспечивала внешнее единомыслие в стране, что в определенной степени сохраняло до какого-то времени внутривластическую стабильность. Республиканское же государство, основанное на т.н. принципах демократии, изначально не могло обеспечить внутренней стабильности в Поднебесной, ибо «народовластие» развязывало разномыслие и социальные инстинкты различных слоев общества, а избираемый глава государства (президент) не мог считаться беспристрастным арбитром в силу того, что не имел «мандата Неба», но был человеком определенной группы, которая в данный момент располагала возможностями выдвинуть угодную ей личность на пост лидера страны. И когда Юань Шикай говорил, что не приемлет республики, за которую боролись революционеры, то он защищал не столько правящий маньчжурский дом Цин, но отстаивал историческое право на существование монархии как таковой. Этим (наряду с причинами чисто личного порядка) и определялся подход Юань Шикая к революции 1911 года.

Создание правительства на Юге противоречило интересам определенных кругов ханьской общественности на Севере. Они хотели, чтобы Юань Шикай в том или ином качестве оставался правителем Китая. Так, по сообщению газеты «Ши бао» (23 января 1912 г.) приверженцы Юань Шикая Чжао Бинцзюнь, Ян Идэ и др. побудили чиновников и шэньши Севера выступить

с таким предложением: после отречения цинского двора тут же организовать временное правительство, выдвинуть Юаня в качестве президента. Если правительство Юга не подаст в отставку, тогда выдвинуть Юань Шикая в императоры.

Юань Шикай, выступая олицетворением цинской монархии, стал объектом нападков как ханьских националистов, так и маньчжуров, с которыми блокировались ханьцы, чье социальное положение или благополучие было связано с цинским режимом. Отражая их интересы, «Цзун шэ дан», партия монархистов, развертывает кампанию нападков на Юань Шикая. Основной мотив таков: ради собственного президентства он согласен на отречение императора. Некие деятели от имени чиновников, шэньши, торговцев, солдат и гражданских лиц семи провинций (Чжили, Хэнань, Шаньдун, Шаньси, Фэньтянь, Гирич, Хэйлунцзян) обвиняли его в том, что он обижает одинокую вдову (т.е. вдовствующую императрицу Лун Юй), предаст родину, домогается почестей. Юань Шикаю писали: «хочешь империю нашей династии уступить ханьцам, мы никоим образом не потерпим этого...». Подобные заявления были не пустыми угрозами, учитывая наличие в Пекине нескольких тысяч маньчжурских солдат. Они распространяли плакаты с призывами стоять насмерть, защищая династию.

Для острастки группировки князей, выступавших против отречения императора, Юань Шикай перебросил в Пекин часть 3-й дивизии Бэйянской армии. Одновременно он сделал заявление для китайских и зарубежных корреспондентов: «В обществе ныне много подозрений, что я желаю быть президентом республики. Это смешно. Хотя на Севере народ и войска поддерживают эту идею. И Сунь Исянь (Сунь Ятсен) и все демократы-республиканцы говорили: «Император отрывается от престола, тут же выдвигаем [Вас] на пост президента». Однако я не могу принять эту должность. Во-первых, если взять на себя обязанности президента, то это выглядит так, что в вопросе об отречении нынешнего цинского императора исхожу только из собственных своекорыстных интересов, тогда последующее поколение в Поднебесной будет смотреть на меня, что я за человек? Во-вторых, управлять в качестве президента нелегко... Чтобы в целом обстановку стабилизировать, нужно обеспечить порядок на Севере, и тогда мой долг уже выполнен, остальное фактически нежелательно для меня»²⁷.

Инцидент на улице Динцзыцзе дал Юань Шикаю повод, сказавшись больным, не являться ко двору. (Но недомогание не помешало ему присутствовать на поминании убитых во время покушения на него охранников). Все дела, связанные с личными докладами и испрашиванием указов, он поручил Чжао Чэнцзюню, Лян Шици, Ху Вэйдэ. Одновременно он заявлял о скором уходе в отставку с поста премьера. 26 января Лун Юй жалуется Юань Шикаю титул хоу 1-й степени. Юань Шикай вежливо отказывается от такой чести: не заслужил. 27 января Дуань Цижуй и другие 16 бэйянских военачальников сообщают телеграфировали двору требование объявить указом в Китае и за его пределами, что учреждается республиканское правление. И тут же Юань Шикай дал понять, что его служению цинскому двору пришел конец. По указанию Юань Шикая Ху Вэйдэ, Чжао Бинцзюнь явились во дворец объявить Лун Юй «что полезно, а что вредно». Уразумев это, 3 февраля вдовствующая императрица передает Юань Шикаю полномочия оговорить с нанкинским временным правительством условия отречения от престола. Юань Шикай, несколько дней сказывавшийся больным и потому не являвшийся во дворец, немедленно там объявился и представил Лун Юй условия отречения.

8 февраля Дуань Цижуй телеграфировал трону ультиматум: или отречение или войска входят в столицу, и с ванами и гунами разберутся, что «полезно, а что пагубно». Демарш командиров Бэйянской армии поддержал ряд провинциальных правителей. 12 февраля 1912 г. двор согласился на отречение.

До того, как были обнародованы условия о льготах цинскому дому, Юань Шикай телеграфировал нанкинскому правительству об отречении цинского

государя Пу И и обнародовал политическую платформу. В ней говорилось, что республика является наилучшей государственной системой, признанной во всем мире, и что самодержавия в Китае никогда больше не будет ²⁸.

Отрекшаяся от власти цинская династия поручила Юань Шикаю осуществить республиканское правление в стране. На это нанкинский режим отреагировал предостережением Юань Шикаю: «Республиканское правительство не может быть организовано посредством каких-либо полномочий, дарованных цинским императором. Любая такая претензия безусловно приведет к неприятностям. Конечно, Вы не примете таких полномочий». В ответной телеграмме Нанкину Юань Шикай в обтекаемой форме говорил о желании совместно с ним заняться государственным строительством, но не связывал себя какими-либо конкретными обязательствами. Он высказал желание приехать на юг, чтобы «выслушать Ваши советы и строить с Вами планы». 14 февраля в Нанкине, не дожидаясь приезда Юань Шикая, Сунь Ятсен подал в отставку и рекомендовал временной совещательной палате Юань Шикая своим преемником: «Отречение Цинов и союз Севера и Юга в большой степени обязаны громадным усилиям господина Юаня. Он объявил о своей безусловной верности национальному делу. Он был нашим оппонентом вчера, но сегодня он наш друг. Он безусловно окажется самым преданным слугой Республики» ²⁹.

15 февраля временная совещательная палата избрала Юань Шикая временным президентом, оговорив, что Сунь Ятсен и его кабинет будут функционировать до инаугурации Юань Шикая. Она должна состояться в Нанкине, которому, как настаивал Сунь Ятсен, надлежит быть столицей Китайской республики. Юань Шикай оттягивал свой приезд в Нанкин. Давали себя знать соображения престижа, устоявшиеся связи с влиятельными общественными силами Севера, и, наконец, соображения личной безопасности. Бунт войск пекинского гарнизона дал удобный повод Юань Шикаю отказаться от инаугурации в Нанкине. Она состоялась 10 марта в Пекине. Юань Шикай дал присягу «честно стараться совершенствовать Республику, уничтожить вред абсолютной монархии, соблюдать конституционные законы, повысить благосостояние страны, крепко соединить пять рас и по назначении постоянно президента уйти в отставку» ³⁰.

В качестве президента Юань Шикай сразу же объявил об освобождении от всех неуплаченных налогов и о помиловании всех лиц, за исключением убийц и грабителей. Из всех своих обязательств временного президента, данных на инаугурации, Юань Шикай наиболее серьезно отнесся к обещанию «крепко соединить пять рас», т. е. ханьцев и неханьцев. Последних традиционно правители Китая считали себе подвластными. Он не смирился с независимостью отложившейся от Китая Внешней Монголии. Пекин добился того, что по Кяхтинскому соглашению (7 июня 1915 г.) Внешняя Монголия признавала сюзеренитет Китая и свой статус автономной части китайской территории. Против стремившегося к самостоятельности Тибета Юань Шикай послал войска. Все это отвечало великодержавным устремлениям китайской общественности, главных политических противников Юаня — Сунь Ятсена, Хуан Сина.

Соблюдая демократический декорум, Юань Шикай не воспрепятствовал выборам в Национальное собрание, на которых тон задавали его политические противники Сунь Ятсен и др., создавшие партию Гомиьндан (25 августа 1912 г.). Она же доминировала в Национальном собрании. Юань Шикай однако не хотел быть ни временным, ни тем более подотчетным перед «избранниками народа» главой государства. И вызов этим амбициям бросил Сун Цзяожэнь, представитель партии Гомиьндан на митинге в Пекине. Он потребовал ответственного партийного правительства. Юань Шикай не замедлил отреагировать. Несколько его сторонников, военных губернаторов на Севере, обратились к президенту с предложением: постоянную конституцию надлежит составить комитету, назначенному президентом вместо парламентского комитета, как предписывалось временным законодательным

собранием. В ответ парламент, где преобладали гоминьдановцы, устроил obstruction президенту, которую спровоцировало и убийство Сун Цзяожэня (его Гоминьдан прочил на пост премьер-министра).

Парламентарии не позволили ни Юань Шикаю официально присутствовать на заседании, ни его главному секретарю зачитать послание президента. Раздавались призывы к его импичменту за убийство Сун Цзяожэня³¹, строго расследовать его «угодничество» перед иностранными государствами и капиталом. 27 апреля 1913 г. Юань Шикай подписал соглашение о займе с финансистами Британии, Франции, Германии, Бельгии, России, Японии, не передав его на рассмотрение парламента. Тот объявил контракт недействительным. Следом парламент отверг президентский бюджет. В июне парламентарии назначили конституционный комитет. У Алтаря Небу его члены постановили составить основной закон, который бы больше, чем когда-либо, поставил президента под контроль парламента.

Политиканы с революционной программой и военачальники на местах, в особенности на Юге, выступали в качестве основного препятствия амбициям Юань Шикая остаться верховным правителем страны и притом авторитарным, не зависящим от парламента. Периферийные милитаристы, в особенности на Юге, выступают как главное препятствие централизации государства под эгидой Пекина и лично Юань Шикая как президента Китайской республики. Поэтому он берет курс на сокращение численности войск, прежде всего на Юге. Одновременно он физически расправляется с неугодными ему военачальниками (по наводке Ли Юаньхуна в Ханькоу были убиты генералы Хуан и Чэн), а других распоряжается сместить. Президентским указом был снят с должности командующего южными войсками Хуан Син. Однако военный губернатор провинции Цзянси Ли Лецзюнь отказался уйти в отставку по требованию президента. Неповиновение ему выразили еще трое (военный губернатор). Заодно с генералами выступили Сунь Ятсен (ему Юань Шикай доверил осуществлять программу железнодорожного строительства) и Хуан Син. Юань Шикая, провозгласили они, «следует наказать силой». Однако страна осталась глуха к призыву Сунь Ятсена. Союзы торговцев, принимая во внимание стабильность, которая только что вернула им дореволюционное процветание, выступили против возобновления боевых действий. В частности, союзы торговцев Гуанчжоу возлагали надежды на Юань Шикая, связывая с ним возможное процветание³². Широкое общественное мнение было далеко не убеждено, что Юань Шикай «продает все» иностранцам. У него, как было хорошо известно, непримиримая вражда к Японии, которую в Китае всего больше боялись. Рядового обывателя мало заботило должно ли быть пекинское правительство правлением диктатуры или гоминьдановской олигархии, поскольку местные дела согласно древнего обычая оставались в руках сельской верхушки и вожак купеческих гильдий. «В этот распорядок вещей» Юань Шикай очевидно меньше вмешивался, нежели настырные реформаторы.

В конечном итоге военная кампания против Юань Шикая, т.н. «вторая революция», захлебнулась. Руководивший ею Хуан Син спасся бегством на японском судне. В Японии же укрылся и Сунь Ятсен. 3 октября парламент избрал Юань Шикая президентом. Не обошлось без беспорядков. Для разгрома депутатов Юань выставил вокруг парламента войска. 10 октября 1913 г., во вторую годовщину республиканского национального праздника, в «Зале великой гармонии», в бывшей резиденции цинских императоров, Юань Шикай был возведен в должность первого официального президента Китая.

26 октября конституционный комитет представил документ о полномочиях президента, который получал лишь право председательствовать на заседаниях кабинета. Кабинет полностью отвечает перед парламентом. Договоры ратифицируются большинством обеих палат парламента. Президентские мандаты не имеют силы, если не скреплены подписью главы кабинета.

Юань Шикай тогда воззвал к дуду. Некоторые из них отозвались требованием распустить парламента. 4 ноября президент объявил вне закона Го-

миньдан, изгнал из парламента как изменников больше половины его членов. Но для виду Юань Шикай призвал их заместителей (каждый будущий член парламента во время выборов имел первого и второго заместителя). Являясь членами той же самой партии, что и изгнанные депутаты, они естественно ответили отказом. 10 января 1914 г. Юань Шикай формально распустил парламент. «Недавно распущенный парламент Китая, — отвечал он на докладную цензоров, — стал посмешищем, потому что все его члены принадлежали к политическим партиям. Среди них надлежит выявить людей, которые унизили профессию работников пера, людей, которым доставляло удовольствие пустопорожнее красноречие, которые использовали деньги и даже оружие, чтобы перевернуть страну верх дном. Партии использовали свою силу, чтобы влиять на выборы и узурпировать власть». Юань Шикай не скрывал, что республиканская форма правления неприемлема для Китая. «Республика существовала 2 года, — разъяснял он членам административного совета, — и за это время принципы и законы были отправлены на свалку, мораль, праведность и самоконтроль преданы забвению... Бойкие демагоги и благонамеренные с виду жулики норвят завладеть имуществом других, с которым они бегут за рубеж. Весьма важно иметь в виду положение народа»³³.

Духовное оздоровление нации Юань Шикай видел в соблюдении традиционных морально-этических норм поведения. В 1914 г. был возрожден официальный культ почитания Конфуция. Юань Шикай на деле отдает должное патриотическому воспитанию, как важному звену в духовном оздоровлении нации. Своим указом он возвел в ранг бога войны Юе Фэя³⁴, одного из героев борьбы китайского народа против чжурчжэней (предков маньчжуров).

Юань Шикай заботит состояние школьного дела и образовательных возможностей. Он одобрил приказ министра просвещения об учреждении в каждой провинции должности учебных инспекторов и распорядился создать в столице большую казенную библиотеку. Выступая за упрочение национальных культурных традиций, Юань Шикай в то же время демонстрирует доброжелательность к деятельности христианских церквей в Китае. Заняв президентское кресло, он издал послание, в котором поздравлял христианские церкви с их успехами в деле благотворительности и просвещения. Жесткие меры Юань Шикай по искоренению опиума объективно были направлены на укрепление физического и нравственного состояния китайского населения³⁵.

Официально именуясь президентом, Юань Шикай фактически был диктатором. Провинциальные собрания были распущены. Согласно временной конституции (опубликована 1 мая 1914 г.), составленной чиновниками Юань Шикай, президент мог обнаруживать или игнорировать законы, принимаемые законодательным учреждением. Его обязанности выполнялись государственным советом, состоящим из назначенцев президента. Время пребывания президента на посту — 10 лет. По истечении этого срока он остается на посту, если государственный совет 2/3 голосов выскажется за продление полномочий президента. Вице-президент, а также военные губернаторы провинций (дучзюны) назначаются президентом. Он же награждает знатными титулами.

Иностранная пресса подчеркивала факт усиливающейся власти президента Юань Шикай, почти равносильной монархической. Его во всех официальных документах именуют «великий президент». При посещении президентом высших правительственных учреждений все присутствующие встают и отвешивают трижды низкие поклоны. Проявление склонности Юань Шикай к монархическим порядкам усматривают и в приглашении им на службу бывших во времена Цинской монархии сановников и членов фамилии Ай-син-Гиоро.

Но в 1915 г. произошло событие, когда Юань Шикай не решился действовать исключительно по своему усмотрению. В 1915 г. Япония предъявила Китаю «21 требование». Принятие их превратило бы Китай в экономического и административного вассала. Расчеты Юань Шикай на вмешательство США и европейских держав не оправдались. Япония же сняла часть перво-

начальных требований. В президентском дворце собираются на совет доверенные люди Юаня. Из-за того, что «возможности страны недостаточны и в настоящее время еще трудно, используя армию, ответить, участники совещания решили принять требования Японии»³⁶.

Приняв требования Японии, Юань Шикай отвел угрозу японской агрессии, но национальному достоинству нации был нанесен удар. То, что президент промедлил с принятием японских требований и удовлетворил домогательства Японии не в полном объеме, обеспечило ему симпатии в определенных кругах китайской общественности. Ху Ши, видный представитель тех кругов новой китайской интеллигенции, которая ориентировалась на духовные ценности западной цивилизации, восхвалял дипломатический талант Юань Шикая, «сумевшего гибко сочетать твердость с уступчивостью, чего еще не видела история дипломатии»³⁷.

Обстановка в стране оставалась крайне неустойчивой. Летом 1915 г. Ян Ду организовал «Союз содействия миру». Как пропагандировал он, новый путь к миру и согласию в стране проложит восшествие Юань Шикая на императорский трон. Планы восстановления монархии встревожили сторонников республики. Один за другим Юань Шикая покидают министры и губернаторы. Уходят в отставку вице-министр юстиции Лян Цичао, государственный секретарь Сюй Шичан, военный министр Дуань Цижуя (бежит из Пекина в одежде кули). Вице-президент Ли Юаньхун предпочитает отсиживаться в Хаьнькоу (хотя его предупреждали тайные агенты президента, что если он не выедет в Пекин, его убьют) и отказывается принять от Юань Шикая титул князя.

Ссылаясь на результаты референдума, проведенного на местах в октябре и ноябре, Государственный совет просил Юань Шикая «подчиниться воле народа и взойти на трон». Президент согласился и коронация должна была состояться 9 февраля 1916 года.

В декабре 1915 г. генерал Цай Э, оставив японское убежище, пробрался в Юньнань и ультимативно потребовал от Юань Шикая отказаться от монархии. О независимости от Пекина объявили губернаторы других южных провинций. Генерал Фэн Гочжан, цзянсууский генерал-губернатор, заявил, что не пропустит через свою территорию правительственные войска, направленные на усмирение отпавших провинций. Примеру Фэн Гочжана, провозгласившего нейтралитет в возможной схватке Юань Шикая с самостийными военными и получившего поэтому кличку «Буфер», последовали другие военачальники. «Положение страны, пришедшее в хаос, может быть спасено, пока еще не поздно, только отречением президента Юань Шикая, — телеграфирует Фэн Гочжан Ли Юаньхуну. — Прошу вас передать эту телеграмму и убедить его, что нет другого исхода для спасения Китая»³⁸.

Сподвижники Юань Шикая по Бэйянской армии покидают его. И в провинциях и в столице почувствовали, что Юань Шикай не может положиться на своих прежних друзей. В январе 1916 г. Юань Шикай вновь отложил коронацию. К марту ему стало ясно: вся страна против него, а его иностранные сторонники покинули его. В таких условиях он отказался от намерения стать императором и публично покаялся. «Я должен повиниться, — огласил его слова Сюй Шичан (он вновь занял пост государственного секретаря). — Я очень сожалею». Юань Шикай воссоздал ответственный кабинет под началом Дуань Цижуя, которому передал всю власть, за исключением военного руководства.

Президента в покоях запретного города (по соседству с ним экс-император Пу И) одолевают страхи и тоска. Он, который безжалостно расправлялся со своими противниками, боится убийства. Вместе с тем иногда он вновь во власти порывов ярости. Он, как говорят, до смерти забил свою самую молодую наложницу. 27 мая 1916 г. президент Китайской республики Юань Шикай скончался.

Кратко оценивая роль и место Юань Шикая в истории Китая, видимо, следует подчеркнуть, что с первых шагов своей служебной карьеры Юань

Шикай отстаивал согласно своей политической философии интересы Китайского государства. И не случайно как «патриота своего отечества» характеризует Юань Шикая его политический противник Хуан Син³⁹.

Примечания

1. Хуайская армия – армия, созданная Ли Хунчжаном для борьбы с тайпинами. Крестьянская война тайпинов (1850–1868 гг.) ознаменовалась созданием государства Тайпин тянго.
2. ВАНИН Ю.В. Политика Китая в отношении Кореи. – Китай и соседи. М. 1982, с. 380.
3. Как рассказал Юань Шикай поверенному США в Пекине Э.Т. Уильямсу, император Цзай Тянь вызвал его к себе и поручил убить командующего главной армией Жун Лу и потом окружить войсками дворец Цы Си, чтобы лишить ее возможности вмешиваться в дела управления. Жун Лу, маньчжур, дружил с Цы Си с детских лет, будучи офицером, спас ее от смерти во время дворцовых интриг. Жун Лу был верным другом Цы Си. И пока под его началом были войска, Цзай Тянь не имел возможностей изолировать Цы Си. Но император не знал, что Жун Лу и Юань Шикай были побратимы. Они кровью поклялись защищать друг друга. Юань Шикай сообщил Жун Лу о полученном им приказе императора. Жун Лу примчался к Цы Си с мольбами: «Спасите». Вдовствующая императрица, выслушав рассказ о заговоре, вызвала к себе Цзай Тяня. «Мальчик, – сказала она, – что это значит?». Затем Цы Си отобрала у императора печати и приказала отправить его под домашний арест. На следующий день его принудили подписать указ, что он серьезно болен, чтобы править и просит вдовствующую императрицу принять регентство. См.: WILLIAMS E.T. China Yesterday and Today. N.Y. 1923, p. 416–418. Новые, не вошедшие в широкий научный оборот сведения о перевороте Цы Си, см. в статье Фан Дэлиня в «Цзинь дай ши яньцзю», 2001, № 3.
4. Если бы другими провинциями управляли такие люди, как Юань Шикай, восстание боксеров можно было бы подавить в зародыше. См.: LI UNG BIN. Outlines of Chinese History. Shanghai. 1914, p. 601.
5. Поводом послужило то, что царское правительство не вывело из Маньчжурии свои войска, оставшиеся там после подавления антииностранного восстания ихэтуаней к назначенному сроку – 8 апреля 1903 г. Японские политические круги инспирировали антироссийскую кампанию. 27–28 апреля токийские газеты опубликовали требования, якобы предъявленные Россией Китаю, о предоставлении ей особых прав в Маньчжурии после вывода оттуда русских оккупационных войск. Эти сообщения в токийской прессе спровоцировали массовые выступления китайских студентов в Японии. Они объявили о создании Студенческой армии и заявили о готовности встать под ее знамена ради «сохранения территориальной целостности и единства нации».
6. The China Year Book. Shanghai. 1912, p. 244; Бэйянский район включал в себя Северо-Восточный (Маньчжурия) и Северный Китай (провинции Хэбэй, Шаньдун, Шаньси).
7. Цзюньчичу – Военный совет, высший правительственный орган Цинской империи. Нэйгэ (Императорский секретариат) – высший правительственный орган, занимавшийся представлением докладов императору и рассылкой его указов.
8. REID J.G. The Manchu abdication and the Powers. 1908–1912. Berkeley. 1935, p. 11.
9. Неизвестно, на каком основании Ю.М.Гарушняц представляет Юань Шикая противником клики Цы Си. См.: ГАРУШЯНЦ Ю.М. Классы и классовая борьба в Синьхайской революции. – Синьхайская революция в Китае. М. 1962, с. 22.
10. Хутуан – старое название провинции, разделенной на Хубэй и Хунань или Лян Ху.
11. ЛИ ЦЗУНИ. Биография Юань Шикая. Пекин. 1980, с. 192 (на кит. яз.).
12. ЛИ ЦЗУНИ. Ук. соч., с. 180, 181.
13. Там же.
14. У Лучжэнь, Чжан Шаоцзэн и Лань Тяньвэй поступили на армейскую службу после того, как вернулись из Японии, где обучались в военном училище. Когда Сунь Ятсен говорил, что он имел контроль над несколькими дивизиями в Северном Китае, то он ссылался на путч У Лучжэня, Чжан Шаоцзэна и Лань Тяньвэя. LIANG CHING-TUNG. The Chinese Revolution of 1911. N.Y. 1962, p.16–17. Сын Юань Шикая Юань Кэдин заверял 2 ноября британского посланника, что взбунтовавшиеся войска в Луаньчжоу действовали по вдохновлению Юань Шикая, тогда как японский авантюрист Кавашима Нанива, который был полицейским инструктором, говорил, убедил У Лучжэня воспрепятствовать возвращению Юаня в Пекин. См.: China in Revolution: The First Phase 1900–1913. New Haven and London. 1968, p. 427.
15. Цзычжэньюань – Верховная совещательная палата. Половина ее членов была назначена тронем. Первая сессия состоялась в октябре 1910 года.
16. В 1910 г. У Лучжэнь снял с должности сетуна (усл. комбрига), Чжоу Фулиня, который был

- обязан своей карьерой Юань Шикаю. Чжоу Фулинь подкупил начальника охраны У Лучжэня Ма Бучжоу и тот 7 ноября убил его. Чжоу Фулинь вернул командирскую должность и весь 6-й чжэнь (усл. дивизия) перешел под контроль Юань Шикая. Узнав о гибели У Лучжэня, Чжан Шаоцзэн бежал в Тяньцзинь и укрылся в иностранном селтльменте. Не внушавший доверия 20-й чжэнь был расформирован.
17. БАЙ ЦЗЯО. Юань Шикай и Китайская республика. Пекин. 1936, с. 5—8 (на кит. яз.).
 18. Шэньши (букв. «мужи, носящие пояс») — ученое сословие, обладатели ученых степеней, из которых комплектовался бюрократический аппарат.
 19. См.: ЛИ ЮНШЭН. Отношения Лян Цичао и Юань Шикая до отречения цинского императора. — Лиши яньцзю, № 6, с. 178 (на кит. яз.).
 20. COWEN H.H. AND HALL J.W. An Outline History of China. N.Y. — Lnd. 1926, p. 349, 350.
 21. ЛИ ЦЗУНИ. Ук. соч., с. 187—188.
 22. На собрании, избраншем временного президента Китая, присутствовали представители 10 провинций из 17. Из представителей 10 провинций — 2, Гун Чжунсю и Хуан Кэцюань, представляли Чжили и Хэнань, где функционировала цинская администрация, Эта пара была делегирована «цзыицзю» — провинциальными Совещательными комитетами. (Эти выборные органы местного самоуправления при губернаторах и наместниках провинций появились в 1909 г. по инициативе цинского правительства). Оба они, Гун Чжунсю и Хуан Кэцюань, присутствовали в качестве частных лиц. См.: ЛИ НАЙХАНЬ. Синьхайская революция и Юань Шикай. Шанхай. 1949, с. 46. (на кит. яз.). Делегаты 8 провинций представляли новую власть, утверждавшуюся после свержения представителей Пекина. В основном эти делегаты были назначенцами дуду, военных губернаторов.
 23. В декларации при вступлении на пост Временного Президента Республики (1 января 1912 г.) Сунь Ятсен обязался «отдать все силы и способности... полному уничтожению остатков отшатнутого самодержавия...».

«...весь наш народ полон решимости свергнуть маньчжурское абсолютистское правительство», — говорилось в Воззвании Временного Президента Республики ко всем дружественным нациям. — Синьхайская революция 1911—1913 гг. Сб. док. и мат. М. 1968, с. 137, 140.
 24. MCCORMIC F. The Flower Republic. Lnd. 1913, p. 478.
 25. ЛИ ЦЗУНИ. Ук. соч., с. 172.
 26. «... ханьцев, состоящих в знаменных войсках Пекина...». — Речь идет о потомках тех ханьцев, которые участвовали вместе с маньчжурами в подчинении Китая дому Цин и были включены в восьмизнаменную маньчжурскую армию.
 27. ЛИ ЦЗУНИ. Ук. соч., с. 197.
 28. БАЙ ЦЗЯО. Ук. соч., с. 21—22.
 29. GOWEN H.H. AND HALL J.W. Op. cit., p. 356.
 30. Ibid., p. 358.
 31. Ли Юаньхун публично осудил Гоминьдан за бездоказательность обвинения Юань Шикая в убийстве Сун Цзяожэня. См.: Китайский благовестник. 1913. Вып. 5-й, с. 13. В советской историографии широко бытует априорное мнение, что инициатором убийства Сун Цзяожэня был Юань Шикай. См. ХУ ШЭН. Агрессия империалистических держав в Китае. М. 1951, с. 202; Новая история Китая. М. 1972, с. 518; СУНЬ ЯТСЕН. Избранные произведения. М. 1985, с. 18.
 32. ЦЮ ЦЗЕ. Торговые объединения Гуанчжоу и их бунт. — Лиши яньцзю, 2002, № 2, с. 57.
 33. GOWEN H.H. AND HALL J.W. Op. cit., p. 376.
 34. Последний был сделан божеством, дабы иметь надзор за военным искусством, управлять судьбой военного дела в Китае и быть равным по рангу с Гуанди, уже занимающим трон бога войны. См.: БАРАНОВ И.Г. По китайским храмам Ашихэ. Харбин. 1926, с. 7.
 35. Вестник Азии, 1915. № 25—27, с. 120; Христианство в Китае. — Китайский благовестник. 1913. Вып. 5-й, с. 9. Британские инспекторы, ездившие по Китаю в 1913 г., докладывали, что на половине страны выращивание и употребление опиума уже ликвидированы, а на другой половине успешно выполняется антиопиумная программа. См.: GOWEN H.H. AND HALL J.W. Op. cit., p. 378.
 36. ЛИ ЦЗУНИ. Ук. соч., с. 315. Ситуация в целом складывалась неблагоприятно для Юань Шикая. Японской армии, расположенной в центре провинции Шаньдун, нужно было несколько дней, чтобы достичь Пекина, японские войска находились также в Шэньяне и в Даляньване, а японский флот курсировал у Тяньцзиня. Япония могла финансировать и привести в действие все антиюаневские и прочие подрывные элементы на юге. Россия, самый большой противник Японии, была занята в Европе в войне не на жизнь, а на смерть. Великобритания и США едва ли имели намерения ввязываться в войну из-за Китая. См.: GOWEN H.H. AND HALL J.W. Op. cit., p. 395.
 37. Новая история Китая, с. 545.
 38. Вестник Азии, 1916, № 38—39, с. 223.
 39. Синьхайская революция 1911—1913, с. 262.

К.И. Глобачев. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения

Г л а в а II

Центральный военно-промышленный комитет. — А.И. Гучков. — Официальные задачи ЦВПК. — Политическое значение ЦВПК.— Рабочая группа ЦВПК. — Выборы в группу. — Связь с рабочими массами. — Ликвидация рабочей группы ЦВПК. — Значение ЦВПК после февральского переворота.

Центральный военно-промышленный комитет создан в 1915 г. по инициативе А.И. Гучкова как орган, долженствовавший оказать крупную помощь нашей армии в деле снабжения ее боевым снаряжением. Такова была официальная задача Комитета, и на выполнении ее должны были объединиться русские люди — промышленники, чтобы оказать помощь государству в дни его тяжких испытаний небывалой по своим размерам европейской войны. Но настоящие, скрытые цели этой, возникшей при таких условиях организации, далеко не были так благородны и патриотичны. Комитет, созданный по мысли Гучкова и его товарища Коновалова и набранный из лиц, принадлежавших главным образом к оппозиционным и противоправительственным партиям, естественно, смотрел на это новое дело как на использование его в чисто политических целях. Комитет являлся, так сказать, той легальной возможностью, где можно было совершенно забронированно вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев, создать до известной степени один из революционных центров и обрабатывать через своих агентов общество и армию в нужном для себя политическом смысле. Способы для этого были очень просты. Рекламуя свою деятельность по снабжению армии, Комитет в то же время старался обесценить, очернить и скомпрометировать действия идентичных правительственных органов и создать такое впечатление в широких кругах, что единственным источником питания боевым снаряжением армии является общественная организация Центрального военно-промышленного комитета. Словом, не будь этого комитета, армия осталась бы без пушек, без ружей и без снарядов, то есть без всего того, что было главной причиной наших поражений в начале 1915 года. Например, для рекламирования своей продуктивной деятельности ЦВПК специально открыл в Сибири ящичный завод, изготовляющий ящики

для боевого снаряжения, отправляемого на фронт. Ящики поставлялись почти на все заводы России, работавшие на оборону, и таким образом почти все боевое снаряжение, получаемое на фронте в ящиках с инициалами ЦВПК, создавало ложное понятие о необыкновенной продуктивности этой общественной организации, являющейся чуть ли не единственной полезной в деле снабжения армии. Когда же в 1916 г. были собраны статистические сведения о продуктивности изготовления боевого снаряжения для армии — казенных заводов, частных предприятий и ЦВПК, то оказалось, что главное количество боевого снаряжения производится по заказам правительства на казенных заводах, меньшая часть — частными предприятиями и только 0,4 % — по заказам ЦВПК. Вот какова была продуктивность пресловутой общественной организации.

Но перейдем к главной задаче ЦВПК, о которой громко не говорилось, — к задаче политической. В этом отношении главари развили поразительную энергию. Центральный комитет и все его провинциальные отделения, как я уже сказал, были укомплектованы людьми, стоящими в оппозиции к правительству и трону, начиная от председателя Гучкова и до периферии. Все служебные заседания носили не деловой характер, а скорее являлись политическими совещаниями и митингами. Агенты Комитета и сам председатель постоянно выезжали на фронт для постепенной подготовки оппозиционного настроения среди командного состава, причем Гучков брал на себя главнокомандующих фронтами и командующих армиями. Он старался приобрести популярность и среди рядового офицерства. На приемах в офицерских собраниях старался заинтересовать собою молодежь доступностью, простым обхождением, говорил речи, в коих оттенял значение общественности и собственные заслуги, порицая в то же время все исходящее со стороны правящих сфер. Например, в одном из полков, в г. Риге, Гучков заявил в офицерском собрании, что только благодаря его ходатайству был издан высочайший приказ по военному ведомству об ускоренном производстве офицеров в следующие чины во время их пребывания на фронте, чем вызвал по отношению к себе бурю восторгов — так что при оставлении офицерского собрания офицеры вынесли его на руках.

Работая в полном контакте с другой такой же общественной организацией — Союзом земств и городов, ЦВПК медленно, но верно вел свою разрушительную работу, подтачивая веру у войск в их царственного вождя, в победоносное окончание войны и в величие и крепость тысячелетних устоев монархической России.

Само назначение ЦВПК давало возможность иметь полную связь его агентов с армией, и в проведении своего разлагающего влияния в ряды армии эта организация никаких затруднений не испытывала. В нужный, значит, момент организация всегда может опереться на подготовленный командный состав, и не только [не] противодействие, но даже поддержка армии обеспечена.

Но необходимо было заручиться и другим не менее важным элементом в деле подготовки переворота — рабочими. И вот Гучков выступил с предложением ввести в состав Комитета наравне с промышленниками и представителей от рабочих. Это предложение, конечно, Комитетом было принято, ибо в политическом отношении сулило огромные перспективы. Выборные рабочие в Комитете сразу связывали общественность с рабочей массой и давали этой организации поддержку в том классе населения, который под влиянием агитации наиболее был склонен к противоправительственным выступлениям. Не отказались от этого предложения и рабочие, особенно принадлежавшие к с.-д. меньшевикам, так как таковое предложение вполне отвечало их партийной тактике использования всех легальных возможностей.

Выборы в рабочую группу ЦВПК были назначены на 30 августа 1915 г. в помещении Соляного городка и организованы таким образом: каждая тысяча рабочих посылала на собрание одного выборщика, что дало в общем 200 делегатов-выборщиков. Естественно, что это были главным образом все

партийные — с.-д. меньшевики, с.-д. большевики, социалисты-революционеры и только самый маленький процент беспартийных. Делегаты, собравшись в 12 часов дня, до глубокой ночи ни к каким положительным результатам не пришли, так как приблизительно половина их, а именно большевики, как пораженцы, решительно отказались от вхождения в буржуазное учреждение, работающее для войны, тогда как они под влиянием Циммервальдской и Киентальской конференций такую бойкотировали. Собрание окончилось ничем, и выборы не состоялись. Тогда Гучков, крайне огорченный таким результатом и не покидая мысли во что бы то ни стало связаться с рабочими массами, начинает уговаривать рабочего Гвоздева, бывшего председателя выборного собрания 30 августа, просить о назначении нового собрания, в последствие чего в газетах появляется открытое письмо Гвоздева, предлагающего петроградским рабочим принять участие вновь в выборах. Повторное собрание состоялось 30 сентября в том же месте. На этот раз приблизительно половина делегатов-большевиков демонстративно покинула собрание тотчас же после его открытия, мотивируя отказ принять участие в выборах теми же причинами, что и в первый раз. Собрание тем не менее продолжалось при участии только оставшихся (около 100 делегатов); из их среды было выбрано 10 представителей в рабочую группу ЦВПК с председателем Гвоздевым во главе и 6 — в Петроградский областной комитет. По партийной принадлежности все выбранные были с.-д. меньшевики, за исключением одного или двух социалистов-революционеров.

Рабочая группа с самого начала своего существования занялась исключительно политической работой. Она имела свое отдельное помещение, свои отдельные заседания, свое делопроизводство и полную связь с заводами и фабриками. Это был, так сказать, в малом масштабе совет рабочих депутатов. В общих собраниях ЦВПК рабочая группа мало интересовалась вопросами снабжения, выдвигая на очередь вопросы исключительно политического характера.

Уже с 1915 г., после первых неудач на войне, Государственная дума, как я уже говорил, стала революционировать страну, а в 1916 г. там образовался определенно революционный центр с молчаливого благословения ее председателя Родзянко. Ежевечерние закрытые заседания небольшой группы с Керенским и Милюковым во главе уже дирижировали настроениями в столице и вместе с сим во всей России. Этот центр опирался на такие мощные уже к тому времени группировки и организации, как «прогрессивный блок», «Союз земств и городов» и ЦВПК, а последняя организация связывала революционный центр через рабочую группу с рабочими массами и давала ему возможность проводить в этих массах все свои начинания и директивы.

В начале 1917 г. роли всех слагаемых центра настолько определились, настолько стали ясны для Охранного отделения, что явилась настоятельная необходимость если не ликвидировать центр, то по крайней мере парализовать его деятельность, хотя бы отрывом его от опорной его базы. Много было положено труда и усилий, чтобы добиться согласия бывшего тогда министра внутренних дел Протопопова на ликвидацию рабочей группы ЦВПК, и 27 января, наконец, вся эта группа вместе с председателем ее Гвоздевым была арестована. Материал, обнаруженный обыском, вполне подтвердил все имевшиеся ранее сведения о преступной работе арестованных, а потому они были привлечены к судебной ответственности по обвинению их в преступлении, предусмотренном 102 ст. нового Уголовного уложения.

Арест рабочей группы произвел ошеломляющее действие на ЦВПК, и в особенности на Гучкова, у которого, как говорится, была выдернута скамейка из под ног: связующее звено удалено и сразу обрывалась связь центра с рабочими кругами. Этого Гучков перенести не мог; всегда в высшей степени осторожный в своих замыслах, он в эту минуту потерял самообладание и, наряду с принятыми им мерами ходатайства об освобождении арестованных перед главнокомандующим Петроградского военного округа, рискнул на от-

крытый призыв петроградских рабочих к протесту против якобы незаконного ареста народных избранников. По заводам и фабрикам рассылались об этом циркуляры ЦВПК за подписью его председателя А.И. Гучкова.

Теперь казалось бы, что следующим совершенно законным актом правительства являлся арест и самого Гучкова, но, к сожалению, не было выполнено ни это, ни проведено в жизнь то, на что давно указывалось Протопопову как на главное средство защиты власти от надвигающейся революции, а именно, окончательный роспуск Государственной думы и ликвидация революционного центра с главарями ЦВПК, Союза земств и городов и прогрессивного блока. Эти меры, безусловно, сорвали бы надолго возможность переворота, а поворот военного счастья весной 1917 г., что непременно бы случилось, сразу улучшил бы и изменил общие настроения.

И подумать только, что правительство терпело все эти так называемые общественные организации и содержало их на свой счет. Поистине не было государственных людей, способных для спасения Родины на исключительные, может быть, героические средства, в то время как административный аппарат и исполнительные органы были в полном порядке и на высоте своего положения.

Лучшим подтверждением того, что ЦВПК был организацией политической и служил исключительно целям подготовки революции, очень мало заботящимся об обороне страны, служит то обстоятельство, что после Февральского переворота ЦВПК теряет всякое значение, как в смысле организации, работающей на оборону, так и в политическом отношении. Роль его была сыграна, и после 27 февраля им не интересовалось ни Временное правительство, ни рабочие, ни армия.

Г л а в а III

А.Ф. Керенский. — Его выступления в Государственной думе. — Подпольная работа Керенского. — Дело Мясоедова. — Гастроли Керенского в провинции. — Связь с рабочими кружками. — Боевая дружина. — Работа Керенского в фракции трудовиков. — Пораженчество Керенского. — Меры правительства. — Общественная работа Керенского. — Отношение к войне.

С Керенским я лично не был знаком, но с его политической работой в течение двух последних лет до революционного переворота мне, по характеру моей службы, пришлось подробно ознакомиться.

Не буду входить в биографические подробности или характеристику личности Керенского, об этом слишком много уже говорилось и писалось; расскажу только о той роли, которую он сыграл в подготовке революции.

Керенский по профессии был адвокатом, но самым заурядным, ничем не выделившимся из среды русской адвокатуры, можно сказать, был даже плохеньким, как его называли, «трехрублевый адвокат». По политическим убеждениям он принадлежал к партии социалистов-революционеров и как таковой пользовался в партии известным весом, благодаря его агитаторским талантам, способности выступать на митингах в качестве хорошего оратора, резкости суждений и вообще силе воздействия на малосознательные умы. Вот почему при выборах в Государственную думу партия социалистов-революционеров провела его от Саратовской губернии по группе трудовиков, где он и занял место лидера. Для того, чтобы дать ему необходимый ценз, даже фиктивно был куплен для него за 100 рублей какой-то домишко в его собственность.

Материальных средств личных у Керенского не было никаких, и он со своей семьей, состоящей из жены и двух детей, жил в Петрограде на Песках, по Одесской улице, исключительно на содержание, получаемое от казны по званию члена Государственной думы, то есть на 300 руб. в месяц, что позволяло ему существовать более чем скромно.

Все его выступления в Государственной думе, весьма резкие по форме и пустые по существу, не носили делового характера, что и не требовалось, но зато вполне удовлетворяли трудовиков и стоящую за ними партию социалистов-революционеров. В Государственной думе он составлял крайнюю левую оппозицию и служил аккомпанементом к оппозиционно настроенному центру, в особенности с тех пор, как в составе правительства занял место А.Д. Протопопов. Собственно говоря, в открытых заседаниях Государственной думы ему даже и нечего было делать, ибо работа таковой в нападениях на правительство шла далеко впереди его. Работа Керенского развивалась главным образом за кулисами. Первой пробой его сил была история с изменой полковника Мясоедова, на которой дальше я остановлюсь подробнее. Дело Мясоедова возникло в феврале 1915 г., когда начались наши неудачи на фронте. Это дело, как мы дальше увидим, весьма темное и запутанное, для революционеров было весьма на руку; оно позволило вылить потоки грязи на правительство и создать целую панаму. Керенский поспешил написать открытое письмо председателю Государственной думы Родзянко, между прочим нигде открыто не напечатанное, с резким осуждением и обвинением в государственной измене правительства и командного состава. Письмо, в виде отдельных листовок напечатанное в тысячах экземпляров, распространялось из-под полы в Петрограде и провинции, в чем и был весь его смысл, так как правды в нем не было ни на грош. Но успех оно имело, в особенности в студенческих и рабочих кружках.

После этого, весной 1915 г., Керенский совершил поездку по России, побывав на Волге, в Харькове, Киеве и других городах, где прочел ряд лекций тенденциозного характера, имевших целью объяснить наши военные неудачи и поднять оппозиционное настроение умов.

По возвращении в Петроград Керенский стал искать сближения с рабочими кружками эсеровского толка, стараясь сбить их в прочную организацию. Образован был рабочий комитет партии социалистов-революционеров, в состав которого вошел Керенский в качестве руководителя. Затем, по мысли Керенского, предполагалось создать при комитете боевую организацию для выполнения некоторых террористических актов. Керенский взял на себя снабжение членов дружины оружием, для чего рабочие собрали и передали ему 700 рублей. Но это предприятие провалилось, и вот почему: сильно нуждавшийся Керенский часть денег израсходовал лично на себя, оружия не купил и после повторных требований о возврате денег вернул из полученной суммы всего лишь 300 рублей. Следствием этого было то, что комитет высказал ему недоверие и порвал с ним всякие сношения. Разойдясь с рабочими, Керенский повел работу исключительно в трудовой фракции Государственной думы и в закрытых заседаниях ее. Для частных заседаний трудовой фракции имелась специально предназначенная квартира на углу Суворовского проспекта и 9-й Рождественской улицы, нанятая на имя одного из членов этой фракции, где он сам и жил. Совещания там происходили почти ежедневно и носили исключительно заговорщический характер, причем душою этих совещаний был Керенский. Наблюдение за всем, что происходило в этой квартире, настолько было хорошо организовано Охранным отделением, что все, что там говорилось, было известно правительству с текстуальной точностью. На этих собраниях учитывалось: настроение в обществе, настроение в войсках, тыловых и на фронте, характеристика и надежность командного состава, настроение в придворных сферах, шансы на переворот, основанный на восстании Петроградского гарнизона, и т.д. В январе 1917 г. Керенский уже твердо верил в успешность переворота и проповедовал настоятельную его необходимость. Он говорил: «Революция нам нужна, даже если б это стоило поражения на фронте». Для него весна 1917 г. представлялась единственным возможным моментом, чтобы сбросить ненавистный ему государственный строй, даже в том случае, если б это грозило величайшими потрясениями страны и целостности государства.

Работая так здесь среди своих единомышленников, вместе с тем он проповедовал в том же духе и в вечерних заседаниях Государственной думы, где зародился центр революции, и хотя он состоял из лиц другой политической окраски, но жажда захвата власти вполне объединяла планы кадет и социалистов, а потому Керенский шел с ними рука об руку, не требуя пока слишком многого для своих партийных единомышленников и ограничиваясь лишь персональным вхождением в будущее Временное правительство.

Невольно напрашивается вопрос: что же делало правительство, будучи в курсе работы Керенского и прочих его сподвижников, подготовлявших переворот. Оно молчало, складывая в архив поступающие о приближающейся катастрофе сведения, ограничиваясь лишь благосклонным согласием на ликвидацию периферии, то есть рабочих комитетов и подпольных социалистических организаций, которые, как я уже говорил, к тому времени были совершенно парализованы и бездеятельны. Боязнь ответственности перед общественностью сковывала руки правящих сфер, [остерегавшихся] вызвать ее негодование за арест главарей революционного движения, забронированных иммунитетом; этот страх перед пресловутой общественностью превалировал над неминуемой опасностью, грозящей гибелью всему государственному строю. Еще в 1915 г. необходимо было арестовать Керенского за явно противогосударственную деятельность, и можно было поручиться, что материала у него нашлось бы совершенно достаточно для привлечения его к судебной ответственности. Но, несмотря на мои настойчивые доклады, бывший тогда товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий отказывался дать свое согласие по выше приведенным причинам.

Как я уже раньше сказал, Керенский не обладал никакими личными средствами, тем не менее уже в 1916 г. он собирался субсидировать предполагаемый к изданию в Москве орган печати партии социалистов-революционеров в сумме 15 000 рублей. Являлся вопрос, откуда он мог взять эти деньги. Ведь рабочие с ним разошлись, да в то время уже никаких организаций партии с.-р. в Петрограде и не было. Остатки их были ликвидированы еще в 1915 году. Значит, рабочие ему этих денег собрать не могли. Это обстоятельство, а также косвенные связи с лицами немецкой ориентации, как то было установлено наблюдением Охранного отделения, приводило к выводу последнее: не на немецкие ли деньги ведет работу Керенский. Этот вывод подтверждался еще и заявлением самого Керенского, что переворот должен совершиться весной 1917 г., даже если б это стоило поражения России. Совкупность этих данных заставляла Охранное отделение полагать, что Керенский причастен к немецкому шпионажу, о чем в делах Охранного отделения имелась записка, правда, не на бланке и без подписи. Я думаю, что эта записка на первых порах после переворота попала в руки к Бурцеву, который тогда был допущен к рассмотрению делопроизводства Охранного отделения. Иначе чем же объяснить его особый интерес, уже много позже провала Временного правительства, к связям Керенского с немцами. Дальнейшее наблюдение за деятельностью Керенского в этой области могло бы дать подтверждение сделанных Охранным отделением выводов, но, к сожалению, этому помешал февральский переворот, а органы новой власти, естественно, не подняли бы этого вопроса даже при наличии неопровержимых доказательств, ибо Керенский сразу занял доминирующее положение во Временном правительстве, и с этим считаться приходилось.

Вообще Керенского того времени нужно было рассматривать как пораженца, сочувствующего тезисам Циммервальда и Киенталья, как по характеру его деятельности, так и по тем речам, которые он произносил в заседаниях трудовой фракции, где красной нитью проходил бойкот войны. Если он прямо и не заявлял лозунга, принятого пораженцами: «Война войне», то во всяком случае порицал ее. Конечно, после того как ему удалось выдвинуться на пост военного министра, главковерха и председателя Совета министров, он запел другие песни и был даже одним из самых воинствующих членов Временного правительства.

Г л а в а I V

Дело Мясоедова. — Его служба в Отдельном корпусе жандармов. Причины оставления Мясоедовым этой службы. — Подпоручик Колаковский и его показания. — Следствие по делу Мясоедова. — Связь его с немцами, с ген. Сухомлиновым и другими лицами. — Что установило следствие. — Отношение к делу общественности. — Суд над Мясоедовым. — Ошибочность постановки всего расследования. — Использование дела в революционных целях.

Полковник Мясоедов во время войны был начальником контрразведывательного отделения при штабе 10-й армии на Северо-Западном фронте, на какую-то должность был назначен по протекции бывшего тогда военным министром ген. Сухомлинова. Мясоедов не пользовался хорошей репутацией в военных кругах. Военная служба его протекала главным образом в рядах Отдельного корпуса жандармов, и большую часть ее он провел на должности начальника пограничного отделения С.-Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог, на пограничном пункте Вержболово. Как человек в высшей степени ловкий, он завязал прекрасные отношения с местными пограничными немецкими властями, оказывая им много мелких услуг и взаимно пользуясь услугами с их стороны. Здесь же, благодаря своему служебному положению, он завязал и личные, нужные ему знакомства с лицами высокого служебного положения в обеих пограничных странах — России и Германии. Несомненно, здесь же он близко познакомился с Сухомлиновым и его семьей, которая часто ездила за границу и которой он оказывал особое внимание. Немцы к нему относились с большим уважением и даже сам кайзер Вильгельм не раз приглашал его на охоту в Восточной Пруссии.

В 1908 или 1909 г., хорошо не помню, Мясоедов должен был оставить занимаемую должность, будучи уволен от службы в Отдельном корпусе жандармов за то, что, несмотря на свое служебное положение, принял участие в провозе контрабанды. Выйдя в отставку, Мясоедов занялся торговыми делами и благодаря своим прежним связям с немцами вошел в одно из транспортных морских обществ в качестве члена правления, большая часть директоров которого были германские подданные.

В 1911 г. Мясоедов вновь был принят на военную службу по приказанию военного министра Сухомлинова и назначен штаб-офицером для поручений при Главном штабе. Тогда еще нашумела его ссора с Б.А. Суворинным, окончившаяся безрезультатной дуэлью.

С открытием военных действий Мясоедов по его личной просьбе был назначен в штаб 10-й армии, где исполнял должность сперва штаб-офицера для поручений, а потом начальника контрразведывательного отделения.

В конце января 1915 г. в Петроград прибыл из германского плена подпоручик Колаковский, который явился в Главный штаб и сделал там следующее заявление: будучи взят в плен в 1914 г. в бою под Сольдау, но желая возвратиться в Россию, он, Колаковский, предложил немцам свою службу в качестве разведчика в пользу Германии. Предложение его было принято, и после продолжительного инструктирования, даже, насколько помню, окончания им специальной школы разведчиков, он был отправлен через Швецию в Россию, причем ему была дана, по его словам, общая задача служить Германии, а все указания относительно его образа действий и деталей его работы ему должен был сообщить полковник Мясоедов, к которому он должен был явиться по приезде на русский фронт. В этом рассказе весьма странным являлось то обстоятельство, что, отправляя его в Россию с такими целями, немцы не дали ему ни явок, ни пароля, словом ничего такого, что могло бы для Мясоедова, если он был действительно шпион, служить удостоверением, что Колаковский — действительно лицо, посланное германским Генеральным штабом.

Вот в сущности все, в чем заключалось заявление Колаковского, и Глав-

ный штаб, по-видимому, не придал ему никакого значения, так как никаких распоряжений по этому поводу в течение целого месяца не сделал. Между тем Колаковский стал трубить по всему Петрограду о важности своих разоблачений и что со стороны военных властей никаких мер не принимается. Слухи об этом деле дошли до бывшего в то время товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского, который приказал мне разыскать Колаковского и подробно его допросить. На допросе Колаковский ничего нового не показал, и сущность его рассказа была повторением того, о чем он заявлял первый раз в Главном штабе. Протокол допроса Колаковского был отправлен Охранным отделением в контрразведывательное отделение Главного штаба по принадлежности, и с этого, собственно говоря, момента и началось дело Мясоедова, о котором уже знал чуть ли ни весь Петроград, комментируя его на всевозможные лады.

Главным штабом дело было передано на фронт, Мясоедов был арестован и началось следствие, длившееся довольно долго. Единственным материалом, собранным следствием по этому делу, была переписка с лицами, участвовавшими с Мясоедовым в торговых делах довоенного времени, его отношения к ген. Сухомлинову и к дамам, бывшим с ним в переписке, как то: Магеровская, Столбина и др. Все они также были арестованы, и им инкриминировалась связь с полковником Мясоедовым и получение от него некоторых предметов из военной добычи, взятой в Восточной Пруссии путем мародерства.

Таким образом, следствие не добыло материала, уличающего Мясоедова в военном шпионстве, и оставалось одно лишь голословное заявление Колаковского, но общественное мнение было до того возбуждено этим делом, что ничего не оставалось другого, как предать Мясоедова военному суду. На этом деле играли все левые элементы, обвиняя Мясоедова, военного министра, правительство и командный состав чуть ли не в пособничестве государственной измене.

Я, конечно, не в курсе того, что происходило в судебном заседании, но знаю из достоверного источника, что в отношении Мясоедова доказано было только мародерство, что, в сущности, можно было инкриминировать многим участникам военных операций в Восточной Пруссии, что же касается шпионства в пользу Германии, то таковое доказано не было. Тем не менее дело Мясоедова настолько нашумело, что в удовлетворение общественного мнения верховному главнокомандующему приговор суда пришлось утвердить, пожертвовав Мясоедовым, который и был казнен.

В самом начале в этом деле военными властями была допущена колоссальная ошибка. Тотчас после первого заявления Колаковского необходимо было, не предавая гласности его показаний, направить Колаковского к Мясоедову, чтобы узнать, — как же Мясоедов будет реагировать на появление посланца германского Генерального штаба, какие он даст Колаковскому задачи и инструкции, и вместе с сим установить за Мясоедовым самое тщательное наблюдение. Только таким путем, если Мясоедов действительно был шпион, его можно было в этом уличить. Ничего подобного не было сделано, а ведь это азбука дела. В рассказе Колаковского столько было неясного, темного, что Колаковский, отправленный после своих разоблачений военной властью в одну из резервных частей в г. Пензу, по распоряжению Департамента полиции был долгое еще время под негласным наблюдением. Вряд ли германский Генеральный штаб был так наивен, что поверил в искренность Колаковского, вот почему ему и не дал ни явок, ни определенных задач, а просто указал на Мясоедова, памятуя прежние довоенные его хорошие отношения к приграничным германским властям и, может быть, в том расчете, что авось Мясоедов, поговорив с Колаковским, действительно вступит в сношения с германским Генеральным штабом и таким образом будет приобретен ценный агент, занимающий на фронте русской армии должность начальника контрразведки. Выпуская из плена Колаковского, немцы не многим рисковали, но зато в случае успеха замысла риск вполне окупался.

Вот то знаменитое дело Мясоедова, о котором в свое время так много говорилось и которое Керенский широко использовал в революционных целях.

Г л а в а V

Григорий Ефимович Распутин, он же Новых. — Мое знакомство с ним. — Семейное положение Распутина и его окружение. — Отношение к женщинам и мужчинам. — Беспутство и пьянство. — Отношение к правящим сферам. — Назначения, подряды, поставки и т.п. — Симанович и его роль. — Свидания в Царском Селе. — Отношение к царской семье и придворным сферам. — Политическое значение Распутина. — Охрана Распутина. — Убийство Распутина и следствие об его убийстве.

С Распутиным меня столкнуло мое служебное положение, а потому все внешние проявления его жизни за последние два года до его смерти прошли у меня на глазах.

Познакомился я с ним в 1915 г., когда он был в расцвете своего влияния. Он на меня произвел скорее приятное впечатление: вид суровый, серьезный, движения порывистые, голос мягкий, приятный, речь простая крестьянская, но умная; неприятно было одно, когда говорил, никогда собеседнику в глаза не смотрел; глубоко сидящие в орбитах серые глаза его бегали по сторонам. Он не производил на меня впечатления человека одухотворенного особым даром провидения, как об этом говорили. Несомненно это был человек сильной воли, способный подчинять себе волю других, но мне он казался заурядным неглупым мужиком. Образования Распутин с детства не получил никакого, а те первоначальные понятия в грамоте, догматике и церковном укладе, которыми любил шегольнуть, приобретались им во время его долгих скитаний по белу свету, пока он еще прочно не обосновался при Дворе.

Распутин жил со своей семьей, состоявшей из жены, двух дочерей и сына, в весьма скромной квартире во дворе дома № 64 по Гороховой улице. Обстановка квартиры средне-мещанского типа, даже скорее бедная. Ежедневно у дверей его квартиры по утрам толпился бедный люд, и каждому он давал пособия, кому рубль, кому два, а кому и три. Семья его вела образ жизни скромный, но, по-видимому, ни в чем не нуждалась. В течение целого почти дня его посещали лица, принадлежавшие к разным слоям общества и разного служебного и общественного положения. Одни здесь бывали из-за личных симпатий к Распутину, другие — ища его протекции, а третьи просто в надежде около него набить карман. Список лиц, посещавших Распутина по тем или другим причинам, был очень велик. Кроме того, были и завсегдатаи, так сказать, друзья его, состав которых менялся в зависимости от личных симпатий Распутина в данный момент. Наиболее преданными его друзьями были женщины, — дамы-почитательницы, которые верили в него как в святого. Многие из них были с ним в близких, интимных отношениях, а другие еще только добивались этой чести. Вера в святость Распутина была так велика, что женщины целовали его руки, принимали пищу из его грязных рук и покорно сносили оскорбления и грубость с его стороны, считая это за особое счастье. Распутин всегда был очень любезен и ласков с новыми, которых называл еще не посвященными, и в высшей степени груб с теми, с которыми он уже был близок интимно. Не думаю, чтобы он отдавал предпочтение той или другой из его почитательниц; искренней любви ни к одной из его многочисленных любовниц у него не было. Его просто влекло к женскому телу чувство похоти и разврата. Часто, не довольствуясь окружавшим его добровольным гаремом, он пользовался обыкновенными уличными проститутками. Женщин, с которыми у него не было близкой связи, он старался привлечь на свою сторону лаской и исключительной способностью влиять на их душу, чтобы создать себе в их глазах ореол святости и слепой веры в себя.

Мужчин, бывших в окружении Распутина, можно подразделить на две категории: к одной из них принадлежали те, которые нисколько не скрывали к нему своей близости, открыто его посещая, и проводили с ним время, участвуя, так сказать, в его интимной жизни. К другой принадлежали те, которые свои отношения к нему старались скрыть — показать, что они с Распутиным ничего общего не имеют, но вместе с тем использовали его влияние в личных, политических или спекулятивных целях.

К первой категории принадлежали такие, как личный его секретарь Симанович, епископ Исидор, жених его старшей дочери прапорщик Пакхадзе, содержатель ресторана Роде и проч. и проч. (всех не перечтешь). Эти лица были постоянными завсегдатаями на Гороховой 64, как бы членами его семьи.

Ко второй категории принадлежали лица высоких положений, ищущие назначений, помогающиеся поставок, концессий, приема ко двору, прекращения судебных дел и т.п. Свидания с ними у Распутина происходили главным образом на нейтральной почве, как то: в квартире доктора Бадмаева, в квартире Головиной, в квартире Решетникова, в квартире Червинской (устроенной министром внутренних дел А.Н. Хвостовым специально для его свиданий), наконец, в автомобиле и т.п. Так с ним виделись: А.Н. Хвостов, Штюрмер, Белецкий, Протопопов, Добровольский, банкир Рубинштейн, банкир Манус и другие.

Кроме влечения к женскому полу, у Распутина было пристрастие к спиртным напиткам и к разгулу, чем и пользовались его окружавшие, спаивая его почти ежедневно. Попойки устраивались как на Гороховой 64, так и в ресторанах, главным образом, загородных. Распутин особенно любил посещать ресторан «Вилла Роде», где шел широкий разгул, благодаря его близким отношениям с хозяином, заканчивавшийся нередко в 5-6 часов утра в Новой Деревне у цыган. Напивались обыкновенно, как говорится, до бесчувствия, и все это сопровождалось бешеной пляской и развратом с женщинами легкого поведения. Нужно было удивляться крепкой натуре Распутина. После попойки, заканчивающейся утром, он отправлялся в баню, а затем, проспав не более двух часов, был совершенно свеж и мог начинать сызнова.

С дамами общества Распутин не кутил и старался свое обычное поведение скрывать, в особенности от тех, с которыми в близких отношениях не состоял. Однажды я приехал на квартиру к Распутину по служебному делу (охрана его личной безопасности). Принял он меня в своем кабинете, который представлял маленькую грязную комнату, меблированную дешевеньким письменным столом с банкой чернил на нем, креслом и диваном, крытым дерматином, весьма потрепанным от времени. Распутин был совершенно пьян, что выражалось у него приплясыванием, вздором, который он молол, и бесконечными объятиями и поцелуями. Он производил впечатление человека, не отвечающего за свои поступки, и я уже собирался уходить, чтобы повидаться с ним в другой раз, когда он будет в нормальном состоянии, как в это время послышался входной звонок и одна из дочерей пришла сказать, что пришла «Аннушка», то есть Анна Александровна Вырубова. Распутин сразу преобразился, его нельзя было узнать, хмель пропал бесследно. Вскочил, принял нормальный вид и побежал встречать гостью. Приглашенный им в столовую пить чай, я там застал целое общество: Вырубову, епископа Исидора, несколько дам и его семью. Чаепитие продолжалось с полчаса, и все это время Распутин вел себя вполне нормально и весьма почтительно по отношению Вырубовой, а с епископом Исидором вел спор на богословскую тему. После отъезда Вырубовой Распутин вновь преобразился, продолжая быть пьяным или, по крайней мере, показывая это. Такое отношение к Вырубовой объясняется тем, что Вырубова глубоко верила в святость Распутина, что она являлась при дворе императрицы точной выразительницей его мыслей, так сказать, напетой им граммофонной пластинкой, и ее мнение о нем поэтому для него было особенно ценно. Совершенно другое у него было отношение к ее сестре Александре Александровне Пистолькорс, с которой он нисколько не стеснялся в виду своего старого с ней знакомства.

Попойки Распутина иногда сопровождались скандалами, то есть дело доходило до драки, так как Распутин становился тогда не в меру развязан и нахален. Раза два или три его били, когда он сталкивался при подобных обстоятельствах с лицами посторонними. Но Распутин скрывал такие случаи и никогда никому не жаловался. Два раза мне приходилось платить штраф по приговору мирового судьи за неосторожную езду Распутина на автомобиле (автомобиль принадлежал Охранному отделению; Распутин пользовался им для своих поездок в городе и в Царское Село). Распутин, как говорится, был «блудлив как кошка и труслив как заяц». Однажды, будучи приглашен на обед к скульптору Аронсону на Петроградской стороне, он позволил себе грубую выходку по отношению к одной из присутствовавших там дам; бывший тут же ее муж заступился за жену, намереваясь избить Распутина, причем так его напугал, что тот бежал из квартиры без шапки и, вскочив в пролетку первого попавшегося извозчика, понукал его пинками как можно скорее ехать домой на Гороховую, боясь погони.

В людях Распутин разбираться не умел. Он делил всех на две категории: «наш и не наш» — это значит: друзья и враги. В первую категорию очень легко было попасть — нужно было только получить рекомендацию от одного из друзей Распутина. Благодаря этому в число «наших» попадало много людей, к нему совсем и не расположенных, даже провокаторов, которые, пользуясь его расположением, извлекали свои выгоды и в то же время всюду его оговаривали и готовы были всегда сделать ему какую-либо пакость. Этим грешили не только простые смертные, но и министры. В общем разряде «наших» у Распутина числилась значительная клика: тут были и сановники, и банкиры, и спекулянты, и офицеры, и духовенство, и великосветские дамы, и протитутки и проч. и проч. Весь этот люд толкался к Распутину, искал с ним близости, главным образом из-за личных выгод, зная его влияние на императрицу и государя. Сановники упрочивали свое положение, спекулянты и банкиры набивали карманы, проводя через Распутина крупные правительственные подряды и сделки, военные домогались высших назначений в армии, дамы хлопотали за своих мужей, лица духовные добивались лучших приходов и епархий. Я не могу указать все те назначения и дела, которые провел Распутин, но некоторые из них сохранились у меня в памяти. Так, например, своими назначениями исключительно были обязаны Распутину: министр внутренних дел Алексей Николаевич Хвостов, товарищ его Степан Петрович Белецкий, министр внутренних дел Штюрмер, министр внутренних дел Протопопов, обер-прокурор Св. Синода Раев, министр юстиции Добровольский, митрополит Питирим, епископ Варнава, главнокомандующий Северо-Западным фронтом ген. Рузский и т.д. Мне нетрудно было вперед определить, кто намечается на какой-либо высокий пост, так как Распутин, бывший все время под охраной моих людей, в то же время был и под их наблюдением, и ни одно из его конспиративных свиданий с лицами, помогавшимися назначения, не ускользало из их поля зрения. Эти свидания и переговоры иногда длились месяцами и не всегда увенчивались успехом. Генерал Рузский после неудачного командования Западным фронтом был отставлен от командования и вновь назначен командующим Северным фронтом по протекции Распутина. Однако, несмотря на это, в революционных кругах считался своим человеком, поэтому после переворота его фонды в глазах Временного правительства стояли высоко до тех пор, пока способ его назначения не стал известен новой власти, что и послужило истинным поводом увольнения его в отставку.

Крупные сделки и подряды проводили через Распутина банкиры Манус и Рубинштейн. Оба часто устраивали для Распутина обеды и попойки. От всех сделок известный процент шел в пользу Распутина: иногда он довольствовался тем, что ему давали, иногда спорил и требовал большего. Деньги шли на содержание дома и на благотворительные дела. После его смерти все наличие, найденное в его доме судебным следователем, составляло сумму в 3000. рублей.

Много помогал Распутин лицам, осужденным за разные преступления, ходатайствуя о смягчении их участи или о помиловании. Между прочим бывший военный министр ген. Сухоминов, содержащийся во время производства о нем следствия в Петропавловской крепости, был освобожден благодаря продолжительным просьбам и хлопотам его жены у Распутина. Были даже случаи полного освобождения от наказания лиц, осужденных судом, в порядке монаршей милости.

Немаловажную роль при Распутине играл его личный секретарь и друг еврей Симанович, сменивший бывшего до него секретаря — некоего Добровольского, которого Распутин заподозрил в утайке некоторой суммы денег, причитавшихся Распутину за одно проведенное им дело. Симанович был торговец бриллиантами, как говорится, «из под полы» и в то же время азартный клубный игрок. Называли его клубным «арапом», но думаю, что вряд ли это было верно, так как игру он вел честную и большей частью проигрывал. Симанович был необразован, плохо говорил по-русски, но весьма неглуп, с большой практической сметкой. Несмотря на личные выгоды, которые ему давала его близость к Распутину, он все же был по-своему к нему привязан и оберегал его интересы. Помимо своих личных дел, он выполнял миссию евреев, добивавшихся закона об отмене черты оседлости и равноправия, и в этом отношении, вероятно, достиг бы цели, так как министр внутренних дел Протопопов и министр юстиции Добровольский были склонны провести эту реформу в самом непродолжительном времени. Даже больше скажу: Добровольский мне лично говорил (после переворота), что проект закона о равноправии евреев был уже подготовлен и, по всей вероятности, закон был бы объявлен на Пасху 1917 года. По словам Симановича, после смерти Распутина благодарные ему за хлопоты евреи собрали в пользу оставшейся его семьи 50 000 рублей, благодаря чему дети Распутина могли существовать, так как его личных денег, как я уже сказал, осталось только 3000 рублей.

Из лиц придворных Распутина посещала на его квартире только фрейлина Анна Александровна Вырубова, которая служила постоянной связью его со двором. Между ними никаких интимных отношений, о чем так много говорилось после переворота, не было. Расследование, произведенное Временным правительством, вполне это подтвердило. Свидания Распутина с государем и государыней происходили в Царском Селе на даче Вырубовой. Во дворец за последние два года Распутин ни разу не ездил. В Царское Село Распутин сначала ездил по железной дороге, а потом в его распоряжение был предоставлен один из автомобилей Охранного отделения; мера эта была вызвана заботой о его личной безопасности. На свидания с Распутиным государыня всегда приезжала с наследником или с кем-либо из дочерей; иногда вместе с ними приезжал и государь. Свидания происходили раз или два в неделю и продолжались от получаса до часа. По возвращении из Царского, почти как правило, Распутин отправлялся в компании кутить куда-либо в загородный ресторан. Отношения его к особам царской семьи, даже в моменты самого широкого разгула, были весьма корректны, и никогда не позволял он себе, ни при посторонних, ни при своих, отзываться о ком-либо из членов царской семьи непочтительно. Поэтому все рассказы о том, что Распутин называл государя по имени или бравировал своими отношениями, или хвастал своим влиянием и т.п., — сплошной вымысел, имевший своей целью скомпрометировать царскую семью в глазах широких масс.

Влияние Распутина на императрицу объяснялось исключительно верой ее в Распутина как в молитвенника и охранителя драгоценного здоровья ее сына, наследника престола, в чем она была убеждена несколькими случаями, когда Распутин не только облегчал его страдания во время его болезни, но прямо совершал чудеса в ее глазах. Кроме того, приблизив Распутина к своей семье, государыня полагала, что тем самым она сближается с народом, коего представитель был этот простой крестьянин Распутин. В этом был весь смысл той настойчивости со стороны государыни и государя, с которой они отста-

ивали близость к себе Распутина, несмотря на неоднократные попытки некоторых искренно преданных государю лиц убедить его удалить Распутина, как крупного козыря в руках революционно настроенных элементов.

Распутин не представлял собой какой-либо крупной величины былых фаворитов, был простым умным мужиком, попавшим в случай и потому пользовавшимся своим положением, но в том окружении, которое создалось около него, он представлял уже крупное зло, компрометируя престиж царского достоинства и ореол величия царя в глазах народа. Для революционеров жизнь Распутина была, может быть, драгоценнее, чем для царской семьи, и ни один из них не рискнул бы покуситься на эту жизнь, зная, что тем самым преждевременно наносит величайший вред делу революции. Распутин только и мог быть убит, как это и случилось, лицами правого лагеря и даже близко стоящими к трону. Участие в убийстве Распутина Юсупова, родственника императорского дома, и Пуришкевича, правого члена Государственной думы, оказало колоссальную услугу революции, дав обществу убеждение в оппозиции престолу не только крайних элементов, но даже лиц, стоящих близко к императорской фамилии и преданных монархии.

С 1913 г., после неудачного покушения Гусевой на жизнь Распутина (в Тобольской губ.), по распоряжению министра внутренних дел была учреждена постоянная охрана личной безопасности Григория Распутина, и таковая не прекращалась до самой его смерти. Охрана была возложена на Петроградское охранное отделение и состояла из двух постоянных агентов-телохранителей, если можно так выразиться, и из двух-трех агентов переменного состава, наблюдавших снаружи за его квартирой. Кроме того, с 1915 г. в его распоряжение посылался автомобиль с шофером Охранного отделения для поездок в Царское Село и по городу. Благодаря этому каждый шаг Распутина был известен, а также велась регистрация всех лиц, посещавших его или им посещаемых. Чаще всего Распутин ездил в Царское Село, в Александро-Невскую лавру, к митрополиту Питириму, к доктору Бадмаеву на Литейный пр. № 14 или на его летнюю дачу на Черной речке, в «Виллу Роде» и в Новую Деревню к цыганам. Распутин отлично понимал, что агенты, охраняя его, в то же время следят за каждым его шагом, что не всегда ему было желательно, особенно в тех случаях, когда он старался скрыть свои сношения с лицом, которое он проводил на какой-либо служебный пост. В таких случаях он обыкновенно жаловался Вырубовой, что за ним ходят люди по пятам. И вот начальник Охранного отделения попал в весьма затруднительное положение: министр требовал неотступности охраны и наблюдения, а из Царского Села просили не надоедать и не следить за ним. Тогда начальнику Охранного отделения приходилось лично вести переговоры с Распутиным по вопросу охраны и делать взаимные уступки.

Часто Распутин отпускал агентов раньше установленного времени, заявляя, что больше в течение данного дня уже ни выезжать, ни выходить не будет. Так было и в трагический для него вечер 16 декабря 1916 года. В 10 часов вечера он сказал агентам, что больше никуда не выйдет и ляжет спать, а потому агенты могут идти домой; между тем он отлично знал, что за ним придет кн. Юсупов в 12 час. ночи, что видно из того, что когда позвонили с черного хода, то он спросил: «Это ты, маленький» (так он называл Юсупова), и сейчас же, надев шубу и галоши, вместе с ним вышел. Можно вперед было предугадать, что если на Распутина будет покушение, то во время одного из его кутежей, ибо он всегда мог попасть в западню на такую приманку, как вино и женщины.

Обстоятельства убийства Распутина, как это видно было из произведенного дознания, были следующие. Как я уже сказал, за Распутиным приехал Юсупов в 12 часов ночи 16 декабря 1916 г. и, выйдя из квартиры, оба сели в автомобиль, на котором заехал за Распутиным Юсупов. Шофером был один из знакомых его, принимавший участие в заговоре. В этот день Юсупов устраивал у себя вечеринку по случаю новоселья после ремонта его апартаментов во дворце на Мойке № 104. Рядом с двором был дом, принадлежавший

также Юсуповым (№ 102), но сданный в наем под частную контору. Фасад этого последнего дома не примыкал непосредственно к улице, а имел впереди себя еще дворик с железной решеткой и воротами, выходящими на Мойку. Из дворца Юсупова в этот дворик вела железная дверь, как раз из кабинета. Как произошло убийство, я этого касаться не буду, но вот что дало дознание, произведенное непосредственно после его совершения, то есть утром 17 декабря. В 5 часов утра к градоначальнику явился пристав местного участка с постовым городовым на Мойке у дома Юсупова, который доложил следующее: в 3 с половиной часа ночи, проходя по Мойке, в направлении к Поцелуеву мосту, он услышал револьверные выстрелы со стороны дома Юсупова; когда он, поравнявшись с решеткой дома № 102 и увидев во дворике этого дома молодого кн. Юсупова и его денщика, что-то рассматривавших на снегу, поинтересовался и спросил, не здесь ли стреляли, то получил отрицательный ответ и пошел дальше к Поцелуеву мосту. Через некоторый промежуток времени его нагнал тот же денщик и сказал, что князь просит его зайти к нему, что городовой и исполнил. Введенный через главный подъезд в кабинет князя, он увидел там его и другое лицо, которое ему не было известно. Оба были в сильно возбужденном виде, как ему показалось, от выпитого вина. Неизвестный спросил его: «Ты меня знаешь?». На отрицательный ответ городского он сказал: «Я член Государственной думы Пуришкевич, сейчас убит Распутин, если ты любишь государя и Россию, то будешь молчать». После этого городовой ушел и сейчас же обо всем доложил своему приставу.

Начатое расследование установило, что Юсупов приказал своим двум лакеям (в числе их был упомянутый денщик) приготовить чай вечером 16 декабря к 10 часам, после чего во внутренние комнаты не входить, оставаясь в вестибюле главного подъезда. Из всех приглашенных в тот вечер один только великий князь Димитрий Павлович подъехал к главному подъезду с Мойки, остальные же гости, между которыми были две дамы, приехали через дворик соседнего дома. В этом дворике добывали раненного Распутина, на что указывали оставшиеся на снегу лужи крови. Труп убитого был завернут в кусок портъеры и связан как пакет, затем был покрыт собственной шубой и вывезен на автомобиле через упомянутый дворик.

На следующий день в 12 часов к градоначальнику приехал Юсупов и выразил ему удивление по поводу подозрений в убийстве в его доме Распутина, объяснив, что у него в доме была вечеринка по случаю новоселья, гости подкутили и великий князь Димитрий Павлович убил во дворе из револьвера собаку, труп которой, как доказательство его слов, может быть представлен. Затем Юсупов посетил министра юстиции и рассказал ему то же самое, последствием чего министром было сделано распоряжение прекратить начатое уже судебными властями следствие. Но ввиду исчезновения Распутина полицейское дознание продолжалось, и анализ крови, собранной во дворике, установил, что кровь человеческая, а не собачья, хотя в тот же день денщик Юсупова действительно доставил в полицию труп дворовой собаки Юсупова, якобы убитой великим князем Димитрием Павловичем. Ввиду этих новых обстоятельств следственное производство было возобновлено, ибо ясно было, что собака была убита позже; никто больше не обращал внимания на эту инсценированную, мальчишескую выходку. Следствие установило, что убийцами Распутина были Юсупов и Пуришкевич.

Вскоре, 19 декабря, чинами речной полиции было найдено и тело Распутина, в проруби около моста через Малую Неву, между Крестовским и Елагиным островами. Было установлено, что труп был привезен на автомобиле на упомянутый мост и сброшен в прорубь, на что указывали следы крови на перилах моста и деревянном устое, а также найденная на перекладине устоя одна из галош Распутина. После удостоверения личности убитого и медицинского осмотра тело покойного в автомобиле Красного Креста было отвезено в часовню за Московской заставой, где епископ Исидор отслужил заупокойную обедню, после чего покойник был перевезен в Царское Село и погребен под строившимся там лазаретом имени А.А. Вырубовой.

Совершив этот преступный акт, исполнители его, руководствовавшиеся, несомненно, идейными побуждениями — оказать услугу Родине, освободив престол от влияния так называемой «темной силы», достигли результата чрезвычайно неблагоприятного, на который, может быть, и не рассчитывали. Мало того, что Распутин в глазах его бывших почитателей приобрел ореол мученика, убийство его такими людьми, как Юсупов и Пуришкевич, да еще в соучастии с великим князем Димитрием Павловичем, еще больше подорвало в обществе уважение к верховной власти, поставив ее в весьма двусмысленное положение. С одной стороны, закон требовал наказания убийц, а с другой, нельзя было ставить на суд дело с именем великого князя Димитрия Павловича — члена императорского дома. Лично же для себя убийцы популярности не приобрели, а уважение многих потеряли.

Большое было зло — приближение к трону мужика Распутина, но еще худшее было зло — убийство его при таких обстоятельствах.

Г л а в а VI

Министры внутренних дел последних двух лет монархии. — Отношение к внутренней политике. — Отношение к Распутину. — Политическая обстановка, в которой протекала работа министров. — Н.А. Маклаков. — Союз земств и городов. — Доклады начальника Охранного отделения. — Товарищ министра В.Ф. Джунковский. — Кн. Щербатов. — Р.Г. Моллов.

За два года службы в Петрограде мне пришлось иметь непосредственные отношения с шестью министрами внутренних дел, и должен отметить у всех одну общую черту: все они очень мало разбирались в революционном движении в России и мало им интересовались. Положим, у министра внутренних дел был товарищ, заведующий политической частью, но все-таки, казалось бы, они могли проявлять к этому вопросу хоть сколько-нибудь интереса. Вся забота, вся энергия каждого вновь назначенного министра, казалось, сосредотачивались главным образом на укреплении и сохранении своего личного положения, что действительно составляло нелегкую задачу, ввиду всевозможных влияний и интриг. Кроме того, громадное значение в смысле устойчивости положения министра имело то обстоятельство, какую позицию министр занял в отношении Распутина: дружескую, враждебную или безразличную. Министру нельзя было оставаться к этому вопросу совершенно равнодушным. Нужно было непременно принадлежать к одной из категорий: «наших или не наших», ибо если сам Распутин и не придавал этому большого значения, то зато вся клика, его окружающая, придавала этому первенствующее значение, так как это обстоятельство касалось ее личных интересов. Для нее было необходимо, чтобы министр был свой человек, тогда, естественно, можно было рассчитывать на успешное проведение тех или иных дел.

Действительно, министры кн. Щербатов и А.А. Хвостов пробыли на своих постах едва по три месяца, потому что к Распутину относились безразлично. Б.В. Штюрмер, только потому, что крепко держался дружбы с Распутиным, пробыл на посту полтора года.

Прежде чем перейти к характеристике деятельности министров в области внутренней политики, посмотрим, какова была политическая обстановка, в которой им приходилось работать.

Всем памятен тот патриотический подъем, который захватил Россию в момент объявления войны в июле 1914 г. и увеличивался под влиянием наших успехов в Восточной Галиции. Слабые проблески оппозиции и подпольного революционного движения, которые всегда захватывали некоторую часть нашей либеральной интеллигенции и рабочего класса, были совершенно подавлены. Все помыслы и надежды населения были в скором и победоносном окончании войны.

Но вот наступил перелом военного счастья. Наша армия к началу 1915 г., держась еще в Галиции, стала отступать на Западном и Северо-Западном фронтах. Никакой опасности в широких размерах наше отступление не представляло, но для тыла, который всегда чутко реагирует на всякое изменение на фронте, это создавало уже неуверенность в конечных результатах войны и благоприятную почву для брожения неуравновешенных умов и обвинений правительства в военных неудачах.

Оппозиционные и революционные элементы, совершенно замершие под влиянием широкой волны патриотизма, захватившей всю толщу населения России в первые дни войны, теперь вновь подняли голову и принялись за свою разрушительную работу. Подпольное революционное движение, опирающееся на рабочие круги, не представляло особой опасности; оно всегда существовало и даже в более крупных размерах, а правительственные органы имели в своем распоряжении достаточно средств если не для полного уничтожения, то, во всяком случае, для систематической его парализации. Но что было гораздо серьезнее и с чем нельзя было бороться обычными средствами, так это прогрессивное нарастание оппозиционного общественного настроения. Здесь нужны были особые пути общей политики, исключительные меры и твердая власть руководящих органов правительства, чем, к сожалению, не отличались лица, стоявшие во главе ведомств и в особенности самого обширного и руководящего вопроса внутренней политики — Министерства внутренних дел. За два года из шести сменивших друг друга министров ни один не проявил достаточно воли и таланта, чтобы умелым руководством парализовать и разъединить те силы, которые сознательно вели осаду власти и повергли Россию во прах.

Первый министр, с которым мне пришлось столкнуться по службе в Петрограде, был Николай Алексеевич Маклаков. По политическим убеждениям это был человек ярко правой окраски, и, казалось, если бы он был человеком хоть сколько-нибудь государственным, если бы у него была хоть доля качеств покойного Столыпина, то он мог если и не парализовать нарастающее антиправительственное движение, то хотя бы его задержать, не сдавая тех позиций, которые были укреплены Столыпиным. Маклаков был человек весьма поверхностный, недостаточно вдумчивый, решавший большие государственные вопросы, как говорится, с плеча. Например, вина на Маклакове лежит за утверждение положения о Союзе земств и городов.

Это положение было поднесено Маклакову как положение об организации помощи больным и раненым воинам со стороны земств и городов всей России. Цель, безусловно, прекрасная, но мыслимо ли было утверждать положение о Союзе в том виде, как это было представлено: без всякого правительственного руководства и контроля. Во-первых, идентичная правительственная организация существовала уже издавна, а именно — Красный Крест. Во-вторых, что общего между отдельными городами России и между земствами всех губерний, чтобы их сводить в союз. Ведь все городские самоуправления и земства по существу их деятельности уже были объединены Министерством внутренних дел. Зачем же было нужно создавать государство в государстве.

Утверждением этого Союза Маклаков создал крупнейшую общественно-политическую организацию, в которой объединились все оппозиционные к правительству элементы и, при минимальной пользе в смысле помощи больным и раненым воинам, максимум своей работы обратили на борьбу с правительством. Это была большая ошибка. Можно было утверждать такого характера организации по каждой губернии или городу отдельно, как подсобные Красному Кресту, но ни в коем случае не объединять их в такой мощный союз, а равно давать равные распорядительные права с Красным Крестом, как на фронте, так и в тылу. Союз стоил правительству колоссальных денег, умышленно сопротивлялся всякому правительственному контролю и, кроме того, сыграл, наравне с Центральным военно-промышленным комитетом, гнусную роль в развале России. Обе эти организации руководи-

лись кадетской партией и обе работали как на фронте, так и в тылу в пользу свержения монархии.

Обе организации, рука об руку, шли вместе к поставленной цели, с той лишь разницей, что ЦВПК, отыграв свою роль, сейчас же после переворота сошел со сцены, а Союз земств и городов долго еще старался удержать политическое значение, а главным образом, даровое кормление и приют для членов бывшей кадетской партии. После захвата власти большевиками Земгор пристроился к белому движению на Юге России, а затем в виде отдельных групп и ячеек продолжает существовать в различных странах Европы и ныне.

Кроме постоянных письменных докладов министру внутренних дел, начальник Охранного отделения имел специально назначенные Маклаковым часы по субботам для устного доклада, но, по-видимому, это была чистая формальность. Маклаков такими докладами не интересовался, ибо большей частью их отменял по тому или иному поводу. За время с февраля по июнь 1915 г. я делал ему доклад только два раза. Маклаков ограничивался на докладах короткими репликами вроде: «прекрасно», «так и надо», «продолжайте в том же духе» и т.д. Между тем время было не такое, чтобы не обсудить совместно того или другого вопроса с лицом, стоящим так близко к делу борьбы с революционным движением, или хотя бы высказать взгляд или дать указания общего характера.

При Маклакове товарищем министра внутренних дел, заведующим политической частью, был генерал Владимир Федорович Джунковский. На этот пост он был назначен еще в 1913 г. с должности московского губернатора и сразу стал предвзят относиться к агентурной деятельности розыскных органов, считая всех секретных сотрудников — сплошь провокаторами. Только пробыв на посту почти два года, он понял, что нельзя всех работников расценивать с этой точки зрения и что основа политической работы по борьбе с революционным движением и заключается в том осведомительном материале, который дает внутренняя агентура. Благодаря такому взгляду Джунковский на первых порах, то есть еще в 1913 г., добился высочайшего утверждения циркуляра, запрещавшего всем политическим розыскным органам иметь внутреннюю агентуру в войсках и в средне-учебных заведениях, а значит, и наблюдение за политическим настроением армии и средней школы. Само собой понятно, что этот циркуляр развязывал руки революционерам в смысле пропаганды и агитации среди юношества и чинов армии. С этого времени розыскные органы черпали сведения как бы мимоходом, случайные и весьма поверхностные. Например, известно было по некоторым данным, что уже в 1916 г. настроение войск Петроградского гарнизона внушало опасения, но за отсутствием внутренней агентуры вопрос этот не мог быть исследован с достаточной полнотой и конкретно, а потому и невозможно было заранее принять требуемые меры по ликвидации вредных элементов.

После ухода с поста Джунковского новый товарищ министра внутренних дел, понимавший весь вред сказанного циркуляра, возбудил вопрос об его отмене. Но, видимо, уже было поздно; комиссия, назначенная для обсуждения этого вопроса, его провалила большинством голосов от армии. В комиссию вошли: председатель — генерал-лейтенант Леонтьев, занимавший в то время должность генерал-квартирмейстера Главного штаба, и два его помощника, офицеры Генерального штаба: генерал-майор Н.М. Потапов и полковник Мачульский (оба сразу заняли видные посты у большевиков после Октябрьского переворота). От Министерства внутренних дел в комиссию вошли я и вице-директор Департамента полиции И.К. Смирнов. Наши два голоса ничего не могли сделать против трех голосов от армии, высказавшихся за оставление циркуляра в силе, и таким образом этот вопрос был окончательно провален.

Маклаков и Джунковский оба неприязненно относились к Распутину, и это отчасти послужило причиной их одновременной отставки.

На место Маклакова, как говорили, по совету великого князя Николая

Николаевича, управляющим Министерством внутренних дел государем был назначен князь Щербатов, бывший до того времени управляющим государственным коннозаводством. С ведомством Министерства внутренних дел он знаком не был и в политических вопросах не разбирался. Весь стаж его заключался в том, что он был членом I Государственной думы и возглавлял в ней партию правового порядка.

Щербатов с первых дней вступления в должность стал подыгрываться к общественности, но это ни к чему не привело. Всем памятно его выступление в Государственной думе с его ссылками на рассказы Короленко. Были курьезы и другого сорта. Летом 1915 г. государь император присутствовал при спуске строившегося в Петрограде на Балтийском и Адмиралтейском заводах двух дредноутов: «Измаил» и «Бородино». Щербатов, отказывавшийся в угоду общественности от услуг полагавшихся ему по должности личных адъютантов, дважды попал в смешное положение. В одном случае его не хотели совсем пропускать к месту спуска, так как никто его в лицо не знал и не было с ним лица, которое могло бы его удостоверить, а во втором, после окончания церемонии, благодаря отсутствию личного адъютанта Щербатову пришлось уехать последним, уже после расхода публики, потратив с полчаса на бесплодные поиски своего автомобиля. После этих случаев Щербатов стал пользоваться услугами личных адъютантов.

Политической частью при Щербатове заведовал его личный друг Русчу Георгиевич Молов, который был назначен директором Департамента полиции на правах товарища министра внутренних дел. Молов хотя и был раньше прокурором Одесской судебной палаты, но в вопросах внутренней политики настолько же малокомпетентен был, как и Щербатов, поэтому, естественно, не мог давать ему полезных советов в управлении ведомством и в вопросах политики. А ведь Щербатов принимал доклады только одного Моллова. Насколько мне известно, он не принимал докладов даже градоначальника. К Распутину и его окружению обнаруживал большой интерес. Дневники наблюдения за Распутиным требовал через Молова ежедневно, но в личные сношения с Распутиным не входил и в категории «наших» у Распутина не числился.

Щербатов на посту пробыл три месяца, не принеся ни пользы, ни вреда. Думаю, что ушел в отставку под давлением партии Распутина, так как последним в это время на пост министра внутренних дел проводился член Государственной думы Алексей Николаевич Хвостов.

Г л а в а VII

А.Н. Хвостов. — Способ его назначения. — С.П. Белецкий. — Отношение к Распутину. — Помощники Хвостова. Комиссаров. Каменев. — Роль Комиссарова при Распутине. — Б.Ржевский. — Замысел Хвостова. — Арест Ржевского. — Его разоблачения. — Удаление Белецкого и Комиссарова. — Отставка Хвостова.

А.Н. Хвостов был выдвинут на пост министра внутренних дел правыми кругами через Распутина. Говорили, что больше всего этого добивался сам Хвостов. Впоследствии Распутин рассказывал, что Хвостов, прося его содействовать его назначению, клялся на образах охранять его, Распутина, особу всеми силами и одаривал его подарками. Насколько это верно, не берусь судить, но во всяком случае Хвостов сам лично и через Белецкого много работал у Распутина над тем, чтобы попасть на этот пост.

Вместе с назначением Хвостова товарищем министра, заведующим политической частью был назначен Степан Петрович Белецкий, вместо Молова, получившего назначение полтавским губернатором.

Вначале Хвостов политической части совершенно не касался, предоставив ее всецело Белецкому. Отношение к Распутину на первых порах было

самое благожелательное, вытекающее из того принципа, что Распутин — это частное дело их величеств, в которое власти отнюдь вмешиваться не должны, но сведения и дневники о всем том, что у Распутина происходит, должны представляться по-прежнему, так сказать, для личного сведения министра. Но вскоре оказалось, что такое безразличное отношение к этому вопросу немислимо. Распутин требовал уплаты по векселям, выданным за назначенье. Просьбы Распутина, направленные непосредственно к Хвостову или через других лиц, буквально его засыпали. Хвостов увидел, что не так-то легко справиться с этим вопросом, тем более что в душе он сознавал весь вред Распутина для России. Кроме того, самолюбие Хвостова как министра немало страдало от сознания, что он попал в лапы мужика Распутина. Часто он получал от него письма, адресованные: «Министру Хвосту» и чуть ли не с категорическими приказаниями. Поставленный в такое положение, Хвостов решил, по-видимому, избавиться от влияния Распутина тем или другим способом. Хвостов мне всегда казался натурой преступной, не задумывавшейся над выбором средств в намеченных целях. Еще будучи в должности нижегородского губернатора в 1912 г., он выбирал себе в помощники большей частью людей сомнительной репутации, с авантюристической складкой. Став министром, он поступил таким же точно образом: для секретных услуг он взял двух лиц: одного, по рекомендации Белецкого, — жандармского генерала Михаила Степановича Комиссарова, а другого — бывшего своего клеветника по Нижегородской губернии, ротмистра Каменева, произведенного в подполковники и переведенного им вне всяких правил в Отдельный корпус жандармов.

Комиссарову было дано специальное порученье войти в связь с Распутиным, что тот немедленно и сделал. Комиссаров был очень неглупым, способным человеком, но неразборчивым в средствах, когда дело касалось личных интересов. Кроме того, это был большой интриган, готовый вступить с кем угодно в сношения ради своих личных выгод; каждое порученное ему дело мог испортить благодаря необычайно циничному на все воззрению и нравственной нечистоплотности.

Каменев — бывший офицер полицейской стражи Нижегородской губернии, довольно темная личность с подмоченной репутацией по своей прежней службе.

С появлением Комиссарова, несомненно, в отношении Распутина у Хвостова с Белецким был составлен определенный план, и думаю, что сущность его заключалась в том, чтобы заманить Распутина в какую-либо ловушку и убить, объяснив его гибель случайностью или взвалив вину в его смерти на кого-нибудь другого. Иначе нельзя было себе объяснить всего поведения Комиссарова, приставленного к Распутину и, по-видимому, не имевшего никаких других поручений от министра. Официально его миссия заключалась в том, чтобы удерживать Распутина от пьянства и оберегать от дурных влияний. В действительности же, как мы увидим, Комиссаров еще более старался его спаивать и вводил в круг его знакомых всяких проходимцев. Комиссаров стал бывать у Распутина ежедневно и по несколько даже раз; он перезнакомился со всеми посещавшими Распутина, стал принимать участие в его попойках, которые еще участились. По этому делу Комиссаров имел ежедневные доклады у Хвостова и Белецкого. Кроме имевшейся уже охраны Распутина, он установил свою, отдельную, из людей специальной ему преданных. В его распоряжении был особый автомобиль и пролетка.

После ниже приведенного факта глаза у меня окончательно открылись на истинную роль Комиссарова.

Однажды он обратился ко мне от имени министра с просьбой предоставить в его распоряжение мою лошадь и сани без кучера на целую ночь. Причина заключалась якобы в том, что моя лошадь очень быстроходна. Проверив по телефону у Хвостова и удостоверившись, что приказание исходит действительно от него, я исполнил просимое. Каково же было мое удивление, когда на следующее утро лошадь мне была возвращена вся в мыле, а

сани с поломанными оглоблями. Для меня стало совершенно ясно, что если бы Распутина нашли убитым или сброшенным куда-либо в прорубь и тут же обнаружена была моя запряжка, то вся вина пала бы на меня. Поэтому при всех последующих просьбах Комиссарова опять одолжите сани или лошадь я отговаривался тем, что лошадь больна, а сани в ремonte.

Вскоре отношения между Распутиным и Комиссаровым стали обостряться благодаря невоздержанности и грубости Комиссарова и тем слухам, которые он сам распространял умышленно про Распутина. Приходя на квартиру к Распутину, Комиссаров громко кричал в присутствии посторонних, что раздается с этим мужиком, ругался площадной бранью и т.п. Однажды, например, будучи в гостях на даче у Бадмаева, Комиссаров, снимая кожу с копченого сига, сказал: «Так я буду сдирать шкуру с Гришки». Это и его личные рассказы об опытах с отравлением кошек при пробах яда для Распутина, передано было последнему и совершенно отшатнуло его от Комиссарова. Он был терроризирован и не знал, как ему избавиться от Комиссарова.

Видя, что Комиссаров его надежд не оправдал и, в сущности, ничего не достиг, Хвостов решил лично, без участия Белецкого и Комиссарова, прибегнуть к новому средству. В бытность Хвостова нижегородским губернатором в Нижнем был журналист-репортер, некий Борис Ржевский, который сотрудничал в местной правой газетке и был преданным слугой Хвостова. Человек он был неуравновешенный, истеричный и совершенно беспринципный. Этот Ржевский во время войны занимал какое-то маленькое место в Красном Кресте. В конце 1915 г. он появился в Петрограде и, естественно, напомнил о себе Хвостову, который и решил воспользоваться Ржевским для выполнения крепко засевавшего в его голове плана уничтожения Распутина. План был задуман и выполнен следующим образом: Ржевский, получив денежный аванс в шведской валюте (что-то около 60 000 руб.), был командирован с особо секретным поручением в Норвегию, откуда, выполнив порученное ему дело, должен был возвратиться в Петроград для непосредственного доклада Хвостову. Командировка была обставлена большой тайной, и даже Белецкий не был в это посвящен. Последний, однако, считал, что раз ему вверена политическая часть, то ни один политический шаг министра не мог быть от него скрыт, а потому, когда узнал о самостоятельном предприятии Хвостова, то решил все это дело сорвать, чему много помог и сам Ржевский, не очень-то хранивший тайну, благодаря своей болтливости и заносчивости. При возвращении в Россию, на станции Белоостров, у него произошел инцидент с жандармским офицером на почве личной ссоры, причем Ржевский поспешил заявить, что он ездил за границу по личному поручению министра внутренних дел, как его секретарь. Тем не менее у него был произведен тщательный обыск, а затем он был отправлен под наблюдением в Петроград. Впоследствии выяснилось, что ссора на ст. Белоостров и обыск были инсценированы по приказанию Белецкого для того, чтобы проникнуть в тайну Хвостова. Обыск дал материал, указывавший на злоупотребления Ржевского по должности в Красном Кресте: у него было найдено много бланков нарядов на вагоны, которые он продавал спекулянтам по 500-600 руб. как бы для надобностей Красного Креста. Все это, конечно, не касалось того дела, которым интересовался Белецкий, но он был очень доволен и воспользовался этим, чтобы придать делу сенсационный характер. Специальному офицеру из штаба Отдельного корпуса жандармов предписано было произвести дознание по делу злоупотреблений Ржевского, но последний все время производства дознания оставался на свободе. По окончании дознания Белецкий таковое передал мне и просил по ознакомлении с ним ждать от него приказа ареста Ржевского. Хотя дознание вполне установило виновность Ржевского, но Белецкий почему-то медлил арестом его, точно чего-то выжидал, и только по прошествии двух недель приказал его арестовать. При вторичном обыске на квартире Ржевского, в числе прочего письменного материала, был обнаружен пакет, заадресованный на имя Алексея Николаевича Хвостова, который офицером, производившим обыск, был вскрыт. В пакете оказалось прошение

Ржевского на случай ареста, его Ржевского, принять меры к его освобождению. Ржевский предчувствовал, что будет арестован. Самый факт ареста Ржевского, казалось, не представлял чего-либо особенного, но он вызвал весьма серьезные последствия как для Белецкого, так и для Хвостова и стоил им обоим их служебных постов. Оба они, бывшие до сего времени в большой дружбе, окончательно рассорились и даже стали непримиримыми врагами.

В 4 часа ночи следующего за арестом Ржевского дня Хвостов прислал за мною своего адъютанта Каменева с требованием немедленно явиться к нему по делам службы. Первый его вопрос, обращенный ко мне, был: «Где пакет, обнаруженный у Ржевского, адресованный на мое имя». Когда я предъявил ему вскрытый пакет, Хвостов с раздражением спросил: «Кто смел вскрыть адресованный мне пакет?», и на мой ответ, что пакет был вскрыт офицером, производящим дознание, Хвостов страшно заволновался и заявил, что такого офицера нужно уволить со службы. Несмотря на мои объяснения, что офицер поступил правильно, что офицер, производящий дознание, пользуется предоставленным ему законом правом вскрывать всю переписку, обнаруженную при обыске, даже если бы таковая была адресована на имя государя, Хвостов никак не мог успокоиться. Когда он, наконец, прочел содержимое, то вздохнул с облегчением и кинул: «Да, но тут ничего нет». Для меня стало ясно, что Хвостов в письме ожидал чего-либо весьма неприятного, что могло стать известным и другим.

В действительности все это дело заключалось в следующем. Хвостов послал Ржевского в Христианию к Илиодору Труфанову, заклятому врагу Распутина, с целью подкупить его и при помощи его царицынских последователей-фанатиков постараться убить Распутина, объяснив все религиозной враждой. Удалось ли Ржевскому об этом сговориться с Илиодором или нет, я не берусь судить, но дело сорвалось на том, что Хвостова предали, с одной стороны Белецкий, принявший сторону Распутина и полагавший, что, свалив Хвостова, сам займет его место, а с другой стороны, Ржевский, в последнюю минуту раскрывший весь план. Оказывается, что Ржевский, сообразив, что попал в интригу и может лично пострадать, заготовил на случай своего ареста два письма: одно, в виде прошения об освобождении — Хвостову, а другое — адресованное А.А. Вырубовой, где он раскрывает весь план заговора против Распутина, — передал одному своему приятелю, инженеру, с просьбой в случае его ареста передать по адресу, что последним и было исполнено; только не имея возможности лично доставить письмо Вырубовой, он просил об этом военного министра генерала Беляева.

Таким образом все обнаружилось и стало известно государыне императрице, которая просила незадолго до этого назначенного председателя Совета министров Штюрмера произвести расследование и доложить ей. В расследовании принимали участие по поручению Штюрмера: я, И.Я. Гурлянд и Манасевич-Мануйлов, причем я вел формальную часть, не касаясь обвинений министра внутренних дел Хвостова, моего прямого начальника. Хвостов все дело объяснил очень просто: Ржевский им был послан в Христианию, чтобы купить у Илиодора все издание выпущенной им книги «Святой черт», компрометировавшей царскую семью по сношению с Григорием Распутиным.

Пока Штюрмер производил расследование, Хвостов решил удалить от дел Белецкого, свалив на него всю вину и обвинив его в интригах перед государем. После доклада его величеству Белецкий был назначен иркутским генерал-губернатором, а генерал Комиссаров, его друг, — ростовским градоначальником. Белецкий этим был страшно возмущен, говоря, что Хвостов его разыграл, но что он его также разыграет, нужно только время. В Иркутск Белецкий не поехал, устроив себе зачисление в Сенат, а Комиссаров сумел до последнего момента сохранить хорошие отношения и с Белецким и с Хвостовым. От последнего он получил даже, вне всяких правил, 25 тыс. руб. на подъем и лично от него на память золотой портсигар. Своим назначением в Ростов он отчасти обязан тому же Распутину, который просил императрицу, чтобы Комиссарова убрали подальше из Петрограда, но повысили по

службе, — настолько Распутин был им терроризован. Комиссаров настолько был циничен, что когда после Белецкого ушел с поста и Хвостов, он не стеснялся громко заявлять: «Наконец обоих дураков убрали».

Избавившись от Белецкого, Хвостов заявил мне, что политической частью будет руководить лично и чтобы я ежедневно ему делал доклады. Первый мой доклад длился не менее двух часов, так как буквально пришлось читать лекцию о революционном движении в России, объясняя программу и тактику каждой политической партии. Нужно, кстати, сказать, что Хвостов очень быстро все усваивал. В отношении Распутина он изложил мне вновь программу оберегания его от дурных влияний, а потому потребовал обыска и ареста некоторых лиц из окружения Распутина. Было арестовано несколько человек, которые были в очень скором времени освобождены. Материал, взятый у них при обыске, указывал на личный их интерес близости к Распутину: спекуляции, подряды, поставки и т.п.

После отставки Белецкого Хвостов пробыл не больше одного месяца на своем посту и был уволен от должности, не получив никакого другого назначения. За полугодичный срок пребывания в должности министра внутренних дел Хвостов ровно ничего не сделал полезного для России, хотя был человеком весьма неглупым. Он увлекся исключительно интригами личного характера и сделал несколько весьма неудачных назначений по своему ведомству. Например, скандальной историей с Белецким и Распутиным он обязан был исключительно тому, что пользовался услугами таких людей, как Комиссаров и Ржевский. Последний, между прочим, в 1918 г. служил в Московской чрезвычайке, расстреливая лично контрреволюционеров, а затем передался на сторону белых и в Одессе в январе 1919 г. был убит своими же агентами, состоявшими на службе в уголовном розыске Одесского градоначальства, под фамилией Бориса Раевского.

Сподвижник Хвостова Степан Петрович Белецкий был человек весьма умный, работоспособный и прекрасно понимал политическое состояние тогдашней России. Если б ему суждено было занять пост министра внутренних дел, он был бы безусловно на своем месте, но вся беда была в том, что он слишком широко раскидывал сети интриг и невольно сам запутывался в них. Много способствовало этому и то, что он, как и Хвостов, пользовался иногда людьми совершенно беспринципными, которые его предавали. По политическим убеждениям это был человек ярко правой окраски, беззаветно преданный своему Государю.

Г л а в а VIII

Штюрмер. — День министра. — Ближайшие помощники Штюрмера. — Отношение Штюрмера к политическим и государственным вопросам. — Нерешительность Штюрмера в важных вопросах. — Мелочность Штюрмера. — Генерал Климович. — Отношение к Распутину. — Назначение министром иностранных дел. — А.А. Хвостов.

На место Хвостова был назначен Штюрмер, бывший уже тогда председателем Совета министров и совместивший таким образом в своем лице обе должности. Еще до назначения председателем Совета министров, будучи членом Государственного совета, Штюрмер прилагал все усилия, чтобы получить этот пост. Он несколько месяцев работал в этом направлении через Распутина и его друга митрополита Питирима. Штюрмер, как и Хвостов, дал свои заверения, что будет оберегать Распутина, и, нужно ему отдать справедливость, свои обещания свято соблюдал.

Штюрмер не был государственным человеком, несмотря на большой административный стаж в прошлом; кроме того, был стар, неспособен, упрям, не мог разбираться в самых пустяжных вопросах, словом, не годился не только к занятию должности министра внутренних дел, но даже для

пассивной роли, какую играл, будучи только председателем Совета министров.

Вставал он очень рано — в 6 час. утра, и занимался тем, что лично вскрывал почту, получающуюся на имя министра, что, в сущности, составляло обязанность его секретаря. Для этой цели в служебном кабинете был поставлен специально большой стол, за которым каждое утро Штюрмер был буквально завален пакетами. Вскоре это ему надоело и стол из кабинета был вынесен. К 7 часам вечера, благодаря целому дню утомительных разговоров и приемов, как служебных, так и частных, Штюрмер уже ни к чему не был способен и если назначал у себя после этого времени какое-нибудь совещание, то ровно ничего не понимал и все время дремал.

Ближайшими неофициальными помощниками его были Илья Яковлевич Гурлянд и Иван Федорович Манасевич-Мануйлов. Первый был человек умный, и советы его были всегда полезны. Второй — умный, но хитрый, беспринципный авантюрист и интриган. Мануйлов называл себя личным секретарем Штюрмера, хотя таковой должности официально не занимал. Что их связывало, Бог их знает, говорили, какие-то общие дела в прошлом. Мануйлов вечно терся на квартире и в приемной Штюрмера, а последний всех уверял, что у него ничего общего с Мануйловым нет и что он даже его почти что и не знает. Должность личного секретаря и заведующего домашними делами у Штюрмера занимал его старый приятель граф Борх, который и жил рядом с Министром на Фонтанке № 18.

Политическим состоянием России и общественными настроениями Штюрмер вовсе не интересовался, но зато необыкновенный интерес проявлял к Распутину и к придворным кругам. Как Штюрмер относился к вопросам большой государственной важности, видно из ниже приводимого примера.

В начале лета 1916 г. весьма серьезным являлся вопрос о разгрузке Петрограда от чрезмерно увеличившегося населения благодаря обстоятельствам военного времени. Этот вопрос был весьма серьезен: во-первых, в экономическом отношении, а во-вторых — в политическом. Значительное увеличение населения произошло благодаря скоплению беженцев из занятых неприятелем местностей, накоплению запасных воинских частей, госпиталям, лазаретам и даже пленным. Все это вызывало крупные осложнения в продовольственном отношении, в смысле вздорожания жизни, в квартирном отношении и в политическом, так как тогда уже поступали сведения о пропаганде в запасных частях, лазаретах и слабосильных командах. Словом, вопрос настолько стоял остро, что его нужно было так или иначе разрешить. По сему случаю Штюрмер устроил в своем служебном кабинете совещание, на которое был приглашен и я. Высказывались разные пожелания и способы разгрузки Петрограда; предложено было высказаться и мне. Я, обрисовав политическое положение текущего момента, подошел к этому вопросу с точки зрения охраны государственной безопасности и настаивал на необходимости вывести из Петрограда все запасные воинские части и ненужные санитарные учреждения, указав и подтвердив конкретными данными полную их неблагонадежность. При наличии в каждом запасном батальоне от 9 до 12 тыс. людей, общий состав, подлежавший эвакуации из Петрограда в провинцию, составил бы весьма солидную цифру, которая безусловно оказала бы влияние на облегчение продовольственного и квартирного вопросов и, с другой стороны, на спокойствие и безопасность столицы в политическом отношении. Присутствовавший здесь главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал князь Туманов заявил, что это невозможно, ибо, по приблизительному подсчету, такая эвакуация потребовала бы расхода от государства в 9 млн рублей. На это я мог только заметить, что для спокойствия страны эта мера необходима, даже если бы обошлась государству не в 9 миллионов, а в сотни миллионов.

Совещание ни к каким решениям не пришло, Штюрмер никакого заключения не сделал и вопрос остался открытым. И так до самого переворота вопрос о разгрузке Петрограда больше и не подымался.

Штюрмер был мелочной и злой старик. Желая, например, с кем-нибудь так или иначе разделаться, он ответственности на себя за то или другое распоряжение не брал, а делал так, как будто бы он здесь не при чем. Иллюстрацией этого может служить такой, в сущности, малозначащий факт. Штюрмер, не знаю по какой причине, считал своим личным врагом журналиста Клячко. Однажды Штюрмер пригласил меня к себе и говорит: «У меня имеются сведения, что Клячко занимается военным шпионством в пользу Германии, прошу Вас его арестовать и выслать из Петрограда». На мой вопрос, в чем именно заключаются эти сведения, так как таковых в моем распоряжении нет, Штюрмер ответил, что это уже мое дело, но это должно быть исполнено. После двухнедельного наблюдения у Клячко был произведен обыск, и так как ни наблюденье, ни обыск ничего не подтвердили, то он был оставлен на свободе. Штюрмер остался очень недоволен и настаивал все-таки на его высылке. Тогда я ему доложил, что передал все дело в военную контрразведку, так как это касается ее компетенции, с чем Штюрмер и согласился. Военная контрразведка арестовала Клячко, но затем не знала, что с ним делать, так как и у нее не было против него определенных обвинений. Не знаю, что такое случилось, но вскоре Штюрмер мне отдал следующее приказание: «Напишите военным властям, чтобы Клячко не высылали и дело прекратили». На это я доложил, что написал уже, что Клячко подозревается в шпионстве, я не могу теперь писать, что я ошибался, поэтому будет удобнее, если Штюрмер сам напишет. Он с этим согласился и сказал, что лично переговорит с князем Тумановым. Действительно, вскоре Клячко был освобожден и дело его было прекращено. Впоследствии как-то, будучи чем-то раздражен, Штюрмер мне сказал: «А Клячко не могли мне выслать».

Штюрмер как бы боялся своих помощников, не доверял им и вместе с тем не решался воспользоваться своей властью, чтобы удалить того или другого из подчиненных ему лиц. Так, оригинально сложились его отношения с директором Департамента полиции генералом Климовичем, приглашенным на этот пост предшественником Штюрмера Хвостовым. Климович с места стал ругать Штюрмера, как говорится, на всех перекрестках. Нетактичность Климовича доходила до того, что он на приемах у себя в департаменте, будь то губернатор или только жандармский ротмистр, обвинял перед ними Штюрмера в глупости, в тупости, критиковал всякое его распоряжение, словом, дискредитировал его, как только мог и где только мог. Поехав в отпуск на Кавказ, Климович и там повел такую агитацию против него, что, наконец, все это дошло до Штюрмера. Другой министр на его месте немедленно уволил бы такого директора Департамента полиции в отставку. Штюрмер же, истощив терпение, наконец, увольняет Климовича, хлопоча о назначении его сенатором.

К Распутину у Штюрмера было особо благожелательное отношение. Никто из министров так ревниво не оберегал Распутина, как Штюрмер, который видел твердость своего положения исключительно в покровительстве Распутина. Штюрмер до мелочей интересовался времяпрепровождением Распутина, требовал ежедневного представления дневников наблюдения за ним и по самым пустякам обнаруживал необычайное беспокойство. Однажды Штюрмер ужасно заволновался, узнав из дневника, что когда Распутин был в Казанском соборе, то какая-то из нищенок-богомолок, узнав в толпе Распутина, громко сказала: «Такого душегуба следовало бы задушить». В этом Штюрмер увидел непосредственную опасность, грозившую жизни Распутина, вызвал экстренно меня, и мне нужно было много труда, чтобы его успокоить и уверить, что никакой особой опасности Распутину от этой нищенки не грозит. Другой раз случай был такой: как-то в воскресный день, между 4 и 6 часами я делал необходимые служебные визиты. В мое отсутствие министр трижды звонил по телефону в Охранное отделение с требованием, чтобы я немедленно явился к нему по весьма спешному делу. Когда, узнав об этом, я прибыл к нему, то первые слова его были: «Вы знаете, что случилось вчера в Царском Селе?». Я ответил, что не знаю. Тогда Штюрмер с раздражением

сказал: «Странно, я знаю, а вы — начальник Охранного отделения и не знаете». На это я ответил, что тут ничего удивительного нет, потому что он министр и, естественно, к нему поступают сведения со всей России, а я начальник Охранного отделения только в Петрограде и Царское Село находится вне моего района, а в ведении начальника охранной агентуры царских резиденций генерала Спиридовича. Штюрмер извинился, сказав, что этого не знал. Затем он мне объяснил, что два пьяных морских офицера вчера в Царском Селе явились на дачу Вырубовой и требовали сказать им адрес Распутина и что он в этом усматривает возможность покушения на жизнь Распутина. В этом и состояла та спешность и важность дела, что министр трижды меня вызывал по телефону. Я успокоил Штюрмера, что ничего угрожающего Распутину в этой пьяной выходке не усматриваю и что в случае действительной необходимости адрес Распутина узнавали бы не таким путем, тем более, что в Петрограде все почти знали, что он живет на Гороховой № 64.

Свои свидания с Распутиным Штюрмер обставлял большой конспирацией. Виделся он с ним большей частью или в Александро-Невской лавре у митрополита Питирима, или на квартире графа Борха — Фонтанка № 18.

Штюрмер зорко следил за тем, нет ли у Распутина тайных свиданий с кем-либо помогающим каких-либо назначений, зная по личному опыту, как подготовляются кандидаты на министерские портфели. Почему-то больше всего Штюрмер боялся, что Распутин тайно видится и подготавливает кандидата на пост министра внутренних дел Сергея Ефимовича Крыжановского.

Штюрмер пробыл на своем посту более года, после чего был назначен министром иностранных дел, вместо зачисленного в Государственный совет Сазонова. За все это время он не проявил ни инициативы, ни воли, ни желания даже облегчить те тяжелые условия, в которых очутилась страна в годину серьезных испытаний, а главное, не обнаружил даже попытки оградить верховную власть от осады не в меру зарвавшейся пресловутой общественности. Одним словом, как министр внутренних дел Штюрмер был буквально пустым местом.

Назначение Александра Алексеевича Хвостова, бывшего до того времени министром юстиции, на место Штюрмера произвело благоприятное впечатление на все круги. Но в то же время все считали, что Хвостов на своем посту долго не пробудет и что просто в данный момент еще не было определенного настоящего кандидата на этот пост. И действительно, Хвостов не мог долго удержаться на этом посту, во-первых, потому, что у него ничего общего не было ни с Распутиным, ни с его окружением, а во-вторых, Хвостов к этой должности совершенно не подходил: всю карьеру он сделал по Министерству юстиции и административным стажем не обладал. Он был очень мягок, справедлив, большой джентльмен, но на все смотрел с точки зрения законности и права, не считаясь ни с какими влияниями.

Хвостов пробыл в должности министра внутренних дел три месяца и в октябре 1916 г. был замещен А.Д. Протопоповым.

Г л а в а IX

Причины назначения Протопопова. — Отношения к этому Государственной думы. — Помощники Протопопова. — Оппозиция. — Отношение Протопопова к царской семье. — Отношение к Распутину. — Служебные отношения и доклады. — Колебания и отношение к общественности. — Ликвидация рабочей группы ЦВПК. — Канун переворота. — Настроение войск. — Меры Протопопова и Хабалова. — Военные совещания. — Тщеславие Протопопова. — Суеверие и конец карьеры Протопопова.

Назначение Александра Дмитриевича Протопопова подготавливалось довольно долго Распутиным и его кругами. Протопопов имел постоянные личные свидания с Распутиным у бурятского врача Бадмаева, с которым был

давно знаком и у которого он лечился. Здесь же бывали постоянно: Павел Григорьевич Курлов — будущий ближайший советник Протопопова и Алексей Тихонович Васильев — будущий директор Департамента полиции. Кандидатура Протопопова была приемлема для государя вполне. Протопопов был представителем обществу, как товарищ председателя Государственной думы, и о нем были даны самые лучшие отзывы английским королем за время его пребывания членом русской делегации, командированной перед тем в Англию. Таким образом, казалось бы, назначение Протопопова должно было всех удовлетворить. Между тем получилось совершенно обратное. Государственная дума и прогрессивный блок усмотрели в принятии Протопоповым министерского портфеля ренегатство и простить ему этого не могли. С первого же дня вступления в должность Протопопова Государственная дума повела с ним жестокую борьбу. К тому же Протопопов стал делать очень много крупных ошибок, благодаря своей неопытности и незнакомству с управлением таким крупным ведомством.

Протопопов в управлении Министерством внутренних дел не имел ни служебного опыта, ни административного стажа, ни способностей и не хотел даже чему-нибудь научиться. В ближайшие советники он взял П.Г. Курлова и хотел его официально провести на должность товарища министра внутренних дел, но этого сделать ему не удалось — помешала репутация Курлова, уволенного уже раньше с таковой же должности в 1911 г. после убийства П.А. Столыпина. Таким образом, Курлов был что-то вроде неофициального советчика, и роль его была весьма неопределенная. Директор Департамента полиции хотя и был старый опытный служака Департамента полиции, но не имел ни достаточного авторитета у Протопопова, ни влияния на него, чтобы давать ему хорошие советы в широком политическом масштабе. Протопопов был предоставлен самому себе, не имея хороших ответственных помощников и советчиков. Неудивительно поэтому, что при том сумбуре, который был в голове Протопопова, он делал промах за промахом в отношении Государственной думы и ее председателя Родзянко.

С первых дней вступления Протопопова в управление министерством началась травля его со стороны Государственной думы, а вместе с ним и всего правительства, и сразу стало ясно, что пребывание в составе правительства Протопопова и одновременное существование Государственной думы немыслимо и поведет в будущем к большим осложнениям. А может быть и к катастрофе. Это мною было высказано директору Департамента полиции Васильеву еще в ноябре 1916 г., на что я получил ответ, что будет взят твердый курс и опасаться поэтому нечего. Такой ответ меня даже обрадовал, так как для органов исполнительной власти нет ничего хуже неуверенности и колебания. Я даже высказал свое мнение, что ввиду резко непримиримой позиции, занятой Государственной думой по отношению правительства, своевременно бы было IV Государственную думу распустить совсем, впредь до созыва V Государственной думы, что могло быть сделано уже по окончании войны. Однако этот твердый курс был только на словах. Отношения с Государственной думой, с Государственным советом и даже Советом министров у Протопопова все больше и больше обострялись, положение становилось невыносимым, а между тем Протопопов, не желая сам выходить в отставку, в то же время не принимал абсолютно никаких мер ни против оппозиции, ни против нарастания революционного настроения в Государственной думе и в общественных организациях, несмотря на неоднократные и повторные мои доклады. Протопопов, должно быть, не понимал или не хотел понять своего положения; он все еще считал себя представителем обществу, с одной стороны, а с другой — человеком, необходимым государю и России, предназначенным вывести их из больших затруднений. В январе 1917 г., в виду грозно надвигающихся событий, во время одного из моих докладов он меня спросил: «что делать?». Я сказал, что есть только два решения: «Или вы должны уйти в отставку, или должны распустить совершенно Государственную думу, после чего ликвидировать ее революционный центр». На это Протопо-

пов ответил: «В такой тяжелый момент я не могу покинуть моего государя, что же касается роспуска Государственной думы, то это зависит не от меня, а от председателя Совета министров князя Голицына, который носит в кармане готовый указ, но не решается его обнародовать». Этот указ действительно у Голицына был, и он его обнародовал 27 февраля, когда уже было поздно.

Я думаю, что Протопопов искренно верил, что призван спасти Россию, и полагал, что это произойдет как-то само собой, только благодаря его преданности и близости к царской семье. Нужно ему отдать справедливость, он обожал царскую семью, а в особенности императрицу Александру Федоровну, о которой всегда восторженно отзывался. Все свое благополучие и твердость на своем посту он строил на этой близости к царской семье и своей бесконечной ей преданности. Ему, очевидно, удалось уловить тот психологический нерв, если можно так выразиться, который привязывал императора к Распутину. После смерти последнего, мне думается, что Протопопов постепенно стал заменять его и пользовался таким же беспредельным доверием государыни, как раньше Распутин. Этим только возможно объяснить то обстоятельство, что несмотря на ожесточенную борьбу Государственной думы с правительством из-за Протопопова, он не сменялся до самого конца.

К Распутину Протопопов относился с полным уважением, часто с ним виделся у Бадмаева, а иногда даже заходил с черного хода к нему на квартиру. Жизнь Распутина он интересовался, но не в такой степени, как Хвостов или Штюрмер, и не брал на себя задачи его исправлять или усиливать за ним слежку. Убийство Распутина не произвело особенного впечатления на него; единственно чем он был озабочен, — это поскорее разыскать тело Распутина, так как этого хотела государыня.

В деловом отношении Протопопов был полнейшим невеждой; он плохо понимал, не хотел понять и все перепутывал. Определенных часов для моих докладов у него не было, но он часто вызывал меня сам или я приезжал к нему в экстренных случаях и без вызова. Иногда в самых не терпящих отлагательства случаях приходилось ждать приема у министра по два часа из-за того, что он вел разговоры частного характера со знакомыми или случайными людьми, и это в служебные приемные часы. В разговоре это был очень милый, обходительный человек, но очень любил кривляться, что, казалось бы, министру не подобало. Встречал с видом утомленной женщины, жалуясь каждый раз на то бремя, которое ему приходится нести из любви к государю и родине. Из того, что ему докладывалось, он, видимо, ничего не понимал и все перепутывал. Он никак не мог понять, что такое большевики, меньшевики, социалисты-революционеры и т.п. Не раз он просил меня всех их называть просто социалистами, так ему понятнее. В начале 1917 г. он просил меня деловую часть излагать его товарищу Куколь-Яснопольскому, который, нужно ему отдать справедливость, довольно быстро все усваивал, несмотря на то, что до того времени его служба протекала совершенно в другой области.

После ликвидации 9 января 1917 г. я докладывал Протопопову о результатах этой ликвидации и о том, как прошел день 9 января — годовщина событий 1905 года. Мною было доложено, что в этот день в Петрограде забастовало до 200 тыс. рабочих и что Охранным отделением были ликвидированы три подпольные организации, взяты три нелегальные типографии и много печатного нелегального материала. Протопопов тут же при мне позвонил по телефону к председателю Совета министров кн. Голицыну и доложил: «День 9 января прошел благополучно, забастовок не было — так, какие-то пустяки; мы арестовали три боевые дружины с большим материалом».

Письменных докладов Охранного отделения и Департамента полиции, которые поступали к министру ежедневно, Протопопов не читал, в чем я имел случай убедиться, когда однажды в моем присутствии он позвал секретаря и приказал подать все доклады мои и директора Департамента полиции за последнюю неделю, сделал на одном из них надпись на английском языке на имя императрицы и запечатал лично всю эту кучу докладов в пакет, заад-

ресовал на имя государыни и приказал срочно с курьером отправить в Царское Село. Если принять во внимание, что Протопопов не мог повторить правильно мой доклад Голицыну, как я это привел выше, то пожалуй и лучше, что он не делал личных докладов императрице о политическом положении, а просто предоставлял ей самой разбираться во всем этом письменном материале. Находила ли время и интерес государыня читать все то, что посылал ей Протопопов, я не знаю. Впоследствии, в 1919 г., я имел возможность убедиться из рассказов одной приближенной к государыне фрейлины, что Протопопов ничего не докладывал государыне о серьезном политическом положении в России, а в частности в Петрограде, и она считала до самого переворота, что все обстоит благополучно.

Дать решительные указания по тому или иному вопросу Протопопов не мог, и когда таковое настойчиво от него требовалось, то он прибегал к коллегиальному решению безответственных своих советчиков. Так, когда стала очевидной настоятельная необходимость арестовать рабочую группу ЦВПК, Протопопов никак не мог решиться дать свою санкцию, ссылаясь на то недовольство, которое будет вызвано у общественности (он не хотел понять того, что общественность давно с ним не считается), и на то, что рабочая группа, как выборная, по его мнению, пользуется правом неприкосновенности. Когда я ему доказал, что он неправ, то он все-таки взять на себя этого не решился и экстренно созвал частное совещание, где председательствовал Курлов (лицо безответственное). Совещание решило немедленно ликвидировать рабочую группу, и Протопопов с тяжестью в душе должен был санкционировать это решение.

Когда рабочая группа ЦВПК была арестована, когда материал, обнаруженный следствием, ясно указывал на серьезную подготовку к перевороту и руководство им лицами, пользующимися правом иммунитета, то есть членами Государственной думы, тогда назрел вопрос о немедленной ликвидации революционного центра, но на это Протопопов, несмотря на все представленные ему доводы, не пошел. Агентурой Охранного отделения в то же время был выяснен полный список членов уже заранее намеченного будущего Временного правительства. Этот список был представлен мною министру с ходатайством о немедленной ликвидации этой группы также, но Протопопов ограничился только тем, что сказал: «Это очень важно».

Последнее время, когда уже надвигающаяся катастрофа была близка, Протопопов почти все вопросы передавал на решение главнокомандующего Петроградским военным округом генерала Хабалова, а этот последний также никаких решительных мер не принимал, боясь опять-таки пресловутой общестственности.

В бытность Протопопова министром внутренних дел по моей инициативе вновь был возбужден вопрос о ненадежности войск Петроградского гарнизона. Я представил все данные о составе и настроениях гарнизона, повторив все то, что уже раньше докладывал Штюрмеру. В следствие этого был составлен доклад на высочайшее имя и государь согласился заменить некоторые запасные воинские части Петроградского гарнизона Гвардейским кавалерийским корпусом, взятым с фронта, но это решение так и не было приведено в исполнение вследствие просьбы командира этого корпуса — оставить корпус на фронте. Таким образом, Хабалов в момент наступивших рабочих беспорядков должен был опираться на неблагонадежный, готовый в каждую минуту взбунтоваться гарнизон.

Правда, перед 9 января 1917 г. Хабалов созвал совещание в штабе Петроградского военного округа для выяснения степени благонадежности гарнизона. Были собраны начальники всех отдельных частей, все полицмейстеры и градоначальник. Я делал доклад о политическом положении текущего момента в связи с назревающими событиями и закончил его тем, что если военная власть может поручиться в надежности и преданности войск, то все выльется лишь в обычные рабочие беспорядки, которые будут быстро подавлены, и когда я обратился к начальнику всех запасных частей генерал-лейте-

нанту Чебыкину с вопросом: «Ручаетесь ли вы за войска?», он ответил: «За войска я вполне ручаюсь, тем более, что на подавление беспорядков будут назначены все самые отборные, лучшие части — учебные команды». Результат этого совещания был доложен Протопопову и Хабалову. Оба совершенно успокоились, я же далеко не был спокоен.

Протопопов, как я уже говорил, в управлении министерством ничего не понимал, но очень был горд тем, что выбор для замещения такого ответственного поста в России пал на него; это льстило его самолюбию. Не менее его радовало и то, что, будучи министром внутренних дел, он в то же время был главноначальствующим над Отдельным корпусом жандармов; он даже поспешил сшить себе жандармскую форму. Смешно было видеть действительного статского советника Протопопова в шпорах, генеральских чакчирах, в офицерском пальто с красной подкладкой и гражданскими погонами. Появление его в этой форме в Государственной думе вызвало общие насмешки, после чего он носил эту форму только дома.

Протопопов во всем полагался исключительно на подведомственные ему органы. Пробыв уже около пяти месяцев в должности, он как-то во время доклада просил меня объяснить ему, какие функции лежат на Департаменте полиции и какие отношения у этого учреждения с местными органами Отдельного корпуса жандармов, что мною и было исполнено схематически на клочке бумаги. Почему он с этим вопросом не обратился к директору Департамента полиции Васильеву, с которым он виделся почти ежедневно, для меня было непонятно.

Протопопов был суеверен. Он находился в переписке с знаменитым оккультистом в Лондоне, с которым познакомился в последнюю поездку, когда еще был членом делегации Государственной думы. От него Протопопов получил предсказание по числам на январь и февраль 1917 г., с указанием дурных и хороших для него дней. Эти числа Протопопов просил меня записать для сведения. Помню, что роковыми были отмечены 14 и 27 февраля, на чем предсказание заканчивалось. Действительно, как это ни странно, а эти дни для Протопопова были роковыми. 14 февраля была неудачная попытка Миллюкова с призывом к восстанию Петроградских рабочих, а 27 февраля был последний день монархии и конец карьеры Протопопова.

(Продолжение следует)

За хлебом и нефтью

А.Г. ШЛЯПНИКОВ

5. В Екатеринодар

Серьезность задачи, возложенной на наш отряд правительством, и фронтовая опасность, в которой приходилось нам действовать, обязывали нас прочно организовать. На этот раз мы учли опыт поездки из Москвы до Царицына и сорганизовались еще лучше.

В Царицыне мы обзавелись телеграфными и телефонными аппаратами, проводами, телеграфистами и связались сигналами с паровозными машинистами и с дежурными нашей роты. Ряд вагонов был соединен телефонами. На паровозе был установлен вооруженный пост. В заднем вагоне находился пулемет, а при нем непрерывное дежурство пулеметчиков.

Все сотрудники были вооружены винтовками и револьверами и в момент опасности поступали в подчинение командиру роты. Был назначен комендант поезда, установлено вооруженное дежурство в каждом вагоне, а на остановках выставлялись часовые. При малейшем подозрении в состоянии пути производили разведку. При неожиданностях и остановках в пути, между станциями, мы соединялись своими телеграфными аппаратами, могли принимать разговор и сами запрашивать ближайшие к нам железнодорожные станции. Этот способ помогал вести разведку.

Путь на Тихорецкую—Екатеринодар проходил через богатейшие хлебом и скотом степные районы Астраханской губернии, Области войска Донского, Ставропольской губернии и Кубанской области. На каждой станционной остановке мы находили изобилие продовольствия, во всех видах, от жареных кур до пирожков и ватрушек. В этих районах не знали голода и ничего не делали для облегчения голода в центре.

Короткие остановки на станциях мы использовали для проверки находившихся грузов, давая направления тем из них, которые не имели адресата. В пути было много вагонов, эвакуированных при немецком наступлении на Донбасс, на Донецкую область. Много было продовольственных грузов, которые мы направляли прямо на Царицын И.В. Сталину.

На станции Котельниково комендант принес мне телеграмму, в которой просили передать «народному комиссару Шляпникову, поезд 93, что его ждут на станции Торговая главком Черноморского флота Авилов-Глебов и член морской коллегии Вахрамеев. Необходимо увидаться. Авилов-Глебов».

А.Н. Падэрин уведомил главкомиссара Николая Павловича Авилова-Глебова, что наш поезд вышел со ст. Котельниково в 9 ч. 30 м. утра. К вечеру

мы надеялись быть в Торговой и встретиться с главным комиссаром Черноморского флота и членом морской коллегии.

На ст. Котельниково находился отряд из войск В.А. Антонова, которой предложил мне свои услуги по изъятию хлеба в ближайших станицах, казаки которых ушли на зов генерала Краснова спасать донское казачье отечество и совершали набеги на железнодорожные станции Царицыно-Тихорецкой линии. Я дал указание уполномоченному Чекпрода Билику, находившемуся на этой станции, связаться с командиром отряда и выяснить реальную возможность такой операции.

На каждой станции, на каждом разъезде мы находили беспризорные вагоны с различным ценным грузом, продукты продовольствия в котором составляли значительный процент. До ст. Гашун мы имели уже несколько десятков вагонов, готовых к немедленной отправке, но не было паровозов.

Каково же было наше удивление и возмущение, когда мы увидели состав поезда в количестве трех вагонов, ожидавший прибытия нашего состава, чтобы «экстренно» двинуться на Царицын.

От начальника ст. Гашун мы узнали, что это был «делегатский поезд», сформированный на ст. Зимовники. Я немедленно дал телеграмму коменданту ст. Котельники, где была вооруженная сила, задержать поезд, проверить документы едущих, указав на недопустимость расхищения паровозов в такое время, когда каждый из них так нужен для отправки продовольственных грузов.

К вечеру мы добрались до крупной узловой ст. Торговая, где нас ожидали главкомиссар Черноморского флота Н.П. Авилов-Глебов и Вахрамеев. Я с величайшим интересом ожидал их прибытия, они, видимо, также желали меня видеть и не заставили долго ждать, пришли ко мне в вагон. О моей поездке они узнали от И.В. Сталина, с которым они в тот день вели переговоры по прямому проводу, и по его предложению остались ожидать меня. Сами они намеревались ехать прямо в Москву.

Здороваясь с вошедшими товарищами Авиловым-Глебовым и Вахрамеевым, я задал им вопрос, как могло быть, что они покинули вверенное им дело, не проведя в жизнь столь важное решение правительства? В голосе и постановке вопроса было удивление и упрек, и оба они почувствовали это и весьма живо реагировали.

«Хорошо тебе так говорить, сидя в салон-вагоне, а побыл бы ты на нашем месте, заговорил бы иначе», — возбужденно ответил т. Авилов.

Я заметил, что невыполнение ими приказа правительства привело к тому, что В.И. Ленин поручил провести его тов. Сталину, но ввиду того, что Сталину невозможно покинуть Царицын в данное время, поручение правительства передано им мне.

Оба товарища попросили меня познакомить их с распоряжениями В.И. Ленина, и я дал Н.П. Авилову-Глебову все полученные мною от И.В. Сталина телеграммы за подписями В.И. Ленина и Г.В. Чичерина.

Внимательно прочтя их, оба товарища многозначительно переглянулись, и Авилов-Глебов заявил мне, что в телеграммах, полученных мною и прочитанных ими, не все сказано: в них не было главного, подсказал т. Вахрамеев.

Что же могло быть еще, неужели И.В. Сталин забыл передать мне то главное, о котором намекнул Вахрамеев, подумал я. Однако это было невероятное. Коба не принадлежал к рассеянными людям и упускать главное не было в его обычае.

«Да, действительно, того самого главного в телеграммах нет, а в этом-то и все дело. На этом-то месте нас самих чуть было не взяли на штыки, — добавил главный комиссар Н.П. Авилов-Глебов. — А ты возмущаешься нашим отъездом из Новороссийска, не зная положения, в котором мы оказались!»

Озадаченный подобным оборотом дела, я попросил товарищей рассказать мне подробно, в чем состояло данное им поручение и что помешало им его выполнить.

Несколько успокоившись от волнения и возбуждения, в котором находи-

лись оба товарища, Н.П. Авилов-Глебов передал, что они имели поручение правительства флот в Севастополь не пускать, так как отплытие его туда означало бы просто передачу морской вооруженной силы нашему врагу — германскому империализму, германскому военному командованию, захватившему Севастополь. Мы должны были готовить моряков и, взорвав, потопить суда в Новороссийске. И сделать это так, чтобы инициатива потопления судов исходила бы от самой матросской массы, возмущенной германскими требованиями вернуть суда по месту их приписки, чтобы завладеть ими.

При исполнении столь сложного поручения товарищи не встретили поддержки ни в партийной организации, ни в органах местной власти, не говоря уже о командном составе, значительная часть которого была явно нам враждебна. Адмирал Саблин играл двойственную роль, стремясь «спасти флот» то путем наступления на немцев, то прикрываясь украинскими настроениями части моряков, готов был поднять флаг нового государственного образования, созданной немецким командованием «вольной» Украины.

Местная власть в лице Центрального Исполнительного Комитета Кубано-Черноморской Республики выступила против ухода судов из Новороссийска, но и против их потопления. Председатель ЦИК высказался за борьбу с немцами и тем самым пошел навстречу провокационным вождениям немецкого командования и стоявшим за ним белогвардейским силам. Председатель ЦИК А. Рубин от имени партии большевиков и советов, стоя на коленях, умолял матросов беречь суда и готовить их орудия к бою с империалистами и белыми генералами.

Когда мы только намекнули на приказ из центра, говорили тт. Авилов-Глебов и Вахрамеев, нас объявили предателями. Левые социалисты-революционеры, а под их прикрытием и все враги большевиков, вели демагогическую агитацию, прямо обвинили нас в измене революции и чуть ли не в продаже немцам.

Вопрос о потоплении флота стал обсуждаться на общих собраниях моряков, сначала на судах, а потом и открыто на берегу. Наконец, 10 июня было созвано делегатское собрание моряков военного флота, на котором было постановлено «флот не топить, пока не будет реальной опасности».

Вокруг этого дела в Новороссийске и Екатеринодаре поднялась столь сильная агитация против главного комиссара Авилова-Глебова и Вахрамеева, что они вынуждены были покинуть Новороссийск, а затем направиться в Москву для доклада о создавшемся положении.

Нарисованная товарищами картина общего положения была мрачна и грозна, но как-то не верилось мне, что екатеринодарские большевики плетутся в хвосте ложного якобы «революционного» оборончества, порожденного неприятием Брестского мира. Не менее странным казалось мне и то обстоятельство, что среди военных моряков у Авилова-Глебова и Вахрамеева не оказалось поддержки в столь важном деле. И я не скрыл от товарищей, что многое из того, что они рассказали, я понять не могу и постараюсь проверить на месте. Однако я был весьма благодарен их сообщению, которое значительно помогло мне «быть в курсе» всей проблемы.

Товарищей Авилова-Глебова и Вахрамеева я попросил вернуться вместе со мной в Екатеринодар и Новороссийск. Оба они согласились, и я отдал распоряжение прицепить их вагон к нашему поезду.

От Екатеринодара — цели моей поездки, нас отделяло всего лишь несколько часов пути. Надо было приехать в Екатеринодар ранним утром 16-го, чтобы в тот же день урегулировать все дело. Мысли о том, как и с чего начать, чтобы поправить, как мне казалось, крайне испорченное дело, не давали мне покою. Неудача Н.П. Авилова-Глебова и Вахрамеева была и для меня большим уроком, но пока что в их изложении дела было много неясного для меня. Задача была бы легко решена, если бы не было в ней такого множества неизвестных.

В то время, когда я обдумывал каждый свой будущий шаг в Екатеринодаре, работники отряда выполняли свое дело, проверяя грузы на каждой стан-

ции. Сюрпризов при этом было много, и самым значительным из них был для нас тот, что на каждой станции мы находили уполномоченных Чекпрода, при этом имена их не соответствовали тем, которые мы получили от тов. Якубова, хотя все мандаты были выданы им. Об этом я послал с дороги телеграмму И.В. Сталину, рекомендуя приставить к Якубову хорошего организатора.

На ст. Белоглинская против наших контрольно-распорядительных функций по отношению к находившимся на станции грузам выступил начальник ее В.В. Голяховский, отказавшись дать какие-либо сведения о грузах. Пришлось тотчас же отстранить его от должности. В исполнение обязанностей начальника станции вступил, по моему распоряжению, его старший помощник. Об этом поступке Голяховского я сообщил тихорецкому районному комитету союза железнодорожников, а также управлению Владикавказской дороги, тт. Сталину и Невскому.

На станции мы обнаружили много грузов, в том числе военный и продовольственный, которые и направили в Царицын.

И.В. Сталин просил обратить особое внимание на груз, находившийся в то время на ст. Тихорецкой. По сообщению агента Чекпрода Ермолова, там скопилось 166 вагонов, не имевших адресата. Добрая половина груза состояла из разного рода продовольствия. Прибыв на станцию, мои уполномоченные быстро разыскали все грузы, среди которых были уже сгнившая колбаса, испортившийся картофель. Порченные грузы я предложил выбросить, а остальные в зависимости от характера груза направлял: 1) продовольствие, фураж, жиры — в Царицын; 2) товары железо-скобяные, сельхозорудия и мануфактуру — в Ставрополь и Екатеринодар; 3) руду железную (марганцевую) — на Царицын и т.д. Для наблюдения над отправкой оставил уполномоченного.

Район ст. Тихорецкой прилегал к фронтовой полосе. Со стороны Ростова, вдоль железнодорожной линии, шли бои. Борьба велась за Батайск, важнейший железнодорожный узел, ключ к Ростову. Наши войска, руководимые Калниным, готовились к решительной операции на Ростовском направлении, сосредоточивая там солидный вооруженный кулак.

6. В Екатеринодаре

Рано утром 16 июня наш поезд прибыл в Екатеринодар. Своему помощнику А.Н. Падэрину я поручил войти в контакт с главным комиссаром Чекпрода Дунаевским и обсудить с ним все дела, связанные с постановкой работы, а также передать ему 13 000 000 руб., полученных для Екатеринодарской конторы от И.В. Сталина.

За время пути от Торговой до Екатеринодара, после встречи с главным комиссаром Черноморского флота и Вахрамеевым у меня сложился план действий, который я решил провести в жизнь незамедлительно. Первым моим шагом в Екатеринодаре было посещение партийного комитета. В тот ранний час в помещении комитета не было ни секретаря, ни кого-либо из членов комитета, но был дежурный. Через дежурного я вызвал секретаря комитета и председателя ЦИК Рубина и просил их созвать партийный комитет. Тут же условился с ними о времени, на которое можно было назначить его созыв: час был выбран ранний — 11 или 12 дня.

Кроме того, я попросил вызвать из Новороссийска представителей судовых команд для информации о положении дела во флоте. Тов. Рубин обещал все сделать. Вызов представителей судовых команд был намечен приблизительно на 3-4 часа дня.

До назначенного часа заседания партийного комитета оставалось еще много времени, и я решил воспользоваться им для беседы с т.Рубиным. Мне было очень важно знать его взгляды на нашу международную политику, ибо, судя по рассказам главного комиссара Черноморского флота Н.П. Авилова-Глебова, можно было предположить, что в местной большевистской среде имеется налицо влияние «левого» коммунизма, не приявшего Брестский мир.

Наличие соглашения с левыми социалистами-революционерами также навело мысли на такое уклонение.

Без всякой дипломатии я попросил т.Рубина рассказать мне, чем объяснить их поведение в деле осуществления Брестского мира, почему они торгуют осуществление решений центра о флоте, почему вступают в бой с немцами, зачем высаживают десант и бомбардируют Таганрог?

Т.Рубин был крайне удивлен, что я их обвиняю в непризнании Брестского мирного договора. Военные операции разрабатывались штабом армии совместно с командующим флотом адмиралом Саблиным. Военные действия направлены против белых, а отнюдь не против немцев. Что же касалось флота, то они действовали так потому, что думали, что в центре не учитывали особенностей, ту сложную обстановку, в которой мы живем, и то обстоятельство, что флот является могучим средством защиты края.

Наконец, из этой записки вы можете узнать, что мы выполнили предложение центра и вступили с немцами в переговоры. С этими словами он протянул мне маленький листок, написанный на пишущей машинке. В нем я прочел следующее:

«У аппарата адъютант Кузнецов.

Я вас слушаю, Малицкий.

Кузнецов. — Под Таганрогом погибла наша армия, разбита, подробно будет сообщим, когда узнаем подробнее. И больше ничего об ейском десанте, пока все что мы сообщаем.

И еще добавляю: в Ейск прибыли наши раненые и пришла флотилия наша из-под Таганрога. Остались целые только те, которые не успели высадиться.

Здесь в Тихорецкой станице стоявшие мобилизованные отряды в количестве 600 человек, когда им объявили выступить на позицию, собрались и выехали по направлению Калниболотской и Новопокровской станиц. Меры приняты с нашей стороны. Отряд пехоты той же станицы заявил — что нам советская власть. Эти казаки и мобилизованные далеко.

На ростовском фронте положение устойчивое. Наши парламентарии были в Батайске в немецком штабе. Немцы заявили, что мы тогда помиримся, когда вы сложите свое все оружие. Ответ таков: а мы помиримся, когда вы будете солить пятки от Дона. Сегодня поехал наш представитель туда. Армия о мире переговаривать не хочет. Кузнецов».

Этот маленький листок и краткий разговор явились для меня ценным документом. Переговоры подтвердили полностью те факты, которые были указаны немцами в их ультиматуме и которые просил Г.В. Чичерин проверить. Переговоры с немцами, судя по передаче, не были серьезно поставлены и позволили немцам вести себя провокационно. При этом ответы немцев не сообщались официально в Москву прямо или через Царицын, как это должно было иметь место.

Занимая Батайск, немцы прикрывали белогвардейцев, организовавшихся в Ростове; это подтверждалось всем ходом их продвижения за Ростов, их отношением к нашим войскам. Гнусную роль палачей играли немецкие войска и при высадке наших войск под Таганрогом.

Но самым опасным моментом было упоминание адъютанта Кузнецова, что «армия о мире переговаривать не хочет». В этих словах уложился весь дух партизанщины, господствовавший даже в организованной правительством армии. Эти настроения использовались различными контрреволюционными провокаторами против распоряжений центра, против установления демаркационной линии. Так наши противники всех мастей стремились сорвать с величайшим трудом налаживавшийся мир с немцами.

Из объяснений т.Рубина и моих собственных наблюдений было ясно, что Кубано-Черноморский ЦИК не владеет войсками, не руководит ими. Эти свои выводы я и передал председателю ЦИК, как они горьки ни были.

Собрался Екатеринодарский комитет РКП(б). На заседании было человек 10-12. К сожалению, у меня не сохранилось записи этого заседания, не

видел я и протокола его. Однако суть вопроса до сего времени жива в моей памяти.

На заседании комитета я зачитал телеграммы В.И. Ленина, Г.В. Чичерина, служившие мне директивой для поездки в Екатеринодар. Далее я подверг весьма суровой критике отношение партийного комитета к мирному договору с германцами. В этом отношении я видел проявление местничества, стремление прикрыться от выполнения трудной задачи «особенностями» края и т.п. уловками, а на деле идти на поводу у враждебных нам сил.

Особенно тяжела была вина партийного руководства в вопросе об исполнении директивы правительства в отношении военного флота. Позиция, занятая ЦИК, руководство которым лежало всецело на составляющих его большинство коммунистах, вело прямо к срыву мирного договора, служило предлогом для продвижения германских войск на Кубань и Черноморье.

ЦИК не только игнорировал указания центра и В.И. Ленина, требовавших установления демаркационной линии, но, вопреки этим указаниям и даже настойчивым требованиям И.В. Сталина из Царицына — избегать вооруженных столкновений с немцами, организовал ненужную десантную операцию под Таганрогом, стоившую много сотен жизней лучших боевых сил.

Во время заседания партийного комитета мне была доставлена следующая телеграмма: «Екатеринодар, по месту нахождения народному комиссару Шляпникову. Сегодня выехал из Царицына морской комиссар Раскольников со специальной директивой из центра. Ждите Раскольникова и вместе с ним направляйтесь в Новороссийск. Народный комиссар И. Сталин».

Я воспользовался получением этой телеграммы, чтобы закончить свою обвинительную речь против Екатеринодарского партийного руководства, попросив присутствовавших высказаться по существу затронутых мною вопросов.

Сама телеграмма вызвала во мне ряд сомнений: какие еще директивы могут быть из центра? И я предположил, что речь идет о тех секретных директивах, которые мне сообщили главный комиссар Черноморского флота Н.П. Авилов-Глебов и член морской коллегии Вахрамеев. И.В. Сталин мог серьезно опасаться, что эти директивы тт. Авилов и Вахрамеев мне не передадут и вместо облегчения в решении вопроса может выйти путаница. Все же эта телеграмма заставила меня держаться осторожно ко всем имевшимся и известным мне решениям центра, как о флоте, так о прекращении военных действий и об установлении демаркационной линии с немцами, я добавлял еще и могущие быть дополнительные распоряжения. В основном я стремился добиться такого отношения к подобным директивам из центра, чтобы они исполнялись, а не ставились на широкое обсуждение.

По моему докладу было не много выступлений. Я уже не помню ни имен выступавших, ни особенностей высказанных ими мыслей. Однако я хорошо помню основной тон их выступлений, он не был агрессивным, он не выдавал каких-либо серьезных разногласий или расхождений в оценке положения и стоявших перед Советской властью задач. В выступлениях товарищей сквозила отсталость, оторванность и порой непонимание распоряжений центра. Сквозил также и провинциализм в подходе к [таким] большим вопросам, как борьба с германским империализмом. Находились такие стратеги, которые полагали, что им на Кубани и на Черном море «легче» сопротивляться агрессивным намерениям немецкого императора. Но все выступавшие в один голос говорили о трудном для них положении: силы контрреволюции были не только вне Кубани, но и внутри. Каждый их шаг, каждое мероприятие вызывало ожесточенную борьбу. А тут еще война с Корниловым, Деникиным, с Красновым, с предательством в своих рядах, с авантюристами, посланными из центра, как Автономов, и т.п.

Соглашаясь со мной и признавая неправильным, ошибочным свое поведение в указанных мною случаях, товарищи просили меня передать центру о сложности положения, в каком приходилось им действовать.

Разрядку в тяжелую обстановку внес тов. А.Рубин. Он заявил, что значительная доля вины лежит на нем: он выступал активно во всех тех случаях, которые перечислил я в своем обвинении. Это он выступал в Новороссийске на общем судовом собрании и умолял моряков не уничтожать флота, не покидать Новороссийска, а бороться вместе с екатеринодарскими и местными рабочими против белых и немецких войск. Он признавал ошибочными эти свои действия, но часть своей вины хотел бы возложить и на центр: до моего приезда «никто с ними не считался, никто не совещался, а все только приказывали».

В своей речи он заявил, что главный комиссар Авилов-Глебов и член морской коллегии Вахрамеев с партийным комитетом не считались, о секретных решениях правительства не ставили его даже в известность, и партийные руководители узнавали об этом уже в ходе событий. Никакого предварительного сговора с ними по проведению в жизнь распоряжений центра не существовало, а поэтому неизбежны были случаи разнобоя, принявшие уже характер срыва политики ЦК РКП(б).

В заключение он выразил полную солидарность с политикой центрального правительства, просил не считать их принципиальными сепаратистами и помочь им выйти из запутанной петли.

Этим заявлением прения были исчерпаны, и вновь слово перешло к докладчику. Я выразил искреннюю радость, что члены Екатеринодарского комитета нашей партии поняли, куда вела их ошибочная ориентация и переоценка местных особенностей в ущерб общим интересам и задачам революционного пролетариата всей страны. И мое заявление вполне соответствовало моим переживаниям: до заседания партийного комитета, несмотря на внешнее спокойствие и уверенность, червячок тревоги за успех порученного мне дела шевелился и у меня, где-то там, в дальнем углу мозга. Но все, что я услышал на заседании, укрепило меня в успехе дела, и червячка сомнений я задавил.

Иметь Екатеринодарский комитет большевиков — тот самый комитет, который всего только два месяца тому назад воодушевлял оборону Екатеринодара от генерала Л.Г. Корнилова и не только отбил нападение, но и угробил самого белого генерала, — вместе с собой и в пользу решений центра, этого было вполне достаточно для того, чтобы повернуть ход событий в нужное русло.

На приглашение т.Рубина о помощи в выходе из создавшейся петли я ответил полным согласием: в этом была и цель моей поездки в Екатеринодар. Я требовал лишь ясности: если у комитета есть разногласия с Центральным комитетом, тогда соберем общее собрание членов партии и решим вопрос на нем; если же разногласий нет, тогда надо проводить директивы его в жизнь.

От партийного комитета я потребовал немедленного созыва фракции ЦИК, а затем и самого ЦИК, на котором провести решение о флоте и прекращении военных действий против немцев. На заседание ЦИК пригласить представителей Черноморского флота.

Председательствовавший поставил на голосование сначала вопрос о проведении в жизнь директив правительства и получил единогласное постановление.

Также единогласно было вынесено постановление о немедленном созыве фракции и назначении на вечер пленарного заседания ЦИК Кубано-Черноморской республики.

Но когда стали намечать докладчиков и взоры всех направились на т.Рубина, он встал и дрожащим от глубокого волнения голосом просил меня довести дело до конца, сделать доклад и на фракции и на ЦИК, так как его выступление может повести к самодискредитации: ведь всего лишь несколько дней тому назад я выступал совсем иначе, а теперь я должен опровергнуть самого себя. Это будет трудно и, пожалуй, не авторитетно, заявил т.Рубин.

Его просьбу поддержали и другие члены комитета, также считавшие,

что лучше, если выступлю я, а не т.Рубин, что против моего выступления левым социалистам-революционерам будет труднее возражать.

Я согласился принять предложение комитета при условии, если фракция ЦИК также согласится с решением центра и захочет иметь меня своим докладчиком. При этом я высказал свои соображения по вопросу о докладе. Я предполагал облечь свой доклад в форму приветствия, в котором остановиться на основных вопросах внешней и внутренней политики того времени. Формой доклада меня не стесняли, заседание комитета было закрыто. Через час-два должна была собраться фракция ЦИК.

Во время перерыва заседаний ко мне явились работники нашего отряда, и целой группой мы пошли осматривать Екатеринодар и, кстати, где-либо пообедать.

Екатеринодар утопал в зелени и произвел хорошее впечатление чистотой и порядком в городе. Магазины, лавки, рынки, рестораны были открыты. На витринах и столах рынка красовались разнообразнейшие фрукты, колбасные изделия, печенье, хлеб. Сопровождавший нас т.Дунаевский показывал нам город и некоторые из мест недавних сражений, в которых сложил свою голову знаменитый еще по 1917 году контрреволюционер генерал Л.Г. Корнилов.

Напоминание о генерале Корнилове невольно перенесло меня в Петроград и оживило в памяти две встречи с ним. Первая была в Таврическом дворце, в момент его вступления в должность командующего Петроградским военным округом. Тогда этот генерал со смуглым киргизским лицом и раскосыми глазами приходил представляться и знакомиться с членами Исполкома Совета, выражая готовность совместно работать. И эту «дружбу» он вскоре продемонстрировал. В известный под именем апрельского кризиса Временного правительства момент он намеревался встать на защиту его по старому способу и отдал приказ о выступлении «инфантерии, кавалерии и артиллерии». Но питерские войска уже тогда не подчинялись генералам, на этом деле он оскандалился и вынужден был уйти.

Вторая встреча имела место в Москве, в Большом театре. А.Ф. Керенский ставил там оперетку под названием «Демократическое совещание». Генерал Л.Г. Корнилов выступил там в заглавной роли как будущий спаситель отечества от врагов внутренних и внешних и затмил собою премьера и «не хочу быть Маратом» — А.Ф. Керенского.

В таком углу Кубани закатилась контрреволюционная звезда, надежда помещиков и капиталистов всея Руси, сбитая метким ударом революционера-артиллериста.

В самом Екатеринодаре еще очень живы были следы перенесенной осады: в городе было много раненых, много в трауре женщин, много разрушений, хотя и на окраинах, но ярко свидетельствовавших о пережитых боях и героизме сражавшихся рабочих с профессионально обученными и организованными убийцами-офицерами.

Мы вернулись в здание ЦИК, не закончив осмотра города, фракция была уже в сборе. Часть членов ее была уже в курсе решения партийного комитета, и все с нетерпением ожидали открытия заседания. Собрание открыл т.Рубин. Я коротко повторил приблизительно все то, что сказал на заседании комитета. Т.Рубин от имени комитета заявил о полной солидарности со мной и о решении комитета провести в жизнь постановления центра. В этой плоскости и началось обсуждение.

На собрании фракции сразу же встал вопрос о позиции левых социалистов-революционеров, слышались робкие голоса, что левые эсеры не примут перемены политики и пойдут на конфликт. Чувствовалось, что некоторые партийцы опасаются разрыва с эсерами, не продумали, в какой степени этот разрыв становился неизбежным.

Решение о потоплении флота, принятое центром, уже давно перестало здесь быть секретом. Как раз во время заседания было получено сообщение из Новороссийска, что там происходит всеобщее голосование двух предло-

жений: 1) потопить суда, 2) вернуться на них в Севастополь. На фракции были высказаны опасения, что среди моряков много жителей Украины и Крыма, а поэтому они могут подать голос за уход в Севастополь и уйти туда.

И в этом случае обнаружилось весьма тяжелое положение, что ЦИК не имел влияния и во флоте. Вышло так, что моряки сами определяли свои военные задачи и внешнюю политику.

Видя колебания внутри фракции, я попросил членов партийного комитета самим преодолеть их. Фракционное совещание превратилось уже в совместное с комитетом партии заседание, на котором вновь была поставлена вся проблема существования Советской власти на Кубани.

В центре внимания стоял военный флот. Многие думали, что уничтожить его — значит разоружиться и сдать на милость победителя. Они совсем не понимали маневра центра и всю внешнюю политику рассматривали с высот Новороссийского порта.

Некоторые искренне думали, что суда, стоявшие в Новороссийске, могут быть оплотом не только в борьбе против немцев, но и белогвардейцев, угрожавших Екатеринодару с запада и северо-запада.

Наконец явились представители военных судовых команд Черноморского флота. Их было человек 15, а может быть и несколько больше. Все они были опрятно одеты, держались без натяжки и с большим достоинством, большинство из них были в возрасте не менее 30 лет и выглядели весьма солидно.

Я попросил дать нам отдельную комнату, чтобы мы смогли обсудить все интересовавшие нас вопросы отдельно и без посторонней помехи. Нам отвели комнату, и в товарищеской обстановке я познакомился с делегатами и поведал им возложенное на меня поручение правительства.

Затем я попросил их ответить мне прямо, в каком положении находится флот, может ли он выдержать борьбу с немецко-турецкими силами, если дойдет дело до столкновения.

На мой вопрос ответ был дан с конца. По количеству и качеству боевые суда, стоявшие в Новороссийске, могли противостоять имевшемуся тогда германо-турецкому флоту Черного моря. Но моральное состояние команды не давало уверенности в победе. Моряки изрядно дезорганизованы. Занятия на судах давно уже не ведутся. Для многих моряков суда служат лишь продовольственным магазином. Есть мечтающие о возврате домой.

Далее они мне сообщили, что в тот день у них на судах происходил опрос всех военморов по двум вопросам, как быть флоту: 1) топиться или 2) вернуться в Севастополь. За первое голосовали 450 военморов, за второе 500 военморов, а больше 1000 человек не голосовали ни за то, ни за другое.

В заключение один товарищ от имени всех команд передал, что суда выполняют приказ Советской власти. Сами они понимают, что такие вопросы не подлежат голосованию, но поведение представителей центра и позиция Кубано-Черноморского ЦИК расшатала дисциплину, а это повело к тому, что началось митингование.

В качестве доказательства мне вручили копию телеграммы во ВЦИК и Совету народных комиссаров, в которой сообщалось, что «Глебов, Вахрамеев, не выполнив на них возложенной задачи, выехали, не заявив об этом флоту. Просим произвести следствие, а также срочно послать представителей морской коллегии с самыми широкими полномочиями по вопросу о Черноморском флоте.

Председатель делегатского собрания Миткевич.

Товарищ [председателя делегатского собрания] Алексеев

Секретарь Зеленский. 12 июня 1918 г. № 2/16».

Прочтя телеграмму, я сообщил им, что тт. Авиллов-Глебов и Вахрамеев вернулись вместе со мной утром и должны быть уже в Новороссийске, так как в Екатеринодаре со мной остаться они не захотели.

Сообщение делегатов о том, что 450 военморов высказались за потопление флота и 1000 воздержались, давало возможность осуществить решение правительства даже при 500 противниках, мечтавших вернуться на родные

места. Результат мог бы быть иной, если бы Авилов-Глебов и Вахрамеев подошли к делу осторожнее, спевшись с партийцами и образовав вокруг себя ядро сознательных и знающих, что они хотят, моряков.

Слушая со всех сторон отрицательное отношение к обоим представителям центра, учитывая их побег, беседы со мной, их возвращение и нежелание войти в контакт с Екатеринодарским комитетом, я и сам начинал видеть в них одну из причин создавшегося опасного положения во флоте.

Закончив беседу с военными моряками, я вернулся на продолжавшееся еще заседание фракции. Часть моряков-партийцев также пришла на фракцию. Беспартийные же остались дожидаться открытия заседания пленума ЦИК.

По речам выступавших на фракции я понял, что партийному комитету удалось провести свое решение об исполнении директив центра. При мне обсуждался уже вопрос о том, кому же быть докладчиком, и мнения всех склонялось к тому же, на чем остановился партийный комитет. Таким образом, мое условие — единодушие в принятии решения центра фракцией — было выполнено, и я не имел оснований отказываться от доклада, а вместе с тем и от «боя» с левыми социалистами-революционерами, который был в перспективе.

В то время, когда я ходил с одного заседания на другое и убеждал политических руководителей края, что линия центра единственно правильная и революционная, другой гонец из Москвы продвигался, хотя и с задержками, но к той же цели. Днем 16 июня т.Раскольников был уже на Тихорецкой линии. О своем путешествии он дал телеграмму на ст. Котельниково, следующего содержания: «Наркому Троцкому, морской комиссариат, копии: Ленину, Москва, Кремль, Альтфатеру и Мемору (генмору. — *Ред.*)».

Из-за недостатка паровозов в Царицыне продержали 4,5 часа. Сталин был не в курсе нашего решения относительно Черноморского флота. Шляпников поехал в Новороссийск, не имея относительно флота определенных директив и имел лишь наши открытые телеграммы. Вахрамеев и Авилов в Царицын не приезжали. Авилов разговаривал со Сталиным из Торговой. Сталин убеждал его возвратиться в Новороссийск. Авилов и Вахрамеев о деле не извещаются. В Царицыне не было от них телеграмм на мое имя, очевидно, они не дошли из-за неисправности подъема. Повторите их по дневной в Новороссийск. 16 июня 1918 года номер 1906. Раскольников».

Беседа с моряками убедила меня, что решение вопроса о флоте не в Новороссийске, а в Екатеринодаре, не в руках судовых комитетов, их делегатских собраний, а в руках коалиции большевиков и левых социалистов-революционеров. В центре эта коалиция треснула давно, еще на первом этапе борьбы вокруг Брестского мирного договора. В провинции она кое-где еще оставалась. Продолжалась эта коалиция и в Кубано-Черноморской республике.

Чем же вызывалась живучесть коалиции на Кубани и Черноморье? Из разговоров с партийными товарищами вытекало, что в основе их работы с левыми социалистами-революционерами лежит борьба с белогвардейской, сначала с корниловской, красновской, а затем и деникинской опасностью. В области хозяйственной у них никаких разногласий еще не было, да и времени для углубленной хозяйственной деятельности также не было.

О моем приезде и его цели левые социалисты-революционеры, видимо, догадывались, а может быть и прямо были информированы кем-либо из партийных товарищей, ибо к назначенному часу заседания ЦИК они были в сборе.

На заседание прибыло много ответственных партийных, советских, профессиональных работников. Военные были представлены, кажется, только моряками Черноморского флота, других я не помню.

Собрание ЦИК было открыто поздно вечером председателем его т.Рубиным А., объяснившим кратко причины, побудившие его экстренно созвать пленум и на нем решить вопросы войны и мира с германцами. Свою речь он

закончил несколькими фразами приветствия представителю центра в моем лице и поставил на голосование порядок дня. Левые социалисты-революционеры попросили отвести им место и время для содоклада. Это предложение не встретило возражений, и мне было предложено слово.

Я начал свою речь приветствием героических рабочих, красногвардейцев и всех граждан г.Екатеринодара, защищавших советскую власть и отразивших наступление корниловских офицерских банд, а также просил передать привет Совнаркома полкам Красной армии, ведущей борьбу против контрреволюционного казачества, собирающегося на Дону под царские знамена. Отдав должное героической борьбе за социалистическое переустройство края, я перешел к оценке внутреннего положения во всей стране, развернув картину той борьбы и строительства власти Советов, которая совершалась в стране. Отметив героические усилия рабочих фабрик и заводов наладить хозяйство без капиталистов, в условиях голода, я показал роль различных политических партий, начиная от ставших на контрреволюционный путь правых социалистов-революционеров, следовавших за ними же социал-демократов меньшевиков и кончая левыми на словах и правыми на деле социалистами-революционерами.

Для примера я взял злободневный на Кубани вопрос об отношении различных буржуазных контрреволюционных партий и партий так называемой демократии к «похабному» Брестскому мирному договору. На самом деле получалась весьма поучительная картина. В то время, когда мы, большевики и руководимая нами Советская власть, учли реальное положение в стране, когда она заявила всему миру о том, что хочет жить в мире со всеми народами, что она отказывается от всяких договоров, заключенных царизмом во имя грабежей других народов, и предложила прекратить грабительскую войну — она стала служить мишенью для клеветы и нападков не только со стороны буржуазии, но и из лагеря так называвшейся «революционной демократии». Несмотря на явную невозможность продолжать войну против Германии, эти партии всячески провоцируют конфликты: они хотят во что бы то ни стало навязать истощенному народу войну, чтобы легче его скрутить затем. Воевать же с немцами и одновременно бороться с контрреволюцией — это означало бы идти сознательно на поражение революции.

Победить германский империализм можно только в союзе с германским пролетариатом — такова была наша установка, и, веря в нее, надеясь на развитие революционных событий в самой Германии, мы заключили тяжелый мирный договор. Этот договор, если мы не дадим себя спровоцировать, мы исполняем для восстановления хозяйства, для лечения ран после войны.

Кто хочет, чтобы Советская страна вела войну с немцами? На этот вопрос ответить было легко: примеры были недалеко. Донская казачья контрреволюция, организовавшаяся в Новочеркасске, захватившая Ростов, сама помирилась с немцами и выставляет против нашей армии под Батайском не свои части, а немецкие.

Да, контрреволюции выгодно истощение рабочих и крестьян, поэтому она хочет навязать нам войну с немцами.

Того же хотят, только прикрываясь другими фразами, и прочие, в том числе и ложно называющие себя социалистическими партиями. Ослепленные ненавистью к большевикам, они готовы применить все средства, чтобы свергнуть их. Самый верный путь для свержения — это путь войны с Германией.

И в свете этой оценки я подверг разбору позицию ЦИК в вопросе о заключении демаркационной линии с немцами и в вопросе о судьбе Черноморского флота. Позиция ЦИК Кубано-Черноморской республики срывает мирную политику центра и толкает свой край на путь военных авантюр. Если более сильная и хорошо снабжавшаяся армия не смогла преодолеть силы германского наступления, если четыре крупнейшие державы пока еще не сломали его, то смешно думать, что Кубань вместе с Черноморьем могут решить участь германского империализма. Я предложил ЦИК отвергнуть

ошибочный путь и встать в общую со всей страной линию борьбы с отечественной и мировой контрреволюцией.

Закончил я освещением последних мероприятий центра в области организации снабжения населения, товарообмена, прося ЦИК помогать центру в борьбе с голодом, угрожавшим рабочим районам.

Записей своих речей я не делал и воспроизвожу сказанное по отдельным отрывкам, сохранившимся в памяти.

После меня слово было дано представителю партии левых социалистов-революционеров. Имени выступавшего у меня не сохранилось. Не сохранились и записи ораторов, выступавших по моему докладу. Но основной тон выступавшего на заседании ЦИК левого социалиста-революционера был мне знаком по аналогичным выступлениям членов этой партии в Москве, Петрограде и других районах, где мне приходилось с ними сталкиваться.

Он начал свою речь с указания на резкое расхождение со мной в оценке Брестского мирного договора. Эту временную уступку силе он считал «предательством революции», которое усиливало германский империализм, а следовательно уменьшало и шансы революции в самой Германии.

Переходя к позиции ЦИК Кубано-Черноморской республики в вопросах борьбы с немцами и судьбе флота, левый с.-р. отметил, что эта позиция была правильна, «непримирима» к врагам революции и поэтому социалисты-революционеры участвовали во власти. Он предупреждал в своей речи, что изменение политики ЦИК в этих вопросах вынудит и их изменить свои отношения к нему.

Позицию центра по отношению к Черноморскому флоту он считал «позорной сдачей без боя», саморазоружением и т.п. Указывал на боевые, революционные заслуги флота и на его огромную роль в деле обороны края как с моря, так и с суши. В заключение предложил отклонить мои предложения и вести до конца революционную войну как против немца, так и против генеральских банд, уверяя, что у ЦИК достаточно сил и для того и для другого.

Выступление левого с.-р. открыто разоблачило подлинную сущность их коалиции с большевиками Кубани и Черноморья. Через эту коалицию они, будучи в меньшинстве, проводили свою политику. Такое признание больно ударило по большевистским рядам и заставило их заговорить. За линию центра выступили несколько членов ЦИК и сам председатель его т.Рубин А.

Т.Рубин первой же фразой выразил полную солидарность с моими оценками положения и взял в огонь левого с.-р., пытавшегося использовать их ошибки для заколачивания клина в большевистскую политику. Он опроверг самоуверенность его в силах Кубани для сопротивления ударам немцев и белогвардейщины, особенно после того, что случилось под Таганрогом. В заключение он предложил всем членам ЦИК, и не только большевикам, поддержать своим голосованием предложения центра и этим внести в армию и флот дисциплину и организованность.

После выступления т.Рубина прения были прекращены и мне предоставили время для заключительного слова. И я взял это слово — не столько для того, чтобы опровергать социалиста-революционера, сколько для того, чтобы на его речи показать беспочвенность этой партии, и делал я это для сидевшей среди гостей рабочей и военной публики.

Я подчеркнул, что вопрос о судьбе Черноморского флота надо рассматривать во всей совокупности, вытекавшей из создавшегося после Бреста положения. Как бы мы ни называли мирный договор — похабным ли, позорным ли, или еще как, но он лишь записал то состояние, которое сложилось в соотношении сил между нами и Германией на четвертом году чуждой народу войны. Я напомнил годовщину наступления А.Ф. Керенского, я привел ряд фактов и о том, как между началом переговоров с немцами и концом их в Бресте пытались, вопреки предупреждению В.И. Ленина, стать на путь «революционной войны» против германского империализма, а измученные

солдаты не захотели продолжать никакой войны и нам пришлось поплатиться ухудшением условий мирного договора.

Я отвел все фразерство с.-р. относительно «разоружения» и «позорной сдачи без боя» флота, заявив, что флот мы не сдаем, не хотим сдавать и потому его уничтожаем, чтоб он не достался нашим врагам.

Я предупреждал собравшихся от опасного преувеличения мощности флота в нашей борьбе с немцами. Сила флота измерялась не только количеством пушек и весом стали, пошедшей на изготовление судов, но единством воли моряков, командного состава, их дисциплиной и готовностью к борьбе. Без последних условий суда являются лишь кучей металла, а не боевыми единицами. А у меня имелись факты, что во флоте нет дисциплины, нет единой воли и мало готовности к борьбе!

Исходя из всего сказанного, я рекомендовал отклонить предложение с.-р. — оставить прежнюю линию — и выравнивать свой фронт борьбы в линию с пролетариатом всей страны. Вести сепаратную войну с немцами Кубань не сможет, но эсеровские настроения германское командование может использовать или для расширения оккупации, или для нажима в другом месте, но везде против нас. Хотят ли с.-р. провоцировать подобный исход своими предложениями, задал я им вопрос, но ответа на него не получил.

После моего выступления поставили на голосование резолюцию о проведении в жизнь директивы центра. В части, касавшейся потопления флота, ЦИК просил меня сообщить в Москву о желательности отсрочки этого решения, в целях необходимой подготовки. В Екатеринодаре опасались, что известие о потоплении флота в Новороссийске может пагубно отразиться на войсках ростовского и других фронтов и вызовет тяжелые последствия. Я обещал ЦИК довести их пожелания до сведения Совнаркома и предупредил о предстоящем приезде т.Раскольниково специально по делу о флоте.

Резолюция, выработанная при моем участии, гласила: «ЦИК Кубано-Черноморской республики, как орган власти части РСФСР, считает для себя обязательным подчиняться всем директивам Центрального Всероссийского Правительства. Исходя из этих соображений, ЦИК не считает возможным по вопросам о флоте принимать те или другие решения независимо от Центральной власти.

ЦИК предлагает члену Всероссийского Совдепа тов. Шляпникову немедленно осведомить Москву о создавшемся положении и просить отсрочки выполнения распоряжений о флоте.

Товарищам же морякам Черноморского флота по вопросу о судьбе флота ждать Раскольниково, который выехал в Новороссийск».

За эту резолюцию и за осуществление директив центра голосовало 16 членов ЦИК, а против 10.

После голосования представитель партии левых социалистов-революционеров выступил с особой декларацией, в которой они объявили о своем выходе из ЦИК и комиссариатов и выразили угрозы поднять агитацию в массах. На этом заседание ЦИК было закрыто.

Наступило уже утро, когда я приехал к себе в вагон. Тотчас же составил телеграмму в Царицын наркому И.В. Сталину и для передачи по прямому проводу или радио в Москву. Шифра с И.В. Сталиным у меня не было, и поэтому я вынужден был послать ее открытой, хотя и в засекреченном виде. Вот что сообщал я в ней в тот день, 17 июня 1918 года:

«К моему приезду дело было испорчено настолько, что Авилон и Вахрамеев покинули Новороссийск и сехали в Москву. С Торговой вернул их с собой в Екатеринодар. Среди партийной публики неразбериха, непонимание, оторванность от центра, взаимные жалобы, обвинения. Много нареканий на Авилова. Выясняю, что неуменье Авилова, бестактность много вредили делу. Он обострил отношение со всеми коммунистами. Исполнение возложенных задач при таких условиях было невозможно.

Собирал несколько раз местную публику отдельно и вместе, убедил в

необходимости принятия решения центра. Перед этим был созван комитет партии, принявший решение о подчинении центру¹. Не скрывают, и я согласен, положение чрезвычайно тяжелое. Эсеры левые и контрреволюционеры на разный лад, но одинаково верно ведут антисоветскую политику, демагогическую агитацию — все создает угрозу для советской власти в районе.

С ботами² у местной психологии много связано, и принятие решения здесь приравнивают к саморазоружению. Хорошо бы добиться дипломатической отсрочки для подготовки, это необходимо. Ночью было заседание фракции и потом ЦИКа, выступал. После ожесточенной борьбы принята 16 против 10 резолюция подчинения центру и просьба ко мне осветить центр и просить отсрочку. Эсеры покинули ЦИК и всю советскую работу в комиссариатах. Официально заявили, что поведут агитацию в массах о предательстве большевиков. Следует получить от эсеровского Цека в Москве воздействие на екатеринодарцев. Жду Раскольника, переговорю и считаю мою задачу выполненной, еду в Ставрополь. Шляпников».

Когда я проводил директивы В.И. Ленина о флоте, до приезда в Екатеринодар т.Раскольника не знал, в какой мере потопление флота связано со сроком ультиматума, и в предположении, что есть особый ультиматум, ограниченный временем привода флота в Севастополь, я и передавал пожелание екатеринодарских товарищей «добиться дипломатической отсрочки» для подготовки рабочего и красноармейского общественного мнения к этому факту, а также для снятия легкого вооружения с военных кораблей.

Ехать в Новороссийск по приезде т.Раскольника не было никакой нужды, задача политически решалась не на берегах Новороссийска, а в екатеринодарских партийных и советских организациях. 16 июня она была решена и, как меня уверяли военные моряки после заседания ЦИК, будет проведена в жизнь и технически. С этой работой мог справиться т.Раскольников и один. Партийная помощь ему была уже обеспечена.

По окончании заседания ЦИК, уже днем 17 июня, в Екатеринодаре были получены сведения, что часть военных судов во главе с дредноутом «Воля» снялась с якоря и направилась в Севастополь. Часть контрреволюционного командного состава поспешила воспользоваться голосованием военных моряков в тот день и тотчас же «исполнила» волю большинства. Видимо, они были в курсе решения екатеринодарских организаций и ЦИК Кубано-Черноморской республики, а поэтому и поспешили уйти из Новороссийска. Большинство судов флота осталось в порту, не подчинилось приказу командующего. Уход части флота в Севастополь, в руки немецкого командования, вызвал возмущение в партийной среде.

Управление флотом было дезорганизовано внутренней борьбой, и поэтому моряки не сумели задержать силой уходившие суда.

В тот день я получил от наркома И.В. Сталина ряд ответов на свои запросы по телеграфу: «Передайте Шляпникову», телеграфировал И.В., «чтобы 13 миллионов оставил полностью в Екатеринодаре, так как для Ставропольской губ. и Терской области уже посланы 20 миллионов. Сегодня ночью выезжает Орджоникидзе и вместе с ним отправляю 21 вагон всякого товара.

Требуйте немедленного представления отчетов через нарочных по 1 июня с.г., а в дальнейшем через каждые две недели. Пусть все-таки оставит 13 миллионов для Кубанской области. Мелких денежных знаков, известно, незначительное количество».

Вокруг денежных знаков тогда шла большая спекулятивная борьба. Потребность в денежных знаках в связи с закупками продовольствия была очень велика, а Госбанк снабжал наши организации хотя и солидными суммами, но преимущественно крупной купюры, в 500, 1000 рублей. Столь крупные денежные знаки лежали почти вне оборота в местных банках или казначействах, составляя обеспечение тем суррогатам денежных знаков, которые выпускались почти по всему югу России.

Деньги, о которых сообщал И.В. Сталин, требуя «все-таки их оставить», заключались именно в такой крупной купюре, что главный комиссар Чекп-

рода, т. Дунаевский, отказывался их принять. Вместо 13 млн рублей он взял только 2641 тыс. рублей.

На Кубани скопилось тогда много всевозможных продовольственных продуктов, заготовленных Чекпродом, но вывоз тормозился частыми перерывами железнодорожного сообщения. В банках было заложено на 25 млн рублей подсолнечного масла, много было различного корма для скота, а равно можно было заготовить и живой скот. Не хватало организаторов и мелких денег.

Новороссийские цементные заводы были завалены готовым цементом, которому не было сбыта. В знаменитом винодельческом имении Абрау-Дюрсо было много вина, готового к вывозу. В ряде районов Черного моря было заготовлено много табаку, и все это ждало распоряжений центра об отправке.

На вечер 17 июня было назначено собрание для воинских частей, стоявших тогда в Екатеринодаре. Екатеринодарский комитет просил меня быть докладчиком. До этого собрания я провел время на различных совещаниях, посвященных вопросам военного положения в крае и организации работы наших продовольственных контор.

Войска Кубано-Черноморской республики занимали позиции от станции Злодейской, Каялы, обеспечивая железнодорожное сообщение Ейск—Староминская—Кущевка и весь путь на Тихорецкую, в которой находился штаб фронта во главе с командующим фронтом т. Калниным.

Кроме этого фронта, были еще восстания как в районе Донской области, так и на Кубани. Эти восстания отвлекали внимание и силы от главного направления, порой угрожали тылу фронта и часто нарушали линии связи как отдельных частей фронта, так и самого фронта со своим штабом.

После знаменитого заседания ЦИК ночью с 16 на 17 июня екатеринодарские товарищи с некоторым беспокойством ожидали выступлений «левых» социалистов-революционеров. Выход левых с.-р. из ЦИК и всех советских органов означал открытый переход этой партии в стан врагов, и естественно, что товарищи ожидали их выступления как удара в спину.

Переход социалистов-революционеров во враждебный лагерь осложнял положение, но в то же время вносил ясность в политическую оценку действий этой партии. С разрывом коалиции с большевиками на советской платформе левые социалисты-революционеры на Кубани утрачивали связь с массами, для которых вопрос о власти Советов не ограничивался рамками Брестского мирного договора, на чем особенно заостряли свою борьбу интеллигентские круги эсеров. Выступая против большевиков, против возглавлявшихся ими учреждений, руководивших борьбой с белыми, левые социалисты-революционеры дезорганизовывали борьбу с контрреволюцией и тем самым становились контрреволюционной силой. Так и была воспринята сознательными рабочими и красноармейцами левозэсеровская шумиха.

Во второй половине дня 17 июня приехал в Екатеринодар т. Раскольников. Он ознакомил меня с решением центра по вопросу о флоте, суть которого мне была известна от тт. Авилова-Глебова и Вахрамеева. Я рассказал ему о проделанной мною работе среди екатеринодарских коммунистов, а также об историческом заседании ЦИК Кубано-Черноморской республики, передал ему содержание принятых партийным комитетом и ЦИКом решений. Затем вместе с ним проехали в Екатеринодарский комитет РКП(б), повидали членов комитета, председателя ЦИК т. Рубина и после короткой беседы пошли на собрание воинских частей.

Собрание происходило в каком-то зрительном или концертном зале, вмещавшем тысячи две-три людей. Весь зал был наполнен загорелыми, одетыми в белые или защитного цвета рубашки красноармейцами. Мне сказали, что большинство собравшихся — красноармейцы Дербентского полка.

От имени Совета народных комиссаров я приветствовал в лице собравшихся бойцов отряды Красной армии, боровшиеся против белогвардейщины и казачьего кулачества за Советскую власть. Рассказал о том, как рабочие и крестьяне центральной России освободились от капиталистов и помещиков,

и последние пытаются теперь зацепиться за кулаков Украины, Дона, Северного Кавказа и Сибири, чтобы голодом задушить Советы и отнять добытые рабочими и крестьянами завоевания.

Познакомил собравшихся со своими продовольственными и товарообменными задачами, а затем перешел к вопросу о мире с немцами и о положении Черноморского флота.

По лицам некоторых сидевших ближе к трибуне я мог читать, что мир с немцами им не по душе, однако они не перебивали меня, молча слушали. Брошенная мысль о флоте, что ему лучше топиться или взорваться, чем стать орудием империализма, вызвала даже аплодисменты. Это было приятно учесть как признак сознания и понимания красноармейцами создавшегося положения.

После меня выступал т.Раскольников. Он дал обзор положения на фронтах и остановился подробно на задачах военных моряков и красноармейцев в связи с немецкой провокацией на продолжение войны.

Во время его речи я мог свободно наблюдать и ловить реплики или взгляды. При его выступлении красноармейцы насторожились, раздался голос — «это офицер». Видимо, среди присутствовавших были люди, знавшие т.Раскольникова или слышавшие о нем как о бывшем флотском офицере. Говорить т.Раскольникову было трудно, ибо кое-где во время его речи слышались враждебные и антисемитские возгласы. Это свидетельствовало, что в отряде не велась политическая работа и красноармейцы обрабатывались враждебными кругами.

После митинга мы вернулись на вокзал. Т.Раскольников спешил в Новороссийск, а я торопился в Ставрополь, чтобы там наладить хромавшую работу по заготовке хлеба. Политической необходимости ехать мне в Новороссийск не было. Работа по потоплению флота сводилась уже к технике исполнения. Среди военных моряков наблюдался уже естественный перелом. Контрреволюционная часть командного состава и обманутые ею моряки сбежали на «Воле» и других судах в Севастополь. В Новороссийске остались лучшие, дисциплинированные военные моряки, готовые сознательно выполнить команду Центра. Т.Раскольников согласился с моими доводами и не настаивал на моей поездке в Новороссийск. Вечером мы расстались. Его поезд двинулся к берегам Черного моря, мой — несколькими часами позже направился через степное приволье Кубани, на Ставрополь.

Задолго до отхода поезда проводить нас пришли тт. Рубин, Дунаевский. Они спрашивали моего совета относительно объединения Кубани, Черноморья со Ставропольской губернией и Терской области в единую советскую республику. Исходя из соображений централизации управления вооруженной борьбой с контрреволюцией, я одобрил их намерения. Они сообщили, что в ближайшие дни разошлют по всем областям и губерниям приглашение на краевой партийный и советский съезд, намечавшийся на первые дни июля, и просили меня прибыть на него. Я согласился условно: если позволят продовольственные дела.

7. В Ставрополе

Путь от Екатеринодара через ст. Кавказскую до г.Ставрополя мы проехали ночью с 17 на 18 июня. 18-го утром были в Ставрополе. О своем приезде мы умышленно в Ставрополь не телеграфировали, так как не были уверены, что кроме представителей Советской власти нас могут, пожалуй еще раньше, встретить наши враги.

В те дни шла лихорадочная работа в степях по уборке обильного урожая. Вдоль железнодорожного пути, по обе его стороны, всю ночь мелькали костры, кое-где дымили паровички молотилок. Страда была в полном разгаре.

Прибыв на ст. Ставрополь, я известил о своем прибытии представителей местной власти и вызвал к себе уполномоченного Ставропольской губернской конторой Чекпрода К.С. Ермолова. Последний информировал меня о

работе его конторы и, получив от меня задание подготовить отчет, обещал через пару дней его представить.

О своем приезде в Ставрополь я сообщил в Москву В.И. Ленину и другим наркомам, [сообщил также,] что «во всем крае полная оторванность от центра. Никто не знает, что делается в центральной России. Газеты не доходят. Декреты месяцами неизвестны. Почта работает плохо. Хлебов много. Закупка тормозится отсутствием предметов обмена и мелкой купюры. Привезенные Сталиным деньги не облегчают положения, ибо три четверти из них — тысячные билеты. Требую немедленной присылки мелочи».

В этой оторванности усердно работала контрреволюция. По той же причине на местах развивались сепаратизм, местничество и другие явления отрыва от общей линии.

Особенно плохо обстояло дело управления войсками и железнодорожным транспортом. «Командующие» войсками назначались в то время каждым уездным военным комиссаром. Централизованного руководства боевыми действиями против белых и казачьих восстаний также не существовало: каждый отряд был «сам по себе», только этим и объяснялся успех белогвардейщины в то время.

Централизованное управление железными дорогами тоже было нарушено, и они работали только под тем или иным нажимом. Налаживать отправку продовольствия в таких условиях было трудно: слишком много было препятствий, преодолеть которые можно было, но надо было вовремя о них узнать.

Для усиления подвозки хлебных злаков к ссыпным пунктам и железнодорожным станциям Ставропольской губернии я вывез из Москвы несколько десятков грузовых машин. Составы поездов, загруженных автомобилями, благополучно прошли путь от Москвы до Царицына. От Царицына автомобильный груз сопровождался уже моим полномочным и отрядом вооруженной охраны. И на пути от Царицына до Тихорецкой не было такой станции, где бы местный начальник отряда не пытался «реквизировать» их в свою пользу, мотивируя боевой обстановкой.

На ст. Тихорецкой «реквизицией» государственных грузов, в том числе идущих на голодный север муки, зерна, нефти, бензина, жиров и т.п., занимался сам штаб фронта Красной армии.

Когда грузовики прибыли на ст. Тихорецкую, то стоявшие там руководители штаба и отрядов пожелали наложить на них руку, несмотря на прямое указание Наркомвоена о недопустимости дезорганизаторского вмешательства в дела снабжения продовольствием голодавшего севера. И пришлось отбиваться от своих же угрозами предания суду.

Из Ставрополя я решил отправить в Москву к В.И. Ленину гонца и выбрал для этой цели Владимира Васильевича Соколова. Ему я поручил доставить в Кремль пакет, в котором были мои письма и требование к Цюрупе и наркомвоену о присылке легковых автомобилей и пулеметов. Эти предметы нужны были нам для ведения борьбы с белогвардейскими, казачьими конными налетами.

В письме председателю Совета народных комиссаров В.И. Ленину я писал следующее: «Дорогой Владимир Ильич,

Не знаю получили ли Вы мои телеграммы, посланные Вам непосредственно и через т.Сталина.

Временно мне пришлось отвлечься от продовольственной работы и взять на себя поездку в Екатеринодар для улаживания конфликта с Кубанским ЦИК по вопросу о флоте. Положение там тяжелое, полная оторванность от центра породила сепаратизм действий. Авилов-Глебов в силу своего невыдержанного характера обострил отношение со всеми местными большевиками. Это создало отчаянную атмосферу борьбы. Будь на месте Авилова-Глебова человек с умом и тактом, ничего не произошло бы, всё, все предложения центра прошли бы гладко. Неумелая тактика повела к тому, что все секретные предложения обсуждались на митингах и в прессе и дали богатый материал реакции и немцам. Несколько часов беседы с товарищами екатеринодарцами,

новороссийцами повели к полному признанию справедливости, необходимости принятия мер, предложенных центром. Эти отдельные сговоры облегчили мое выступление с «приветствием» на Кубанском ЦИК. Предложенная фракцией резолюция была принята и вынудила левозеро-воинственных авантюристов покинуть советскую работу. Резолюции при сем прилагаю. По приезде Раскольников, которому осталась уже работа с моряками, счел свою миссию законченной и теперь нахожусь в Ставрополе. Здесь организую базу. Однако ощущаю оторванность от центра, прямых проводов нет, и хочу ставить радио, чтобы быстрее сноситься с Вами.

Теперь о постановке продовольственного дела. Основной грех — отсутствие организаторов. Местные власти легко убеждаются во вредности сепаратизма в продовольственной политике и отказываются от него. Теперь наряду с организацией закупки хлебов следует использовать и другие продукты сельского хозяйства, как яйца, масло, мясо. Здесь имеется большое количество скота. Скупать его можно за деньги, без товаров. Однако везти его по железной дороге нет смысла, а следует пустить в ход консервные заводы, которые раньше работали на кавказскую армию и имеются в изобилии. Комиссариат продовольствия в этом направлении ничего не делает. Доставка же консервов будет легка. Можно пустить салотопные и колбасные заводы. Имеются также жмыхи и другой фураж для скота центральной России. Переговорите с Цюрупой и настаивайте на принятии моих предложений.

От Государственного банка требуйте сюда мелкой монеты в 3, 5, 10, 20, 40, 100, 500 рублей. У меня имеется около 8 миллионов денег, из них 7,5 млн тысячными билетами. Этакое положение ставит в невозможность расчет. Мелкая монета из банка идет в спекуляцию, а сюда направляют крупную. При всякой посылке денег с артельщиками следует препровождать списки сумм с указанием размеров знаков и числа их.

Помимо всего этого необходимо Ваше вмешательство в дело распространения советской и партийной литературы. Дело это поставлено ниже всякой критики. Газеты наши за Москвой отсутствуют, но буржуазные московские же — в изобилии. По почте не получают, почта продолжает еще саботировать. Необходимо обязать наше Бюро в Москве немедленно организовать всюду контрагентства. Следует сейчас же послать в Царицын, Екатерину-нодар, Ставрополь, Владикавказ тысяч по пять «Известий ЦИК» и «Правду» и др. В этой оторванности от центра работает контрреволюция. Пока нет контрагентов, шлите на партийные комитеты, с особыми провожатыми из безработных по железной дороге, а не почтой. Настоящее письмо шлю с нарочными. Приготовьте, если будет материал в ответ.

С товарищеским приветом — А.Шляпников».

Этим письмом я закончил свою работу по проведению в жизнь директив центра о Черноморском флоте и мог всецело заняться руководством и организацией заготовки хлебных злаков для севера. Возможностей добывать продовольственные продукты там было много. Значительную долю зерна можно было вывезти, скупив за деньги. Деньги из центра здесь ценились достаточно высоко. В самом Ставрополе на базаре продавалась мука хорошего размола — пшеница — от 15 до 20 руб. за пуд, без всякого товара и за местные деньги. Твердая цена была 6 руб. 8 коп. за пуд зерна, не считая приплат за качество и доставку. Мясо и изделия из него также были недорогие: предложение скота на базарах было большое. Свиное сало продавалось по цене от 2 до 2 руб. 50 коп. за фунт.

В день приезда в Ставрополь я познакомился с представителями местной власти и членами Ставропольского комитета РКП(б). Председатель И.Е. Дейнеко, военный комиссар Петров, губернский комиссар земледелия Медведев, комиссар продовольствия и торговли Э.Вольский и уполномоченный Чекпрода К.Ермолов вошли с нашим отрядом в тесный контакт. В губернии велась большая работа по учету и конфискации капиталистических экономий, конных заводов, овцеводческих хозяйств и т.п. Комиссар земледелия Медведев оказался большим хозяйственником и сразу правильно стал на путь

организации крупных государственных экономий, оставив управление мелкими хозяйствами, на договорных началах, частью прежним владельцам, частью оставшимся специалистам, согласившимся работать под контролем Советов. Это помогло ему хорошо использовать небольшое количество специалистов-животноводов для управления крупными экономиями.

На 20 июня, на день моих бесед с т.Медведевым, Земельный отдел Ставропольского губернского исполнительного комитета, по-старому — Комиссариат земледелия, организованно владел огромным богатством. В его хозяйствах находилось 2208 лошадей, 19 705 голов рогатого скота, 550 680 голов овец и 1500 свиней. При этом сведения были неполны по Александровскому уезду: не было учета конфискованных лошадей и рогатого скота. Рогатый и прочий конфискованный у помещиков и «экономистов» скот обеспечивался кормами с 250 тыс. десятин выгонной и сенокосной земли.

Из своих стад комиссар земледелия предлагал овец и рогатый скот. Везти его по железной дороге в Москву было невозможно, и мы условились организовать на месте, в Ставрополе, обработку мясных продуктов. В губернии было четыре колбасных заводов, два из них в самом гор. Ставрополе, один в Торговой, а последний в Белой Глине.

Для нужд бывшего Кавказского фронта в Ставрополе был построен консервный завод. Этот завод работал с 14 июня 1916 г. по 18 ноября 1917 г. и за 308 рабочих дней изготовил 15 772 153 банки консервов (весом 79,5 зол. каждая), переработав 50 899 туш рогатого скота весом в 428 071 пудов.

Я посетил этот завод и дал распоряжение К.С. Ермолову договориться в Исполкоме об его пуске. Завод по тому времени был прекрасно оборудован, и производимые им мясные консервы были хорошими на вкус. На заводе сохранился кадр квалифицированных рабочих и специалистов, а также некоторое количество необходимой жести.

Кроме государственных запасов рогатого скота, в губернии было много скота у крестьян. Так, общее количество рогатого скота определяли до 800 тыс. голов. Овец статистика насчитывала свыше 2200 тыс., а свиней до 300 тысяч. Твердые цены на мясо сохранялись с весны 1917 г., но к моему приезду туда заготовку по ним никто уже не вел.

В ведении губернского комиссариата земледелия было 123 378 пудов тонкорунной и испанской шерсти. При повторной стрижке овец надеялись получить такое же количество. Кроме того имелись крупные запасы кожевенного сырья и 35 тыс. овчин.

Решением губернского съезда Советов от 13 февраля 1918 г. вся русская и испанская шерсть, а также овчины были объявлены товаром монопольным. Приемка шерсти по губернии была возложена на губернскую продовольственную комиссию. Постановлением исполкома от 16 июня 1918 г. были определены твердые цены, порядок и организация сбора шерсти по губернии³.

Постановления, выработанные конференцией животноводческих хозяйств, были оформлены декретом только 27 мая 1918 года. В декрете, выработанном в основных частях Комиссариатом земледелия, первый пункт гласил: 1) «для сохранения, развития и более правильного и рационального использования тонкорунного овцеводства, племенного и пользовательного скотоводства — все эти хозяйства, как общенародное достояние, от частных владельцев переходят в ведение и полное распоряжение народа в лице его Советов».

Второй пункт касался и остальных скотоводческих хозяйств⁴: «капиталистические, полутрудовые или полукapиталистические овцеводческие, коневодческие и скотоводческие хозяйства подлежат реквизиции и передаче в ведение советской власти, как народное достояние».

С состоянием животноводства Ставропольской губернии знакомил меня заведующий этим делом Н.Гайворонский, специалист и любитель порученного ему дела.

Вопросы организации животноводства выходили далеко за пределы Став-

ропольской губернии, частично затрагивая Астраханскую губернию и Калмыцкую область. Калмыки прилежавших к Ставрополю степей имели организованную связь со Ставрополем и входили в состав некоторых из советских органов. Так, т.Амур-Санан был членом коллегии комиссариата земледелия и принимал активное участие в проведении земельной реформы.

Незадолго до моего приезда в Ставрополь там происходило совещание с представителями уездных земельных органов по вопросам, касавшимся проведения в жизнь декрета об организации животноводства и управления им в губернии. Из протокола заседания этого совещания от 3 июня 1918 г., любезно доставленного мне Н.Гайворонским, видно, что на местах было плохо с кормами, сенокосно-выпасными землями и дезинфекционными средствами ⁵.

Ознакомившись с положением Ставрополя, я отправил в Москву В.И. Ленину телеграмму, в которой сообщал, что «богатейший край оторван. Банк не получает знаков. Ставропсовдеп имеет тысячи голов скота, астраханской шерсти 200 тыс. пудов, 200 тыс. овчин необходимо извлечь. Нужны средства. Если совнархоз пришлет 10 млн и твердые цены, могу направить водным путем по вашему указанию. Сюда нужны: молотилки паровые, лобогрейки, косилки, жатки, железо, шпагат, бечевки, стекло, посуда, мануфактура, шелк, нитки, галантерея, в обмен на хлеб, яйца. Организую заготовку консервов. Шлите рабочих для охраны, кордонов, пропаганды, работы. Отвечайте, получаете ли телеграммы?».

Между Ставропольским советом и отделением Чрезвычайного комитета по продовольствию и снабжению (Чекпрод) было достигнуто соглашение, по которому вся оперативная работа по заготовке продовольствия переходила к Чекпроду, а за губернским продовольственным органом оставались контрольные функции. Договор был подписан сторонами и принят Исполкомом 27 мая 1918 года ⁶. В договоре были предусмотрены интересы обеих сторон, и к моему приезду дело начало разворачиваться. По плану на июнь и июль мы должны были заготовить в Ставропольской губернии 4,5 млн пудов зерна. Это количество предполагали легко собрать. По соглашению с комиссаром продовольствия, эта сумма предполагаемой заготовки по плану была распределена по районам. По отдельным районам предполагалось получить:

В Александровском уезде 877 тыс. пудов при населении в 193 тыс. человек, в Ставропольском уезде 1080 тыс. пудов при населении в 219 тыс., не считая 100 тыс. жителей самого Ставрополя, в Воронцово-Николаевском районе 292 тыс. пудов при населении в 348 тыс., в Благодаринском — 630 тыс. пудов при населении в 152 тыс., в Медвежинском — 315 тыс. пудов при населении в 68 тыс., в Петровском — 405 тыс. пудов при населении в 141 тыс., в Святокрестовском — 900 тыс. пудов при населении в 310 тыс. человек.

Плановые задания были доведены до волостей, а из волостей спущены до селений еще до моего приезда. На совместном совещании руководителей губернского комиссариата продовольствия и уполномоченного Чекпрода были выработаны «общие основания хлебных поставок и товарообмена в Ставропольской губернии» ⁷, в духе декрета о товарообмене.

За время от 25 мая по 20 июня было заготовлено муки и зерна в Святокрестовском районе 79 вагонов, в Александровском — 26 вагонов, в Петровском — 11 вагонов. В то же время заготовлено для Баку и выдано бакинском организациям: в Александровском — 15 вагонов и Святокрестовском 15 вагонов, а всего 152 вагона. Было отправлено за то же время: на север через Сарепту и Царицын 62 вагона, Туркестану 25 вагонов, Баку и Закавказью — 43 вагона, Астраханскому военному совету 3 вагона, железным дорогам и Царицынскому совнархозу 7 вагонов, а всего 140 вагонов. 12 вагонов ожидали маршрута.

Эти цифры показывали, что заготовка продуктов разворачивалась медленно и происходила только в части районов губернии. Заготовители жаловались на отсутствие мелких денежных знаков и товаров, в которых нуждались крестьяне. Плохо было и с подвозом. Крестьяне весьма неохотно соглашались возить по твердым ценам, установленным еще в апреле 1917 г. по две

копейки с пудо-версты до 50 верст — и свыше 50 верст давалась надбавка в 1 копейку на пудо-версту. В страдную пору никто по такой цене возить не соглашался.

С моим приездом товарные фонды Чекпрода в Ставрополе значительно увеличались. Прибыли товары, о которых сообщал мне в Екатеринодар И.В. Сталин. За ними прибыли еще составы с автомобилями и сельскохозяйственными орудиями, а также с мануфактурой, лесоматериалами и прочими изделиями.

К концу июня на складах Чекпрода было мануфактуры свыше 2260 тыс. аршин, 460 gross ниток, 2170 дюжин платков, около 18 тыс. фунтов чаю, 12 745 пар резиновых галош, свыше 3 тыс. пар обуви, сахару 2971 пуд, кондитерских товаров 558 пудов, 2068 пудов гвоздей, 2 тыс. пудов пруткового и кровельного железа, около 5 тыс. штук стальных кос, 34 вагона лесных материалов и разной мелочи. Пять вагонов мануфактуры, прибывших с нашими проводниками из Царицына, не были к тому времени приняты. Всего товаров к тому времени поступило, не считая леса и 5 вагонов мануфактуры, на 6400 тыс. рублей. Таким образом, обменный фонд становился могучим рычагом в заготовке хлеба.

Денежными знаками Ставропольская контора также была обеспечена. Н.И. Назаров привел состав с грузовиками, и местный гараж получил сразу 52 новые грузовые машины. Вместе со старыми легковыми и тракторами получалась весьма солидная транспортная организация, способная перебросить большое количество хлеба к местам погрузки. Беспокоило меня состояние дорог в губернии, и приехавшим со мной путейцам, шоссейникам и представителям местной железной дороги я дал задание на срочное составление плана дорожного строительства. Через несколько дней я получил схему грунтовых и шоссейных дорог, ведомость поверстных расстояний и смету. По существовавшему тогда ценам постройка версты шоссейной дороги исчислялась в 26 тыс. рублей. По предложенной мне схеме, видимо, разработанной частично или полностью еще при постройке Обществом Армавиру-Туапсинской железнодорожной линии на Ставрополь — Дивное, вся губерния покрывалась подъездными шоссированными путями общим протяжением 1222 версты. На это дело требовалось около 32 млн рублей. Из этой схемы мы предполагали в том году начать лишь несколько линий, и прежде всего в самом Ставропольском уезде ⁸.

По схеме Чекпрода, Ставропольская контора имела десять агентур, три из них приходились на Терскую область: 1) во Владикавказе, 2) Георгиевске и 3) станции Незлобной. На совещании с местными работниками я договорился и выделил Владикавказскую агентуру в отделение Чекпрода на Тереке, оставив временно агентуру Ставропольской конторы в Георгиевске и станции Незлобной главным образом потому, что в этих районах были мельницы, обслуживавшие прилегавшие к ним районы Ставропольской губернии.

Ставки за гужевую доставку решили увеличить на 1 копейку с пудо-версты, доведя до 3 коп. с пудо-версты при расстоянии до 50 верст и ввели прибавку в 2 коп. за каждую пудо-версту сверх 50 верст пути.

Местные продукты решили заготавливать во вторую очередь, при условии пуска колбасных и консервных заводов, а также организации холодильного дела. Для организации холодильного дела при Чекпроде был назначен инженер Витольд Матвеевич Плавский.

Вопросу автомобильного транспорта пришлось посвятить особое заседание с местными работниками. Заведующий гаражом, шоферы, ремонтные слесари и, наконец, сам уполномоченный Чекпрода К.С. Ермолов в один голос жаловались на военных работников, дезорганизаторски вмешивавшихся в работу гаража. От словесных нареканий перешли к делегациям и подаче на мое имя особого заявления, в котором сообщали, что «в жизни и деятельности гаража есть еще один фактор, который в корне дезорганизует всю работу и разрушает совершенно как результаты работы, так и энергию работников. Фактором этим является бесконечное требование штабом Красной

армии подачи автомобилей для обслуживания Ставропольского полка. В гараж врываются вооруженные люди, берут, иногда с разрешения и без разрешения, машины и бензин; в результате чего месячная работа по ремонту машин, вследствие небрежного пользования ими, в одну ночь сводится к нулю. Протесты шоферов против маршрута, назначаемого красноармейцами, против перегрузки машин и скорости движения при данных топографических условиях оставляются без внимания. Для иллюстрации стоит привести несколько примеров. 11 июня в гараж явился Егор Брызгалов, взял без разрешения для экстренной надобности Фиат, в чем выдал расписку, и уехал производить за городом около монастыря обыск. В ночь с 14 на 15 июня было сделано то же; 16 июня явились в общежитие шоферов в 3 часа ночи красноармейцы с членом Исполнительного комитета, потребовали Фиат, продержали его у подъезда Исполнительного Комитета до 5 часов утра и только после этого поехали в город осматривать пикеты, заставляя таким образом шофера работать без сна 31 час. С 17 на 18 июня в час ночи снова был взят Фиат для поездки на позицию в Кубанскую область, откуда он вернулся без покрышек на ободах с мертвецки пьяными красноармейцами, пулеметами и ружьями в гараж в 11 часов дня, и только в три часа дня удалось снять последнего пьяного красноармейца и поставить Фиат в ремонт. У машины оказался погнутым вал от удара в канаву маховиком, стучали подшипники и были помяты обода. Шофер вторично был лишен сна более суток. 17 июня был взят Сквайер для поездки в Святой Крест за патронами, откуда вернулся 20-го с поломанной рессорой, испорченным магнето, расстрепанной машиной, и теперь стоит снова в ремонте. Уайта (трехтонная) машина была взята для поездки на позицию всего за десять верст, фактически же была угнана за 30 верст, перегружена до 300 пудов, и вернулась 22-го с расплавленными подшипниками. Ремонт машины стоил 1600 рублей и ее испортили за одну ночь, повредив двигатель и рессоры. 22 июня ночью в три часа из гаража было взято без разрешения и расписки 3 пуда бензина, для того чтобы выручить застрявший на позиции без бензина автомобиль Губп-родколлегии.

Между тем из конторы поступали спешные требования на машины для посылки артельщиков с деньгами и агентов с инструкциями и документами в различные уезды губернии, каковые требования выполнить было при таких условиях работы гаража невозможно. Вагоны с хлебом стояли на рельсах с неоплаченными тарифами, снабжение голодающего населения тормозилось. О том, что люди, работавшие целый день в гараже, от постоянных ночных буйных визитов красноармейцев изнурились, я уже не стану говорить. В результате среди шоферов наблюдается крайнее раздражение и полный упадок энергии даже у самых трудоспособных и здоровых работников.

Такая дезорганизация дела транспорта не может быть дальше терпима и ее необходимо устранить решительными мерами. Гараж Чекпрода все равно удовлетворить всех нужд и требований Ставропольского полка не может, при условиях даже отказа от своих прямых задач и наличности вновь прибывших машин, так как сколько бы ни было машин, они все равно будут красноармейцами при их требованиях изломаны в короткое время».

Ставропольская губерния в те времена подвергалась бандитским налетам красновских и денкинских банд. В окрестностях самого города Ставрополя, в его лесах бродили вооруженные офицерские банды и кое-где поднимали в селах восстания. Красноармейцев Ставропольского полка гоняли из конца в конец по уезду, а иногда они самолично отправлялись на позиции навестить своих земляков и без просьб военного комиссара и безо всякого разрешения забирали машины. В полку дисциплина была очень слаба. Политическая работа в нем не велась. Значительная доля полка использовалась для внутривостановских дел, по сути для милицейской и чекистской работы. На последнюю брали людей без всякой проверки, и на этой почве было немало самоуправств.

Военный комиссар тов. Петров В. и работавшие у него специалисты

бывший офицер т.Коппе и т.Топунов не отрицали наличие недисциплинированных красноармейцев в полку, но объясняли это большим наличием летучих фронтов, благодаря которым они были задержаны, переутомлены.

Чтобы положить конец вмешательству Ставропольского гарнизона в транспортные дела и научить их ценить автомобиль, я распорядился выдать военному комиссару три новых грузовика, сопроводив их письмом. Это письмо было опубликовано во 2 номере «Известий» Исполкома. В нем я предлагал «оповестить все части Красной армии что захват автомобилей Наркомпрода и его местных органов дезорганизует работу, тормозит дело снабжения продовольствием голодающих губерний, и отдать распоряжение, запрещающее захват и вмешательство в транспортное дело». Нарушителей я предлагал наказывать по приказу Наркомвоенна от 10 июня того же года.

В местных отделениях Чекпрода также дело обстояло плохо. Руководители Чекпрода, опиравшиеся на представителей центра, не считались с местными органами власти, что вызывало постоянные конфликты, вредившие делам заготовки. Мне потребовалось вмешаться в это дело и издать «Постановление», в котором [говорилось:] «Всем уполномоченным и агентам Чекпрода вменяется в обязанность работать в полном контакте с местными советскими учреждениями. Во избежание нарушения отдельными Советами или их учреждениями хлебной монополии, твердых цен и т.п., уполномоченные обязаны осведомлять местные власти о всех решениях центральной власти в области продовольствия, снабжения и товарообмена.

Всякая местная вербовка отрядов для охраны грузов, кордонов и т.п. должна совершаться в тесном контакте с местными военными комиссариатами. Ни один отряд не должен быть вооружен без ведома военных властей.

Ни один уполномоченный не должен нарушать общей административной единицы губернии, округа или области, выделением отдельных уездов, волостей, станций железных дорог, станиц и т.п. и присоединением их в административно-продовольственном отношении к другим уездам, губерниям, округам или областям.

Назначение агентов на станции и продовольственные пункты должно исходить от уполномоченного данной губернии, округа или области и ни в коем случае не допускать несогласованных параллельных или скрещивающихся представительств».

Жалуясь на вмешательство военных в дело транспорта, работники Чекпрода сами действовали не лучше на железнодорожном транспорте. Уполномоченные и агенты отдельных контор понаделали друг другу властные мандаты с правами пользования паровозами, вагонами и ездили, обычно, без всяких билетов. Такое поведение наших продовольственных работников вполне справедливо возмущало железнодорожных служащих, осаждавших меня своими жалобами. Чтобы положить конец такой анархии, я отдал распоряжение всем «уполномоченным и агентам Чекпрода, управлениям, райкомам, начальникам службы движения, начальникам станций, комендантам и комиссарам Юго-Восточной и Владикавказской железной дороги»: «Уведомляю, что все агенты и сотрудники Чекпрода при поездках по железным дорогам обязаны оплачивать стоимость билета. При служебных поездках билеты выдаются вне всякой очереди, пользование отдельными вагонами, паровозами для экстренных поездок не должно иметь места. Предоставление отдельных вагонов, паровозов должно производиться по особому телеграфному или письменному распоряжению одного из следующих лиц — наркомов: Сталина, Шляпникова, председателя Чекпрода Якубова, главного комиссара Дунаевского.

Настоящее вступает в силу с момента опубликования в местных советских изданиях.

Народный комиссар труда, общий руководитель продовольственного дела на юге России — А.Шляпников.

Член коллегии Народного комиссариата труда — помощник руководителя — А.Падэрин».

В первые же дни приезда Ставропольский комитет РКП(б) и Совет профессиональных союзов устроили собрание, на котором мне пришлось выступить по вопросам внешней и внутренней политики, а также и о трудовом законодательстве, которым очень интересовались немногочисленные пролетарии города. На собрании мне было подано большое количество записок, в которых излагались различные жалобы на действия местных властей. Профсоюзные работники выражали неудовольствие по поводу несоблюдения декретов о труде, кооператоры выступали с жалобой на притеснения, на поход власти против кооперации.

Я ответил заявлением, что митинг мало подходит для решения их жалоб, и предложил им помочь урегулировать взаимоотношения, если они подтвердят свои жалобы фактами.

Ставропольский Союз потребительских обществ принес письменный протест против «похода на кооперацию» со стороны губернских властей⁹. Разбор этого дела и установление правильных взаимоотношений, основанных на апрельском декрете о кооперации, я поручил К.С. Ермолову и комиссару продовольствия Э.Вельскому.

После собрания мы получили ряд предложений содействовать товарообмену с деревней и способствовать заготовке хлеба для голодающих. Трудовая артель портных предлагала свои услуги по изготовлению из мануфактуры Чекпрода белья и верхнего платья.

Конец дня 24 июня и всю ночь на 25-е в Ставрополе произошли крайне подозрительные события, едва не повлекшие за собой погромы: значительная доля мужского населения города в этот день перепилась. Я наблюдал впервые за свою жизнь пьянство в столь массовом масштабе. Пьяные вели себя очень буйно. Перепились и некоторые воинские части. По городу была беспорядочная стрельба и масса самых чудовищных панических слухов о восстаниях, наступлении на Ставрополь и т.п. Нашему отряду, стоявшему на железнодорожной станции, пришлось взять на себя охрану станции и подготовить защиту ее на случай внезапного нападения. Упорные слухи шли о походе на город казаков. Мы приготовились встретить огнем всякого белогвардейского гостя, установили дежурства, поставили дозоры. Яму поворотного круга приспособили под пулеметное гнездо. Слухи оказались ложными, но тем не менее в городе они вызвали много беспорядков и вынудили власть издать следующий «Приказ по городу Ставрополю».

«Граждане!

Всем Вам известно, что мы переживаем тяжелое время — время междоусобной войны, когда каждую минуту можно ожидать опасности не только извне, но и внутри города Ставрополя.

Между тем в г.Ставрополе сейчас происходит масса эксцессов, вызываемых пьянством. Беспорядки, подобные бывшим 24 июня, совершенно недопустимы, тем более в настоящее время. Ведь каждому известно, что человек в пьяном виде ни с чем не считается и охотно пойдет в ту сторону, откуда сможет получить еще больше спиртных напитков. Мы же должны быть всегда настороже и помнить день 29 апреля сего года, когда весь гарнизон города Ставрополя должен был неусыпно следить за общественным спокойствием и бороться с распространением провокационных слухов и поступков.

Ввиду этого призываю всех граждан города Ставрополя помочь в деле уничтожения и прекращения торговли спиртными напитками и приказываю:

1) Начальнику городской милиции и комиссару по охране города: немедленно во всех ресторанах, гостиницах, столовых, меблированных комнатах, харчевнях и шашлычных произвести повальные обыски и все имеющиеся в указанных предприятиях спиртные напитки опечатать впредь до особого распоряжения.

2) Губернской ревизионной комиссии: немедленно приступить к произ-

водству обысков и опечатанию спиртных напитков во всех частных домах и квартирах.

Примечание: Все граждане гор. Ставрополя, знающие о местонахождении спиртных напитков, обязаны доносить об этом начальнику городской милиции, комиссару по охране города и губернской ревизионной комиссии.

3) Виновные в неисполнении настоящего приказа будут подвергнуты штрафу в размере 2000 руб. или тюремному заключению от одного до двух месяцев.

4) Лица же, кои появятся в городе в пьяном виде, будут немедленно задерживаться и предаваться военно-революционному трибуналу.

5) Предписываю начальнику городской милиции, комиссару по охране города и губернской ревизионной комиссии представить в управление коменданта списки с указанием всех предприятий и лиц, где будут найдены и опечатаны спиртные напитки.

Комендант гор. Ставрополя — ПРОМОВЕНДОВ. Член губернского исполнительного комитета, он же помощник коменданта гор. Ставрополя — ПОПОВ».

Со ст. Челдасы сообщали, что там стоит маршрутный поезд с хлебом для Москвы, испортился паровоз, а Тихорецкая не дает замены. Сообщение подписал тов. председателя ЦИК Черноморской республики Козлов и комиссар Волгушнов. Надо было распорядиться в Тихорецкой о подаче паровоза. Поезд простоял два дня и только 22-го был отправлен в Царицын.

В тот же день пришло сообщение Добровольского с Кавказской о том, что между станциями Двойная и Куберле движение прекращено. Видимо, очередной набег казачьих банд.

Числа 24-25 июня ко мне явилась делегация губернского союза мукомолов и сделала чрезвычайно интересное предложение: оказать союзу помощь в получении топлива и металла, обещая поставлять в пользу голодающего севера по 200 вагонов муки в месяц минимум. Во главе делегации был весьма почтенный человек, председатель правления губернского союза мукомолов А.Зюсюкин. В этот союз входили как крупные, так и мелкие владельцы мельниц и крупные специалисты мельничного дела.

Во время беседы представители союза мукомолов выразили свою готовность работать на пользу Советского государства и просили только трезво на них смотреть и не зачислять их в ряды врагов. В заключение они передали мне свою «докладную записку», носившую весьма яркий декларационный характер. Правление союза писало, что мукомолы неоднократно пытались оказать помощь местной власти, но на них смотрели «превратно», как на союз буржуев, и отклоняли их предложения.

В обращении ко мне они заявили, что «союз мукомолов, видя тяжелое положение родины в критическую минуту, далек от разрешения всяких политических вопросов, желая отдать все свои силы и опыт на борьбу со страшным бичом — голодом, просит оказать ему надлежащее доверие, гарантируя со своей стороны подвоз к станциям минимум 200 вагонов муки в месяц, но при условии соблюдения схемы работ, которая будет представлена Вам особо»¹⁰.

Я поблагодарил делегацию за предложение и попросил принести мне условия, на которых они хотят работать в пользу государства, и их требования.

Это предложение, исходившее от группы промышленников, в массе средних, вероятно, капиталистов, меня весьма заинтересовало. Оно было сделано в такое время, когда в губернии было весьма беспокойно, когда с Дона уже надвигалась казацкая контрреволюция, а поэтому заслуживало пристального внимания. Местные власти еще «не дошли» до организации в губернии мукомольного дела. Комиссар продовольствия Э.Вельский говорил мне, что мельничным делом овладеть еще не мог потому, что не нашел опоры в этом хозяйстве. Были попытки брать в «свои руки» отдельные мельницы на местах, но заканчивались остановкой работы. По всему было видно, что дело помола зерна еще не было продумано. Население же нуждалось в помоле до крайности: в селах крестьяне «давили» зерно в ступах или камнями, устраивали ручные жернова и т.п.

Весьма быстро представители союза мукомолов принесли свои условия, изложенные в десяти пунктах, приемлемых в основном, но требовавших некоторого уточнения ¹¹. К условиям были приложены сведения о двигателях и исчисленная потребность в жидком и твердом минеральном топливе.

В объединенных союзом мукомолов мельницах было 359 нефтяных двигателей общей мощностью в 17 027 лошадиных сил и 49 двигателей, работавших на твердом топливе, мощностью в 3540 л.с. На все это требовалось 142 559 пудов нефти и 51 087 пудов угля на месяц. Кроме того, при мельницах были свои молотилки в количестве 116 штук, мощностью в 1316 л. сил. Для молотилок требовалось 14 082 пуда нефти в месяц ¹².

Месячная производительность всех двигателей была равна 6 160 800 пудов помола зерна. Но представители союза оговаривались, что при данном состоянии мельниц, из-за длительной стоянки и отсутствия нормального ремонта, производительность будет ниже на 50%.

Я договорился с уполномоченным Чекпрода К.С. Ермоловым и комиссаром продовольствия Э.Вельским о том, чтобы использовать аппарат и людей союза мукомолов для обслуживания государственных нужд. Затем официально поручил им заняться этим делом и письменно наметил направление, которое предполагалось мною придать этому соглашению. Вот содержание письма:

«Препровождаю при сем копию предложений Ставропольского Союза мукомолов, предлагаю Вам с комиссариатом продовольствия разработать детальнее проект соглашения.

Основная задача этого соглашения должна быть — проведение в жизнь принудительного объединения всех мельниц, как водяных, конных, так и механических в один союз. При помощи такого объединения, сначала губернского, а затем и краевого, легко будет учесть весь хлеб и наладить дело вывоза его в потребляющие губернии.

Помимо простого принуждения к объединению, необходимо это объединение укрепить материально путем отпуска сырья, топлива, материалов для ремонта исключительно через союз, находящийся под нашим контролем. В правление союза должны войти представители местной и центральной власти. Затем следует обязать всю муку, взятую за помол, сдавать по твердым ценам Чекпроду. Каждая мельница должна вести точную запись помола, по каждому заказчику особо, с указанием веса и адреса.

Надеюсь, что к моему возвращению проект будет разработан. С товарищеским приветом,

Народный комиссар труда А.Шляпников».

(Продолжение следует)

Примечания

1. Лишь более чем через два месяца мне стала известна совершенно ложная телеграмма Вахрамеева и Авилова-Глебова, посланная ими 17 июня из Новороссийска, в которой они сообщали, что «попытки найти активную поддержку в Екатеринодаре не увенчались успехом, Шляпников помочь бессилён. Ехать ему в Новороссийск считали ненужным и опасным. Не дожидаясь Раскольниковых выехали в Новороссийск».
2. То есть с судами Черноморского флота.
3. См. общие положения по сбору шерсти и т.д. в приложении (здесь не публикуются. — *Ред.*).
4. См. этот декрет в приложении (не публикуется. — *Ред.*).
5. См. протокол в приложении (не публикуется. — *Ред.*).
6. См. план работ по продовольствию Ставропольской губ. в приложении (не публикуется. — *Ред.*).
7. См. «Общие основания хлебных поставок и товарообмена в Ставропольской губернии» в приложении (не публикуется. — *Ред.*).
8. См. схему, заключение по вопросу о путях сообщения, ведомость, смету на работы — в приложении (не публикуется. — *Ред.*).
9. См. этот протест в приложении.

Ставропольский Союз потребительных обществ.
Комиссару труда ЦИК С.Р. и К.Д. гр. Шляпникову

Со дня перехода власти в нашей губернии Советам, против кооперации объявлен поход. И губернский Союз потребительных обществ и сельские кооперативы подвергаются притеснениям, насилию и т.п.

В данное время Ставропольский Союз потребительных обществ объединяет до 180 обществ потребителей, то есть всю губернию. В течение 11 месяцев работы Союз, несмотря на отсутствие производства товаров и разруху в транспорте, дал для губернии на 8 000 000 рублей товаров. И вот этот огромный аппарат, благодаря постоянному вмешательству в его жизнь и работу местной власти, должен будет разрушиться.

Местная губернская власть предписала селам организовать общественные лавки, используя для этого имеющиеся в селам общества потребителей с их многолетним опытом.

На местах, по постановлению советов, стали закрывать общества потребителей, конфисковать капиталы, товары и проч., называя это «преобразованием обществ потребителей в общественные лавки». Население, не желая противиться распоряжениям власти, все же все силы прилагало к тому, чтобы сохранить общества потребителей, хотя бы под названием «общенародный кооператив», и даже с некоторыми отступлениями от устава. Но не везде и это помогло, и часть потребительных обществ прекратила временное свое существование, а на смену их пришли общественные лавки, с первых же дней потерявшие всякое доверие населения благодаря наличию в них бывших торговцев, спекулянтов и т.д.

Несмотря на это и не обращая никакого внимания на распоряжения Высшего совета народного хозяйства (№ 88 и др.) и центральной власти, а также на наши обращения, — местная власть все же не принимает никаких мер к прекращению насилий над кооперативами со стороны сельских властей и сознательно содействует разрушению таковых. Губернский союз потребительных обществ принимал всевозможные меры к сохранению кооперативов, настаивал на полном невмешательстве власти в их жизнь и работу, но, как мы уже сказали, губернская власть не оказала поддержки Союзу и даже в настоящее время настаивает на том, чтобы Союз потребительных обществ отпускал товары *всем организациям* по распоряжению губернской власти и тем самым содействовал бы развитию торговли через общественные лавки и другие организации — а не через кооперативы, то есть понуждает Союз самому медленно, но верно разрушать сельские общества потребителей. С большим трудом удалось отстоять право закупки товаров, расценки, распределение через Губпродколлегию и Чекпрод.

При такой обстановке, при таком отношении к кооперативам, конечно, немислима работа в них и невозможно развитие кооперации в нашей губернии.

Союз потребительных обществ также вынужден будет временно прекратить свое существование, ибо сознательно кооперативному объединению разрушать сельские кооперативы было бы более чем преступно.

Изложенное заставляет нас просить Вас, как представителя Центральной власти и члена Высшего совета народного хозяйства, выяснить в местном губернском исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов отношение к кооперативам губернии и указать на необходимость полного невмешательства в жизнь и работу кооперативов и отмены преждеданных распоряжений о контроле над кооперативами и организации общественных лавок за счет кооперативов, а также издание на этот счет особого распоряжения по губернии.

Выяснение этого вопроса крайне важно, так как при создавшихся условиях существование губернского союза и сельских кооперативов невозможно.

Председатель правления — Миролобов.

Член правления — Т.Никонов. Секретарь — А.Капельгоф.

10. См. докладную записку Союза мукомолов в приложении.

Приложение

Правление Ставропольского губернского союза мукомолов.

9 июня ст.ст. 1918 г.

Комиссару труда и промышленности Российской Федеративной Республики
гражданину А.Г. Шляпникову

Докладная записка

Союз мукомолов - это Союз людей опыта и труда, сплотившихся воедино исключительно с целью поддержания экономической мощи свободной России. Стоя только на платформе экономической, Союз неоднократно предлагал свои услуги местным органам, свою руку помощи в трудные минуты государственной жизни, и всегда, неизменно получал отказ, и лишь только потому, что партийные люди, сидящие у власти, имели превратное представление о Союзе мукомолов как о союзе буржуев, которых, по их мнению, не только не следовало поощрять, но наоборот стараются и старались не дать ему никаких прав, чем и вызвать его ликвидацию.

Теперь, когда костлявая рука голода все сильнее и сильнее сжимается, когда вопли голодных и стоны умирающих от голода людей раздаются все сильнее, мы еще раз предлагаем вам свои услуги, хотим подать руку помощи голодному брату, дайте же нам эту возможность.

Союз мукомолов, видя тяжелое положение родины, в критическую минуту далек от разрешения всяких политических вопросов, желая отдать свои силы и опыт на борьбу со страшным бичом — голодом, просит оказать ему надлежащее доверие, гарантируя со своей стороны подвоз к станциям минимум по 200 вагонов муки в месяц, но при условии соблюдения схемы работ, которая будет представлена вам особо.

Председатель (подпись).

Член правления (подпись).

Секретарь (подпись).

Условие

Для выполнения гарантии о поставке вам ежемесячно муки на первое время по 200 вагонов и развития в будущем до более солидной цифры, Союзу мукомолов необходимо:

1. Иметь в своем распоряжении все жидкое и твердое минеральное топливо и смазочные масла, поступающие в Ставропольскую губернию, для нужд мельниц и молотилок.

2. И некоторую часть керосина и бензина, потребного для мельниц, количество которого будет указываться всегда особо.

3. Предоставление широких прав Союзу в отношении контроля над заводами, исполняющими его заказы.

4. Получение в распоряжение Союза некоторого количества (смотря по потребности) грузовых автомобилей для доставки муки к станциям, а топлива и машин к мельницам и двух легковых автомобилей для деловых поездок по губернии.

5. Свободный отпуск с мест производства всех товаров и машин, необходимых для мельничного обихода.

6. Сумма за полученное топливо, товары и машины будет покрываться нижеследующим образом: 50% наличными и 50% мукой и зерном, считая таковую по твердым ценам, но не менее ежемесячной нормы, как 200 вагонов, если товаров на склады Союза будет доставлено на сумму, равную стоимости 400 вагонов муки и зерна.

7. Твердые цены на товары, выписываемые Союзом мукомолов, считаются только те, которые установлены на местах производства и плюс провозная стоимость, но без всяких других накладных расходов в пользу каких бы то ни было учреждений или организаций.

8. Союз мукомолов в свою очередь сдает зерно и муку по твердым ценам и плюс поверстная плата за доставку, не присчитывая никаких других расходов, требующихся на содержание многолюдных штатов, необходимых для точного выполнения взятых Союзом на себя обязательств.

9. Все учреждения и должностные лица Российской Федеративной Республики должны оказывать всяческое содействие Ставропольскому губернскому Союзу мукомолов для исполнения и достижения намеченных таковым целей экономического характера, как общественной организации, делающей дела, имеющие характер государственного значения.

10. Союз мукомолов признает над собой контроль высших и местных правительственных органов и отдельных лиц, действующих по их поручениям, но без активного вмешательства во внутренние распорядки Союза, если таковые не преследуют никаких политических целей.

И.о. председателя. Член правления. Секретарь (подписи неразборчивы).

11. См. «условия» в приложении (не публикуется. — *Ред.*).

12. См. сведения о потребляемом жидком и твердом топливе в приложении (не публикуется. — *Ред.*).

Война в Заполярье (1939—1940 гг.)

П.В. Петров, В.Н. Степаков, Д.Д. Фролов

До 1938 г. основу сухопутной обороны Заполярья составляли немногочисленные части Мурманского пограничного округа. Северному и северо-западному театру военных действий отводилось второстепенное значение, в связи с чем выделение значительных средств на развитие дорогостоящей инфраструктуры Ленинградского военного округа (ЛВО) считалось нецелесообразным¹.

Положение изменилось летом 1938 г., после заседания Главного военного совета (ГВС) РККА, на котором было принято решение о срочном укреплении ЛВО и утверждена программа строительства новых укрепрайонов, аэродромов, дорог, артиллерийских складов и т.п. Решением ГВС в Заполярье предусматривалось размещение в 1939 г. 104-й горнострелковой дивизии (гсд), в составе 4-х стрелковых полков (сп) — будущего ядра Мурманской армейской группы.

Согласно директиве наркома обороны СССР № 16659 от 11 сентября 1939 г. командующему войсками ЛВО было приказано перебросить в Мурманск управление 33-го стрелкового корпуса (ск) с батальонами связи и саперным, 14-ю гсд, артиллерийский полк Резерва главного командования в составе 24 152-мм и 12 122-мм орудий, батальон танков Т-26 из состава 35-й танковой бригады (тб), авиаполк самолетов СБ, истребительный авиаполк, 6-ю резервную авиабазу и прочие вспомогательные части. Уже имевшуюся в р-не Мурманска 104-ю сд и все прибывающие части надлежало объединить под общим командованием командира 33-го корпуса, основной задачей которой было прикрытие, во взаимодействии с авиацией и Северным флотом, района Мурманска и прилегающего побережья, с целью не допустить высадку десанта противника².

Приказом наркома обороны № 0052 от 16 сентября 1939 г. была сформирована Мурманская армейская группа (МАГ), укомплектование которой проводилось на базе управления 33-го корпуса. В состав группы включались: 104-я гсд, 14-я сд, 104-й ап РГК, танковый батальон 35-й тб, зенитный артдивизион с одной прожекторной ротой, 5-й смешанный авиаполк, 68-й истребительный авиаполк, 6-я резервная авиабаза, один автобатальон, два дорожностроительных батальона. В сентябре 1939 г. в Мурманск прибыл штаб

Петров Павел Владимирович — кандидат исторических наук, Российский государственный архив Военно-морского флота, *Степаков Виктор Николаевич* — историк-публицист, *Фролов Дмитрий Джонович* — аспирант Хельсинкского университета.

группы во главе с комдивом В.А. Фроловым. К этому времени, в Заполярье уже дислоцировались 104-я гсд, 14-я сд и армейское авиасоединение в составе 2-х эскадрилий дальних бомбардировщиков ДБ-3, эскадрилий скоростных средних бомбардировщиков (СБ) и эскадрилий истребителей И-16. По оперативному плану ЛВО от 29 октября 1939 г., состав МАГ был определен в 13 стрелковых батальонов (из них четыре гсп, приравниваемых к батальонам), 149 орудий (из них 103 легких и 46 тяжелых), 44 танка (из них 16 танков Т-26, БТ и Т-28 и 28 танков Т-27, Т-37 и Т-38) и 77 боевых самолетов (17 истребителей И-15, 15 истребителей И-16, 23 бомбардировщика СБ и 22 бомбардировщика ДБ-3) ³.

15 ноября 1939 г., в штабе ЛВО была получена директива наркома К.Е. Ворошилова № 0200/оп, согласно которой Мурманская АГ была переименована в 14-ю армию (командующий — комдив В.А. Фролов) в составе 104-й гсд, 14-й сд, а также перебрасываемой из Белорусского особого военного округа 52-й сд, части которой в начале ноября стали прибывать на мурманское направление ⁴.

К 30 ноября 1939 г. дислокация частей 14-й армии была следующей: 14-я сд, усиленная батареями 104-го пушечного и 143-го легкого артиллерийского полков, занимала оборону на побережье Кольского п-ова; в устье реки Титовка сосредоточились 95-й сп 14-й сд и 242-й гсп и 290-й артполки 104-й гсд; на полуострове Рыбачий находился 217-й гсп 104-й гсд ⁵. Военно-воздушные силы 14-й армии базировались на аэродромах в Ваенге и Мурмашах.

В октябре 1939 г. в Финляндии были проведены внеочередные осенние маневры, фактически — мобилизация. По всей стране создавались учебные центры для подготовки резервистов.

На территории северной Финляндии (от северной границы округа Иломантси до Северного Ледовитого океана) была создана Северо-финляндская группа войск (СФГ) во главе с генерал-майором В.Туомпо. Осознавая, что зона ответственности этой группы войск была слишком большой, а штаб находился в Каяни и практически не мог руководить войсковыми операциями, финский Генеральный штаб еще в октябре 1939 г. создал в г. Рованиemi свой отдел для координации действий на этом направлении. В дальнейшем подразделения армии, дислоцированные в Лапландии, переименовали в Лапландскую группу (ЛГ), под командованием генерал-майора К.М. Валлениуса. Эта группа входила в состав СФГ.

Утром 30 ноября 1939 г. финские части в районе Петсамо, которыми командовал капитан В. Салмела, занимали позиции: 10-я отдельная рота — в Парккина; 5-я отдельная батарея 75-мм орудий (образца 1887 г.) — в Линнахамари; морская пограничная стража — в Нурменсятти, Маттивоуно, Пумманки и Вайтолахти; пограничники из 2 погранзаставы — на Коусмярви, Лейярви, Лусиккярви ⁶.

Это были хорошо оснащенные части, располагавшие достаточным количеством зимнего обмундирования, продуктами питания и пр., хотя и существовала проблема с вооружением. Если стрелкового оружия хватало, то полевой артиллерии не хватало, а противотанковых орудий не было вообще. У финской пехоты были навыки ведения боя в зимних условиях, они хорошо знали местность. Кроме вышперечисленных частей, в Петсамо формировалась рота из шахтеров Колосйоки и резервистов из компании «Петсамо — Никель».

Начало войны выявило недостатки подготовки финской армии на этом участке фронта. На финских картах не были отмечены стратегические высоты. Не были созданы сколько-нибудь сильно укрепленные оборонительные рубежи. На линии Лиинахамари — Пуруярви было подготовлено несколько скрытых огневых точек и установлены заграждения из колючей проволоки. Прибрежные районы из-за открытой местности и неэффективности системы заграждений так же признавались участками фронта, оборонять которые было трудно и нецелесообразно. Да и самой обороне Петсамо в финских военных планах уделялось мало внимания. В 20-е годы считалось, что район этот

трудно оборонять. Поэтому финны были готовы оставить его практически без сопротивления.

Лишь к началу «зимней войны» значение Лапландии и особенно Петсамо (из-за никелевых разработок на реке Колосйоки) и порта Лиинахамари значительно возросло. Кроме того, для сохранения наземного сообщения со Швецией, возросло и значение территории по обеим сторонам озера Оулуярви. Военные приготовления СССР в районе северной Карелии побудили финнов уделять большее внимание своим северным территориям, потеря которых хотя и не повлияла бы решающим образом на общее положение на фронте, но значительно ухудшила бы положение финской армии в южной части страны и особенно на Карельском перешейке. Командующий СФГ генерал-майор В.-Э. Туомпо настоятельно запрашивал Генеральный штаб о дополнительных резервах, подчеркивая, что финских частей не хватит для активного сопротивления Красной Армии. Но ему отвечали, что, по сведениям Генштаба, советские войска не смогут эффективно действовать на этом участке фронта и у РККА нет дополнительных резервов, которые могли бы быть задействованы в Лапландии.

В конце 1938 г., после Мюнхенского соглашения в СССР началась непосредственная подготовка к военным действиям против Финляндии: усиливались войсковые части ЛВО, округу были выделены на военные цели 260 миллионов рублей, Генеральный штаб РККА дал указания командованию ЛВО «о проведении оперативно-тактической подготовки командного состава к предстоящей кампании».

В апреле 1939 г. была проведена двусторонняя оперативная игра с участием представителей Ленинградского и Уральского военных округов и краснознаменного Балтийского флота. По условиям игры, «восточные» (Красная Армия), «втянутые в войну, ставили своей целью разгром армии «западных» (финская армия) до подхода на помощь к ней экспедиционных войск союзников». После завершения оперативной игры, командующий войсками ЛВО командарм 2-го ранга К.А. Мерецков указал на «необходимость упреждающего удара против Финляндии», подчеркнув, что «хорошо укомплектованный округ выполнит задачу по разгрому войск противника», несмотря на сложный театр военных действий ⁷.

Летом 1939 г., по указанию наркома обороны Мерецков приступил к подготовке докладной записки, в которой предполагалось изложить план прикрытия северозападной границы и нанесения удара по финским вооруженным силам. В июле 1939 г. доклад Мерецкова был заслушан на совещании, в присутствии И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова ⁸. План Мерецкова не вызвал серьезных нареканий, кроме замечаний по поводу сроков проведения операции, превышающих 2 недели. В итоге Мерецков получил приказание «быть готовым в начале осени представить новый план проведения оборонительных мероприятий» ⁹.

29 октября 1939 г. военный совет ЛВО представил за № 4587 на утверждение наркому обороны Ворошилову окончательный вариант оперативного плана по разгрому сухопутных и морских сил Финляндии, рассчитанный на решение поставленной в нем задачи в течение 10—15 дней. Согласно этому плану, после получения приказа на наступление, «наши войска одновременно вторгаются на территорию Финляндии на всех направлениях с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии». План был полностью одобрен Генеральным штабом и утвержден наркомом обороны.

В соответствии с планом, перед МАГ, включавшей в себя Северный флот, 14-ю сд, 104-ю гсд, 104-й пушечный ап РГК и 5-й смешанный авиаполк, была поставлена задача: «Прикрывая базу Северного флота и побережье Кольского полуострова с полуостровами Рыбачий, Средний, силами 104 гсд, 95 сп 14 сд при поддержке авиации, овладеть Петсамо и, прочно укрепившись в этом районе, не допустить подхода сил и подвоза вооружения для финской армии через порт Петсамо и норвежский порт Киркинес».

Военно-воздушные силы МАГ получили сразу несколько боевых задач: содействовать своим войскам в захвате Петсамо; прикрывать истребительной авиацией базы флота; оказать поддержку частям, действующим на кандалакшском направлении, при переходе их в наступление и овладении Рованиеми, Улеборгом и Кемью; уничтожать авиацию противника в случае появления ее на северных аэродромах Финляндии. Частям МАГ надлежало базироваться на станцию снабжения Кола, с отделением в Мурманске, а в случае санитарной эвакуации на эвакогоспиталь № 1172 (Мурманск) и полевой подвижной госпиталь № 735 (Кировск) ¹⁰.

В середине 30-х годов в Финляндии были приняты два плана обороны — «Российское сосредоточение» (Venäjän Kesktys — VK) — 1 и 2. Существенным различием было то, что первый предполагал активную оборону и перенос боевых действий на севере на советскую территорию. Второй план допускал, что Финляндия останется один на один с СССР и боевые действия будут разворачиваться лишь на ее территории. Главные силы Красной Армии должны быть скованы на основном оборонительном рубеже, а действия финских войск на северном участке фронта будут ограничены силами прикрытия. К 30 ноября 1939 г. именно этого плана и придерживался финский генштаб, разворачивая свои войска у государственной границы. Основной задачей Северной финляндской группы войск была поддержка подразделений финской армии, действующих в районе Ладожского озера. При этом считалось, что финские части в северной Финляндии должны атаковать подразделения РККА, создавая постоянную угрозу ее северному флангу.

В 1930-е годы финны считали, что в случае войны на этом участке фронта с советской стороны будут действовать лишь пограничные части, доукомплектованные в случае необходимости местными жителями. С начала сентября 1939 г. стали поступать тревожные разведанные об усилении подразделений РККА, расположенных на границе, как за счет резервистов из местных жителей, так и прибывающих с юга регулярных частей. В пограничных водах в районе Петсамо финны отмечали оживленное движение советских судов. Была замечена переброска войск на полуостров Рыбачий. Финские пограничники докладывали о концентрации свежих сил в районе государственной границы. 28 ноября 1939 г. финны объявили о похищении советскими пограничниками трех резервистов из части охраны Пумманки. 29 ноября финны заметили сосредоточение батальона советских войск и танкового подразделения в 3 километрах от границы. Тем не менее оборонительные планы на севере Финляндии не были изменены. Задачей войск СФГ войск было активное противодействие наступающим частям Красной Армии и при возможности перенесение боевых действий на территорию СССР с захватом Реболы. Другие части СФГ должны оборонять направление Кухмо — Реболы и поддерживать финские соединения на участке Салла, Куусамо.

В связи с тем, что финский генштаб не предполагал активных боевых действий Красной Армии на этом участке, 10-й отдельной роте надлежало лишь оборонять Петсамо и прилегающее побережье. Советские войска не должны были прорваться дальше Улялуостари. Финны предполагали, что особенности южнолапландского ландшафта воспрепятствуют продвижению русских войск. Мобильные группы финнов должны были атаковать части РККА и, при возможности, совершать глубокие рейды в тыл противника, переходя государственную границу СССР и Финляндии. 10-я отдельная рота подчинялась непосредственно северо-финляндскому штабу пограничных войск. Основной проблемой подразделения было отсутствие у финнов резервов на этом направлении. Перед началом боевых действий финны подготовили к уничтожению портовые сооружения в Трифона и Линнахамари.

21 ноября 1939 г. штабом 14-й армии был получен приказ командующего войсками ЛВО, в котором отмечалось, что «финская армия отмобилизована, закончила сосредоточение и развертывание у границ СССР. Установлено в районе Петсамо до батальона пехоты с артиллерийской и зенитной батареями. На полуострове Рыбачий и Средний погранчасти противника усилены

мелкими подразделениями полевых войск и шюцкоровских организаций»¹¹. Этим же приказом перед советской армейской группировкой на Крайнем Севере были поставлены конкретные боевые задачи: «14 армия /штарм— Мурманск/ имеет задачу совместно с Северным флотом разгромить противника и овладеть полуостровами Рыбачий, Средний и районом Петсамо /Печенга/. Прочно укрепиться в этом районе и, обеспечивая себя с юга, не допускать подвоза живой силы и вооружения с норвежского порта Киркинес, а также не допустить высадки десантов на Мурманском побережье»¹². Указывалось также, что о дате начала боевой операции в Заполярье будет дополнительно сообщено «особым распоряжением»¹³.

К этому времени войска 14-й армии сосредоточились в районах советско-финляндской границы и вдоль побережья Кольского залива. Их общая численность составляла 38822 человека (без учета пограничных частей и 52-й сд, перевозка которой из Белорусского особого военного округа была еще не полностью завершена). На вооружении советской армейской группировки находилось 217 орудий разных калибров, 38 танков БТ, Т-26 и Т-37 и 77 самолетов (32 истребителя И-15 и И-16 и 45 бомбардировщиков ДБ-3 и СБ)¹⁴. Соотношение вооруженных сил Финляндии и СССР на этом участке фронта, согласно финским данным, было: пехота — 1:5; танки — 0:15; противотанковые орудия — 1:6; полевые орудия — 1:10; минометы — 1:15.

29 ноября в 14-ю армию из штаба ЛВО поступила телеграмма-«молния». «К 8.00 30.XI первым эшелонам занять исходное положение для атаки. С 8 часов до 8.30 вся артиллерия коротким мощным огнем подавляет противника на переднем крае и в глубину. Атака в 8.30 30.11.39 года»¹⁵.

30 ноября, после короткой артподготовки, советские войска перешли границу Финляндии в Заполярье. На западную часть полуостровов Рыбачий и Средний повели наступление пограничные части Мурманского ПО, 217-й гсп 104-й дивизии, артиллерийско-пулеметный батальон и 2-й дивизион 290-го артполка. 242-й гсп со штабными подразделениями 104-й дивизии и 1-м дивизионом 290-го артполка выступили из района реки Титовка на Петсамо, с задачей захватить этот населенный пункт и порт Лиинахамари и передовыми подразделениями выйти к норвежской границе. 95-й сп 14-й сд двинулся южнее Петсамо, чтобы перерезать основную шоссейную магистраль Петсамо — Рованиemi.

Полуострова Рыбачий и Средний были полностью заняты советскими войсками в этот же день. С моря наступление стрелковых частей поддерживал артиллерийским огнем эсминец «Карл Либкнехт», выпустивший по становищам Пумманки и Маттвиуоно 195 102-мм снарядов. Армейское командование оценило стрельбу на «отлично». К исходу дня, на эсминец прибыл представитель оперативной группы 14-й армии майор Клинковский, который в продолжительной беседе с личным составом эсминца рассказал о результатах стрельбы, «ее значении, как помощи наступающим войскам, и положении на фронте». Впрочем, есть данные, что огонь корабельной артиллерии воздействовал на противника больше психологически, нежели способствовал уничтожению живой силы или разрушению укреплений. Как позже отметит майор Авраменко из Артиллерийского управления СФ, при обстреле становища Пумманки туда «ни одного снаряда не попало». Финские подразделения — около 35 солдат пограничной стражи — без боя оставили территорию полуостровов. Передовые отряды советских пограничников, первыми достигнув западного побережья п-ова Рыбачий, забросали ручными гранатами жилые дома в становище Вайтолахти. В результате этой акции, пострадало мирное население, не пожелавшее или не успевшее эвакуироваться: взрывом гранаты был напавал убит мальчик, ранены двое подростков и старуха. В связи с этим, майор Авраменко высказал следующую мысль: «Тут сбывлась та басня, которую финны проповедовали среди населения о том, что «придет Вологодский батальон, будет резать ребят, убивать отцов и насиловать женщин». Случай единичный, но, тем не менее, поступок командира-пограничника, находящегося в Вайтолахти, является совершенно непростительным».

В ходе наступательных действий на полуостровах Рыбачий и Средний, подразделениями 217-го полка в качестве трофеев было захвачено несколько морских мотоботов. Потери соединений 14-й армии за первый день войны составили 3 раненых бойца¹⁶.

Погодные условия, в некоторой степени способствовали наступающим частям Красной Армии. Хотя облачность затрудняла действие советской авиации, высота снежного покрова не превышала 10 см. Таким образом, можно было использовать боевую технику, а пехота могла продвигаться без лыж.

Вечером 30 ноября капитан В. Салмела получил сведения с передовых позиций, что наступление советских войск создает угрозу флангам финских частей. В связи с угрожающей ситуацией, он отдал приказ уничтожить портовые сооружения в Лиинахамари, прибрежные деревни и суда. Финские части, размещенные в р-не Петсамо, получили приказ отойти на линию обороны в районе Наамаойви. Это позволило финнам уничтожить значительное количество портовых строений и заминировать самодельными фугасами причалы в Лиинахамари (взорвать их так и не удалось). Жители деревень в большинстве своем успели эвакуироваться. Однако ввиду бездорожья наступали советские войска медленно. Капитан В. Салмело выразил сомнение в целесообразности уничтожения портовых сооружений. Полагая, что он поспешил с уничтожением портовых сооружений, капитан покончил жизнь самоубийством. Командование воинскими частями в р-не Петсамо принял капитан А. Пеннанен.

Около 14 часов 1 декабря 242-й гсп был встречен на подступах к Петсамо плотным ружейно-пулеметным огнем. Завязалась интенсивная перестрелка, продолжавшаяся до позднего вечера. Большую помощь стрелковым частям оказал сторожевой корабль «Гроза», вошедший в Петсамский фиорд и подавший финский пулемет на берегу, сдерживавший наступление 242-го полка. К 19 часам советские части заняли горящий город. Штурм Петсамо оказался для советской стороны бескровным: войска практически не имели убитых и пропавших без вести (за исключением одного утонувшего бойца из отдельной пулеметной роты Мурманского УР'а). Бой за Петсамо начался уже в сумерках и поэтому оба противника почти не видели друг друга, вели огонь бессистемно.

Взрывая мосты и узкие участки дороги, финны отошли к Лоустари. Гарнизону Петсамо под командованием капитана А. Пеннанена удалось даже эвакуировать с позиции на мысе Безымянный в Лиинахамари 5-ю отдельную артиллерийскую батарею, состоявшую из четырех 75-мм пушек¹⁷. К исходу этого же дня 95-й сп, отразив нападение лыжников, перерезал, хотя и с опозданием, шоссе Петсамо — Рованиеми, после чего закрепился на занятом рубеже.

Утром 2 декабря 95-й полк 14-й сд перешел в наступление на Лоустари. Но и финны поспешили с атакой. Оставив 11-ю роту на развилке дороги Улялуостари, капитан Пеннанен приказал 10-й роте (лейтенант М.Тиитол), при поддержке 5-й отдельной батареи контратаковать в направлении Паркина. Но финны слишком рано открыли огонь по советским частям. В результате боя противник был отброшен. 10-я рота финнов отошла на прежние позиции, а 5-я батарея была переброшена на перекресток дороги Улялуостари. Потери советских подразделений в этом бою составили 3 раненых красноармейца (финны полагали, что только убитых с советской стороны было около 40 человек)¹⁸.

Самый тяжелый бой развернулся 3 декабря, когда стрелковая рота 95-го сп, под командованием лейтенанта М.Н. Анохина, атаковала 11-ю отдельную роту финнов, занимавшую оборону севернее развилки дорог у Лоустари, и попыталась захватить 76-мм батарею. Первоначально красноармейцам сопутствовал успех — 5-я батарея была захвачена. Но удержать ее не удалось. Подоспевшая на помощь финнам, из р-на Наамаойви, 10-я отдельная рота стала отсекать роту Анохина, выходя на шоссе Петсамо — Рованиеми. Советское подразделение стало поспешно отступать, бросив при этом 8 станковых

и ручных пулеметов. Общий итог боя оказался для советских войск неутешительным: 34 бойца и командира были убиты, а 32 — ранены. Весь командный состав роты, включая самого лейтенанта М.Н. Анохина, погиб в этом бою¹⁹. Младший командир П.Ф. Поросенков и политрук роты В.Д. Капустин были посмертно представлены к званию Героев Советского Союза. Потери финских 10-й и 11-й отдельных рот, возглавляемых капитаном Пеннаненом, тоже оказались ощутимыми: 13 человек убитыми и 38 ранеными. При этом, финны были уверены, что общие потери советских подразделений, участвовавших в этом бою, составили не менее 200 человек убитыми и ранеными²⁰, что не соответствовало действительности.

После боя у Луостари, финны подожгли Улялуостари и отошли к Хаукилампи и Мааярви²¹. В районе озера Мааярви финские части заняли следующие позиции: 10-я рота разместилась на восточном берегу озера, а 11-я рота — в западной части. Капитан Пеннанен свел свои части в батальон, состоявший в дальнейшем из трех пехотных рот (3-й, 10-й и 11-й), 5-й отдельной артиллерийской батареи и 11-го разведывательного взвода.

4 декабря подразделения 95-го сп заняли г. Луостари, где был расположен финский аэродром и продолжали развивать наступление в направлении Ахмалаhti — Никель. В этот же день в Петсамо прибыли транспортные суда «Родина» и «Революционер» с частями 52-й сд, а также транспорт «Вятка» с подразделениями 88-й сд. В соответствии с директивой командования ЛВО, предусматривалось скорейшее сосредоточение в Петсамо нового армейского соединения, чтобы к 15 декабря с рубежа Ахмалаhti силами 52-й сд перейти в наступление на Салмиярви. После овладения указанным пунктом должно было начаться наступление «с целью овладеть районом Наутси»²². Этой же директивой, части 104-й горнострелковой дивизии получали новую задачу: «Приступить к оборонительным работам на подступах к Петсамо и к порту Лиинахамари»²³.

В течение 5 декабря части 14-й армии не имели боевых столкновений, зато в ночь с 5 на 6 декабря финский отряд, численностью до отделения, совершил налет на полевой караул 2-го батальона 95-го сп. В результате ночного боя, атака финнов была отражена. Но противник не оставил своих попыток, и в ночь с 6 на 7 декабря в р-не Луостари вновь приблизился к сторожевому охранению 95-го сп, хотя и вновь был отброшен. Начиная с 8 декабря, 14-й армия вновь перешла в наступление, продвинулась на 45 км южнее Петсамо, преодолевая при этом искусственные заграждения и минные поля. На следующий день, в районе Луостари небольшая группа финнов обстреляла винтовочным огнем полевой караул, после чего сразу же отошла в южном направлении. 11 декабря советским частям удалось уничтожить опорный пункт противника, расположенный в 50 км южнее Петсамо²⁴. Затем, 12 декабря в наступлении возникла небольшая пауза, связанная с переброской войск. В первый эшелон были выдвинуты 58-й и 112-й полки 52-й дивизии (205-й полк был отправлен из Мурманска в Петсамо только 18 декабря).

13 декабря 1939 г. Главный штаб сил обороны Финляндии переименовал часть войск СФГ (три отдельные роты — 3-я, 10-я и 11-я, 11-ый разведывательный взвод, отряд «щюцкор» и 5-я артиллерийская батарея) в отдельную группу «Лапландия» под командованием генерал-майора К.-М. Валленюса. Было решено усилить ее двумя пехотными батальонами и отрядом из местных жителей и рабочих никелевых разработок. Существенным подкреплением оказался отряд из местных жителей — охотников и рыбаков, отлично знавших местность и хорошо владевших оружием. Из них был сформирован батальон численностью до 400 человек²⁵.

13 декабря наступление советских частей возобновилось: оставив Улялуостари, они взяли Никель и вышли в район Хаукилампи, в 2 км восточнее от стыка дорог. 10-й финской роте пришлось оставить Хаукилампи, а 11-й роте — р-н Мааярви. Здесь были обнаружены заграждения с фугасами, были уничтожены 3 моста и все телеграфные столбы. 14 декабря советское наступление успешно продолжалось: после упорного боя противника отбросили в запад-

ном направлении. В конце дня советские части закрепились в 25 км западнее Луостари, на шоссе Петсамо — Рованиеми.

Финские войска не смогли сдержать наступление советских танков, вышедших во фланг и тыл финнов у деревни Салмиярви; в ночь с 14 на 15 декабря финны оставили это самое крупное селение в этом р-не и отошли на позиции в р-не озера Пороярви — р. Паатсйоки, которые были заняты 10-й отдельной ротой. За ней, как резерв, была поставлена 11-я рота. Данная линия обороны была не только плохо укреплена, но и неудачно расположена: один из флангов упирался в норвежскую границу²⁶.

15 декабря части 14-й армии продолжали успешно продвигаться вперед и взяли Салмиярви, расположенное в 36 км западнее Луостари. В ночь на 16 декабря 58-й полк 52-й сд перешел в наступление. В 17 км южнее Салмиярви, на шоссе, подразделения 58-го сп столкнулись с упорным сопротивлением финнов. В результате 2-х часового ближнего боя передовые позиции финнов оказались под угрозой окружения и они отступили. На следующий день, советские войска возобновили наступление на основной рубеж обороны финнов. И хотя атака одного из батальонов 58-го сп была отражена, другому батальону удалось окружить неприятельские позиции в районе озера Пороярви. В 16 часов 17 декабря противник, силами 10-й и 11-й отдельных рот, при поддержке 5-й отдельной артиллерийской батареи и станковых пулеметов, попытался контратаковать наступающие советские части, но после короткого боя был отброшен на юг²⁷.

У капитана Пеннанена больше не оставалось резервов, он был вынужден отдать приказ об отходе. Взвод финнов, находившийся у реки Паатсйоки, решив, что потерял связь с главными силами, перешел границу Норвегии, где и был интернирован.

Отойдя на оборонительные рубежи в районе сопки Каскаматунтури, финны заняли оборону. В штабе Лапландской группы рубеж обороны, созданный при помощи гражданского населения, считали хорошо укрепленным и рассчитывали здесь на длительную оборону. Но все же, сил у оборонявшихся финских войск было явно недостаточно. Узкую часть шоссе советские войска могли обойти и с восточной стороны. Советские передовые части создали угрозу окружения финнов на восточном фланге. Им пришлось оставить сопку, разрозненными группами отступить ночью сначала к озеру Хёухенярви, а затем 18 декабря к реке Корнеттийоки и к Хетеоя, оказавшись приблизительно в 20 км от сопки Каскаматунтури. Здесь батальон капитана Пеннанена занял оборону по реке Корнеттийоки при поддержке 5-ой отдельной батареи и приданного ей 3-го взвода противотанковой артиллерии; 11-я отдельная рота сосредоточилась в Хетеоя, а 10-я отдельная рота в Наутси.

Силы обороняющихся финнов были уже на пределе. Но и наступление Красной Армии приостанавливается. Большие расстояния затрудняли снабжение войск и требовали больших сил для охраны коммуникаций. За 18 суток боев частям и подразделениям РККА удалось продвинуться на 100—120 километров. Финны максимально старались использовать партизанскую тактику. В связи со снижением боевой активности противоборствующих сторон финны сумели подтянуть резервы.

18 декабря начались бои на подступах к поселку Питкаярви, который удалось взять на следующий день. После двухдневного отдыха, финны получили разведанные, что советские войска утром 20 декабря отошли от озера Хёухенярви. Двигающийся из Уялуостари на юго-запад 205-й полк 52-й сд вышел в район Кууроайви и занял позиции в 15 км от линии финской обороны. В районе реки Колосйоки — озера Салмиярви и порога Кувернёрикоски сосредоточились 58-й и 112-й сп 14-й армии. 21 декабря подразделения капитана Пеннанена захватили южную часть побережья озера Хёухенярви. Между финнами и советскими частями пролегла нейтральная полоса шириной приблизительно в 10 километров. Пеннанен решил начать активные боевые действия в тылу советских войск. 25 декабря две финские роты начали

наступление. Одновременно с этим, 3-я отдельная рота при поддержке артиллерии атаковала в направлении шоссе Петсамо — Рованиеми. Наступление развивалось довольно успешно и 26 декабря бой завязался уже в тылу советских частей. Опасаясь, что русские смогут окружить финнов, капитан Пеннанен вывел свои части из боя. По финским оценкам, за время часового боя русские потеряли до ста человек ²⁸.

3-я отдельная рота, наступавшая в направлении шоссе, нанесла поражение советской ремонтно-дорожной роте, но, столкнувшись с подразделениями 95-го сп 14-й сд, отступила на прежние позиции. 20 декабря части 14-й армии приступили к занятию оборонительного рубежа на Питкяярви — Тальянтукку. 21 декабря советские войска штурмом взяли высоту Безымянная в 17 км к югу от Питкяярви.

С момента занятия Питкяярви, наступление советских войск на Рованиемском направлении стало терять свой темп и постепенно выдыхаться, а оборона противника усиливалась. О тяжелых боях в р-не Питкяярви вспоминает младший командир Л.М. Девлиш (Цитируемые здесь и далее воспоминания — из архива автора): «К передовым позициям 2-я рота 31-го отдельного инженерно-саперного батальона подошла на рассвете 19 декабря. Командир батальона капитан Ленькин и комиссар Зарецкий поставили перед саперами боевую задачу, которая заключалась в том, чтобы разминировать дорогу для пропуска по ней стрелковых подразделений и техники. К исходному рубежу приближались среди догорающих повозок и убитых лошадей. Противник заметил наше движение и открыл огонь. Засвистели пули, начали рваться снаряды. Рота приняла влево и залегла у подножья сопки, где уже располагались наши бойцы, ведущие огонь из винтовок и станковых пулеметов по пос. Питяярви (на самом деле, Питкяярви — *Авт.*). Внезапно с левого фланга началась стрельба... Кто стреляет по нам, неизвестно. А огонь усиливается. Возникли предположения, что это стреляют наши. Но как усилить? Местность лесистая, пересеченная, в лощинах лежит глубокий снег, передвигаться тяжело. Начались крики, ругань, перебранка. Наконец, разобрались, что огонь ведет рота, направленная в тыл противника, но потерявшая ориентировку и принявшая нас за финнов. Стрельба прекратилась. По команде двинулись вперед. В поселке догорали дома, валялись гильзы от патронов и снарядов, противника не было. Миновав Питяярви, через несколько километров наткнулись на объятый пламенем двухэтажный деревянный дом. Остановились. Подтянулись другие подразделения. Прибыла полевая кухня, доставившая горячую пищу. Получили по целому котелку гречневой каши, но спокойно покушать не удалось. Раздался свист и разрыв снаряда, стоны раненых и ржание лошадей. Пришлось спешно окапываться в снегу.

20 декабря рота вновь пошла вперед. Сквозь темноту полярной ночи на горизонте медленно загорался небосвод, признак наступающего рассвета. На пути встретился разрушенный мост. Мы приступили к прокладке объездного пути. Вблизи дымился, догорая, подожженный противником дом, к которому группами направлялись бойцы, чтобы погреться. Внезапно, впереди, метрах в двухстах, было замечено какое-то движение. Это оказалась финская разведка около 15 человек. Мы открыли по ним огонь, но спусковые механизмы винтовок заделало и выстрелов не последовало. Было видно, что и финны пытались стрелять по нам, но также безрезультатно. Сказывалась весьма низкая температура, морозы стояли до —40°. Бой с противником не состоялся, финские солдаты скрылись из виду».

К концу декабря передовые части 52-й сд вышли в район Хеюхенярви, достигнув крайней отметки декабрьского наступления — 110 км к югу от Петсамо. На этом рубеже дальнейшее продвижение было приостановлено. Командование 14-й армии отдало приказ о переходе к обороне. Пауза в активных действиях была необходима, поскольку «большие расстояния затрудняли снабжение войск, требовали надежных коммуникаций» ³⁰. Война в Заполярье постепенно перешла в другую фазу. Части 14-й армии приступили к оборонительным работам и устройству солдатского быта.

Вспоминает красноармеец 8-го отдельного батальона связи Ф.Е. Сакович: «В декабре дошли, как мне запомнилось, до Салмиярви, Питкяярви и был дан приказ занять оборону. Наша рота разместились в каменном доме, принадлежавшем английской концессии никелевых разработок, где были выбиты все окна, изломаны двери и разбиты печки. Мы забиты окна фанерой, наладили двери, соорудили в небольшой комнате трехэтажные нары и, несмотря на сильный мороз, нам отопления не требовалось, только со стен комнаты текла ручьем вода. Стояли мы здесь долго, продвигаться вперед могли, но не было приказа, а почему, я не знаю».

Вспоминает воентехник 33-го скоростного бомбардировочного авиаполка В.С. Коряченко: «В Лоустари мы размещались в церкви, где были наскоро сооруженные нары, а в центре стояла бочка, топившаяся соляром. Угар, холод. Ногами ляжешь к печке — ногам тепло, голова замерзает, повернешься — голове тепло, ноги замерзают. Спали не раздеваясь. Все, что могло согреть, тащили на себя».

В конце декабря 1939 г., в связи с прекращением активных действий и стабилизацией линии фронта, финны перешли к активной диверсионной деятельности. Первоначально, тактика внезапных налетов, обстрелов и засад приносила неизменный успех финской стороне. В батальоне А.Пеннанена было сформировано 19 «партизанских» групп — от отделения до взвода, которые оперировали в тылу красноармейских частей. Время выполнения задания — до 2 недель. За это время группы успевали пройти на лыжах до 260 км. Особенно активно финны действовали на направлении Салмиярви — река Колосйоки — порог Кувернёрикоски — Улялуостари. В задачи диверсионных групп входило: выяснение направлений движения советских войск, нарушение транспортных коммуникаций, нападения на отдельные машины, обозы и штабы частей 14-й армии, а также атаки аэродромов Куотсярви и Улялуостари ³¹. 28 декабря 1939 г. в одну из устроенных финскими диверсантами засад попала ехавшая без пулеметной охраны машина штаба 14-й армии, в которой погибли начальник автобронетанкового управления армии полковник А.В. Ворсин (он получил несколько пулевых и ножевое ранение), воентехник 2 ранга З.Д. Левинзон и красноармеец шофер И.И. Загребельный ³².

Чтобы прекратить налеты финских отрядов на коммуникации советских армейских частей, Ставка Главного командования 22 декабря 1939 г. направила командующему 14-й армией комдиву В.А. Фролову директиву № 0625, в которой потребовала устроить на тыловых дорогах, через каждые 7—8 км, разьезды и площадки для обозов, автомобилей и войск, а также построить на дорогах, через каждые 3—6 км, легкие деревянные блокаузы, вооруженные 45 мм орудиями и пулеметами ³³. Прикрытие главной фронтовой коммуникации 14-й армии — Рованиемского шоссе пулеметными блокаузами и патрулирование его танкетками и бронемашинами сильно затруднило финнам нанесение внезапных ударов по автоколоннам и воинским частям. В результате значительно сократились потери личного состава. С 1 января по 15 февраля 1940 г. безвозвратные потери 14-й армии составили 46 бойцов и командиров, причем 11 из них погибли при несчастных случаях, а 3 военнослужащих умерли от болезней ³⁴.

На 1 января 1940 г. войска 14-й армии располагались в следующих районах вдоль Рованиемского шоссе: на участке Хеюхенярви — Салмиярви дислоцировалась 52-я сд и части усиления; на участке Салмиярви — Лоустари стоял 95-й сп и на бывшем финском аэродроме базировались части авиагруппы 14-й армии; в р-не Петсамо оборону занимал 242-й гсп 104-й дивизии, штаб 14-й армии (пос. Парккина), части усиления и тыловые подразделения; на полуостровах Рыбачий и Средний находились 217-й гсп 104-й дивизии, батареи 104-го пушечного артполка, 290-го гаубичного артполка и подразделения Мурманского пограничного отряда.

Кроме того, в начале января 1940 г. в Заполярье появились части так называемой Финской народной армии. Первоначально, финские части использовались исключительно для гарнизонной службы в Петсамо и не при-

влекались к боевой деятельности. 9 января 1940 г. начальник Генерального штаба РККА Б.М. Шапошников специально распорядился держать 1-й полк Финской народной армии в Петсамо и «на границу не выставлять». 27 января генштаб вновь подтвердил приказ держать финские части в Петсамо и ни в коем случае не использовать 1-й полк для занятия блокгаузов на тыловых коммуникациях 14-й армии. Однако, в январе 1940 г. в р-не Петсамо была сформирована 4-я пограничная дивизия Финской народной армии в составе трех погранполков³⁵. Пограничная дивизия была расположена на норвежской границе, специально для несения там охранной службы.

О буднях сторожевой службы на норвежской границе вспоминает старшина 4-й дивизии Финской народной армии М.И. Трифонов: «Войска Красной Армии заняли порт и город Петсамо, а наши части шли во втором эшелоне. В Петсамо мы пробыли несколько дней и затем нас направили накрытие границы со стороны Норвегии на случай высадки англо-французских войск. Тут мы лиха и хватили! Жилья нет никакого, леса нет, кругом только тундра, снег и мороз».

Период относительного затишья на фронте позволил командованию 14-й армии принять меры по совершенствованию обороны. В частности, в январе 1940 г. началось усиление наземных средств ПВО. На защиту Петсамо, Парккина, аэродрома Луостари и других пунктов были направлены 107-я отдельная зенитная батарея и 27 зенитных пулеметных установок М-4. В районах норвежской границы, Салмиярви, 44-м км Рованиемского шоссе и прочих местах появилось 11 постов воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). Серьезное внимание было обращено на соблюдение мер светомаскировки в местах дислокации войск. «Рядом ночных полетов нашей авиации установлена резкая разница в светомаскировке между территорией, занятой противником и районом расположения 52 сд. Ночью весь район южнее расположения 205 сп не имеет ни одного огонька, костры потушены, окна в зданиях плотно закрыты и совершенно не пропускают свет. Совершенно иначе с этим в 52 сд: горящие костры, яркий свет из окон зданий, расположенных вокруг штаба, движение около него машин с зажженными фарами — все это полностью демаскирует как расположение полков, так и штаба дивизии», — отмечалось в приказе № 0153 по 14-й армии. Этим же приказом, командиру 52-й дивизии комбригу Н.Н. Никитину предлагалось принять «энергичные меры к соблюдению всех правил светомаскировки». А политотделу 14-й армии пришлось вести разъяснительную работу по преодолению нездорового мнения, существовавшего среди отдельных командиров частей, расположенных в никелевых разработках, что этот район западные союзники Финляндии не позволят бомбить финской авиации, поскольку «разработки принадлежат Англии»³⁶.

Подразделения 242-го гсп 104-й дивизии под руководством военного коменданта г. Петсамо майора В.Л. Хотунцева занимались восстановлением разрушенного городского хозяйства, разборкой завалов и разминированием финских «сюрпризов», установленных в дымоходах домов. Военнослужащие 14-й армии оказывали всестороннюю помощь местному населению, которого в р-не Петсамо насчитывалось около 100 человек: обеспечили финских оленеводов продуктами, помогли собрать разбежавшихся по тундре оленей, устроили в селениях со странными названиями Москва (вероятно, Моска) и Пышка елки для саамских детей, а для взрослых привезли киноустановку³⁷.

Вспоминает красноармеец 12-го отдельного стрелкового батальона Н.М. Кокшаров: «Когда мы засиделись в Петсамо, то на политинформациях бойцы и командиры задавали вопросы: «Почему мы здесь так долго сидим и не ведем наступление вглубь Финляндии?». Нам отвечали, что в Петсамо мы сделали паузу и ждем, когда на Кандалакшском направлении войска Красной Армии выйдут к Ботническому заливу и перережут Финляндию пополам. Вот тогда мы в Лапландии будем добивать финнов и продвигаться на соединение с войсками Кандалакшского направления».

В конце февраля 1940 г. боевые действия с советской стороны вновь

приобрели активный характер. В ночь с 23 на 24 февраля лыжный отряд штаба 14-й армии (180 бойцов-добровольцев), под командованием капитана В.С. Знаменского начал продвижение на Хетеоя. Красноармейцы подошли на 300 метров к финским позициям, но были остановлены артиллерийским огнем 5-й отдельной батареи. После двухчасового боя рота начала отступать. Но финны успели перерезать русским пути отхода в верхнем течении реки Корнеттйоки. Отряду лыжников удалось пробиться через линию финнов и вечером 24 февраля укрепиться на позициях в районе Пууроваара³⁸, на высоте Безымянной, в 10 км северо-восточнее Наутси. Почти четверо суток бойцы отряда Знаменского оборонялись от превосходящих сил финнов. Из состава отряда смогли прорваться через кольцо окружения только 5 человек, которые сообщили, что отряд капитана Знаменского окружен и уже отбил до 4-х атак противника. 26 февраля 205-й сп 52-й дивизии, содействуя выходу отряда Знаменского³⁹ из котла, начал боевую операцию. Завязались напряженные бои на реке Корнеттйоки. Первоначально, натолкнувшись на укрепленную полосу финнов, состоявшую из 24 древесно-земляных огневых точек, наступление полка приостановилось. Утреннюю и дневную атаки советских частей 26 февраля финнам удалось отбить, но с наступлением темноты советским подразделениям удалось обойти северный фланг 3-й отдельной роты финнов и выйти им в тыл. Контратаки оборонявшихся не увенчались успехом и они получили приказ отойти на позиции в районе Турунен.

27 февраля после 1,5-часовой артиллерийской подготовки и получасовой бомбардировки 64 самолетами, финская оборонительная полоса была взята. Авиаудары были нанесены по позициям 10-й отдельной роты финнов в южной части Хетеоя. Затем последовала атака 205-го полка. 3-я и 10-я роты отошли через позиции находившейся в Наутси 11-й роты в Кохисева и в восточную часть развилки дороги на Янисхаара. 11-я отдельная рота занимала оборону на западном берегу реки Наутсийоки. Батальон красноармейцев вышел на них в ночь на 27 февраля. Лыжная рота, зайдя в тыл к финнам, вынудила их отступить к Кохисева. За один день красноармейцам удалось продвинуться приблизительно на 30 километров. Затем наступление приостановилось и советские части вновь отошли в Хетеоя⁴⁰. В итоге, отряд советских лыжников соединился со своими частями. Часть финских подразделений оказалась прижатой к границе и была вынуждена уйти в Норвегию, причем, по словам командующего 14-й армией В.А. Фролова, «норвежцы оказывали им в этом всякое содействие». За время проведения этой операции, 205-й сп потерял убитыми 18 бойцов и командиров. 7 марта 205-й сп, при поддержке 411-го отдельного танкового батальона, начал атаку на позиции 11-й отдельной роты финнов. После короткого боя, красноармейцы овладели поселком Наутси, выйдя на 153-км отметку Рованиемского шоссе. Потери частей 205-го полка при штурме составили 2 убитых младших командира⁴¹. В результате этой операции, финны были вынуждены отойти в Кохисева. Захватив Наутси, части 14-й армии перешли к обороне. Взятие Наутси было последним значительным успехом частей 14-й армии в ходе войны в Заполярье.

13 марта 1940 г. боевые действия на Крайнем Севере были прекращены. Вспоминает красноармеец 95-го полка 104-й гсд А.И. Бабарушкин: «Особенно радостным было сообщение о заключении мира с Финляндией. Такую новость бойцы встретили с большим воодушевлением: война окончена, скоро вернемся домой! Но до дома было еще далеко. На митинге в 11 часов дня командование еще раз сообщило о перемирии и поставило перед батальоном задачу: заниматься боевой подготовкой. Личный состав начали усиленно обучать ходьбе на лыжах по гористой местности. С охраной же аэродрома Лоустари стало поспокойнее. Вскоре у нас в расположении, по договоренности с командованием, появилась группа финнов из пяти человек. Они нам показали свой класс ходьбы на лыжах. Финны спускались с гор шутя, на полном ходу делали повороты и не падали. Мы очень восхищались финским мастерством».

9 апреля 1940 г., в 12 ч. 40 мин., полковник Л.С. Сквирский и военный инженер 3 ранга М.М. Федоров подписали с уполномоченными финской стороны акт о передаче Финляндии г. Петсамо и порта Лиинахамари. В городе было «восстановлено: телефонно-телеграфная станция, две электростанции, электросети, водопровод, паровое отопление ряда домов, а в порту — причалы»⁴². 10 апреля финские части вошли в Лиинахамари.

В полдень 12 апреля район Петсамо покинули последние части Красной Армии: 242-й гсп и дивизион 290-го арtpолка 104-й дивизии. Вечером, на подходе к советской границе, отходящие части внезапно накрыла снежная буря. «Нависли черные тучи, подул сильный ветер, несший снежную мокрую пыль. Эта пыль забивала нос, глаза, уши. Скорость ветра быстро росла и вскоре достигла ураганной силы. Снежная пыль была такой плотной, что буквально в трех-пяти метрах человека не было видно ... Ветер сшибал людей с ног. Лошади быстро покрывались ледяной коркой и ложились. Красноармейцы укрывали их плащ-палатками и сами укладывались подле, спасая животных и самих себя. Температура резко снизилась. Некоторых военнотружущих охватила паника», — вспоминал командир 104-й гсд В.И. Щербаков. Ночью 13 апреля буря утихла. Выяснилось, что несколько десятков бойцов 242-го полка осталось под снегом, где-то в тундре. Командование дивизии приняло меры по их спасению, но один боец замерз насмерть, а десять красноармейцев сильно обморозились. Остальные пострадавшие, «получив соответствующую медицинскую помощь на месте и суточный отдых, вошли в строй и через два дня в составе своих подразделений дошли до Кольского залива у Мурманска»⁴³.

Потери 14-й армии были незначительны: 183 человека убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести (финские источники дают неправдоподобную цифру в 900 человек убитыми и пропавшими без вести), а также 402 человека ранеными, контуженными и обмороженными⁴⁴. Низкий процент людских потерь по 14-й армии — 0,3 % от среднемесячной численности армии — свидетельствует о грамотном руководстве боевыми действиями на этом участке фронта.

Уточненные архивные данные по 14-й армии дают несколько большую цифру безвозвратных потерь — 197 командиров и бойцов убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести. Потери финнов в р-не Петсамо — Наутси (батальон А. Пеннанена) оказались значительно ниже советских — 33 человека убиты, 69 пропавших без вести и 87 раненых⁴⁵.

И, тем не менее, необходимо признать, что соотношение безвозвратных потерь в р-не Петсамо — Наутси (2:1 в пользу финнов) является наименьшим для всего советско-финляндского фронта (на остальных участках оно достигало 5:1 и даже 6:1 в пользу финнов).

Оценивая боевую деятельность советской группировки в Заполярье зимой 1939—1940 гг., можно с полным основанием заключить, что 14-й армия успешно справилась со своими боевыми задачами и понесла небольшие людские и материальные потери. Во-первых, армейскими частями практически без потерь были сразу же захвачены полуострова Средний и Рыбачий, а также район Петсамо. И, во-вторых, сухопутные войска на протяжении всей войны обеспечили безопасность как своего собственного побережья, так и захваченного ими финского района. «Сверх плана» армия продвинулась на значительное расстояние вглубь Финляндии, достигнув норвежской границы и, тем самым, лишив финнов сухопутных коммуникаций с Норвегией. Кстати, 14-я армия продвинулась на самую максимальную, для советских войск, оперативную глубину — 153 км от линии фронта.

Соотношение сил на этом участке фронта отличалось подавляющим превосходством с советской стороны. По сути дела, против армии (точнее, армейской группы), состоявшей к началу войны их двух дивизий, не считая отдельных частей, действовал всего-навсего один батальон противника, состоявший из трех рот, отдельного взвода и артиллерийской батареи.

Но успехи 14-й армии нельзя объяснять одним лишь только численным

превосходством. Большую роль сыграло квалифицированное руководство боевыми действиями. На протяжении всей войны в 14-й армии ни разу не поменялся командующий: им бесценно оставался комдив В.А. Фролов (во всех же остальных армиях — 7-й, 13-й, 8-й, 15-й и 9-й, как минимум, хоть единожды происходила смена командующих). Фролов вплоть до начала Великой Отечественной войны оставался командующим 14-й армией, а затем был заместителем командующего Карельским фронтом и, наконец, командующим Карельским фронтом.

К ноябрю 1939 г. пограничные войска Мурманского пограничного округа, под командованием комбрига К.Р. Синилова, были приведены в повышенную боеготовность. Штабом округа был разработан и согласован со штабом 14-й армии план боевых действий погранвойск. В соответствии с ним, частям Озерковского, Рестикентского и Куолюярвинского погранотрядов ставились задачи: осуществить совместные действия с армейскими подразделениями по овладению полуостровами Рыбачий и Средний, по уничтожению вражеских погранкордонов и пикетов, прикрытию флангов и тылов 14-й армии и государственной границы на участке округа, а также обороне побережья Кольского полуострова во взаимодействии с армией и Северным флотом. Координация действий пограничников с опергруппой 14-й армии возлагалась на начальника штаба пограничных войск Мурманского округа майора А.Л. Прусского.

В течение 29 ноября 1939 г. в погранотрядах были сформированы боевые группы численностью 20—50 человек. К 24.00 группы выдвинулись на исходные рубежи. В этот же день, согласно устному распоряжению начальника пограничных войск СССР комдива Г.Г. Соколова, на заставе Титовка приступили к формированию погранроты для совместных действий со стрелковыми частями 104-й дивизии на Петсамском направлении. Рота комплектовалась за счет личного состава отдаленных застав и подразделений мурманского гарнизона. Последнее обстоятельство привело к тому, что рота была сформирована «на 8 часов позже выступления стрелковой дивизии на Петсамо». В 8 часов утра 30 ноября пограничники 15, 16, 17 и 18-й застав Озерковского погранотряда в боевых порядках 217-го полка 104-й гсд перешли границу в районе полуостровов Рыбачий и Средний. Наступление было поддержано огнем 2-го дивизиона 290-го артполка и эсминца «Урицкий». Пограничники решительно атаковали финские селения Вайтолахти, Керванто, Пумманки и погранкордон «Казарма Нивары». Незначительные силы противника, после короткой перестрелки, поспешно отступили к побережью и на плавсредствах ушли в море. Наступающие без потерь заняли населенные пункты и кордон, где немедленно был «произведен учет местного населения и организованы поиски не успевших бежать солдат». Этим же утром на участке 8-й заставы Рестикентского погранотряда прекратил функционировать финский пограничный пикет западнее озера Ловно. Оперативная группа заставы в составе 14 человек углубилась на финскую территорию и внезапно атаковала противника. В ходе боя было убито 7 неприятельских солдат, а группа потеряла одного бойца. Вечером 30 ноября на заставе Титовка закончилось формирование пограничной роты. Части 104-й гсд, наступавшие на Петсамо, к этому моменту далеко продвинулись от госграницы, достигнув рубежа высот 367 и 285, и продолжали развивать успех, не встречая сопротивления финнов. В 18 часов рота под командованием майора Прусского выступила по маршруту: Титовка, оз. Титовское и далее на Петсамо, следом за отступавшими войсками. Форсированным маршем пограничники преодолели расстояние в 55 км и на рассвете 1 декабря вышли в районе оз. Сантьярви на линию передовых частей 95-го сп 14-й дивизии. В 10.00 погранрота получила приказ, «действуя на левом фланге наступающих подразделений, обойти Петсамо с юго-востока и юга, перерезать дорогу, идущую на юг от Петсамо, и не допустить отхода противника из города»⁴⁶.

Однако, выполнить поставленную задачу в полном объеме не удалось, поскольку только в полдень рота вышла на правый берег р. Петсамойоки, у

юго-восточной окраины горящего города. К этому времени, финские части отходили в южном направлении по шоссе Петсамо — Ахмалахти. Под прикрытием ручных пулеметов, пограничники переправились через реку и без потерь вступили в Петсамо. В дальнейшем, погранрота перешла в оперативное подчинение штаба 14-й армии и выполняла различные боевые задачи по охране города, складов и электростанции.

К 3 декабря пограничные подразделения, принимавшие участие в боевых действиях, возвратились к местам своей постоянной дислокации и приступили к охране армейских коммуникаций, тылов и границы на Кольском полуострове. Основные силы войск Мурманского погранокруга сосредоточились на направлениях Полярное, Мурманск и Кандалакша. На полуостровах Рыбачий и Средний была организована охрана западного побережья на случай высадки десантов противника.

Труднопроходимая местность, сложные природные условия и значительная удаленность застав на линии границы способствовали активизации финских диверсионных групп в армейских тылах и приграничной полосе. 14 января 1940 г. личный состав 6-й заставы «Погост Сангалский» в течение нескольких часов отражал группу вражеских диверсантов. Потери пограничников составили 6 человек убитыми, противник потерял 8 человек.

17 января 1940 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об охране государственной границы на участках Карельского и Мурманского погранокругов», направленное на усиление охраны границы и предотвращение «прорывов белофинских банд в пограничной полосе ... округов и для ликвидации белофинских банд, находящихся в промежутках между оперативными направлениями действующих частей РККА»⁴⁷. В соответствии с постановлением НКВД СССР, с 17 января поручалось приступить к формированию, из числа рядового и младшего начсостава пограничных и внутренних войск НКВД Белорусского и Украинского округов десяти отдельных стрелковых батальонов общей численностью 7 тысяч человек. Формирование надлежало закончить к 10 февраля 1940 года. По заявкам НКВД предполагалось выделить необходимое вооружение, зимнее обмундирование и продовольствие. Наркомату путей сообщения предписывалось организовать оперативную переброску батальонов по железной дороге. Кроме того, в январе 1940 г., для повышения огневой мощи линейных застав, было сформировано 111 взводов станковых пулеметов общей численностью 2986 человек⁴⁸. В этом же месяце взводы были направлены в пограничные отряды Карельского и Мурманского округов и распределены по заставам.

Во время участия частей и подразделений Мурманского пограничного округа в войне в Заполярье, наряду со стойкостью, упорством и отвагой личного состава, выявились и существенные недостатки, отрицательно сказавшиеся на общем ходе и результатах боевых операций: нерешительность командиров при преследовании финских подразделений, слабая отработка способов действий пограничных подразделений по окружению групп противника, неудовлетворительная маскировка личного состава на поле боя (недооценка значения маскхалатов), отсутствие надежных технических средств связи (в специфических горно-каменистых условиях Заполярья рации часто выходили из строя)⁴⁹.

В ходе боевых действий, потери округа составили 21 человек, из них убитыми — 10 и ранеными — 11. За успешное выполнение боевых задач 70 бойцов и командиров было представлено к наградам. Потери противника, согласно официальным данным, составили 43 человека: из них убитыми — 20, ранеными — 19, пленными — 4. В ходе боев, было уничтожено 5 финских погранкордонов, 3 пикета и захвачены следующие трофеи: автоматов «Суоми» — 1, винтовок — 16, пистолетов «Браунинг» — 7, пистолетов «Маузер» — 1, малокалиберных винтовок — 7, охотничьих ружей — 27, патронов боевых — 2004 штуки, компасов — 1, фотоаппаратов — 1, часов — 4, противогазов — 1, лыж — 57 пар, велосипедов — 17, мотоциклов — 2, повозок — 10, парусных ботов — 2, морских ботов — 4, моторных катеров — 1, мотошлюпок — 1⁵⁰.

В обязанности военной комендатуры г. Мурманска входило поддержание в прифронтовом городе общественного порядка, пресечение нарушений светомаскировки, размещение и обеспечение довольствием маршевых частей и подразделений, прибывающих на мурманское направление.

С 1 января 1940 г. коменданту Мурманска интенданту 2 ранга Баркину, в соответствии с приказом № 109 командующего 14-й армией, было предписано принять необходимые меры по организации похорон убитых и умерших бойцов и командиров Действующей армии, поступавших в город с фронта.

В отличие от других участков советско-финляндского фронта, тела убитых и умерших на мурманском направлении военнослужащих отправлялись в тыл. В зоне боевых действий этим занимались санитары дивизионных медсанбатов и госпиталей.

22 апреля 1940 г. комендантская группа захоронения прекратила свою деятельность. За период работы, группой было погребено 197 бойцов и командиров Красной Армии. На мурманском городском кладбище появился воинский участок захоронений, состоявший из 8 общих могил и 1 одиночного захоронения Героя Советского Союза политрука В.Д. Капустина, обнесенный деревянной оградой. На одной из могил из кирпича, покрашенного белой краской, была выложена надпись — «Слава героям, погибшим в боях с белофиннами»⁵¹.

Примечания

1. КИЛИН Ю.М. Карелия в политике советского государства 1920—1941. Петрозаводск. 1999, с. 166.
2. Тайны и уроки зимней войны 1939—1940. По документам рассекреченных архивов. СПб. 2000, с. 37.
3. Тайны и уроки зимней войны 1939—1940, с. 41—42, 57, 61.
4. БАРЫШНИКОВ В.Н. От прохладного мира к зимней войне: внешняя политика Финляндии в 1930-е годы. СПб. 1997, с. 262; МЕЛЬТЮХОВ М.И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу 1939—1941. М. 2000, с. 149. Тайны и уроки зимней войны 1939—1940, с. 75.
5. 273-й гсп 104-й гсд дислоцировался в Кандалакше. В ноябре 1939 г. полк (до штата военного времени в нем не хватало 700 бойцов) вошел в состав 122-й сд 9-й армии.
6. Talvisodan historia. Os. 3. Helsinki-Porvoo-Juvaskyla, 1978, s. 338.
7. КИЛИН Ю.М. Ук. соч., с. 169, 170.
8. МЕРЕЦКОВ К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М. 1969, с. 177—178.
9. Зимняя война 1939—1940. Кн. 1. Политическая история. М. 1998, с. 146.
10. Тайны и уроки зимней войны 1939—1940, с. 53-61.
11. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. Р-970, оп. 2, д. 119, л. 7.
12. Ратоборец (военно-исторический выпуск газеты ЛВО «На страже Родины»), 1996, № 1, январь.
13. БАРЫШНИКОВ В. Н. Ук. соч., с. 265.
14. Тайны и уроки зимней войны 1939—1940, с. 57.
15. БАРЫШНИКОВ В. Н. Ук. соч., с. 287.
16. РГА ВМФ, ф. Р-971, оп. 2, д. 50, л. 47; ф. Р-1926, оп. 1, д. 5, л. 2, 4; ф. Р-92, оп. 2, д. 521, л. 5.
17. Talvisodan historia. Os. 3. S. 338. Talvisota: Kronikka. Helsinki-Juvaskyla, 1992, s. 24.
18. РГА ВМФ, ф. Р-1529, оп 1, д. 73, л. 46. Talvisodan historia. Os. 3, s. 340.
19. РГА ВМФ, ф. Р-1783, оп 1, д. 3, л. 48—50; СОКОЛОВ Б.В. Тайны финской войны. М. 2000, с. 77. Утверждение, которое содержится в этой книге, что после боя 3 декабря командир роты был отдан под суд и расстрелян, не соответствует действительности.
20. Talvisodan historia. Os. 3, s. 340. Talvisota: Kronikka, s. 24.
21. Talvisodan historia. Os. 3, s. 340.
22. Опыт воинских перевозок в бассейнах Баренцева и Белого морей в советско-финляндскую войну 1939—1940 гг. М.-Л. 1943, с. 13.
23. ЩЕРБАКОВ В.И. На приморских флангах (Воспоминания командарма). СПб. 1996, с. 31.
24. РГА ВМФ, ф. Р-1529, оп. 1, д. 73, л. 55-57, 60, 63, 65.
25. CZAMOTTA Z., MOSZUMANSKI Z. Wojna zimowa. Warszawa. 1994, s. 27.

26. Talvisodan historia. Os. 3, s. 340, 341.
27. РГА ВМФ, ф. Р-1529, оп. 1, д. 73, л. 68, 70, 72—73, 75.
28. Talvisodan historia. Os. 3, s. 341—342 (очень сильное преувеличение: на самом деле, безвозвратные потери советских частей за 25—26 декабря составили 10 человек из 112-го сп и 217-го гсп); РГА ВМФ, ф. Р-1783, оп. 1, д. 3, л. 48-53.
29. РГА ВМФ, ф. Р-1529, оп. 1, д. 73, л. 80, 82, 84.
30. Зимняя война 1939—1940. Кн. 1, с. 166.
31. Talvisodan historia. Os. 3, s. 342.
32. РГА ВМФ, ф. Р-1783, оп. 1, д. 3, л. 48-51; Зимняя война 1939—1940. Кн. 2, с. 100.
33. Тайны и уроки зимней войны 1939—1940, с. 208.
34. РГА ВМФ, ф. Р-1783, оп. 1, д. 3, л. 48-53.
35. Тайны и уроки зимней войны 1939—1940, с. 142-143, 144.
36. РГА ВМФ, ф. Р-1926, оп. 1, д. 3, л. 13, 4.
37. КИСЕЛЕВ А. Та «незнаменитая» зимняя война. — Полярная правда, 26, 28.XI.1989.
38. Talvisodan historia. Os. 3, s. 342.
39. 7 мая 1940 г. командиру отряда капитану В.С. Знаменскому было присвоено звание Героя Советского Союза.
40. Talvisodan historia. Os. 3, s. 342.
41. Зимняя война 1939—1940. Кн. 2, с. 99; Talvisodan historia. Os. 3, s. 342—343; РГА ВМФ, ф. Р-1783, оп. 1, д. 3, л. 52, 48—53.
42. Правда, 13.IV.1940.
43. ЩЕРБАКОВ В.И. Ук. соч., с. 32, 33.
44. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М. 1993, с. 116—117.
45. Подсчитано по: РГА ВМФ, ф. Р-1783, оп. 1, д. 3, л. 48-53; Talvisodan historia. Os. 3, s. 344.
46. Пограничные войска СССР 1939—июнь 1941. М. 1970, с. 84.
47. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М. 1995, с. 145.
48. ЧУГУНОВ А.И. Граница накануне войны. М. 1985, с. 33.
49. СЕЧКИН Г.П. Граница и война: пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941—1945. М. 1993, с. 81—82. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.1. Накануне. Кн. 2. М. 1995, с. 18.
50. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 2, с. 15.
51. РГА ВМФ, ф. Р-1783, оп. 1, д. 1, л. 79.

Грузия и Британия: двусторонние отношения

А. Кикнадзе

В первой половине XIX века интерес Британии к Грузии и к Кавказу значительно возрос. Архивные документы свидетельствуют, что в то время политической элитой Великобритании всерьез рассматривался вопрос превращения Грузии в британский протекторат. Очевидно, что в Великобритании очень высоко оценивали геополитическую ценность Грузии. Важнейшими политическими параметрами, делающими Грузию столь важной в стратегическом отношении, были ее близость к Босфору, Персии и Палестине как к ключевым точкам британских интересов в Индии, и ее буферное расположение между Османской империей и Россией. Поэтому неудивительно, что еще в 1843 г. в Батуми работал британский консул Гуаррачино. По архивным материалам видно, что Кавказ и, в частности, Грузия не только были объектами постоянного внимания и наблюдений, но и становились, начиная с 30-х годов XIX века, объектами систематического изучения и непрерывного анализа, что само по себе говорит об их важности в британских политических и военных планах. Это значило, что британские дипломаты должны были уделять Грузии все большее внимание.

В 30-е годы XIX века англичане вели в Грузии обширную всестороннюю аналитическую работу, охватывающую не только военные вопросы, как например, где и как установлены крепостные орудия, но и тщательный анализ военно-экономических вопросов. налаженная система контактов, множество агентов позволяли британскому консулу получать и анализировать огромный объем политической и военной информации из Закавказья. Он сообщал, что делалось на военных базах в Батуми, Потн, Озургети и Ахалцихе, сколько всего было на тот момент войск в Грузии и где были размещены основные силы (50 тыс. дислоцировалось к югу и западу от Тифлиса). Важным аспектом политического анализа была экономика и инфраструктура региона. Британцы внимательно следили за строительством железной дороги через Сурамский перевал. На железной дороге работал англичанин, который, судя по всему, и был главным источником информации о железнодорожных и других проектах.

Одной из главных идей, которую англичане постоянно пропагандировали, была идея «грузинского транзита», то есть превращение Грузии в крупнейший перевалочный пункт для торговли между Англией и Персией. Эта идея материализовалась уже с середины 1860-х годов. Почти все товары из

Персии, исчисляемые десятками тысяч тонн, шли через черноморские порты, главным образом в Западной Грузии. Огромную роль здесь играл порт Потти, где были созданы весьма современные по тем временам портовые мастерские.

Усиление России на ее южных рубежах, особенно в Закавказье, тревожило англичан задолго до начала Крымской войны. При этом, внимательно следя за экспансией России, некоторые британские политики уже с начала 30-х годов XIX века убеждали своих союзников в том, что Грузия и черноморский бассейн играют важную роль как кратчайший европейский путь в Персию и далее в Афганистан и Индию.

От превращения Грузии в британский протекторат Великобритания надеялась получить огромные экономические выгоды. Кроме расширения торговых связей с Персией через Грузию были бы созданы новые коммуникационные зоны, открыты новые рынки для британских товаров. Англичане, видимо, искренне верили в то, что Грузия под британским протекторатом быстро станет центром международной торговли, а ее государственная система будет примером для соседей.

Тяжелые потери, понесенные англичанами в ходе Крымской войны, проблемы в самой Западной Европе сняли с повестки дня вопрос о вторжении в Грузию. Усиление военного присутствия России в Закавказье, в частности, в Грузии поставило последнюю точку в многолетних событиях в этом регионе и привело к переносу центра противостояния между великими государствами в другие регионы.

В XX веке контакты двух стран, Грузии и Британии, поднялись на новый уровень. Так временное правительство независимой Грузии и правительство Великобритании в 1921—1924 годах успешно сотрудничали во многих областях общественно-политической жизни.

В последние годы, после распада Советского Союза, интересы Британии в отношении Грузии и Кавказа получили новый импульс и стали более активными. Углубление политического и экономического сотрудничества с Великобританией для Грузии представляет большое значение. Официальной датой начала этих взаимоотношений на современном этапе можно считать 7 апреля 1992 года, когда в период правления консервативного Правительства Дж.Мейджора Великобритания и независимая Грузия установили дипломатические отношения. В последующем взаимоотношения двух стран развивались динамично и успешно. В феврале 1995 года, во время первого официального визита Президента Грузии Э.Шеварднадзе в Великобританию, в Лондоне была подписана совместная декларация о дружбе и сотрудничестве. Результаты достигнутых соглашений послужили основанием открытия в мае 1995 г. посольства Грузии в Лондоне и в октябре того же года посольства Великобритании в Тбилиси. Первыми послами соответственно были назначены Т.Мамацашвили в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, и С.Нэш в Грузии.

Грузия и Великобритания успешно осуществляют сотрудничество на всех уровнях. Созданная двумя странами договорно-правовая база бесспорно способствует развитию регулярных контактов на высоком уровне. Свидетельством тому можно считать установление парламентских отношений между Грузией и Великобританией. В 1997 г. Председатель парламента Грузии З.Жвания посетил Великобританию и имел встречи со спикером палаты общин и с другими высокопоставленными официальными лицами Великобритании. Данный визит был первым в истории межпарламентских отношений двух государств.

Тесные контакты поддерживаются и на уровне внешнеполитических ведомств двух стран. На регулярной основе проводятся встречи министров. В ноябре 1997 г. состоялся официальный визит в Великобританию министра иностранных дел Грузии И.Менагаришвили, а в феврале 1999 г. Грузию посетил Государственный Секретарь Великобритании по иностранным делам и делам Содружества Р.Кук. Нормой взаимоотношений стали грузино-британ-

ские межмидовские консультации по широкому кругу международных, региональных и двусторонних проблем.

Важной вехой в развитии отношений Грузии и Великобритании стал визит в Великобританию в 2000 г. Президента Грузии Э.Шеварднадзе. Визит сыграл значительную роль не только в углублении двусторонних отношений, но и в деле сближения Грузии с европейскими и евроатлантическими структурами. Визит Президента Грузии еще раз подтвердил поддержку и готовность лейбористского Правительства Т.Блэра содействовать Грузии в решении имеющихся проблем. Особую значимость имел визит в связи с приемом Э.Шеварднадзе Ее величеством королевой Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Елизаветой II и его награждение орденом Святого Михаила и Святого Георгия.

27 февраля — 2 марта 2001 г. состоялся очередной визит парламентской делегации Грузии в Великобританию во главе с З.Жвания. Визит имел особое значение для дальнейшего развития отношений между парламентами Грузии и Великобританией. Одновременно состоялись деловые встречи З.Жвания с политическим руководством Великобритании. Это имело большое значение с учетом того, что в то время в Британии на предстоящих парламентских выборах предполагалась повторная победа «новых лейбористов». Как показали дальнейшие события, прогнозы оправдались и лейбористская партия на состоявшихся 7 июня 2001 г. парламентских выборах одержала убедительную победу.

Постоянные консультации и регулярные встречи представителей двух стран имеют большое значение. Они направлены на углубление двусторонних взаимовыгодных отношений. На встречах разного уровня систематически происходит обмен мнениями и консультации по международным вопросам и в частности по текущим конфликтам на Кавказе. Британия разделяет позицию Грузии в том, что эскалация военного противостояния в Чечне и ситуация в Абхазии создали Грузии тяжелые проблемы политического и экономического характера.

За последние годы успешно продвигается сотрудничество в военной области. С помощью британцев осуществляются совместные проекты и разработки для урегулирования проблем национальной безопасности Грузии. Систематический характер приняты согласование позиций в ряде вопросов международной безопасности, рассматривались вопросы сотрудничества в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» и Совета Евроатлантического партнерства. Совместно разработан план ежегодного военного сотрудничества, согласно которому осуществлялось участие представителей Грузии в программах многостороннего военного сотрудничества, в том числе в мероприятиях, проводимых в Великобритании. Помимо консультаций по оборонным вопросам Великобритания интенсивно помогает в осуществлении военной реформы в Грузии. Еще одним важным элементом программы являются встречи между представителями командования ВС двух стран. Так в прошлом году состоялись визиты в Грузию начальника генерального штаба Британии Ч.Гатри и адмирала П.Абота, Генерального секретаря НАТО Дж.Робертсона, а также визит министра обороны Грузии Д.Тевзадзе в Великобританию.

Значительное внимание уделяет военное ведомство Великобритании оказанию помощи Военной Академии Грузии. Министерство обороны Великобритании выделяет места в престижной Королевской военной академии и в военном Колледже для обучения молодых курсантов из Грузии. Грузинские военнослужащие в специальных центрах обучения изучают английский язык, обмениваются опытом, совместно с британцами повышают свою профессиональную подготовку, участвуют в совместных учениях.

В грузино-британских отношениях наметилась активизация и в торгово-экономической деятельности. За последние три года товарооборот между двумя странами увеличился в 3 раза. В 2000 году впервые было достигнуто положительное торговое сальдо (4,5 млн долларов США). Объем британских

капиталовложений в Грузии в 2000 году в три раза превысил соответствующий показатель 1997 года.

Значительно возрос интерес британских деловых кругов к Грузии, уже созданы и функционируют десятки совместных предприятий. Основную сферу интересов британских компаний представляют энергетика и нефтяная промышленность. Так «Бритиш Петролеум», одна из компаний — главных участников Азербайджанского международного нефтяного консорциума, заинтересована в экспорте каспийской нефти через территорию Грузии. Первые шаги были сделаны британскими банкирами в направлении сотрудничества с финансово-банковскими системами Кавказа и в частности Грузии.

Одним из самых ярких символов британо-грузинского партнерства можно считать деятельность британского Правительственного фонда «Ноу-Хау» (ФНХ), — ныне Департамент международного развития — за сравнительно короткий срок сумевшего осуществить ряд успешных проектов. Фонд в Грузии уделяет внимание прежде всего таким отраслям, как энергетика, малый бизнес, финансовое обслуживание приватизации, земельных реформ, охрана здоровья, просвещение и др.

Соединенное Королевство успешно продолжает оказание помощи Грузии и через международные организации, программу европейского союза ТАСИС, а также МВФ и МБРР. Британское правительство помогает Грузии в области устранения бедности, поддерживает инициативы, направленные на удовлетворение нужд самых малоимущих слоев общества, повышение жизненного уровня населения, содействует экономическому развитию и интеграции Грузии в мировую экономику.

Совершенно очевидно, что в интересах обеих сторон — продолжать наращивать объемы торговли и инвестиций. Британский бизнес имеет определенную приверженность к грузинскому рынку, а грузинский к британскому. В прошлом году впервые грузинское вино экспортировалось в Великобританию. На Лондонской международной выставке вин прошла дегустация грузинских вин. Тесные деловые отношения установились между Кутаисским автомобильным заводом и британскими компаниями. Зестафонский ферросплавный завод большую часть выпускаемой продукции (до 80%) реализует в Великобритании.

В отношениях между двумя странами важное значение имеют неформальные связи. Британские туристы встречают теплый прием в Грузии, а на улицах британских городов можно встретить туристов из Грузии самых разных возрастов и профессий.

Грузино-британские культурные связи развиваются на основе межправительственного соглашения о культурном и научном сотрудничестве и ежегодных программ обменов в области культуры, науки и образования. В сотрудничестве в области культуры особое внимание уделяется обменам делегациями, исполнительскими коллективами, художественными выставками, проведению научных семинаров и взаимному участию в различных мероприятиях.

В последнее время особенно активизировалась деятельность «Британского совета», который играет положительную роль в деле сотрудничества в области культуры и науки двух стран. Программы и проекты этого совета пользуются растущей популярностью среди академических кругов и студентов Грузии, в особенности среди тех, кто заинтересован в изучении и углублении знания английского языка, культурного наследия Великобритании.

В последние годы все более возрастает интерес британцев к грузинской культуре. В 2000 г. в Великобритании прошли гастроли Грузинского академического театра им. Ш. Руставели с постановками «Король Лир» и «Ричард III», состоялось выступление Государственного ансамбля национального балета Грузии. Многие грузинские художники участвовали в художественных выставках Англии и Шотландии. В центре Лондона, в выставочной галерее неоднократно проходили выставки-продажи художественных полотен современных грузинских художников. В 1999 г. в Лондоне в Барбиканском кон-

цертном зале британским любителям классической музыки был представлен известный грузинский дирижер В.Жордания, под руководством которого прозвучали пятая симфония Д.Шостаковича и произведения П.Чайковского.

Развиваются контакты и в сфере высшего образования. На сегодняшний день немалое количество молодежи удостоились стипендий для продолжения учебы в высших учебных заведениях Великобритании по полному курсу обучения, стажировки и при поступлении в аспирантуру. Есть надежда, что все это будет способствовать развитию отношений между двумя странами в области культуры, образования и науки, а также практическому осуществлению уже действующего в этой сфере соглашения. Грузия сегодня нуждается в молодых квалифицированных специалистах практически во всех областях. Их подготовка является поддержкой курса реформ, проводимых ныне в Грузии.

Растет интерес к протекающим в обеих странах процессам со стороны СМИ Великобритании и Грузии. Британские журналисты все больше интересуются проблематикой Кавказа, в частности Грузии. В освещении явлений, связанных с Грузией, за последнее время примечательны положительные тенденции. Особое внимание было уделено в британских СМИ освещению президентских и парламентских выборов в Грузии, визиту Президента Грузии в Великобританию. Осуществлялись визиты английских журналистов в Грузию и грузинских в Великобританию, которые способствовали развитию двусторонних отношений и формированию положительного имиджа общественности двух стран. Тесное сотрудничество установилось между Би-Би-Си и Государственным телерадиовещанием Грузии. Рассматриваются ряд проектов сотрудничества. Некоторые из них предусматривают оказание консультаций и помощи техническими средствами в процессе реорганизации грузинского телерадиовещания со стороны Би-Би-Си.

Как и в прошлые годы, в 2001-м году активно развивались отношения между городами-побратимами: Тбилиси и Бристолем, Кутаиси и Ньюпортом. Состоялся обмен делегациями, наиболее перспективными направлениями являются развитие торгово-экономических связей, создание совместных предприятий, в области гражданской авиации, инвестиций, туризма, культуры, науки и просвещения. Прорабатывается вопрос о проведении очередных дней городов-побратимов.

Грузино-британские отношения динамично развиваются по различным направлениям. В Грузии глубоко заинтересованы в дальнейшем наращивании партнерских связей с дружественным народом Британии в двусторонних делах и на международной арене.

Кавалер четырех орденов Славы И.Г. Меркулов

М.А. Емельянов

К сожалению, большая часть данных об Илларионе Григорьевиче Меркулове в известных автору справочных изданиях и периодической печати, до недавнего времени не соответствовала действительности. Начало этому положило представление Меркулова командиром 873 стрелкового полка Шашко к ордену Красной Звезды через 27 дней после его перехода в состав этой воинской части – 18 ноября 1944 года. В нем в частности говорилось: «Ранее не награждался. Товарищ Меркулов активный участник Отечественной войны с июля месяца 1941 года, в боях с немецкими захватчиками имеет четыре ранения. Последнее ранение получил в бою за село Русское 10 октября 1944 года»¹. Но к этому времени у Меркулова были уже ранения, за что он был награжден двумя медалями «За отвагу».

В статье, напечатанной в газете военного округа, в котором служил сын Меркулова – Николай, был нарисован прямо-таки былинный образ Иллариона Григорьевича. Утверждалось, что он был двадцать два (!?) раза ранен, но по излечении снова вставал в строй, а пройдя от Москвы до Берлина, вступил в этот поверженный Берлин уже Героем Советского Союза, и не дожидаясь нескольких дней до Дня Победы, пав в одном из уличных боев². Первое, что обращает на себя внимание в этом отрывке – количество ранений Меркулова. И это и все остальные сведения, представленные здесь, не соответствуют действительности.

В сборнике листовок о полных кавалерах ордена Славы, вышедшем в Курске в 1977 г., тоже содержится много неправильных сведений о Меркулове и обстоятельствах его боевой службы. Не обошлось без ошибок и в 7 томе «Книги Памяти Курской области», изданной в 1995 г.³, как и в энциклопедическом труде «Кавалеры ордена Славы трех степеней». Он вступил в партию в 1943, а не 1942 году. Неправильно указано число ранений, не отмечены полученные им награды: орден Отечественной войны II степени, две медали «За отвагу» и еще одна медаль, о которой известно по фотографии Меркулова, сделанной в марте 1945 года⁴.

По фондам полков, в которых он воевал, удалось восстановить боевой путь Меркулова. Оказалось, что в 1954 г. Обоянский райвоенкомат Курской области проверял возможность вручения ему нескольких наград: «Награжденный... погиб на фронтах Великой Отечественной войны 8 мая 1944 года (!)» (речь шла о второй медали «За отвагу»).

Информация о вручении наград имеется лишь в отношении первой медали «За отвагу» (приказ от 23 февраля 1944 г.) и первого ордена Славы III степени (приказ от 23 февраля 1944 г.)⁵. Данные о вручении второй медали «За отвагу» и орденов Славы II и I степеней в картотеке нет, как и о втором ордене Славы III степени, ордене Отечественной войны II степени и неизвестной медали, изображенной на упомянутой выше фотографии.

Во многом путаница была связана с многократным пребыванием Меркулова в различных госпиталях и медсанбатах и переводом его в другие воинские части. Документов о награждениях было найдено более пятнадцати. Через 55 лет после гибели героя оказалось, что не только сам Илларион Григорьевич, но и его сын и родственники так и не получили ни орден Славы I степени, ни орден Славы II степени, ни вторую медаль «За отвагу»!

I степени ордена Славы удостоилось лишь 2656 человек. В условиях войны, когда частыми были перемещения военнослужащих из одной воинской части в другую, отправки их на лечение в госпитали, немало бойцов награждались одними и теми же степенями ордена Славы, как и другими орденами и медалями, неоднократно. В 1951–1970 гг. Главное управление кадров Министерства обороны СССР провело исследование, показавшее, что из числа кавалеров трех орденов Славы 1783 человека в свое время были награждены тремя орденами III-ей степени, двумя III-ей и одной II-ой, одной III-ей и двумя II-ой степени ⁶.

Обнаруженные кавалеры, награжденные в нарушение статута, были перенаграждены, став соответственно кавалерами III, II, и I степеней. Полные кавалеры ордена Славы были редки, но еще более редки были кавалеры четырех орденов Славы. Из десятков миллионов награжденных орденами и медалями и более чем двух с половиной тысяч полных кавалеров Славы насчитывается менее двадцати награжденных четырьмя орденами Славы. Если вышеупомянутые перенагражденные кавалеры ордена получали по одному знаку каждой последующей степени – по убывающей, то кавалеров, среди которых имелись обладатели двух орденов III, II или I степеней, перенаградить было просто не чем – четвертой степени ордена Славы не существовало. Уместно напомнить, что орден Славы первоначально предполагалось учредить в четырех степенях.

Каждый третий из кавалеров четырех орденов Славы был награжден четвертым орденом уже после окончания войны. Все они пережили войну, некоторые здравствуют и до сих пор. И лишь единственный из этих кавалеров погиб 8 мая 1945 г. — Меркулов.

Илларион Григорьевич родился в 1913 г. в селе Знаменское Долженской волости Обоянского уезда Курской губернии, в крестьянской семье. Когда Илларион был ребенком, не стало матери, и отец снова вступил в брак.

Илларион молодым ушел со двора и женился на Лукьянчиковой Матроне Илларионовне.

В августе 1942 г. Меркулов был призван в ряды Красной Армии. Илларион Григорьевич участвовал в боях на Калининском фронте ⁷. Вступив в 1943 году в ряды ВКП(б), он участвует в боях на Курской дуге, в составе 786 стрелкового полка 155 стрелковой дивизии 38 армии Воронежского фронта. Эта армия дислоцировалась непосредственно в его родных местах. Меркулову пришлось строить оборонительные полосы в месте, где родились и он, и его сын – в районе села Корочка. А неподалеку супруга его с сестрами, как привлеченное «местное население», соорудили оборонительную полосу у своего родного села – хутора Гремячка. Летом 1943 г. Меркулову даже дважды удалось повидаться с семьей. Когда его часть стояла у села Туровки, он при первой возможности отправился в Гремячку, находившуюся в шести километрах. «Когда пришел отец, маленький Коля спал. Вставай, отец пришел! – сказала тетка Мария Илларионовна. Увидев мужчину в форме и с автоматом, мальчик испугался и залез под стол».

Позже, когда часть находилась в районе села Драгунка (Белгородской области), Илларион Григорьевич гостил в семье несколько дней. Побыв неделю, Меркулов косил рожь. И это был последний раз, когда он виделся с родными.

В сентябре 1943 г. он был ранен. Первую награду получил лишь 23 февраля 1944 года. Приказом 786 стрелкового полка 1-го Украинского фронта, он как командир отделения автоматчиков, награждался медалью «За отвагу» «за то, что ... участвуя на фронтах Отечественной войны..., проявил мужество и отвагу, чем содействовал успеху боевых операций» ⁸.

В марте 1944 г. войска 38 армии перешли государственную границу СССР и вышли в район Карпат. Армия эта в августе 1944 г. вошла в состав 4-ого Украинского фронта.

15 сентября Меркулов в «бою за высоту 508,0 в районе нефтепромыслов Пауль Санокского повета (Польша), мужественно командуя отделением, захватил в плен немецкого пулеметчика и в бою был ранен». В статуте ордена Славы сказано, что им награждается тот, кто «лично, с находчивостью и смелостью, пробравшись к позициям противника, уничтожил его пулемет». После вступления войск фронта на территорию Словакии, 8 октября Илларион Григорьевич был награжден второй медалью

«За отвагу»⁹, но эту награду он так никогда и не получил. 10 октября в бою за село Русское у города Санок (Польша) Меркулов был ранен в четвертый раз. После этого он был переведен в состав 873 стрелкового полка 286 стрелковой дивизии 1-ой гвардейской армии того же фронта. Вскоре последовали награждения одно за другим. 18 ноября он был представлен к первому ордену. «За время пребывания в полку... проявил себя дисциплинированным младшим командиром, который передает свой боевой опыт младшим бойцам и постоянно совершенствует их в военном деле. Товарищ Меркулов ... проливший кровь за Родину, достоин награждения орденом Красной Звезды»¹⁰. Командир дивизии посчитал Меркулова достойным ордена Славы III степени, который он ему и вручил в штабе дивизии, на основании собственного приказа от 6 декабря 1944 года.

15 декабря 1944 г. в районе села Даргов восточнее города Кошице (Словакия) Меркулов со взводом автоматчиков в течение двух суток удерживал высоту. Только за один день, 15 декабря 1944 г., они отбили две дневные и две ночные контратаки немцев. Несмотря на сорок часов осады, взвод измотал силы противника, Меркулов поднимая бойцов в атаку, выбил немцев из леса, окончательно закрепив за собой высоту. В этом бою он лично из автомата уничтожил восемь гитлеровцев, сам был легко ранен — в шестой раз, — но не покинул поля боя до его окончания¹¹. Это произошло тогда, когда Иллариону Григорьевичу еще не был вручен его первый орден. Из книги учета награжденных известно, что старший сержант Меркулов, согласно приказу от 17 декабря 1944 г., был награжден орденом Отечественной войны II степени¹². 22 декабря Илларион Григорьевич, у села Кам получил седьмое ранение (осколочные ранения головы и ног).

6 января 1945 г. комдив подписывает приказ о награждении Меркулова еще одним орденом Славы III степени: «За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество»¹³.

Уже на следующий день после этого, за бой у села Даргов был представлен командиром полка к ордену Красного Знамени¹⁴. Несмотря на поддержанное комдивом это представление, командование 1-ой гвардейской армии наградило Меркулова орденом Славы II степени. Приказ был подписан 5 февраля 1945 года.

Но и эта награда никогда не была вручена Меркулову.

7 февраля в бою под селом Мошаницы, у города Живец (Польша), когда гитлеровцы крупными силами перешли в контратаку, сопровождающуюся сильным артиллерийским и минометным огнем, Меркулов со своим взводом автоматчиков, выдержав натиск немцев и, отбив контратаку, овладел передней линией траншей противника и ураганным огнем из автоматов уничтожил до 30 гитлеровцев. После этого, поддержанные огнем автоматчиков, бойцы продвинулись вперед и овладели важным узлом сопротивления немцев¹⁵.

10 марта 1945 г. началась Моравско-Оставская наступательная операция советских войск, и уже 21-го числа командир 873 полка за бой в районе города Живец представил Меркулова к очередной награде — ордену Славы I степени. 26 марта представление подписал комдив, 30-го командир корпуса. 2 апреля представление было подписано командармом, а 8-го — командующим войсками фронта. Право награждать I степенью ордена Славы имел только Президиум Верховного Совета СССР, а так как подписание его Указов о награждениях производилось по накоплению сотен представлений, то дело затянулось¹⁶.

Из журнала боевых действий известно, что 8 мая 1945 г. 873 стрелковый полк к вечеру сосредоточился в районе города Оломоуц. 9 мая, утром полк вышел из Оломоуца, и двигаясь на северо-запад, достиг к ночи Моравско — Тршебова. Утром 10 мая — в 5 часов 30 минут — полк выступил из этого города. Но уже без Иллариона Григорьевича... Он погиб в завязавшемся 8 мая бою. Похоронен он был 9 мая в южном округе чешского города Моравско — Тршебова¹⁷. Когда письмо командира о его смерти пришло домой, Мария Илларионовна сразу поняла: «Рука не его».

29 июня 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о награждении Меркулова И.Г. орденом Славы I степени¹⁸. Этой наградой Илларион Григорьевич был удостоен уже посмертно.

Найденная мною информация была передана в 5-й (наградной) отдел Главного управления кадров Министерства обороны РФ весной 2000 года. После соответствующей проверки 18 мая начальнику управления кадров Московского военного округа был передан приказ о вручении семье документов к наградам: «Поиском награжденных участников Великой Отечественной войны, по каким-то причинам не получившим в свое время награды, установлено, что по учетным данным ГУК МО РФ в числе награжденных значится старший сержант Меркулов Илларион Григорьевич,

1913 г.р., награжденный орденами Славы 1-й и 2-й степеней и медалью «За отвагу». Сведений о вручении ему наград в ГУКе не имеется. По сообщению Емельянова М.А. сын Меркулов Николай Илларионович в настоящее время проживает по адресу: Курская область, Обоянский район... выписать на его имя (Меркулова И.Г.) орденскую книжку (удостоверение к медали), в которую вписать награды без указания номера знака. Орденскую книжку (удостоверение к медали) передать семье награжденного для хранения, как память»¹⁹.

Пройдя через Московский военный округ и Военный комиссариат Курской области, документы о награждении прибыли в Обоянь. Информация о наградах была передана Николаю Илларионовичу. По причине болезни он сам не смог приехать за ними, и они были переданы семье героя мною — 19 августа 2000 года²⁰.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО), ф. 786сп, оп. 88164, д. 3, л. 46.
2. КУЗНЕЦОВ В. Сын героя (Выходные данные неизвестны). — Архив автора.
3. Книга Памяти Курской области, т. 7, Беловский район.
4. Кавалеры ордена Славы трех степеней. М. 2000, с. 372.
5. ЦАМО, картотека учета награжденных, корешок временного удостоверения Меркулова И.Г. к ордену Славы III степени.
6. Там же, ф. 33, оп. 989469, д. 198, л. 33.
7. Там же, ф. 33, оп. 686046, д. 186, л. 272.
8. ЦАМО, картотека учета награжденных.
9. Там же, ф. 786сп, оп. 88164, д. 3, л. 72.
10. Там же, ф. 786сп, оп. 88164, д. 3, л. 46.
11. Там же, ф. 33, оп. 690306, д. 2887, л. 5, л.208.
12. Там же, ф.873сп, оп.59357, д.10, л. 23об.
13. Там же, ф. 873сп, оп. 59360с, д. 19, л. 2.
14. Там же, л. 19.
15. Там же, ф. 33, оп. 686046, д. 186, л. 272.
16. Там же.
17. Там же, донесение № 68736с за 1945 г. — Архивная справка № 9/П — 35062 от 26 февраля 1996 года.
18. Там же, архивная справка № 11/ П — 40668 от 29 февраля 1996 года.
19. Главное управление кадров Министерства обороны, приказ № 173/5/65825 от 17 мая 2000 года.
20. Отчет военному комиссару Курской области о вручении государственных наград на умершего Меркулова И.Г., за №3/988 от 17 августа 2000 г. — Военный комиссариат Обоянского района.

О темпах ликвидации неграмотности в Казахстане в 1926—1939 годах

С.А. Баканов, Р.М. Жумашев

В литературе о ликвидации неграмотности в СССР и союзных республиках, в частности в монографии В.А. Куманева в разделе «Всенародная грамотность — выдающееся завоевание культурной революции», отмечается, что «в союзных республиках Средней Азии и Казахской ССР были наиболее быстрые темпы роста грамотности к 1939 г. по сравнению с 1926 годом. Так, в Казахстане число грамотных мужчин возросло в 2,6 раза, женщин в 5,3 и процент грамотности мужчин достиг 90,3% и среди женщин — 78,8%». Приводя эти показатели, Куманев оценивал как «явное преувеличение» утверждение С.Б. Баишева о том, что в республике «к началу 1940 г. грамотность среди взрослого (очевидно, «взрослого». — *В.К.*) населения достигла 98%». В подтверждение своего замечания Куманев привел сведения из статистического сборника «Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет» (Алма-Ата. 1940) о том, что среди мужчин процент грамотности составил 85,2%, а среди женщин — 66,3% ¹. Те же сведения использовал Р.Б. Сулейменов ².

Опубликованные в 1992 г. материалы переписи знакомят с историей ее проведения, позволяют судить о степени достоверности ее сведений. Наряду с этим сборник содержит обширный материал не только о численности и половозрастной структуре населения республик, краев и областей, но также и о грамотности населения по возрастам в республиках, о численности профессиональных кадров в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства, управления и в сфере культуры. Согласно результатам переписи 1939 г., средняя грамотность населения СССР достигала 81,2% ³. Это само по себе свидетельствовало о том, что «сплошная» грамотность еще не была достигнута. В Казахстане, согласно переписи 1939 г., уровень грамотности населения в возрасте от 9 лет и старше исчислялся в 76,3% ⁴, то есть три четверти всего населения, при общей его численности в 6 151 102 человек. Оценка достоверности данных об общей численности населения приведена в книге «Всесоюзная перепись населения 1939 года», где величина корректировки определена на уровне в 1,9% городского и 2,9% сельского населения (в сторону уменьшения) ⁵. Таким образом, в материалах переписи 1939 г. сведения об уровне грамотности населения Казахской ССР отличаются от официальных очень незначительно.

Обнаруженные нами в Российском государственном архиве экономики подлинники таблиц о численности неграмотных в республиках, краях и областях содержат несколько иные данные.

По переписи 1939 года, общая численность детей в возрасте до 9 лет составляла 1 237 774 человека, из которых 94 724 зафиксированы как обучавшиеся ⁶, то есть чис-

Баканов Сергей Алексеевич — аспирант Исторического факультета Московского государственного университета; *Жумашев Рымбек Муратович* — кандидат исторических наук. Карагандинский государственный университет (Казахстан).

ленность детей в возрасте до 9 лет, не охваченных обучением, составила на момент переписи 1 143 050 человек.

По населению же в целом перепись 1939 года зафиксировала в Казахстане 1 165 605 неграмотных ⁷. Сложив число неграмотных с числом детей, еще не охваченных обучением, получаем 2 308 655 человек — общее количество неграмотных по республике. Отнимая ее из общей численности населения, получаем 3 842 447 человек грамотных, что составляет только 61,5%.

Грамотность населения Казахстана в 20-е—30-е годы (тыс. человек) ⁸

	1926 г.	1939 г.
<i>Население Казахстана:</i>		
Казахи	3 713	2 327
Русские	1 280	2 459
Прочие	1 085	1 365
Всего	6 078	6 151
<i>Грамотное население</i>		
Казахи	259 (6,9%)	1 270 (54,5%)
Русские	461 (36%)	1 733 (70,4%)
Прочие	363 (33,4%)	772 (56,5%)
Всего	1 083 (17,8%)	3 775 (61,4%)

Подсчет показал, что процент грамотности населения Казахстана в 1939 г. реально был ниже, чем заявляла советская статистика (76,3%), и составил около 61,4%, что свидетельствует о «натяжках», допущенных статистическими органами. Приписано было 14,9%, следовательно, грамотных было не 3/4, а 2/3 населения. Тем не менее рост грамотности за 12 лет межпереписного периода налицо: с 17,8% в 1926 до 61,5% в 1939 году. За счет чего же удалось добиться таких значительных результатов? Особенно впечатляет рост грамотности среди казахского населения: с 6,9% до 54,5%. И это в условиях демографической катастрофы, постигшей казахский народ в начале 30-х годов. По наименее тенденциозным оценкам А.Н. Алексеевко, безвозвратные потери этого этноса в результате голода 1931—1932 гг. составили примерно 1,8 млн человек, то есть почти половину всей его численности ⁹.

Но этот период отмечен и очень сильной миграционной активностью. С 1926 по 1939 г. в Казахстан въехало не менее 1,5 млн человек негитуйной национальности. Эта цифра выведена исходя из расчетного роста неказахского населения в межпереписной период на территории Казахстана. Известно, что процент грамотности в регионах-донорах, какими являлись РСФСР и УССР, уже в 1926 г. достиг 55%, тогда как в Казахстане — только 17,8%. Отсюда возникает вопрос, не был ли столь стремительный рост грамотности в Казахстане вызван, с одной стороны, катастрофической убылью казахского населения, в большинстве своем неграмотного, а с другой стороны, въездом более грамотного населения из РСФСР и других регионов СССР.

Для ответа на него необходимо знать два основных показателя: процент грамотности среди въезжавших и примерный уровень грамотности казахов к началу голода. Но такой статистики не велось. Поэтому пришлось использовать приблизительные расчетные данные. Зная процент грамотных среди казахов в 1926 и 1939 гг., можно исчислить средний ежегодный прирост грамотности (3,9% в год), следовательно, к началу голода грамотными могли быть около 22,8% коренного населения. Однако эта цифра вызывает сомнения, так как система школ и всеобуч в Казахстане в конце 1920-х годов только начинали складываться, а во время голода все созданное быстро пришло в упадок. После же голода образовательная система охватывала только половину казахского населения, и это несмотря на то, что численность его сократилась вдвое. По-видимому, до 1931 г. темп прироста грамотности среди казахов был значительно ниже, чем в середине или второй половине 1930-х годов, и число грамотных казахов было ниже 20%. Если предположить, что среди безвозвратных потерь структура грамотности была такой же, как и в казахском населении в целом, то безвозвратные потери грамотных казахов составят около 400 тыс. человек. Это — учитывая, что среди погибших от голода значительную долю составляли дети и молодежь, то есть та часть населения, которая в первую очередь была охвачена системой начального образования.

Значительно сложнее определить процент грамотности среди въезжавшего населения. Процесс активной миграции в Казахстан продолжался на протяжении всех 30-х годов, так что указать какую-то фиксированную цифру не представляется возможным. Известно, что в 1939 г. грамотными были около 70% русскоязычного насе-

ления Казахстана. Таким образом, процент грамотных среди въезжающих русских мог достигать 55—70%. Въехало же всего более 1,5 млн человек, если считать только разницу в численности неказахского населения Казахстана в 1939 г. по отношению к 1926 году. Из них около 1,2 млн составили русские и около 300 тыс. представители других национальностей. Среди этих последних грамотность в 1939 г. была ниже чем у русских, но выше чем у казахов. В качестве некоторой средней цифры грамотности среди мигрантов можно взять 60%. Это составит более 800 тыс. человек уже грамотного населения, въехавшего в Казахстан, то есть в два раза больше числа грамотных казахов, погибших от голода или покинувших родину. Следовательно число погибших и выехавших грамотных было компенсировано миграцией. Кроме того, в результате миграции число грамотных в Казахстане увеличилось еще на 400 тыс. человек, что составляет от общего числа грамотных около 10%. В итоге получается, что непосредственно за счет школьного строительства в самом Казахстане грамотности в республике выросла за 12 лет с 17% до 50%, то есть на 33%. Но и эта внушительная цифра была результатом не столько успешной работы по ликвидации неграмотности, сколько демографической катастрофы начала 30-х годов, когда погибло или уехало более трети всего населения Казахстана. Этим голод «облегчил» задачу ликвидации неграмотности: той же сетью школ в середине 30-х годов пришлось обучать гораздо меньшее число людей.

Из-за отсутствия точных данных о темпах всеобща и ликвидации неграмотности в межпереписной период, о числе пострадавших от голода, о числе и уровне грамотности мигрантов все вышеприведенные расчетные цифры являются приближительными, но они позволяют более объективно оценить темп ликвидации неграмотности в Казахстане в 1926—1939 годах.

Если в области ликвидации неграмотности достижения были не столь впечатляющими, как объявляла пропаганда тех лет, то в сфере подготовки профессиональных кадров они действительно были. Об этом также свидетельствуют данные переписи 1939 года. В Казахстане она зафиксировала довольно значительный рост численности казахов, занятых в промышленности, сельском хозяйстве, сфере управления и культуры. Среди руководителей партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий доля казахов составила 36,3%. Среди председателей сельсоветов и их заместителей, судей и прокуроров казахов насчитывалось 61% и 51% соответственно, в группе руководителей учебных заведений и научно-исследовательских институтов — 35,3%, среди председателей колхозов — 63,9%, а среди руководителей промартелей и промколхозов — 37,0%. В рядах культурно-политико-просветительного персонала доля казахов составила 42,1%, среди работников искусств — 25,4%.

Менее значительным был процент казахов среди руководителей медицинских учреждений (6,8%), руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий (19,9%), научных работников и преподавателей вузов (16,0%), работников связи (6,9%). Увеличилась численность казахов — специалистов в промышленном производстве.

По данным переписи 1939 года, в среде горных специалистов численность казахов возросла до 38,7%, среди металлистов — до 18,7%, полиграфистов — до 22,6%, строителей — до 19,1%, среди специалистов по силовым установкам и подъемным механизмам — до 21,9%. Небольшим был рост среди текстильщиков (15,6%), деревообделочников (7,8%). В рядах рабочих на железнодорожном транспорте казахов было 38,5%, на водном — 34,9%, на автомобильном — 12,2%¹⁰.

По данным переписи 1939 года, среди казахов 49 852 человека имели среднее специальное образование (в пересчете на 1000 человек — 21,4), 1952 человека — высшее образование (0,8 на 1000).

В предвоенные годы возросла общая грамотность не только казахского, но и всего населения Казахстана. Среди русского населения среднее образование имели 220 485 человек (89,7 на 1000), высшее образование — 16 390 человек (6,7 на 1000). У украинцев на 1000 человек приходилось 69,1 со средним специальным образованием и 5,0 с высшим. По другим национальностям отмечены следующие показатели (соответственно): среди узбеков — 21,8 и 0,9; татар — 89,0 и 4,6; корейцев — 73,3 и 3,7; немцев — 42,7 и 3,7; поляков — 63,4 и 6,1¹¹.

Зафиксированные переписью 1939 года сведения о численности лиц с высшим и средним образованием по восьми национальностям Казахстана отразили в основной массе образованной прослойки преобладание людей со средним специальным образованием.

Думается, что перепись 1939 года действительно отразила существенные сдвиги не только в демографическом развитии народов Казахстана и его социальной струк-

туре, но и рост массовой грамотности, формирование нового слоя образованных людей. Начавшаяся вскоре война прервала эти процессы, а в послевоенные годы были приложены немалые усилия по развитию образования в республике.

Перерасчет данных переписи 1939 года необходим для дальнейшего анализа опубликованных материалов и архивных данных, что позволило бы с помощью количественных методов изучить масштаб достигнутого, создало бы основу для объективной оценки и анализа источниковой базы исследований по истории ликвидации неграмотности в целом по стране и в отдельных республиках. Все это послужит формулированию новой концепции истории отечественной культуры как составной части общего модернизационного процесса в довоенные годы.

Примечания

1. КУМАНЕВ В.А. Революция и просвещение масс. М. 1973, с. 286—287.
2. СУЛЕЙМЕНОВ Р.Б., БИСЕНОВ Х.И. Социалистический путь культурного прогресса ранее отсталых народов. Алма-Ата. 1967, с. 182; СУЛЕЙМЕНОВ Р. Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане. Алма—Ата. 1968, с. 341.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 года. М. 1991, с. 133; Всесоюзная перепись населения 1939 года (ВПН 1939 г.). М. 1992, с. 39.
4. ВПН 1939 г., с. 42.
5. Там же, с. 9.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 1562, оп. 336, д. 236, л. 48.
7. Там же, л. 122—123.
8. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М. 1928, с. 56—57; ВПН 1939 года. М. 1992, с. 27, 42, 47, 54.
9. АЛЕКСЕЕНКО А.Н. Население Казахстана в 1926—1939 гг. В кн.: Компьютер и историческая демография. Барнаул. 2000, с. 9, 26.
10. Подсчитано по: ВПН 1939 года, с. 223—225; РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 264, л. 36—40.
11. РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 264, л. 22—25.

Придворная медицинская часть в России. XIX в.

Б.А.Нахапетов

Начало регламентации деятельности медицинской части при Высочайшем Дворе было положено в 1818 г. краткой инструкцией, составленной лейб-медиком Я.В. Виллие, по которой Придворная медицинская часть была отнесена к ведению Главного штаба.

Этой инструкцией, а точнее, «Высочайше утвержденными правилами при дежурстве врачей, как при Высочайшем Дворе, так и при пользовании больных придворных на их квартирах», подтвержденными 21 января 1819 г., предусматривалось введение ежедневных дежурств придворных докторов, гоф-медиков и гоф-хирургов, в помощь которым выделялись лекарские ученики, имевшие при себе как кровопускательный, так и фельдшерский карманный набор и бандаж. Смена дежурств предполагалась в первом часу пополудни, для того чтобы дать возможность врачам посещать больных, которых они пользуют в городе. Дежурный врач должен был постоянно находиться в своей комнате и никуда из дворца не отлучаться. При себе он имел «непременно и под опасением строжайшего взыскания» кровопускательный инструмент, карманный хирургический инструмент, катетер, пробанг (гибкий стержень для зондирования пищевода), бандажи и тому подобные необходимые для подачи скорой помощи инструменты и средства. Дежурные врачи должны были отмечать в специальной книге все происшествия, случившиеся во время дежурства, и сдавать ее при смене в надлежащей исправности.

Кроме того, инструкция устанавливала правила пользования больных придворных чинов, проживавших в столице, для чего город был разделен на несколько округов, по числу придворных врачей и живущих в разных частях города придворных чинов. В каждом округе назначался особый врач, о месте жительства которого должно было быть известно всем придворным чинам, квартирующим в округе. Окружной врач обязан был во всякое время и беспрекословно идти к вызвавшему его для «подавания врачебной помощи». Врач был обязан также пользоваться жен и детей придворных чинов («сие, однако же, не касалось до их прислуги»). В случаях важных, трудных и сомнительных врачи имели право приглашать для консультации кого-либо из лейб-медиков или лейб-хирургов. Акушеры, окулисты, дантисты, мозольные лекари и костоправы должны были беспрекословно следовать приглашению придворных врачей если «в особенности настоять будет надобность в помощи, от их искусства зависящей».

Каждый врач был обязан иметь особую книгу, в которую он должен был «кратко вносить имена пользующихся им больных чинов, образ и средства их лечения, равно и главнейшие припадки (признаки. — *Б.Н.*) перемен болезней, дабы тем во всяком случае мог он оправдать себя в образе пользования и последствиях, какие могут случиться, и в стараниях, им при том приложенных». Придворных чиновников выше камер-лакея врачи обязаны были лечить на дому, при этом предписывалось, что «ежели врач добровольно принял на себя пользование больного, то должен уже лечить его до конца, а не отсылать его в гошпиталь совершенно изнемогшего, ибо за сие он строго ответствен будет».

Лекарства для больных выписывались бесплатно из Придворной аптеки. Для профилактики злоупотреблений в этом деле врачи предупреждались о недопустимости выписывания лекарств «для посторонних людей, ибо в противном случае, если таковое злоупотребление доказано будет, не только учинен будет с них вычет, но еще подвергнутся они за то взысканию»¹.

В утвержденном 28 марта 1819 г. дополнении к упомянутой инструкции надзор за точным исполнением обязанностей, возлагаемых на придворных и окружных врачей, за придворной гошпиталью и прочими больничными заведениями и местами медицинского ведомства, принадлежавшими Высочайшему Двору, был поручен лейб-хирургу, статскому советнику Ф.О. Рускони (вскоре, впрочем, умершему) под непосредственным ведением Главного инспектора медицинской части по армии лейб-медика Виллие.

1 января 1843 г. было утверждено новое положение о Придворной медицинской части, составленное тем же Виллие. Этим положением, состоявшим из 77 статей, Придворная медицинская часть передавалась в ведение министерства Императорского Двора. Согласно этому положению, действовавшему до 1888 г., Придворная медицинская часть управлялась одним из лейб-медиков, носившим звание управляющего, который и был фактически прямым начальником всего медицинского персонала министерства Императорского Двора, за исключением лейб-медиков (их по штатам того времени полагалось 5 человек), а также медицинских и фармацевтических чинов Кабинета Его Величества, Департамента уделов, Капитула орденов и Академии художеств. Ему был вверен надзор за Придворной аптекой и всеми медицинскими и санитарными мероприятиями по министерству. Управляющий Придворной медицинской частью был подчинен непосредственно министру Императорского Двора и являлся лицом, ответственным перед министром².

Для дежурства при Дворе были положены особые дежурные гоф-медики (4 человека). Служащие Придворной медицинской части несли дежурства не только в Зимнем дворце, но и в других местах пребывания императорской семьи, например — в Царском Селе при ее переезде туда из Петербурга. Они также сопровождали императора и членов его фамилии в их путешествиях по России и за границей. Так, лекарский помощник Кононов назначался в «высочайший вояж» в 1850, 1851 и в 1853 годах. Ему, прослужившему в Придворной медицинской части более 30-ти лет, за участие в оказании медицинской помощи смертельно раненному 1 марта 1881 г. Александру II была пожалована пенсия в 892 рубля в год. Старший аптекарский помощник Нешель также неоднократно сопровождал царскую фамилию в поездках по стране и за рубежом. Он же выезжал с аптекой в Новгород в 1862 г. в связи с открытием памятника «тысячелетию существования государства Российского». Гоф-медик Крюков командировался осенью 1859 г. «в загородное расположение по случаю отправления императорской охоты». В 1877 г. во время русско-турецкой войны старший аптекарский помощник Брудберг с двумя походными аптечными ящиками с медикаментами был отправлен в армию по месту нахождения Александра II.

Чиновники Придворной медицинской части вместе со служащими Придворной аптеки в обязательном порядке выезжали в Москву на коронационные торжества. Кстати, при короновании Александра II в 1856 г. придворным медикам, как и другим придворным чинам, были пожалованы специальные коронационные медали.

Придворные медики использовались и в особых случаях. В 1866 г. гоф-медику Ливену было поручено находиться на хорах залы Зимнего дворца в день бракосочетания цесаревича (будущего императора Александра III) «на случай подаяния меди-

цинского пособия». Одному из гоф-медиков было предписано утром 11 января 1874 г. находиться на хорах Зимнего дворца «на случай подаяния медицинской помощи публике», наблюдавшей оттуда за церемонией бракосочетания дочери Александра II великой княгини Марии Александровны с герцогом Эдинбургским Альфредом. Служащие Придворной медицинской части сопровождали процессию перенесения тела императора Александра II из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость, а гоф-медики должны были поочередно дежурить при панихидах в Петропавловском соборе. Врачи Придворной медицинской части привлекались и к обслуживанию иностранных дипломатических миссий: в 1873 г. дежурному гоф-медику Маркусу и двум лекарским помощникам было поручено наблюдать за больными свиты персидского шаха, находившимися в гостинице Соболева³.

Для разработки проекта реформы Придворной медицинской части 23 февраля 1882 г. была образована комиссия под руководством лейб-хирурга А.Л. Обермиллера. Проект, законченный 14 июля того же года, состоял из нового положения о Придворной медицинской части и штатов: канцелярии управляющего Придворной медицинской частью, лейб-медиков Двора Его Императорского Величества, личного состава дежурных и окружных гоф-медиков, лекарских помощников и повивальных бабок, личного состава Центральной придворной аптеки, личного состава и госпитальной прислуги придворных госпиталей Петербургского придворного конюшенного госпиталя (год основания 1847), Петергофского городского госпиталя с детской больницей (1843 г.), Царскосельского госпиталя с богадельней (1852 г.) и Гатчинского госпиталя с богадельней и домом призрения больных (1797 г.), личного состава и прислуги по аптекам при Царскосельском, Петергофском и Гатчинском госпиталях.

Однако дальнейшего движения этот проект не получил, и только в 1888 г. врачебная часть министерства Императорского Двора была преобразована на совершенно новых основаниях, общий смысл которых сводился — в русле проводившегося Александром III режима экономии государственных средств — к сокращению численности и упрощению функций отдельных частей бюрократического аппарата.

В результате вместо Придворной медицинской части 7 мая 1888 г. была создана Инспекция врачебной части министерства Императорского Двора. Кратким «Положением о врачебной части Императорского Двора» эта часть была сформирована таким образом, что в непосредственном ведении инспектора (так теперь называлась высшая медицинская должность при Дворе) оставалась лишь его канцелярия (4 человека). К его обязанностям были отнесены ревизии и осмотры лечебных учреждений и председательствование в комиссии по освидетельствованию больных. Никакой административной и исполнительной власти инспектору не предоставлялось. В итоге Инспекция врачебной части постепено превратилась в совещательный орган и не несла почти никакой ответственности за состояние врачебного дела.

Согласно положению 1888 г. вместо дежурных и окружных гоф-медиков, гоф-акушеров и др. были введены должности врачей, акушеров, лекарских помощников и акушерок в штате Главного дворцового управления (до 1891 г.) и врачей и лекарских помощников, назначаемых для дежурства в местах пребывания Высочайшего Двора.

Меры экономии коснулись и Придворной аптеки. В конце XIX в. аптечный расход по министерству Императорского двора по алфавитным спискам «особам и лицам, которым отпускаются из придворной аптеки и из вольных аптек за счет Высочайшего Двора медикаменты и патентованные средства», достиг 35 тыс. рублей в год. И это несмотря на то, что медицинским чинам Придворного ведомства настоятельно рекомендовалось, чтобы они «при прописывании лекарств старались избегать назначения дорогих медикаментов и при возможности заменяли их простейшими средствами для чиновников и служителей Придворного ведомства». Для сокращения расходов на медикаменты 6 сентября 1894 г., незадолго до смерти Александра III было принято постановление Совета при министерстве Императорского Двора, согласно которому бесплатным получением лекарств пользовались, кроме служащих министерства, чиновников выше VIII класса, только те их родственники, которые проживали вместе с ними (они же пользовались, согласно Высочайшему повелению от августа 1865 г., правом бесплатного лечения в Петербургском госпитале Дворцового ведомства)⁴.

С повышением требований к санитарному состоянию учреждений министерства Императорского Двора организация врачебной части с ее совещательным, пассивным характером оказалась во многих отношениях нецелесообразной. Ввиду этого в 1897 г. по приказу министра Императорского Двора была составлена комиссия при участии исполняющего обязанности медицинского инспектора Н.А. Вильчковского и двух врачей министерства под председательством управляющего Кабинетом Его Императорского Величества генерал-лейтенанта П.К. Гудим-Левковича, которая выработала проект нового «Положения о Придворной медицинской части», утвержденный 17 января 1898 года. В соответствии с этим положением врачебная часть министерства Императорского Двора была реорганизована на началах, сходных с прежним (до 1888 г.) устройством.

Инспектору придворной медицинской части вновь были подчинены непосредственно весь медицинский персонал министерства (за исключением лейб-медиков) и все управления санитарно-медицинской частью во всех установлениях министерства кроме Капитула орденов, Главного управления уделов, а также медиков Алтайской, Нерчинского округов и Екатеринбургской фабрики.

На Инспекцию Придворной врачебной части возлагался высший санитарный надзор как в местах пребывания Высочайшего Двора, так и во всех зданиях министерства, а также ответственность за правильное в медицинском отношении ведение дела в госпиталях и в приемных покоях (при этом в хозяйственно-административном отношении госпитали остались в ведении начальников дворцовых управлений). Таким образом, на первый план выдвигалась задача поддержания должного санитарного состояния так называемых дворцовых городов. Эта задача решалась довольно успешно. Как пишет А.Я. Гуткина, «нелишне будет указать на то, что местный надзор за санитарной частью городов дворцового ведомства был поставлен раньше и лучше, нежели надзор в других городах России»⁵.

Предупреждение заноса заразных болезней в Августейшую семью, как указывалось в одном из отчетов Придворной врачебной части, «дело ... очень трудное и не всегда выполнимое, особенно если принять во внимание условия придворной жизни и громадное число лиц, занимающих самые разнообразные социальные положения и имеющих доступ во дворцы»⁶.

Действительно, в середине XIX в. в Зимнем дворце проживало более двух тысяч человек, главным образом прислуги. Из-за этого в ряде случаев не удавалось уберечь Августейших особ от заразного начала. Так, в 1865 г. тифом в тяжелой форме переболел будущий император Александр III, в 1902 г. в Крыму тяжелую форму брюшного тифа перенес Николай II, а в феврале 1917 г., заразившись от ездившего в гости к наследнику Алексею учащегося одного из петроградских кадетских корпусов, где уже была вспышка кори, тяжело заболели все дети Николая II.

Как следует из отчетов о работе дворцовых госпиталей, в которых ежегодно лечилось более 5 тыс. больных, около трети из них составляли больные заразными (инфекционными) заболеваниями — гриппом, скарлатиной, дифтеритом (дифтерией), брюшным тифом и др. При этом может быть отмечена некоторая тенденция к росту числа таких заболеваний по годам и сравнительно высокая летальность.

Предусматривалась систематическая организация санитарного надзора, организованная борьба с заразными болезнями. Об объеме этой работы можно судить по данным, приведенным в отчете Придворной медицинской части за 1898 г., согласно которым в зданиях министерства в Петербурге жило более 16 тыс. взрослых и более 5 тыс. детей, в Царском Селе — 25 тыс., в Гатчине — около 10 тыс., в Петергофе — 10 тыс. при очень большом «приливе» в эти города пришлового населения и дачников в летние месяцы.

16 марта 1898 г. были утверждены новые штаты Придворной медицинской части. Они включали в себя Управление, лиц, имеющих придворно-медицинские звания, медицинских, ветеринарных и фармацевтических чинов министерства Императорского Двора (за исключением состоящих в ведении Главного управления уделов и Капитула орденов), госпитали и другие врачебные учреждения Императорского Двора и Придворную аптеку. В Придворную медицинскую часть входили: инспектор, его помощники, 4 чиновника Управления, 51 врач (кроме того, 32 дежурных врача при московских и петербургских императорских театрах), 2 ветеринара, 22 фармацевта,

26 лекарских помощников, 4 дезинфектора, 4 фельдшера, 9 акушерок, 20 сестер милосердия (плюс 22 вольнонаемные). На их содержание в год тратилось 189 734 рубля, в том числе на Управление — 70 190 рублей.

Согласно положению, инспектор Придворной медицинской части назначался Высочайшим указом Правительствующему Сенату. На должности старших врачей госпиталей назначались лица, имеющие степень доктора медицины и заявившие о себе практической и, в особенности, больничной деятельностью. Так, в 1878 г. на вакансию старшего врача придворного Конюшенного госпиталя был назначен почетный лейб-акушер Двора Его Величества доктор медицины коллежский советник И.Ф. Масловский ⁷.

Врачи всех установлений министерства Императорского Двора, а также лекарские помощники и акушерки были обязаны оказывать медицинскую помощь всем чиновникам и служителям министерства с их семействами и прислугой.

Госпитали и другие врачебные учреждения министерства Императорского Двора предназначались для безвозмездного пользования служащих министерства и их семейств, а госпитали дворцовых городов, кроме того, и для пользования жителей этих городов за установленную плату. Правда, из этого правила были исключения. Так, в 1861 г. было Высочайше повелено помещать бесплатно труднобольных для пользования в Петергофский дворцовый лазарет, а также отпускать безденежно лекарства для больных Дома призрения престарелых и увечных в память императора Николая I в Петергофе. Когда в 1882 г. в Гатчине и окрестностях резко увеличилось число «заболевающих дифтеритической болезнью», при Гатчинском госпитале было открыто особое бесплатное отделение для этих больных ⁸.

Иногда госпитали Дворцового ведомства использовались и для других целей. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. в Общество Красного Креста была передана часть придворных госпиталей для размещения в них больных и раненных воинов: в Царском Селе — два отделения на 100 человек с назначением придворных медиков, лекарских помощников и других нижних медицинских чинов для оказания помощи раненым и больным, в Гатчине — все здание госпиталя на 80 человек, причем больные Придворного ведомства были переведены в деревянный барак, принадлежавший госпиталю ⁹.

Бывали в придворных госпиталях и необычные пациенты. После неудачного покушения на Александра II, совершенного 2 апреля 1879 г. на Дворцовой площади Александром Соловьевым (оказавшимся сыном лекарского помощника Придворного ведомства), в Придворно-конюшенный госпиталь был доставлен с огнестрельной раной, «нанесенной из револьвера злоумышленником, покушавшимся на жизнь Его Величества Государя императора, охранный страж француз Милошевич» ¹⁰.

Лечение больных в дворцовых госпиталях обходилось недешево: только общая суточная стоимость пищевого довольствия (без вина) составляла в 1900 г. — 38,08 коп., а в 1902 г. — 40,47 коп.

Помимо стационарной помощи врачи Придворной медицинской части вели поликлинический прием. Например, в 1898 г. было принято амбулаторно более 20 тыс. больных. При этом, судя по отчету Инспекции врачебной части, условия для такого рода работы были не вполне благоприятными. Так, в Петербургском госпитале для приема амбулаторных больных по специальностям хирурга, акушера и терапевта в здании госпиталя были выделены одна общая ожидальня и две небольшие комнаты для врачебного осмотра (вывод: «Обстановка приемной недостаточная»). В Царском Селе для амбулаторного приема была выделена одна комната как для ожидания, так и для самого осмотра, место которого отгораживалось ширмами («Обстановка почти никакой»). В Гатчине прием велся в отдельном от госпиталя здании, где были выделены 4 небольшие комнаты («Обстановка недостаточная»). В Петергофе для амбулаторного приема отдельного помещения не было, для ожидания использовали палатный коридор нижнего этажа, там же проводил прием зубной врач ¹¹.

Не в лучшем положении находились и дежурные врачи при Высочайшем Дворе. Еще в 1839 г. они подали рапорт об исходатайствовании для врачебных дежурств в Зимнем дворце комнаты более удобной и соответственной своей цели. Однако только в 1867 г. им было отведено новое помещение — комнаты №№ 48 и 49 близ Иорданского подъезда Зимнего дворца ¹².

Сама канцелярия Придворной медицинской части не имела (за исключением 1893—96 гг., когда она находилась в здании Кабинета Его Императорского Величества) своего постоянного казенного помещения и была вынуждена переезжать с одной частной квартиры на другую: в 1861 г. — из дома господина Шкляревского в дом генерал-майора Блау, в 1874 г. — из дома наследников Блау (генерал, видимо, умер) в дом адмиральши Мелиховой (Литейная часть, Моховая улица, дом 22, квартира 19), из дома адмиральши — в дом госпожи Сент-Керк (дата не установлена), в 1886 г. — из дома госпожи Сент-Керк в дом господина Лермонтова (1-й участок Адмиралтейской части, Аптекарский переулок, дом 5, квартира I), затем — в 1896 г. — на частную квартиру в доме Римско-католической церкви на Невском проспекте и, наконец, в 1911 г. — на Фонтанку, дом 2¹³.

Придворная же аптека после переезда из Москвы в 1712 г. постоянно находилась в покоях Зимнего дворца и лишь в 1888 г. была переведена в здание Петербургского госпиталя Дворцового ведомства.

Много хлопот руководству Придворной медицинской части доставляли врачебные дежурства в императорских театрах Москвы и Петербурга, особенно в связи с не всегда ответственным отношением к своим обязанностям врачей-дежурантов. Так, 27 апреля 1879 г. сверхштатный врач статский советник Рымович не явился на дежурство в Мариинский театр, где во время спектакля заболело 6 воспитанников театрального училища «рвотою и резыю в кишках» (видимо, от употребления недоброкачественной пищи). В 1881 г. заболевшей во время второго акта оперы «Трубадур» госпоже Кумберг не была оказана медицинская помощь из-за «ненахождения дежурных врачей в Большом театре Рымовича и в Мариинском театре Чернявского, которым сделано строгое замечание». В 1884 г. было сделано замечание сверхштатному врачу Петербургских театров коллежскому советнику Добужинскому за неявку его на дежурство в Александринский театр и дежурному гоф-медику (фамилия не указана) «бывшему на дежурстве не в форменной одежде»¹⁴.

Помимо непосредственного исполнения обязанностей, возложенных на Придворную медицинскую часть, ей давались и дополнительные поручения, например, составление мнения по просьбе купца Горбачевского относительно позволения ему иметь государственный герб на вывеске его депо пивов; дача заключения для доклада Его Императорскому Величеству о достоинстве сочинения французского врача Теста о началах гомеопатии; создание особой комиссии для осмотра всех устроенных в Зимнем дворце резервуаров и водопроводов и строжайшего химического исследования воды, находившейся в резервуарах и полученной из кранов, по случаю внезапной болезни находившихся в карауле 35 человек нижних чинов лейб-гвардии Измайловского полка; составление мнения о сочинении доктора Марокетти о водобоязни (бешенстве), а также о сочинении иностранца Ниропа об искусственных руках и ногах (в России искусственную ногу — протез сконструировал для своего сына, полковника артиллерии, раненного в Бородинском сражении, лейб-медик И.Ф. Рюль); доставление сведений о глазных операциях флорентийского врача Алесси с мнением о медицинских его сочинениях, представленных для подписи Государю Императору; рассмотрение описания изобретенной бельгийским доктором Серве медико-хирургической готовальни для употребления в поездках Его Величества (лейб-медик Ф.Н. Карелль с плохо скрываемым раздражением ответил, что «едва ли она для нас необходима, ибо у лейб-медика, сопровождающего Высочайшие особы, есть дорожные аппараты, содержащие в себе все необходимое как для терапевтического, так и для хирургического пособия, могущего потребоваться в походе или в вояже»); доставление мнения относительно изобретенного иностранцем Барелли небольшого аппарата, включающего в себя некоторые медикаменты и хирургические предметы, необходимые солдату для подаяния самому себе первой помощи (прототип современного индивидуального перевязочного пакета, или аптечки первой помощи, предложенного в России лейб-хирургом Н.А. Вельяминовым в 1885 г., но появившегося в русской армии только к началу русско-японской войны 1904—1905 гг.) и др.¹⁵.

Придворной медицинской частью в разные годы руководили известные деятели отечественной медицины — Э.И. Рейнгольд, Ф.С. Цыцурин, А.Л. Обермиллер, М.А. Маркус, Н.А. Вельяминов. Из них наибольший вклад в развитие придворной меди-

цины внес, несомненно, выдающийся хирург-клиницист и талантливый врач-организатор Н.А. Вельяминов (1855—1920).

Приветствуя Н.А. Вельяминова в связи с 25-летием его ученой и общественной деятельности, лейб-медик Ф.А. Рошинин, выступавший от имени сотрудников Придворной медицинской части, говорил, что «за три с половиной года пребывания инспектором Придворной медицинской части Н.А. Вельяминов ввел новые более живые формы медицинской отчетности, результатом чего явился небывалый в Придворной медицинской части печатный отчет, выпускаемый ныне ежегодно. Отчет этот дал возможность высшему начальству указать на недостатки Придворной медицинской части и приступить к необходимым реформам. В числе их быстро последовало введение широких санитарных мер (создание института санитарных врачей и дезинфекторов, устройство лабораторий для санитарных врачей, организация изоляторных квартир, твердая постановка регистрации заразных болезней), давших возможность почти в каждом случае локализовать заразу и помешать ее распространению к Высочайшему Двору»¹⁶.

При Вельяминове во всех дворцовых госпиталях были введены должности сестер милосердия. Впервые в штате Придворной медицинской части появились женщины-врачи. Заметно усилилась оперативная деятельность в хирургических отделениях госпиталей. Благодаря стараниям Вельяминова были приняты решения о необходимости постройки нового здания Петергофского госпиталя взамен существовавшего с 1843 г., как не удовлетворяющего современным требованиям гигиены и рациональной медицины, и о переустройстве хирургического отделения Царскосельского госпиталя. С присущими ему трудолюбием и целеустремленностью Вельяминов осуществлял, говоря словами Ф.А. Рошинина, «попечение об охране здоровья обширного круга людей, ближайшим образом окружающих особу Государя императора и его семью»¹⁷.

Как видно, основным содержанием деятельности Придворной медицинской части была организация медико-санитарного обеспечения чиновников и обслуживающего персонала министерства Императорского Двора. Непосредственным же медицинским обслуживанием царя, его семьи и многочисленных родственников (в середине XIX в. императорская фамилия насчитывала 28 человек, в начале XX в. — 53 человека, а в 1914 г. — более 60 человек) занимались лейб-медики, представлявшие собой как бы отдельную касту среди чиновников Придворной медицинской части. Между гоф-медиками и лейб-медиками существовала незримая, но достаточно прочная граница, преодолеть которую удавалось лишь в единичных случаях. Одним из таких редких случаев было пожалование в 1856 г. в почетные лейб-медики почетного гоф-медика действительного статского советника А.И. Овера. А вот на испрашиваемое в 1885 г. гоф-медиком Гилюботомом «соизволение на пожалование ему звания сверхштатного лейб-медика с оставлением заведывающим гоф-медиком в том же округе и с сохранением получаемого им содержания» положительного решения не последовало¹⁸.

Более подробно о деятельности лейб-медиков см. «Вопросы истории», 2000, № 1, с. 102—114.

Примечания

1. Сборник российских законов о медицинском управлении. Ч. III. СПб. 1828, с. 151—154.
2. Там же, с. 263—265.
3. Российский государственный исторический архив в С.-Петербурге (РГИА), ф. 479, оп. 1, д. 489, л. 84 об.; д. 509, л. 88; д. 657, л. 113; д. 728, с. 125; д. 1015, л. 176—176об.; д. 1253, л. 215; д. 1349, л. 233; д. 1355, л. 234; д. 1378, л. 238—238об.; д. 1567, л. 276; оп. 3, д. 20, л. 31; д. 46, л. 71об.; д. 116, л. 85об.
4. Обзор деятельности министерства Императорского Двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III (1881—1894 гг.), ч. 1, кн. I. Придворная медицинская часть. СПб. 1901, с. 155—172.
5. ГУТКИНА А.Я. Организация здравоохранения в России от аптекарского приказа до Наркомздрава. — Врачебное дело, 1927, № 20, с. 1458.

6. Придворная медицинская часть в 1898 г. Отчет инспекции. СПб. 1899, с. 105.
7. РГИА, ф. 479, оп. 1, д. 2605, л. 500.
8. Там же, ф. 479, оп. 1.1127, л. 261; оп. 3, д. 23, л. 6—6об.
9. Там же, ф. 479, оп. 1, д. 1945, л. 484; д. 1947, л. 484об.
10. Там же, ф. 479, оп. 1, д. 2040, л. 511.
11. Придворная медицинская часть в 1898 г. Отчет инспекции. СПб. 1899, с. 30.
12. РГИА, ф. 479, оп. 2, д. 1067, л. 184об.
13. Там же, ф. 479, оп. 2, д. 664, л. 114; д. 1442, л. 247; оп. 3, д. 135, л. 33; д. 160, л. 209; оп. 4, д. 62, л. 163.
14. Там же, ф. 479, оп. 1, д. 2046, л. 512; оп. 3, д. 18, л. 5; д. 162, л. 94.
15. Там же, ф. 479, оп. 1, д. 845, л. 194об., д. 867, л. 199; д. 948, л. 218об., д. 1170, л. 273-273об.; д. 1054, л. 364; оп. 2, д. 249, л. 42; д. 680, л. 117; д. 730, л. 125об.; д. 112, л. 193об.
16. КОВАЛЕВСКИЙ П.И., АЙКАНОВ А.М., ФРАТКИН Б.А. Чествование Н.А. Вельяминова. СПб. 1902, с. 40.
17. Там же, с. 54.
18. РГИА, ф. 479, оп. 1, д. 858, л. 197; оп. 3, д. 103, л. 22об.

Этнонациональные отношения русских и украинцев в свете новейших исследований

М.В. Дмитриев

Политика российской имперской бюрократии в отношении украинского национального движения во годы правления Александра II и отражение этой проблемы в русском общественном мнении, как и поставленные в связи с этим вопросы, имеют принципиальное — не только научное, но и общественное значение.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН А.И. Миллер, наряду с большим массивом опубликованных источников привлек в своей, посвященной этой теме книге¹, широкий круг архивных материалов. Беспристрастность автора, как в отношении «русской», так и «украинской» и любой иной точки зрения, позволила объективно рассмотреть данную проблематику, да к тому же в сравнении с тем, как аналогичные вопросы («шотландский» и «провансальский») решались в Великобритании и Франции. Подробному анализу подвергнуты знаменитые Валуевский циркуляр 1863 г., запрещавший печатать на украинском языке учебные и научно-популярные книги, и Эмский указ 1876 г., прекративший ввоз украинских книг из-за границы, и театральные постановки на украинском языке. Вопрос о русском и украинском национализме XIX в. поставлен автором на солидную научно-объективную основу, что делает продуктивными дискуссии об «украинском вопросе» в Российской империи.

В исследовании как бы два фокуса — родившийся в середине XIX в. украинский национализм (идея особого, украинского народа) и противостоящий ему национализм русский, на развитие которого повлиял «украинский сепаратизм» (руководящая его идея — «большая русская нация», включающая в себя в качестве органических составляющих русских, украинцев и белорусов). Представители украинского национализма хорошо известны. Это — историк и публицист Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш, Н.М. Белозерский, В.Б. Антонович, М.П. Драгоманов, П.П. Чубинский, Т.Г. Шевченко. Их деятельность неразрывно ассоциируется с Кирилло-Мефодиевским обществом, петербургским журналом «Основа», киевским отделением Русского географического общества, «Громадой», рождением современной украинской литературы и историографии, собиранием и публикацией украинского фольклора, интенсивно способствовавших формированию идеи «украинской нации». С русской стороны выступают сам Александр II, министр внутренних дел П.А. Валуев, министр народного просвещения А.В. Головнин, киевский губернатор А.М. Дондуков-Корсаков, В.А. Долгоруков, А.Л. Потапов, Д.А. Толстой, А.А. Половцов, Д.А. Милютин, Н.В. Мезенцов, М.Т. Лорис-Меликов, А.Е. Тимашев, издатель «Московских ведомостей» М.Н. Катков, М.В. Юзефович, С.С. Гогоцкий, А.Ю. Самарин, а также В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, М.П. Погодин, С.Т. и И.С. Аксаковы. Разумеется, по логике и цели исследования, главное внимание при рассмотрении этого конфронтационного диалога уделено русской стороне.

Дмитриев Михаил Владимирович — доктор исторических наук, доцент Исторического факультета Московского государственного университета.

Миллер, опираясь на солидный опыт теоретического и прикладного исследования многих разновидностей национализма, присоединяется к тем авторам, которые считают, что единая модель национализма, способная объяснить как его природу, так и все формы проявления, в принципе невозможна. Сам он отталкивается от разработанной Б. Андерсоном теории нации как «воображенного сообщества», а также от представлений о дискурсивной природе национализмов. Национализму нельзя дать исключительно положительную, либо негативную оценку; но это понятие можно использовать как инструмент, без которого историку никак не обойтись при изучении этого феномена. Автор называет националистами «всех, кто участвует в националистическом дискурсе, то есть принимает и стремится так или иначе интерпретировать категории национальных интересов и наций как символические ценности» (с. 17).

Российская ситуация, констатирует Миллер, имела много сходного с британской или французской, и, соответственно, могла эволюционировать так же, как это произошло на западе Европы, то есть привести к ассимиляции украинцев (малороссов) в «большой русской нации». Собственно, в этом и состоит главный вопрос его книги — почему эта ассимиляция в конечном итоге так и не состоялась?

В середине XIX в. «украинский» или «украинофильский» националистический проект столкнулся с проектом «большой русской нации». В случае осуществления последнего украинцы растворились бы в русской нации примерно так же, как бретонцы или шотландцы были ассимилированы французами и англичанами. Соответственно свою задачу автор видит в том, чтобы «рассказать», что удалось и что не удалось российскому правительству в осуществлении «общерусского проекта».

Рождение этого проекта Миллер связывает с публикацией И. Гизелем в 1674 г. «Синописа», где киевский эрудит предложил историческое обоснование теории, позже превратившейся в советский концепт «трех братских народов», подчеркивая, что шансы на успех у «общерусского проекта» были очень велики, потому что дворянские элиты Малороссии и России к XIX в. практически слились, языки и религиозные традиции были очень близки, никакой дискриминации украинцев на индивидуальном уровне не было, политика правительства в национальном вопросе была весьма гибкой и пр. Поэтому, как подчеркивает Миллер, «в XVIII и XIX вв. процессы формирования идентичности у восточных славян могли протекать по существенно различным сценариям и дать существенно различные результаты» (с. 48). Этим утверждением и многими другими высказываниями автор оттеняет свой принципиальный отказ рассмотреть «украинский вопрос» в России XIX в. как историю угнетения украинцев русскими и борьбы угнетенного народа за национальное освобождение, что вовсе, однако, не значит, что Миллер отрицает репрессивный характер политики имперских властей в отношении украинского движения.

Рассматривая рождение «украинофильства» в России в первой половине XIX в. и реакцию на него властей и общественного мнения, автор касается влияния идей И.-Г. Гердера и Французской революции, собрания украинского фольклора, деятельности и высказываний профессора Киевского университета М.А. Максимовича о польских хлопоманах и превращения «украинофильства» в националистическую идеологию» (с. 55) членами Кирилло-Мефодиевского общества и Т.Г. Шевченко. В русском общественном мнении выделяются сторонники агрессивной и мягкой ассимиляции (соответственно, В.Г. Белинский и Ю. Венелин), и защитники идеи сохранения культурной и языковой самобытности Украины (Малороссии) в составе Российской империи. При этом Н.В. Гоголь — фигура в высшей степени характерная и важная для проблематики русско-украинских отношений — только однажды или дважды упомянут в книге, а его имя даже не попало в именной указатель.

Первые годы правления Александра II охарактеризованы как скрытая стадия «активизации украинофильства». В это время Костомаров (как и Шевченко) с триумфом вернулся в Петербург, чтобы стать профессором университета, Кулиш имел в северной столице свою типографию, симпатии к украинофилам стали очень характерны для высшего общества и столичной интеллигенции, власти готовы допустить украинский язык в начальных школах, цензура практически никак не мешала печатанию книг на украинском языке, в Москве и Петербурге можно было купить 6 украинских букварей разных авторов. Синод не исключал возможности перевода Св. Писания на украинский, но одновременно наметился конфликт между украинофилами и теми малороссами, которым была дорога идея триединой русской нации. Если украинский националистический дискурс в эти годы уже в значительной степени сформировался, а Кулиш выступал как «убежденный украинский националист именно сепаратистского толка» (с. 73), то русская политика в украинском вопросе, еще не стала националистической, и в этом отношении Россия отставала от Запада (см. с. 69). Этот тезис очень характерен для аналитической манеры автора, с которым в данном случае можно и не согласиться. В этом контексте Миллер характеризует известную полемику Погодина и Максимовича, у кого — великороссов или малороссов, больше прав на киевское наследие, как «национализацию патриотизма».

Охарактеризовав реакцию русской прессы на публицистику «Основы» и выступления украинофилов в начале 1860-х годов, автор переходит к генезису Валуевского циркуляра, требовавшего резко ограничить сферу использования и преподавания украинского языка. Рассмотрены реакция властей и общественного мнения на Валуевский циркуляр и политика государства в «украинском вопросе» в 1863-1872 годах. Затем разбираются украинское движение в Киеве в 1872-1876 гг., подготовка, исполнение и последствия Эмского указа. Наконец, описаны попытки Петербурга поддержать «москвофилов» Галиции и ситуация, сложившаяся в 1880-1881 гг., а также рассматривается вопрос о степени результативности российской политики в «украинском вопросе» и упущенных царизмом альтернативах.

Автор не только показал механизмы выработки русской политики, флуктуацию и разноречивость русского общественного мнения, но и сделал ряд констатаций, касающихся времени Александра II, результаты русской политики в отношении украинофильства и малороссов, которая была мягче, чем в Англии и Франции, не использовала всего набора возможных инструментов ассимиляции и не была жесткой. Среди вдохновителей «общерусского проекта» было много малороссов, а в русском общественном мнении — много сторонников «украинофильства». Валуевский циркуляр рассматривался как временная мера. Синод не играл большой роли в выработке русской украинской политики, а Эмский указ был малоэффективен, контрпродуктивен, тем более что многие русские бюрократы противодействовали ему, как и валуевскому циркуляру. Политика русификации в эти годы была очень непоследовательной. До Александра III развитие по французскому или англо-шотландскому варианту было одной из вполне возможных альтернатив. Такова часть того ряда конкретных и ясно обозначенных результатов, к которым привело проделанное исследование.

Некоторые положения Миллера вызывают несогласие. Хотя в названии книги говорится о всей второй половине XIX в., фактически речь идет (в исследовательской части) только о времени правления Александра II. Однако из вводной и заключительной частей книги видно, что, по мнению автора, опыт этой сравнительно краткой эпохи позволяет понять, чем был и как решался «украинский вопрос» на протяжении всей истории Российской империи. В XIX же веке столкнулись два национальных (националистических) проекта — «украинский» и «проект большой русской нации». Второй уже перед первой мировой войной и Октябрьской революцией потерпел поражение в противоборстве с первым.

Выбранный Миллером временной масштаб французские историки школы «Анналов» назвали бы исторической «конъюнктурой», лежащей между «событийным» ритмом и ритмом «структур», остающихся относительно малоподвижными на протяжении веков. Применительно к предмету книги Миллера дело не просто в том, что историю «украинского вопроса» можно было бы рассмотреть в ином хронологическом измерении — от, скажем, середины XVII в. до 1917 или даже 1939 года. В масштабе «конъюнктуры» вряд ли можно вполне увидеть то, что обнаруживается только в перспективе «большой длительности»; к тому же, даже происходившее в годы правления Александра II вряд ли может быть вполне понято без адекватного представления о том, что было до и после этой эпохи.

И тут появляется два неотступных сомнения, к которым особенно восприимчив будет всякий медиевист, читающий книгу Миллера. Во-первых, в самом ли деле «русский проект» решения украинского вопроса в эпоху александровских реформ может быть поставлен рядом с «украинским» — в том смысле, что и тот и другой были лишь «проектами», и возраст их и, так сказать, степень реализованности, были приблизительно одинаковы? Во-вторых, не оказывается ли историк конца XX века, констатируя, что «проект большой русской нации» потерпел «неудачу» еще до революции 1917 г., в положении «пророка, предсказывающего назад»? Эти два сомнения порождены обстоятельствами, относящимися, соответственно, к предыстории «украинского» и «русского» вопросов александровской поры, и к его социалистическому эндшпилю.

Что касается первого сомнения (относительно возраста и степени осуществленности «проекта большой русской нации»), то в принятой Миллером системе координат отправной точкой в траектории «общерусского проекта» выступает упоминаемая выше книга Иннокентия Гизеля «Синопсис». Кроме того, дело излагается так, что у читателя складывается впечатление, будто и через 200 лет после присоединения Левобережной Украины к России «большая русская нация» существовала по-прежнему лишь «в проекте». Оба этих тезиса очень уязвимы.

Книга Гизеля предстает вехой в эволюции историографических, историософских и идеологических (в смысле целеполагания и обозначения ценностных ориентиров) концепций восточного славянства. Но, во-первых, она никак не может быть признана конструкцией *ad hoc*, то есть сознательным сотворением некоей востребованной временем и политиками идеологемы; во-вторых, это не стартовая, а промежуточная и сравнительно поздняя веха в формировании «проектов большой русской нации».

Как уже давно установлено, строительство «общерусского проекта» началось уже в Средние века, и с двух сторон — в Московской Руси и в будущих украинских и белорусских землях. В Московской Руси этим занялись монахи и придворные летописцы, и задача их, нужно признать, не была головоломной, как только они вооружились знанием церковной истории и древнерусских летописей. В последних, как хорошо известно, слово «Русь» и «Русская земля» употреблялось в нескольких смыслах. По первому из них, слово «Русь» относилось к Киевской, Галицкой и Волынской землям; по второму — к Северо-Восточной Руси; по третьему — к Новгородско-Псковским, Смоленским землям и части белорусских земель (в современном понимании их пределов). Наконец, Русью могла называться или вся территория восточных славян, или ее большая часть, или все пространство, где жили православные славяне и употреблялся «русский» язык.

Скорее всего авторам литературных и публицистических текстов, составителям хроник и юридических документов доводилось слышать и исполнение исторических песен и былин, сохранившихся как раз в северорусском фольклоре. Тот же механизм работал в противоположном направлении, и понятия, выкованные и пущенные в оборот книжниками, нисходили в более широкие слои общественного сознания и становились частью фольклора. Как показывают источники западного происхождения, через призму именно такого «проекта» на Русь смотрели и из Европы. В целом, в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси будущий «общерусский» политико-идеологический проект вырастал из довольно органичных оснований. Во времена Ивана III этот проект, как тоже хорошо известно, увенчался государственно-династическими претензиями на «отчину» в объеме всех восточнославянских земель и на титулование московских правителей государями «всей Руси».

В XVI в. эти представления и соответствующий протонациональный проект получили дальнейшее развитие в так называемой Никоновской летописи, Степенной книге, Сказании о князьях Владимирских, в дипломатических документах и т.д. Вопреки умозрительной концепции Э. Кинана, на которую ссылается Миллер, огромный фонд документов и практика связей с украинско-белорусскими землями свидетельствует о присутствии русским церковным и светским элитам (едва ли не ставшей спонтанной) убежденности, что за литовско-польским рубежом лежит в известном смысле «наша», православная земля, заселенная то ли «нашими» народом, то ли «нашими» родственниками.

Каковы были представления и «проекты» с украинско-белорусской стороны в средневековье и в XVI в., мы знаем плохо, прежде всего из-за крайней скудости источников. Но уже в конце XVI в. во Львове оформляется теория о московском православном царе-заступнике, возглавляющим «российский народ», частью которого являются и рутены, не перешедшие в «ляшскую веру», и этот мотив получает развитие в украинско-белорусской публицистике первой половины XVII века.

Эволюция этих представлений и «проектов» в XVII—XVIII вв. (как с русской, так и с украинско-белорусской стороны) широко отражена в источниках и достаточно хорошо изучена. Важно, что образ «большого русского народа» принимается как нечто само собой разумеющееся в фольклорных источниках. В частности, они несколько парадоксальным образом преломлены в фольклорных текстах о Святой Руси². Одновременно в XVII в. формируются проекты «русской» (то есть украинско-белорусской, «рутенской») нации.

Может быть, у них была бы более завидная судьба, если бы борьба Польши и России за Белоруссию и Украину в 1650-1660-е годы приобрела другой оборот. Но в годы Руины (ее можно датировать 1667-1686 гг.) концепция «единой Руси» и «малороссийства» одерживает бесспорную победу в высших церковных и светских русско-украинских кругах. Какими путями шло развитие этнического самосознания на правобережной Украине, в Галичине и Белоруссии во второй половине XVII-XVIII вв. мы практически не знаем. «Проекты», рождавшиеся в кругу Мазепы, Орлика и, возможно, в некоторых кружках малороссийского дворянства на Лебобережье, и предшествовавшие «Истории Русов», от которой, видимо, по праву можно отсчитывать родословную украинского национализма в Российской империи³, никак не составляли конкуренции торжествующей теории «малороссийской» идентичности.

Таким образом, историческая схема Гизеля и его «проект» имеют весьма глубокие корни и составляют лишь элемент (пусть и очень важный) в концепциях «русской нации», утвердившихся уже в XVIII веке. Гизель — Гоголь XVII века, не столько конструировавший проекты «общерусской» идентичности, сколько выражавший уже прочно и широко утвердившиеся представления.

Гоголь же — как Гизель XIX в. — еще более характерный и репрезентативный пример, и непонятно, как он почти полностью ускользнул из книги Миллера. Даже беглое прочтение литературных текстов и писем Гоголя ярко подтверждает естественный для всякого читателя «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Мертвых душ» взгляд на него как на украинско-великорусского, и в этом смысле русского писателя. Письма Гоголя (в том числе и знаменитое письмо к Смирновой-Россет в 1842 г., где он говорит о русском и «хохлацком» в своей душе) — законченное выражение ставшего частью

ментальности убеждения, что быть русским — вовсе не значит быть великороссом и что образованному малороссу ничто не мешало чувствовать себя русским. Для историка пример Гоголя имеет три достоинства: во-первых, мимо него нельзя пройти, потому что более известное выражение общерусской идентичности трудно подыскать; во-вторых, Гоголь оказал мощнейшее воздействие на складывание субъективной (и, скорее всего, даже объективной) идентичности многих поколений русских (великорусов и малорусов вместе взятых), сколько-нибудь приобретенных к образованию; в-третьих, эпистолярные, художественные и публицистические тексты бесспорно репрезентативны, и поэтому аргумент «от Гоголя» в спорах о русской, великорусской и украинской идентичности имеет совершенно исключительную силу. Уже один этот аргумент едва ли не разрушает тезис о «большой русской нации» как всего лишь проекте, которым русский национализм вооружился в середине XIX в. и который к тому же в книге Миллера как бы равноположен «украинскому проекту». Сверх того, по строгому счету, между «Историей русов», «Книгами бытия украинского народа» и другими построениями Костомарова, Кулиша и Драгоманова, с одной стороны, и представлениями Гоголя о взаимоотношениях «малорусского» и «русского», с другой, не существует острого противоречия, и поэтому столь трудная была задача, стоявшая перед украинским национализмом XX века и столь беспечны были русские националисты.

Вообще, показанная Миллером непоследовательность русской политики в украинском вопросе, своего рода легкомыслие и безответственность в ее осуществлении, найдут свое объяснение, возможно, не только в неповоротливости, неуклюжести, неэффективности российской бюрократии, но и в том, что «украинский проект» казался, в целом, утопичным, и социальные и «польские» аспекты «украинофильства» вызывали больше озабоченности, чем собственно национальные. В этом отношении показательны данные, приводимые Миллером в главе о последствиях Эмского указа. Из них видно, что даже избыточность, несвоевременность и контрпродуктивность этого шага не задержали быстрых темпов русификации (а точнее формирования общерусской идентичности, потому что термин русификация предполагает скорее борьбу с иной, украинской идентичностью основной массы населения, а таковая в XIX веке в крестьянской среде Украины еще, как признано, не сложилась). Трудно допустить, как правильно констатирует Миллер, что мягкая политика, предлагавшаяся Дондуковым-Корсаковым, помогла бы украинскому движению.

И тут мы подходим к другому серьезному поводу усомниться в тезисе Миллера о поражении «общерусского проекта» уже в XIX веке. Теперь стоит взглянуть на ту же проблему с противоположного полюса той «структуры», то есть «реальности большой длительности», которую представляет собой «украинский вопрос» — а именно с точки зрения советского опыта. В самом ли деле спор «русского» и «украинского» проектов был решен еще до 1917 года? В этом по меньшей мере трудно быть уверенным, тем более что история украинского вопроса после 1881 г. находится за пределами монографии, а существующие исследования, как кажется, пока не доказали, что в момент прихода к власти большевиков альтернатив уже не существовало.

Русификаторская политика Александра III, непоследовательность Николая II с его привычкой делать «шаг вперед и два шага назад», насилие, творившиеся русскими оккупационными властями в Западной Украине (Восточной Галиции) в 1914-1915 гг. — все это больше помогало украинскому национализму, чем препятствовало ему. И все же трудно не признать, что поражение «русского» проекта и невозможность его возобновления стали очевидны в годы Октябрьской революции и гражданской войны.

Была ли «украинизация» тактическим отступлением большевиков или исполнением принципиальных программных замыслов, в данном случае не имеет значения. Украинский национальный проект (среди прочих аналогичных проектов) был осуществлен в 1920-е годы интернационалистами-большевиками, и в этом, конечно, есть немалая толика исторической иронии. В период сталинизма, и позднее успехи «украинизации», несмотря на все попятные движения, репрессии, систематическую борьбу с «буржуазным национализмом», были закреплены, Малороссия окончательно стала Украиной и декабрьский референдум 1991 г. поставил точку во многовековом политическом процессе, хотя сопутствующие этнические и культурные противоречия, органические связи Украины с Россией и всем русским и великорусским скорее всего еще надолго (или даже навсегда) сохранятся. Все это, в целом, очевидно, и вряд ли может быть оспорено с научных позиций, да это было бы малоинтересно. Однако, самый факт, что «украинизация» своей предпосылкой имела радикальный слом прежних российских институтов и традиций, без которого она вряд ли бы вообще началась, и что русские и украинцы (в большинстве, как кажется) до сих пор осознают свою связь совсем не так, как они осознают свои связи, скажем, с татарами, армянами или поляками, а многие русские и украинцы, однажды задумавшись, не готовы увидеть в себе лишь великорусов и лишь украинцев — дает почувствовать и увидеть (а доказать тут, в области сослагательности, ничего не возможно), что

и после 1917 г., не случись революции, дела могли бы пойти иначе. Собственно, это признается и Миллером, хотя он, не раз, подчеркнув наличие вполне осязаемых альтернатив в XIX в., жертвует осторожностью ради придания остроты и эффективности тезису о проигранной уже к 1917 г. русской партии.

Чтобы быть правильно понятым, хочу лишний раз отметить, что не считаю искусственным «создание» украинской нации в XX в., не отрицаю того, как представляется, очевидного к сегодняшнему дню факта, что всякая нация и всякий национализм (в том числе русская нация и русский национализм) рождаются на 9/10 из соответствующих «проектов», и потому они есть творение, а не субстанция исторического процесса (а из этого вытекает, кстати, и очень вероятное «отмирание» наций, о котором так долго говорили коммунисты). Речь идет лишь о том, что хронологический диапазон, в котором и «украинская» и «большая русская нация» оставались потенцией, а не реальностью был шире, чем предполагает Миллер, а с другой стороны, запас прочности, набранный второй из этих двух альтернатив к середине XIX века был много больше, чем у «украинского проекта», и этим, повторим, можно объяснять известную «нерадивость» (с. 235) русского правительства и близких к нему интеллектуалов в решении «украинского вопроса».

Примечания

1. МИЛЛЕР А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб. 2000 (далее указания на страницы книги — в тексте статьи).
2. СОЛОВЬЕВ А.В. «Святая Русь» (очерк развития религиозно-общественной идеи). — Сборник русского археологического общества в Королевстве СХС (1927), с. 77—113. Англ. перевод (с изменениями): Holy Russia. The History of a Religious-Social Idea. Mouton, 1959 (Musagetes. Contributions to the History of Slavic Literature and Culture. Ed. By D. Cizevsky. XII).
3. Лучшая работа об «Истории русов»: BORSCHAK E. La légende historique de l'Ukraine «Istorija rusov». Paris. 1949.

В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922 гг. М. РОССПЭН. 2000. 607 с.

Для историков, как и для широкой общественности будет представлять значительный интерес, выпущенный Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ) (до марта 1999 г. — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории — РЦХИДНИ) и издательством РОССПЭН сборник ранее не публиковавшихся и малоизвестных документов В.И. Ленина. Из 422 публикуемых документов 332 ранее в России не печатались, а остальные воспроизводились либо полностью, либо с купюрами. Однако, даже публиковавшиеся ранее (в основном в конце 1980 — начале 1990 годов) были лишены серьезных научных комментариев.

Составители сборника — Ю.Н. Амиантов, Ю.А. Ахапкин, В.Н. Степанов и др. стремились, чтобы комментарий был строго научным и конкретным, свободным от влияния идеологической и политической конъюнктуры, позволяющим читателю составить достаточно полное представление о времени и обстоятельствах появления конкретного документа, легенда к которому включает ссылку на предыдущую его пуб-

ликацию, а также на источник воспроизводимого в данном издании текста.

В книгу вошли практически все содержательные ленинские документы, не публиковавшиеся в советский период — доклады, статьи, заявления, обращения, проекты партийных постановлений, письма и записки, то есть развернутые оригинальные тексты, принадлежавшие Ленину. За бортом сборника остались лишь подписанные им официальные документы, конспекты, тексты с редакторской правкой Ленина и т.п. (с. 4, 6—7). В предисловии указаны причины, которые до начала 1990-х годов определяли закрытый характер части ленинского наследия, хранящегося в фондах РГАСПИ. По существу, они сводились к разного рода политическим и идеологическим соображениям. Многие документы не соответствовали каноническому образу Ленина, другие содержали негативную информацию об органах ВЧК, Красной Армии, личных качествах ряда партийных и военных деятелей, противоречили сталинским установкам. В сборнике впервые публикуются письма и телеграммы Ленина Л.Д. Троцкому, выражавшие поддержку прово-

димой последним политической линии, а также жестких, а порой просто жестоких методов руководства и поднятия боееспособности Красной Армии (см., например, документы №№ 142, 178, а особенно — № 185-а). Впервые печатаются отдельные записки Л.Б. Каменеву и И.В. Сталину, относящиеся к в периоду болезни Ленина в 1922 году.

Сборник состоит из двух основных частей — дооктябрьской и советской. В первой выделяются, в первую очередь, сюжеты, которые ранее не получили полного отражения или были вовсе обойденными в официальных ленинских изданиях. Это относится, например, к некоторым финансовым вопросам деятельности РСДРП: переписка о «наследстве Н.П. Шмита» — 1909—1911 г., с К. Каутским, К. Цеткин и Ф. Мерингом — о деньгах, переданных им на хранение большевиками.

Впервые публикуются документы и письма по «делу Р.В. Малиновского». В условиях острой борьбы с меньшевиками Ленин и его соратники направили весь огонь критики против выдвинутых последними обвинений в адрес Малиновского. Ленин писал: «Малиновский был не только честный человек, он был талантливый работник пролетарского дела ... легенда о провокаторстве была создана сознательными клеветниками» (с. 182) ¹. В этом сознательном или бессознательном «заблуждении» Ленин оставался до весны 1917 г., когда связь Малиновского с «охранкой» была подтверждена документально. Свидетельством служат дружеские письма Ленина Малиновскому от 16 августа и 1 ноября 1916 г. (с. 190—191; 195—196), а также письмо Инессе Арманд от 30 декабря 1916 г., где содержится крайне резкий отзыв о А.А. Трояновском, позволившем усомниться в выводах следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Малиновского (с. 198—199). Переписка с И. Арманд представляет особый интерес, как и все, что касается личной, интимной сферы жизни Ленина.

Дополнительный свет на достаточно щекотливую тему «Ленин и деньги для партии» проливают впервые опубликованные документы относительно судьбы наследства Н.П. Шмита, погибшего в 1907 г. в тюрьме. Этой теме в разные годы было посвящено несколько десятков публикаций в периодической печати, мемуарная и художественная литература. В период «перестройки» стала доступна и книга Н. Валентинова ². Обширные и интересные материалы по этой теме хранятся также в фонде Государственного музея политической истории России ³. Благодаря браку младшей сестры Шмита Елизаветы Павловны (Таратуы) с А.М. Игнатьевым большевистский центр смог обеспечить получение основной части наследства, которое достигало, по

некоторым данным, 190 тысяч рублей или примерно 510 тысяч франков ⁴.

Все участники этой «операции» подчеркивали особую заинтересованность в ней лично Ленина. Е.К. Бравченко, участвовавшая вместе в Л.Б. Красиным и В.К. Таратутой в одном из совещаний, где обсуждался план фиктивной женитьбы, вспоминала, что Ленин все время находился в приподнятом настроении, именно он предложил выдать Елизавету Шмит за «большевика-дворянина» и был в восторге от кандидатуры А.М. Игнатьева, который находился на легальном положении и имел потомственное дворянство ⁵. Об участии Ленина в этом деле вспоминал и Н.Е. Буренин ⁶.

В дополнение к ранее известным свидетельствам, в основном, как уже отмечалось, мемуарного характера, в сборнике опубликованы партийные документы РСДРП, из которых наибольший интерес представляют: протокол передачи части наследства Большевикскому центру (БЦ), постановление этого центра о расчете с Ел.П. Шмит и расписка Ленина о получении от нее 275984 франков (с. 31—33, 36—38).

В борьбе за получение наследства ряд представителей БЦ, в особенности В.К. Таратута, прибегали к не слишком чистоплотным методам, включая угрозы и шантаж. Да и отношения между Игнатьевым и Таратутой (между фиктивным и реальным мужем Е.П. Шмит) резко ухудшились. Дело дошло до обвинений Таратуты в провокаторстве ⁷. В ходе разбирательства их специальной следственной комиссией РСДРП Ленин в целом поддержал действия Таратуты, о чем свидетельствует протокол его показаний, опубликованный в сборнике (с. 45—53). К сожалению в именном указателе не указаны даты жизни Елизаветы Павловны Шмит — 1887—1937 (с. 653).

Из ленинских документов 1917 года значительный интерес представляет текст выступления В.И. Ленина на заседании Петроградского комитета (ПК) РСДРП (б) 1(14) ноября, где обсуждался вопрос о вхождении в советское правительство представителей других социалистических партий. Выступление ярко характеризует радикальные взгляды Ленина по вопросу о создании «однородного социалистического правительства»: «Троцкий давно сказал, что объединение (то есть соглашение с эсерами и меньшевиками — М.И., А.К.) невозможно, Троцкий это понял и с тех пор не было лучшего большевика». И завершает выступление Ленин категорическим утверждением: «Без соглашений!» (с. 216, 217).

Можно лишь сожалеть, что в сборник не включено второе выступление Ленина на заседании Петроградского комитета 30 мая 1917 г., когда обсуждался вопрос о выпуске последним своего отдельного печатного органа. В отличие

от первого выступления на этом же заседании оно не было опубликовано в 32-м томе Полного собрания сочинений и о нем лишь кратко упоминается в 4-м томе Биографической хроники В.И. Ленина⁸. Выступая, Ленин не только указал на опасность разногласий между ЦК и ПК РСДРП(б) и выразил озабоченность левацкими тенденциями в позиции ПК. Одновременно он оценил официальную линию большевистского руководства в период апрельского кризиса 1917 г. как «колебания вправо»⁹. Ленин во многом, если не полностью, солидаризировался с наиболее радикальной частью ПК, резко выступавшей, в частности, против соглашения с другими социалистическими партиями.

Справедливости ради следует напомнить, что одной из главных причин эволюции взглядов Ленина по этому вопросу на протяжении 1917 года была позиция самих меньшевистско-эсеровских лидеров, неоднократно отказывавшихся от предлагавшегося им компромисса.

Разумеется, как любая публикация документов, рецензируемый сборник — непростое чтение. Но всякого, кто сумеет должным образом настроиться и «войти» в его содержание, ждет немало больших и малых открытий. И главное из них — ближе и понятнее становится сама фигура Ленина. Человека фанатически преданного революционной идее, но не лишённого простых человеческих слабостей и заблуждений. Способного писать самые беспощадные и убийственные (в прямом и переносном смысле) документы и распоряжения, давать весьма нелестные характеристики самым близким соратникам и вместе с тем внимательно заботившемся об их здоровье. Политика, до последних осознанных дней жизни остававшегося верным принципиальной борьбе со всеми враждебно настроенными к Советской власти (см., например, заключительный документ сборника — записку И.В. Сталину от 13 декабря 1922 г. о высылке Н.А. Рожкова в Псков, при этом «создав для него сносные условия жизни и обеспечив его материально и работой» — с. 580). И одновременно, человека, стойко превозмогавшего усиливавшиеся приступы смертельной болезни, и способного в минуты улучшения самочувствия с юмором хвалиться своим почерком («среднее между каллиграфическим и паралистическим») и от души смеяться над «правдивостью» официальных бюллетеней о его здоровье (письмо Л.Б. Каменеву от 12 июля 1922 г., с. 543).

Осознав ошибочность предоктябрьских оценок нежизнеспособности капитализма и надежд на скорое успешное развитие мировой революции, Ленин, как известно, смог расслышать, что стоит за кронштадтскими залпами и выстрелами на Тамбовщине, в Сибири и Закавказье, и,

провозгласив в 1921 г. переход к «гражданскому миру», убедить партию большевиков остановиться на пути «декретирования коммунизма», начать проводить «всерьез и надолго» более реалистическую, отвечавшую жизненным интересам населения и изменившимся условиям, политику — НЭПа. Есть определенные основания полагать, что в последний период жизни Ленин пришел к выводу о необходимости предпринять также «ряд перемен в нашем политическом строе»¹⁰. В заключительной части своего последнего публичного выступления о международной и внутренней политике на совместном заседании Московского и всех районных советов (20 ноября 1922 г. в Большом театре), стенограмма которого впервые опубликована в сборнике, Ленин специально подчеркнул, что «ломка, и политическая, и партийная, которая нами не достигнута должна быть продолжена, ... чтобы от старых приемов мы перешли к приемам совершенно новым ... чтобы все массы и все население проверили этот путь и сказали: «Да, это лучше, чем старый строй» (с. 572). И уже будучи тяжело больным, Ленин пытался что-либо изменить и в политической сфере.

Думается, в постижении именно такого — исторически правдивого Ленина — не иконного и не карикатурного — со всеми его плюсами и минусами, сильными сторонами, слабостями и противоречиями, то есть реального великого политика и живого человека — и нуждается сегодня наше общество.

Вызывает известную настороженность, хотя и поставленное в кавычки утверждение послесловия, что «засекреченного Ленина» больше не существует (с. 581). Формально, в том, что касается материалов архивного фонда В.И. Ленина в РГАСПИ, это, возможно, и справедливо, хотя еще в августе 1991 г. в печати сообщалось, что в бывшем ЦПА было недавно обнаружено записанное от руки начало ленинского «завещания», которое расходится с каноническим машинописным текстом¹¹. К сожалению, не сняты еще и некоторые другие «роковые вопросы». Одним из них, например, остается проблема «Ленин и немецкие деньги» в период подготовки и совершения Октябрьской революции, служащая объектом различных спекуляций. До сих пор на нее отечественные историография и источниковедение так и не дали на нее однозначного ответа. Между тем представляется вполне вероятным, что связанные с этим неизвестные документы могут находиться до сих пор в секретном хранении в одном из специальных хранилищ, возможно в так называемом Кремлевском или Президентском архиве. А ведь это только одна из не до конца исследованных страниц в биографии Ленина. Многие, несомненно, помогло бы про-

яснить и осуществление, наряду с продолжающимся фундаментальным изданием «Декреты Советской власти», полной научной публикации протоколов заседаний первого Советского правительства — ленинского Совнаркома, со всеми связанными с ними материалами. Так, что точку, наверное, ставить еще рано...

М.П. ИРОШНИКОВ, А.М. КУЛЕГИН

Примечания

1. Некролог «Роман Вацлавович Малиновский» был написан В.И. Лениным и Г.Е. Зиновьевым в связи с получением оказавшихся позднее ложными сообщением о гибели Малиновского на фронте первой мировой войны.
2. См.: АПРЕСЯН В.З. Время не ждет. М. 1977, с. 118—123; ВАЛЕНТИНОВ Н. Малоизвестный Ленин. СПб. 1991, с. 70—98.

3. Государственный музей политической истории России (ГМПир), ф. VI, д. 18 (Наследство Н.П. Шмита); д. 1947 (Таратута Е.П.), д. 839/1—2 (Игнатьев А.М.); ШЕСТЕРНИН С. Реализация наследства после Н.П. Шмита и мои встречи с В.И. Лениным. — Старый большевик, 1933, № 5(8), с. 155.
4. См. ГМПир, ф. II, № 14657.
5. КРАВЧЕНКО Е.К. Необычное поручение. — Вечерняя Москва, 23.I.1960.
6. ГМПир, ф. VI, д. 839, док. VIII, с. 49.
7. См.: Игнатьев Александр Михайлович. — Боевая техническая группа при ПК и ЦК РСДРП. 1905—1908 гг. Биобиблиографический словарь. СПб. ГМПир. 1999, с. 66—67.
8. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М. 1973, с. 202; Первый легальный ПК. Л. 1927, с. 119—120.
9. См. Первый легальный ПК, с. 120.
10. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 343.
11. Известия, 29. VIII.1991.

Российские либералы. М. РОССПЭН. 2001. 576 с.

Генезис русского либерализма нуждается в дальнейшем анализе с учетом движения мысли и в контексте исторического развития России и эволюции социокультурных и политических норм. Его история — это история личностей, чья неординарность мышления признана, но еще до конца не осмыслена. Вопрос о политической состоятельности русского либерализма остается открытым.

В этой связи представляется перспективным создание «персонифицированной истории» либеральной идеи и либерального движения в России. Привлекательным становится изучение носителей общественных идей, неоднозначного процесса эволюции их взглядов, сложного и подчас противоречивого сочетания в их идеологемах консервативных, либеральных и радикальных начал, выявление зависимости программных установок и политической практики от идейной среды и национальной, сословной и партийной принадлежности российских государственных и общественных деятелей.

Рецензируемый сборник посвящен светлой памяти Корнелия Федоровича Шацилло. Авторы статей не ставили своей целью изучение теоретических оснований либерализма, определение его специфически российских черт. Книга, по словам ее редакторов, представляет галерею «глубокомыслящих людей, озабоченных судьбой своей родины и стремившихся найти целесообразные методы (исключающие насилие) переустройства своей страны» (с. 3). В книгу вошли статьи, посвященные А.И. Тургеневу (Е.Л. Рудниц-

кая), К.Д. Кавелину (А.А. Алафаев и С.С. Секиринский), Б.Н.Чичерину (С.С. Секиринский), А.Д. Градовскому (В.А. Твардовская), В.А. Черкасскому (В.Я. Гросул), А.Н.Бекетову (Р.Г. Эймонтова), Н.А. Белоголовому (Б.С. Итёнберг), С.А. Муромцеву (А.Н. Медушевский), Ф.Ф. Кокоскину, Д.И. Шаховскому (В.В. Шелохаев), Д.Н. Шипову (С.В. Шелохаев), М.М. Ковалевскому (Н.Б. Хайлова), В.И. Вернадскому (В.П. Волков), П.А. Гейдену (Д.М. Шевырин), В.А. Маклакову (О.В. Будницкий) и П.Д. Долгорукову (Н.И. Каницева). Каждый из очерков включает обзор существующих в литературе оценок этого лица, биографические сведения, анализ его социально-политических взглядов.

Среди героев очерков и известнейшие фигуры, и те, чей вклад в формирование либеральной теории еще по настоящему не оценен. Однако всем им присуща «общая идентичность». Они принадлежали к «русской интеллигенции». (В XIX столетии говорили — «образованному обществу»; персонажи «Российских либералов» были высокообразованными людьми, в том числе и учеными, теоретиками.) Они также составляли и «общество» — были «общественными существами», стремились действовать совместно, мыслить и поступать на благо общей пользы, формировать определенные социально- нравственные эталоны. «Интеллигенция — писал П.Н. Милюков, — тесный внутренний круг: ей принадлежит инициатива и творчество. Большой круг «образованного

споя» является средой непосредственного воздействия интеллигенции»¹.

В сборнике представлены различные генерации российских либералов. Приверженность общей «либеральной идее», несмотря на различие ее конкретных трактовок, объединяла героев этих очерков. Генезис либерального движения кратко освещен в предисловии к сборнику (с. 3—11). Здесь же сформулирован суммарный портрет российского либерала. «Российский либерал, — отмечают редакторы Б.С. Итенберг и В.В. Шелохаев, — неизменно выступал сторонником прав и свобод личности, развития просвещения и культуры, рассматривая последние как необходимые предпосылки и условия для прочных политических, экономических, социальных трансформационных изменений, которые в конечном счете должны были привести к формированию в России гражданского общества и правового государства, к политическому и правовому освобождению личности. Российский либерал сублимировал в себе такие типичные качества как патриотизм и гуманизм, верность демократическим идеалам и традициям, неизменное стремление к достижению таких условий, которые бы обеспечили право каждого на достойное человеческое существование» (с. 12).

В первой части сборника содержатся биографии тех либералов XIX в., которых можно назвать «теоретиками либерализма», внесшими вклад в формирование либерального сознания и либеральной идеи в России. Часть вторая посвящена политическим деятелям, которые не только теоретически обосновывали свои либеральные концепции, но и вели длительную и упорную работу по их воплощению в российскую действительность.

Понятие «либерализм», как и базовый его принцип — идея свободы, воспринимались в России различно не только во временном контексте; многое зависело и от связей тех или иных его адептов с данной социальной средой, профессиональных занятий, наконец, личных предпочтений. Либерализм общественный начала XIX столетия еще не стал вполне самостоятельной идеей, не порвал с властью, что видно на примере жизненного пути А.И. Тургенева. Его ведущей посылкой было стремление покончить с «рабством», даровать крепостным гражданские права, влияя на власть, побуждая ее к позитивным переменам. Вместе с тем уже в то время были ясно осознаны базовые ценности либерализма, включая стремление к правовому государству и гражданскому обществу, предпочтение эволюционного развития.

Эти принципы были основополагающими и для последующих русских либералов. Привлекательность либеральной идеи во многом свя-

зана с именами Кавелина, Чичерина и Градовского, чьи взгляды получили в обществе широкую известность и признание. Другие, например, редактор «Общего дела» Белоголовый, при жизни не были оценены по достоинству, да и сами они не стремились к славе. Однако их объединила эпоха, для которой характерны не только «Великие реформы», но и прогрессирующий разрыв между властью и образованным обществом. «У честного, образованного интеллигентного человека под влиянием российской действительности вырабатывалось отрицательное отношение к самодержавным порядкам, к государственному строю, резко отличавшемуся от конституционных европейских держав», — пишет Итенберг в очерке о Белоголовом (с. 231).

Деятели последнего поколения русских либералов — Муромцев, Шаховской, Шипов, Маклаков и др. — могли сказать, вслед за Милюковым: «Моя жизнь слишком тесно переплеталась с моей политической деятельностью». Их либеральные воззрения отливались в политическую программу, либеральные ценности становились ориентирами, к которым интеллигенция стремилась вести все общество. Авторы показывают, как к русским либералам медленно приходило понимание все более очевидного обстоятельства, мирных способах борьбы и отторгают либеральную программу «общества». Но и попытки сотрудничества «общества» с «властью», как это пробовал сделать лидер мирнообновленцев Гейден, не имели ощутимого успеха и не могли остановить сползание империи к катастрофе.

Теоретическое обоснование либеральных идей порождало в России чрезвычайно разнообразные доктрины: от консервативного либерализма Чичерина до последовательно демократического варианта реформ Шаховского. Однако во всех либеральных моделях на принципиальном уровне было больше общего, чем отличного, что и формировало особую «либеральную идентичность». Особенно ярко она проявилась в личности Маклакова, самого «нетипичного» из русских либералов. «В Маклакове каким-то образом сосуществовали западник со славянофилом и даже русским националистом, борец за права личности и защитник прав государства», — замечает Будницкий (с. 492). Все эти различные черты стали следствием разнородности российского либерализма, присущей ему неоднородности «как интеллектуального, так и организационного поля» (с. 11).

О многих героях очерков можно с полным правом сказать, что их жизнь была отдана либеральной идее, к которой они пришли в процессе напряженной идейной эволюции. Приверженность либерализму и после октября 1917 г. дей-

ствительно стоила Кокошкину, Шаховскому, Долгорукову, как и многим другим, жизни. Либералы снискали в среде образованного общества огромный авторитет. В ряде случаев сама власть признавала несомненное влияние либеральных мыслителей, таких, как Чичерин. Однако самодержавие категорически отказывало либеральным идеологам в праве действовать. Завершая очерк о Чичерине, Секиринский пишет: «Как ученый, мыслитель и публицист, он оставил заметный след в отечественной истории. Но как политик — либерал и консерватор в одном лице — он просто не смог себя реализовать» (с. 111). Другие же либералы ушли в оппозицию власти и повели с ней затяжную борьбу, жертвами которой в итоге стали обе борющиеся стороны.

Суммируя изложенное на страницах «Русских либералов», можно отметить, что русское общество не отвергало либерализм — ни как определенную систему ценностей, ни как политическую программу. Он был «впитан» и «переработан» русской интеллигенцией, стал и доктриной, и политикой, и нравственным ориентиром. Он явился итогом сложного процесса внутреннего саморазвития, идейной эволюции интеллигенции, выступал как мировоззрение людей, достигших определенного (весьма высокого!) уровня развития. Русский либерализм имел различные «лица»: на всем протяжении своей эволюции он являлся сложносоставным явлением общественной мысли и общественного движения, в нем соседствовали, уживались и противодействовали различные течения и направления, занятые, каждое по-своему, поисками выхода из сложных кризисных ситуаций. У некоторых либералов идеи общественной свободы уживались и с элементами консерватизма, и с элементами радикализма; либералы то приветствовали действия либеральной бюрократии по реформированию России и стремились направить власть в сторону более последовательной трансформации режима, то поддерживали «революционный натиск» на самодержавие, стремясь использовать массовое движение в целях переустройства общества на принципах свободы (с. 11—12).

Изучение истории либерализма в России XIX — начала XX века порождает немало вопросов. Самый главный — причина, по которой либерализм был отторгнут российским обществом (обществом в целом, а не его образованной частью). История доказала, что даже самые высокие идеи не могут излечить социум от недугов, если они не востребованы «властью» и чужды народной «массе». «Мирное обновление», по сути, являло собой либерализм в его сублимированном, беспримесно-чистом виде и его-то,

раньше чем, например, либерализм кадетов или октябристов, отторгла «историческая среда», внутренне несозревшая для восприятия либеральных идей», — резюмирует Шевырин (с. 490). Спасительные реформы, предлагаемые интеллигенцией, такие как «либеральная альтернатива революции и реакции», оказались либо чересчур запоздалыми, либо вообще неосуществленными. «Либеральная идея мирного преобразования страны в реформистском русле с трудом приживалась в конфронтационной социокультурной среде, привыкшей к разрешению объективно назревших проблем по преимуществу силовыми методами» (с. 11). Но это — только общий ответ. Внимательное чтение жизнеописаний либеральных деятелей позволяет сделать частные выводы, уточняющие данное заключение. В сборнике через биографии представителей различных поколений либералов прослеживается история развития либерализма в России.

Авторы сборника сумели представить российских либералов не только и не столько фигурами политическими, «яркими представителями» определенных групп и течений в либеральной мысли и либеральном же движении, но, прежде всего, конкретными личностями, и в этом отношении — весьма яркими (каждый по-своему) людьми. В очерке, посвященном А.И. Тургеневу, Рудницкая замечает: Тургенев принадлежит «к тем, кто дает цвет духовному облику времени, в котором им довелось жить и действовать. Без него история русской общественности в ее множественных срезах — политическом, интеллектуальном и, может быть, главное, в нравственно-этическом была бы не только обеднена, но и лишилась бы черт яркой личностной выразительности» (с. 15). Это можно сказать и о многих российских либералах. В их судьбах, подчас весьма трагических, отразился переломный характер эпохи. Своей судьбой, своими мыслями, поступками, работами они отразили переломную эпоху и отразились в ней, оставив неистребимый след в истории.

Можно только сожалеть об отсутствии в сборнике библиографического списка работ каждого из названных представителей либерализма.

А.И. НАРЕЖНЫЙ, А.К. МАМИТОВ,
А.В. ЩЕРБИНА

Примечания

1. МИЛЮКОВ П.Н. Интеллигенция и историческая традиция. — Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909—1910. М. 1991. с. 298.

S. BOGATYREV. *The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s—1570s*. Saarijarvi. 2000. 298 p.

С.Н. БОГАТЫРЕВ. *Государь и его советники. Ритуализированные консультации в политической культуре Московской Руси. 1350-е — 1370 годы*

В 80—90-е годы XX в. опробованные на материалах Западной Европы новые подходы антропологического изучения власти и управления в истории начали применяться и к прошлому Российского государства¹. К этому направлению принадлежит и монография доцента Университета Хельсинки С.Н. Богатырева, изданная Академией наук Финляндии. В основе книги докторская диссертация автора. Предмет изучения — средневековые русские взгляды на взаимоотношения между государем и его приближенными советниками. Вместо традиционного институционального подхода (история учреждений) автор сосредотачивает основное внимание на личных отношениях внутри правящей элиты. Подобный аспект помогает лучше представить механизмы функционирования политического режима самодержавия, понять структуру Российского государства и принципы, на которых оно основывалось.

В основу авторского подхода положено понятие «политическая культура». Впервые оно появилось в американской историографии (Р. Такер и особенно Э. Кинан). Под «политической культурой» Кинан понимал «комплекс верований, практик и ожиданий, который — в умах русских — придавал порядок и значение политической жизни и позволял его носителям создавать как основополагающие модели своего политического поведения, так и формы и символы, в которых оно выражалось». Предложенный Кинаном подход был в первую очередь воспринят зарубежными специалистами по истории русского средневековья (Н. Коллман, В. Кивельсон, Д. Островский). Богатырев использовал понятие «политической культуры» в трактовке Островского — как совокупности политических институтов, идеологических концепций и установок, а также практических действий, связанных с управлением государством.

Тема отношений князя (государя) и советников уже рассматривалась в отечественной историографии. В той или иной степени ее затрагивали все классики российской науки. Но особенно надо отметить работы С.Б. Веселовского², в которых он выяснил основные изменения в нормах отношений вассалов и сюзерена, происшедшие в XIV—XVI веках. Богатырев рассмотрел Московскую Русь с совершенно новых позиций. Он предполагает и обосновывает существование некой предзаданной модели отношений государя и советников, предметом анализа

которой становится реализация на практике этих теоретических представлений. К сожалению, одна из специфических особенностей русского средневековья — скудость письменных источников, наложила отпечаток на выводы автора. Наиболее яркие памятники по теме исследования относятся ко времени не ранее конца XV—XVI века. («Сказание о Мамаевом побоище», посольские и разрядные книги, летописные повести о завоевании Новгорода, о смерти Василия III и др.). Не случайно основное содержание монографии касается XVI столетия, наиболее полно отраженного в документах. Ранних источников (особенно по XIV в.) очень немного — духовные и договорные грамоты, а также не очень пространственные летописные тексты. Поэтому для большей части XV, а тем более второй половины XIV в. выводы автора могут быть приняты с известными оговорками.

Кроме того, не следует забывать, что до конца XV — начала XVI в. Русь не была единой. В XIV — XV вв. существовала полицентрическая система земель и княжений, в которой постепенно центр тяжести переносился в Москву. А значит, вполне возможно, что существовали локальные различия политических традиций или хотя бы различные акценты в трактовке сходных явлений. Средневековое право было правом прецедентным. Раз установленная в завещании умершего князя норма становилась традицией и обычаем, развивалась и детализировалась наследниками. К сожалению, дошедший до нас корпус письменных источников — преимущественно московский по своему происхождению, что лишает нас возможности дать полную картину отношений суверена и советников для других территорий.

Богатырев пришел к выводу, что в XIV — XVI вв. в московской политической культуре сформировался особый топос (утверждение или формула, постоянно использующиеся для описания и интерпретации событий) — «государь—советники». Его краеугольными камнями были характеристика государя, как грозного самодержца, и советников, как благочестивых или злых (в последнем случае они считались «орудием дьявола»). Одновременно образ и государя, и советника разворачивался в двух планах. По мнению Богатырева (в свою очередь восходящему к Б.А. Успенскому, В.М. Живову и М. Чернявскому), в высшем смысле государь был земным воплощением Бога. Следует подчеркнуть, что по-

добные представления — относительно поздние, рубежом в их формировании был 1547 г. — то есть венчание на царство Ивана IV. А в начале XVI в. Иосиф Волоцкий в послании иконописцу заявлял, что «царь (когда самого царя еще не было) — Божий слуга есть», неправедному царю должно сопротивляться, но даже и праведному царю подобает «поклоняться и служить телесне, а не душевне и въздавати им царскую честь, а не божественную». Ни о какой осознанной сакрализации Ивана III, не говоря уже о его предшественниках, говорить невозможно. В узком, практическом смысле правитель был хозяином-вотчинником своих подданных, верховным арбитром, главным военачальником. Двойственному образу государя соответствовал двойственный образ советника. В рамках аналогии Бог (Христос) — апостолы, существовала ассоциация «советник — апостол». Эти параллели проведены Ермолаем-Еразмом и Иосифом Волоцким и восходят к византийским авторам Агапиту и Фотию. Злой советник, соответственно, ассоциировался с Иудой. Думается, источником подобных воззрений являлись не только литературные произведения, но и евангельские чтения, читавшиеся на литургии. А они дают весьма обширную почву для осмысления архетипа отношений «господин — слуга (раб)» (Мф 24:45-51 — о верном рабе; Мф 25:14-30 — притча о талантах; Лк 14:31-33 — о необходимости совета перед войной и др.). И если послания Иосифа Волоцкого или произведения византийских авторов читались относительно узкой аудиторией, то литургические тексты слушались, понимались и осмысливались очень широким кругом населения. Весьма похожее христианизированное миропонимание мы находим, например, в «Домострое» — памятнике, рассчитанном на круг состоятельных горожан. Таким образом, не совсем ясно, являются ли такие взгляды чисто политическими (в том смысле, что они специфичны для узкого круга правящей элиты).

Указанные автором ментальные характеристики не были тождественны политической практике. В категориях последней государь воспринимался как хозяин своих холопов, а советники (холопы) были обязаны верно служить своему господину. Эти воззрения, как верно замечает Богатырев, начали формироваться в конце XV в. и вполне оформились при Иване Грозном. Отношения между государем и холопом не были односторонними. Как и в повседневной бытовой практике, царь (государь) и советники (холопы) имели определенные обязательства друг перед другом. Добрый холоп неустанно помогает хозяину и беспрекословно выполняет его поручения. Государь щедро награждает таких холопов и защищает их силой своей власти. Злой же совет-

ник уподоблялся непокорному своенравному холопу, послушнику своего господина. И согласно нормам отношений холопства социального, его надлежало примерно наказать и изгнать из своего окружения. Действительно, оппозиция «добрые — злые советники» служила постоянным средством осмысления конфликтов внутри правящей верхушки и политических событий. Одной из важных составляющих анализируемого топоса являлась идея согласия и единой воли правителя и его приближенных, выражавшаяся в практике частых совещаний между государем и его близкими людьми.

Можно согласиться с автором, что топос «государь—советники» был важным элементом идеологической базы формирующегося самодержавного государства. Его базовые составляющие многократно выражены в делопроизводственных документах. Поэтому, в частности, в них нет свидетельств о спорах и столкновении мнений, хотя они, несомненно, имели место (сравни свидетельство Берсена Беклемишева о том, что Иван III любил «стречу» — то есть противоположное мнение, несогласие). Согласно средневековым представлениям, неправильное мнение высказывалось, как правило, по злой воле, с тайным умыслом причинить вред христианскому государю. Причем критерием истины была последующая практика, своего рода Божья воля, вершившая суд. «Споспешник диавола» выявлялся самым развитием событий. Многочисленные конфликты, опалы, казни, поражения группировок находили объяснения сквозь призму парадигмы «злого советника» (Иуды), действовавшего по наущению сатаны. Подобные представления использовали государи для введения в свой совет неродовитых думных дворян и дьяков. Богатырев отмечает, что в политической культуре Московской Руси роль советника не связывалась с каким-либо чином государева двора. Главными качествами советника считались благочестие, христианские добродетели, безусловная преданность государю. Заметим, что все эти характеристики считались идеальными и в быту, что необычайно рельефно выражено в «Домострое». Возможно, в монографии следовало бы рассмотреть соотношение повседневных норм и политической культуры элиты. Это дало бы возможность придать глубину и перспективу исследованию.

В соответствии с указанными Богатыревым критериями (а не только родовитостью или принадлежностью к той или иной чиновной группе) формировался царский совет, с середины XVI в. называвшийся «Ближней думой» (15—20 советников, включая татарских князей и Гедиминовичей, избранных бояр, фаворитов царя и родственников царицы, наиболее влиятельных админист-

раторов — казначей и думных дьяков). Автор считает, что отдельной Боярской думы, как особого реально действовавшего политического института, объединявшего высших чинов Государева двора (бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков) не существовало, поскольку это не укладывается в категории политической культуры Московской Руси. С точки зрения Богатырева, Боярская дума — литературный фантом, созданный историографией. Действительно, термин «Боярская дума» не встречается в источниках. Впервые его употребил в таком виде Д. Флетчер (как «боярства дума»). Чаще же всего говорится безлично о «думе» или даже просто о «боярах»³. Подобная постановка вопроса не нова. Уже в российской историографии XIX — начала XX в. существовал вопрос — была ли Боярская дума постоянным учреждением (а, следовательно, существовал ли в принципе этот институт?). И большинство историков положительно отвечали на данный вопрос. Исследователи советского периода, экстраполируя ленинскую характеристику государственного строя России XVII в. на предшествующее столетие, не сомневались, что Боярская дума — политическая реальность.

Как же согласовать собранный Богатыревым интересный материал, а также сделанные на его основе очень острые выводы, и историографическую традицию? Автор справедливо считает, что роль Ближней думы в XVI в. была очень велика. Не подлежит сомнению, что в полном составе собрать Боярскую думу (в традиционном понимании) не представлялось возможным. Кто-то был в опале, кто-то на службе в разъездах, кто-то в походах, кто-то в посольстве, кто-то управлял крупными городами. Но это еще не повод для отрицания самого института — совещание могло собираться из имевшихся в наличии лиц. Возможно, самый продуктивный подход для решения этой, казалось бы, неразрешимой дилеммы, был намечен еще В.И. Сергеевичем. По его наблюдениям, в западноевропейских государствах везде различались большой и малый (тайный, ближний) советы. «Последний, как состоящий из интимных людей, вытесняет первый. Малый совет легко переходит в совет одного только любимца. Вот почему и о королевских советах Западной Европы можно сказать, что это

не столько советы в качестве учреждений с постоянным составом, сколько отдельные советники»⁴. Таким образом, институт «ритуализированных консултации» был очень подвижным и в значительной степени зависел от воли государя. Тем более это замечание относится к Ивану Грозному. Можно с большой долей вероятности полагать, что под названием «бояре», «дума» кроются в одних случаях Ближняя дума, а в других — Боярская дума. И дьяков-протоколистов XVI в. эти тонкости не смущали, важен был сам факт: государь советовался со своими приближенными.

Несмотря на сделанные замечания, монографию можно считать в целом удавшейся. Автор сумел под совершенно новым углом зрения рассмотреть технологию принятия решений в Московском государстве. Прослежено формирование круга ближайших советников князей от середины XIV в. до Ближней думы XVI века. Особенно детально анализируется роль Ближней думы при Иване Грозном и ее значение в административной системе Московского царства. Издание снабжено схемами, иллюстрациями — миниатюрами из Радзивилловской летописи и Царственной книги, а также изображениями на царском троне в XVI веке. Издание дополняют два ценных приложения: обзор историографии о Боярской думе и перечень советников и членов Ближней думы с 1350 по 1572 год.

А.Б. МАЗУРОВ

Примечания

1. КРОМ М.М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России. — Исторические записки. Вып. 4 (122). М. 2001, с. 370—397.
2. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969, с. 465 и след.; его же. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М. 1990, с. 78 и след., с. 99 и след.
3. ШМИДТ С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М. 1996, с. 388—438.
4. СЕРГЕЕВИЧ В.И. Древности русского права. СПб. Т. 2. 1908, с. 515.

В.П.СМИРНОВ. *Франция в XX веке*. М. Дрофа. 2001. 352 с.

Издательство «Дрофа» начинает серийный выпуск книг по страноведению ушедшего столетия. Серию открывает работа доктора исторических наук, профессора МГУ Вл.П. Смирнова. В оте-

чественной историографии было только два подобных издания: третий том «Истории Франции» (М. 1973) и «Новейшая истории Франции», написанная тем же Смирновым (М. 1979). Рецен-

зируемая работа издана как учебное пособие для студентов историков и институтов иностранных языков. По существу же она в значительной степени содержит научное исследование важнейших проблем французской истории XX века.

В основу книги положен проблемно-хронологический принцип. В центре внимания автора — развитие французского общества от традиционного к современному — постиндустриальному. Смирнов излагает историю Третьей, Четвертой и Пятой республик, подробно останавливаясь на исторических традициях Франции, внутренней и внешней политике, парламентских и президентских выборах, политических партиях, профсоюзном движении, колониальном вопросе, двух мировых войнах, социальной истории, экономическом развитии, проблемах идеологии и культуры. Живо написаны характеристики государственных и общественных деятелей страны. «Приложения» содержат ценный информационно-статистический материал. Издание снабжено именованным указателем и иллюстрациями.

Книга открывается оригинальным разделом о французских исторических традициях. Смирнов фактически первым из российских историков обратился к этой теме и предпринял удачную попытку выделить и систематизировать основные идейные, культурные и политические традиции Франции. Как справедливо указывает автор, «Францию XX в. нельзя полностью понять без знания ее исторических традиций, которые формировали взгляды, манеру поведения, умственный мир и образ жизни французов. Самые давние из них восходят к эпохе галлов и франков, другие образовались сравнительно недавно» (с. 12). Традиции действительно пронизывают всю общественно-политическую жизнь Франции прошлого столетия.

К самым древним французским традициям Смирнов относит религиозную и культурную. Последняя (в первую очередь литература и искусство) оказывает большое влияние не только на современное культурное развитие Франции, но и многих других стран. Автор пишет также о традициях свободомыслия и вольнодумства, революционизма и консерватизма.

В политическую жизнь Франции XX в. прочно вошло разделение на два противоположных лагеря. «Впервые разделение на левых и правых, — читаем в работе, — произошло во время Французской революции, на заседании Учредительного собрания 11 сентября 1789 г., когда депутаты, желавшие, чтобы король имел право отменять принятые парламентом законы, сели справа от председателя, а депутаты, выступавшие за верховенство парламента — слева. В дальнейшем это случайное деление приобрело политический смысл. Левыми стали называть

сторонников прогресса и общественных преобразований, а правыми — сторонников сохранения существующих порядков» (с. 23).

В книге рассказывается и об антикапиталистических и социалистических традициях; «Если в США или Англии, — указывает Смирнов, — капиталист, бизнесмен обычно пользовался почтением как человек, добившийся богатства и успеха, то во Франции его часто подозревали в том, что он нажил состояние нечестным путем. В представлении многих французов, капиталист — это, скорее всего, казнокрад и спекулянт. Еще в XVIII в. ряд мыслителей, в первую очередь Руссо, усматривали в частной собственности, влекущей за собой общественное неравенство, разделение людей на богатых и бедных, корень всех бед и несчастий человечества. Французские социалисты-утописты XVIII в. Мелье, Мабли, Морелли доказывали, что не частная собственность, а «общность имущества» может обеспечить всеобщее благополучие» (с. 19).

В разделе о традициях автор затрагивает интересный и вместе с тем сложный вопрос о французском национальном характере, который формировался на протяжении многих веков. Одна из характерных черт французов, унаследованная от прошлого, — неконформизм — «критическое отношение к окружающему, готовность к протесту, восприимчивость к социальным идеалам, противоречащим данному строю. Склонность французов к критике своего правительства и общественного устройства настолько велика, что один из современных социологов даже усмотрел в ней «национальный спорт, если не хроническую болезнь» (с. 17).

Еще одна черта французов — их устойчивый патриотизм. «Как и в других странах, — подчеркивается в работе, — чувство патриотической гордости у многих французов сочеталось с уверенностью в превосходстве своей нации над всеми остальными и подчас вырождалось в национализм и шовинизм. Подобно другим народам, игравшим важную роль в истории, французы долго считали себя «избранной нацией», были уверены, что их воинские подвиги не имеют себе равных, что их образ жизни — лучший в мире, что они опередили все остальное человечество и ведут его за собой» (с. 22).

Можно только пожалеть, что глава об исторических традициях, которая, с одной стороны, уводит читателя вглубь веков, а с другой, показывает, как прошлое прочно укрепилось и в жизни современной Франции, невелика по объему и лишь вкратце затрагивает проблему.

Автор вносит немало нового в освещение темы «Франция во второй мировой войне». За последнее десятилетие отечественные историки выпустили по этому вопросу немало работ.

Этому способствовало открытие в начале 90-х годов российских архивов. Хранящиеся в них документы позволили пересмотреть многие представления по указанной теме. Наши прежние взгляды претерпели существенные перемены в таких важных вопросах как роль «внешнего» и «внутреннего» движения Сопротивления, отношения Французской коммунистической партии и Коминтерна в период войны, внешняя политика СССР и развитие связей «Свободной Франции» с руководством Советского Союза и др. Читатель получает четкую и адекватную информацию о движении Сопротивления во Франции, о роли в нем различных политических сил, о связях французских коммунистов с Москвой, о национальном восстании в стране в 1944 г., о деятельности во время войны «самого знаменитого из французов XX века» генерала Шарля де Голля. Достаточное внимание уделено также французскому коллаборационизму — режиму Виши.

Через всю книгу проходят несколько «сквозных» тем: эволюция социальной структуры французского общества, внутренняя политика и борьба партий, развитие некоторых направлений французской науки и культуры и, особенно, внешняя политика. Автор уделяет последней самое серьезное внимание и раскрывает ее на

широком фоне международных отношений новейшего времени.

В книге ясно показано, как Франция, одна из главных победительниц первой мировой войны, сначала не смогла утвердить своих преобладающих позиций в Европе, а затем просто встала на путь постоянных уступок Германии и ее союзникам. В результате такой политики Франция подошла к известному поражению 1940 г., обернувшегося национальной катастрофой.

Не менее ярко представлена и внешняя политика страны в послевоенный период. Главное внимание уделяется европейской интеграции, развитию связей с СССР, взаимоотношениям с бывшими колониальными владениями. Свежий фактический материал содержится относительно президентств Франсуа Миттерана и Жака Ширака. Канва французской международной политики впервые изложена перед российским читателем столь полно и логично.

Книга может послужить примером для аналогичных изданий по другим странам. А для историков-франковедов она обозначила темы для более подробного исследования. К ним можно отнести развитие французской культуры, состояние менталитета и историю повседневной жизни.

М.Ц. АРЗАКАНЯН

Т.Л. ЛАБУТИНА. *Воспитание и образование англичанки в XVII веке.* Санкт-Петербург. Алетейя. 2001. 247 с.

Новая монография ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, доктора исторических наук Т.Л. Лабутиной, теснейшим образом связанная с ее предыдущими работами¹.

Исследование написано на основе анализа широкого круга источников и многочисленных работ английских и американских авторов. Оно воссоздает картину воспитания и образования англичанок в период правления Стюартов с 1603 по 1714 год. Женское образование в Англии рассматривается во всей его совокупности. Анализу подвергнуты учебные программы, формы и методы обучения как аристократок, так и простолюдинок. Произведения маркиза Г.С. Галифакса, Д. Дефо, Дж. Свифта приведены в приложении, а деятельность Галифакса и его книга «Новогодний подарок для леди» подробно рассмотрены в специальной главе.

Прослеживая формирование европейской традиции женского образования, автор исходит из того, что основы ее были заложены еще в средние века, когда женщины из высших классов учились по преимуществу в монастырях.

Лишь в эпоху Возрождения появляется светское образование. В Англию гуманистическая традиция женского образования была принесена благодаря испанской принцессе Екатерине Арагонской, а также гуманистам Т. Мору, Х. Вивесу, Эразму Роттердамскому. Реформация, проведенная Генрихом VIII, положила конец монастырскому образованию аристократок. Яркой страницей в истории женского образования средневековой Англии стало правление королевы Елизаветы Тюдор. Образование женщин постепенно становится жизненно важной потребностью в раннебуржуазном обществе (с. 22).

В XVII в. в английском обществе развернулась оживленная дискуссия о женщинах: их природе, интеллектуальных способностях, моральных принципах и необходимости для них образования. Обучение подрастающих дочерей постепенно приобретает жизненно важное значение в семьях высших и средних слоев общества. Заметное влияние на развитие духовного мира женщин и их социальное положение оказала Английская революция середины XVII века.

Именно на этот период пришелся «пик» активности женщин в общественно-политической и литературной деятельности, страна узнала имена женщин-памфлетисток, романисток и поэтесс. В то же время, как отмечает автор монографии, образование аристократок и девушек из средних слоев стало заметно различаться. Юные аристократки занимались музыкой, танцами, изучали этикет и французский язык вместо латинского. В домах пуритан, напротив, стремились привить классические знания, а также навыки домашнего хозяйства (с. 37). Оливер Кромвель серьезно относился к женскому образованию. Была издана масса памфлетов, содержавших проекты реформирования системы образования в Англии.

По мнению автора, неверно полагать, что большинство простолюдинок знало хотя бы грамоту, в то время как этим могла похвастаться далеко не каждая аристократка. И все же народное образование на протяжении XVII в. достигло определенных успехов (с. 51). Если для аристократок основными формами обучения было домашнее и в частных пансионах, то простолюдинки обучались в благотворительных школах. Изменения после Славной революции 1688—1689 гг. затронули и систему образования. В 1698 г. в Англии возникло Общество по распространению христианских знаний, которое и включилось в создание благотворительных школ для детей бедноты (с. 54). Благотворительность зажиточных англичан позволила создать в стране систему народного образования, которая сохранялась на протяжении всего XVIII века. Несмотря на явный перевес физического труда над освоением учебной программы, благотворительные школы способствовали распространению грамотности в народе и сыграли свою роль в деле подготовки профессиональных рабочих, которых требовало растущее промышленное производство. Английский опыт благотворительных школ заимствовали шведы, датчане, голландцы, швейцарцы, немцы, а при Петре I и русские — в крупных городах (с. 66).

Ранние феминистки из буржуазной и аристократической среды выступали в защиту интересов женщин из имущих социальных слоев, отстаивая прежде всего их право на образование.

Предложенные ими проекты реформирования образовательной системы во многом носили просветительский характер, эти проекты частично были реализованы на практике (школы Х. Вулли и М. Эстелл). Дефо предложил в своем «Очерке о проектах» открыть «женские академии» по типу колледжа М. Эстелл. (С точки зрения Лабутиной, социальный эффект идей раннего феминизма в общественной мысли Англии в XVII—XVIII вв. не следует преувеличивать, это движение явно опережало свое время — с. 117.)

Авторская периодизация феминистского движения, предложенная Лабутиной, представляется обоснованной: на первом этапе (XVII—XVIII вв.) феминистки боролись за право женщин на образование, на втором (XIX в.) они выдвигали уже политические требования, на третьем (XX в.) женщины стали отстаивать свои экономические права (с. 118).

Последние главы монографии посвящены анализу взглядов на воспитание и образование женщин видных деятелей мировой культуры — Локка, Свифта, Дефо, Стиля, Аддисона, Мандевилля, Галифакса. Автором впервые введены в научный оборот трактаты просветителей и книги дидактического характера. Перевод произведений просветителей на русский язык дан в приложении к монографии (с. 185—230). Рекомендации великих мыслителей по поводу воспитания и образования девушек не потеряли своей актуальности и сегодня.

Автор приходит к выводу, что образование англичанок прямо зависело от их социальной принадлежности и носило ярко выраженный прагматический характер.

Л.А. ЗИМУЛИНА

Примечания

1. ЛАБУТИНА Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689—1714 гг.). М. 1994; ее же. Ранние английские просветители о роли и месте женщин в обществе. — Вопросы истории, 1997, № 6; ее же. Ранний феминизм в Англии. — Вопросы истории, 2001, № 8.

Осторожно — плагиат

Научным сообществом все острее осознается нездоровая ситуация терпимого отношения к плагиаторам и пенкоснимателям. Откровенный плагиат и мимикрирующая под академичность компилятивная литература, к сожалению, стали знаменем времени. Переписывают доклады и статьи, фабрикуют диссертации и монографии, растаскивают документальные публикации. Безнаказанность развращает. Девальвируется само понятие научного исследования, основанного на изучении историографии, на систематической и трудоемкой работе в архивах, на тщательной подготовке к печати результатов многолетних поисков и размышлений.

В связи с этим нельзя не поддержать призыв коллег к персональному и публичному разоблачению «интеллектуальных вампиров», овладевших примитивной, но зачастую безотказной методой¹.

Суть ее заключается в следующем. Очередной соискатель «учености» и общественного признания находит два-три добротных исследования или документальных комплекса, предпочтительно малотиражных, с соответствующим научно-справочным аппаратом. Затем начинается собственно сам «изнурительный» процесс плагиата и компиляции, по сути — интеллектуальное мародерство. Сей процесс ускоряют компьютеры и прочая оргтехника. Заинтересованные издатели помогают выпечь «свежий» том сомнительного достоинства. Звания, должности, баснословное количество «трудов» многих из подвизающихся на исторической ниве деятелей не являются гарантией качества их «продукции».

Особенно привлекает историко-биографическая тема. Лестно, помимо материальных ди-

видендов, заполучить на титуле книги свое неповторимое Ф.И.О. рядом с каким-нибудь императором, военачальником, политиком и т.д. Чем внушительней фигура, тем больше возможностей поживиться за чужой счет.

Среди подобных «жизнеописателей» замечен и А.В. Шишов, недавно одаривший читателей очередным многообещающим произведением: «Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии. Серия «Архив» (М. «Олма-Пресс». 2001. 446 с. Тираж 6000 экз.).

Визуальный ряд открывается парадным портретом знаменитого полководца, а завершается изображением самого «просветителя» в мундире капитана 1-го ранга. Новейший кутузовед рекомендован весьма впечатляюще:

«Алексей Шишов — военный историк и писатель, ведущий научный сотрудник Института военной истории. Автор почти 200 научных документальных и публицистических работ, в том числе 18 военно-исторических трудов, по эволюции военного могущества Руси, Московского царства и Российской империи».

Новинка состоит из биографического повествования (4 главы), приложения (документы и воспоминания), примечаний и иллюстраций. Аннотация поясняет, что, рассказывая о национальном герое, Шишов анализирует как ранее опубликованные материалы, так и новые, уточненные факты.

Специалистов, занимающихся историей XVIII—XIX вв. и личностью Кутузова в частности, заинтриговало смелое и броское название сочинения. Но тут же они узнали в «Неизвестном...» своего родного Кутузова, только изрядно «похудевшего».

Дело в том, что в конце прошлого века увидело свет двухтомное юбилейное издание: «Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк» (авторы — сотрудники Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев. СПб. 1995) и «Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания» (составители — сотрудники Российского государственного военно-исторического архива А.М. Валькович и А.П. Капитонов. М. «Археографический центр». 1995). В «Кутузовском проекте» приняло участие немало специалистов, обладающих серьезной научной репутацией в данной области.

Потрясение от прочитанного, видимо, и подвигло Шишова взяться за перо. Он перелицевал на собственный лад 1-й том чужого «Фельдмаршала...», не переименовав, видимо, в силу большой занятости, даже названия глав. Если в издании 1995 г. было: «Начало», «Возмущение», «Полководческий почерк», «Спаситель Отечества», то в 2001 г. у Шишова стало: «Начало биографии», «Возмущение полководца» и все те же — «Полководческий почерк» и «Спаситель Отечества».

Указания на источники в массе также списаны «новатором» у петербургских авторов, пригодилась и неоднократно переизданная монография П.А. Жилина «Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность».

О 2-м томе «Фельдмаршала Кутузова...» у Шишова вообще нет никаких упоминаний. При этом в аннотации к его книге отмечается «особенная ценность» документального раздела — 117-ти страниц, выкопанных из сборника РГВИА — разумеется, без ссылки на приглянувшееся издание. Изъятый Шишовым из работы 1995 г. документальный материал является эксклюзивным как по структуре, археографическому оформлению, так и по научно-справочному аппарату.

В свою книгу Шишов перенес, в частности, впервые опубликованные в сборнике РГВИА источники из фонда ВИМАИВ и ВС: Прощение И.М. Кутузова на имя П.И. Шувалова от 17 апреля 1759 г., ордер П.И. Шувалова Артиллерийской и инженерной школе от 31 июля 1759 г. и ордер М.А. Деденева Артиллерийской и инженерной школе от 5 марта 1761 г. (с. 317—320).

Дважды Шишов приукрасил свой опус ссылками на дела РГВИА, в глаза не видев подлинных документов.

На решительный письменный протест со стороны архива плагиатор отреагировал молниеносно, сочинив ответ уже на следующий день, а вскоре появился и дополнительный тираж.

Архивисты оценили социальный калибр Шишова. Оказалось, что присвоением плодов их усилий занимался не просто «историк и писатель», а «академик Международной Академии Духовного Единства Народов Мира, профессор РАЕН, член правления Русского Исторического общества, капитан 1 ранга запаса», он же «член ученого совета ГВИМЗ "Бородинское поле",... специалист по Отечественной войне 1812 г. и полководческому искусству М.И. Голенищева-Кутузова и кандидат исторических наук... отечественный историк-профессионал».

Глубокое впечатление на «потерпевших» произвело сообщение академика о регулярном посещении им библиотек и наличии собственного архива.

О своем детище член совета и правления отозвался с солидной определенностью: «Вышеназванная военно-историческая работа стала трудом многолетних научных изысканий автора, написана на документальной основе и [имеет] монографический характер». Отвергнув обвинения в плагиате, «профессионал»-академик отослал «инициаторов» письма в судебные инстанции. Это здравое суждение незадачливого «монографиста» находит полное понимание среди сотрудников ВИМАИВ и ВС, РГВИА и всех участников «Кутузовского проекта» 1995 года.

Сотрудники РГВИА:

А.М. Валькович,

президент Международной военно-исторической ассоциации,

Б.Б. Давыдов,

кандидат исторических наук,

В.И. Егоров, Н.В. Ильина, А.П. Капитонов,

И.В. Карпеев,

кандидат исторических наук,

Л.Я. Саев,

заслуженный работник культуры РФ,

А.А. Литвин,

начальник отдела Государственного архива Российской Федерации

Примечания

1. См.: СЕНЯВСКАЯ Е.С. Письмо в редакцию. — Отечественная история, 2001, №6, с.183—184.

Фельдмаршал Кутузов.

Документы, дневники, воспоминания.
Ответственный составитель А.М. Валькович,
составитель А.П. Капитонов.
Москва. «Археографический центр».
1995.

С. 13, 449:

Воспитанник Артиллерийской и Инженерной школы

1. И.М. Кутузов — П.И. Шувалову
 17 апреля 1759

Имею я сына Михайла одиннадцати лет¹, который на первой указной срок, имея тогда от роду седьмой год. Правительствующего Сената в геральдмейстерской конторе явлен, от которой для обучения российской грамоте отпущен в дом по 760 год до июля месяца.

От того времени обучался сверх российской грамоте, немецкого языка с основанием, по французски, хотя несовершенно, говорит и переводит и в латинском граматику оканчивает и переводить зачел. Також арифметики и геометрии и фортификации один манер прочертил. И несколько рисовать, також истории, географии и которых наук, что принадлежат до артиллерии, яко то в арифметике, геометрии и фортификации.

По прошению моему, а по ордеру Его Превосходительства от фортификации генерал-майора Муравьева, оной сын мой чрез инженер-капитан-порутчика Шалыгина и освидетельствован.

И как оный сын мой ревностное желание и охоту имеет служить Ея Императорскому Величеству² в артиллерийском корпусе, того ради Ваше Высокографское Сиятельство всепокорнейше прошу, дабы повелено было...

Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1017. Л. 19—19об. Подлинник. Публикуется впервые.

1.Общепринятым годом рождения Кутузова, утвердившимся в литературе, считается 1745. Однако данные, содержащиеся как в публикуемом документе, так и в ряде формулярных списков 1769, 1785, 1791, указывают на возможность отнесения этой даты к 1747 или 1748. Уточнение этого важнейшего факта биографии Кутузова требует дальнейших специальных исследований.

2.Императрица Елизавета Петровна.

С. 466:

¹ Имеется в виду трактат Морица Саксонского о военном искусстве «Мои мечтания».

С. 544:

¹ П.М. Волконский, в 1805 — генерал-майор, дежурный генерал русско-австрийской армии.

А.В. Шишов.

Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии. Серия «Архив»
Москва. «Олма-Пресс». 2001

С. 317, 397:

Воспитанник артиллерийской и инженерной школы

И.М. Кутузов — П.И. Шувалову
 17 апреля 1759

Имею я сына Михайла одиннадцати лет [1], который на первой указной срок, имея тогда от роду седьмой год, Правительствующего Сената в геральдмейстерской конторе явлен, от которой для обучения российской грамоте отпущен в дом по 760 год до июля месяца.

От того времени обучался сверх российской грамоте, немецкого языка с основанием, по французски, хотя несовершенно, говорит и переводит и в латинском граматику оканчивает и переводить зачел. Також арифметики и геометрии и фортификации один манер прочертил. И несколько рисовать, також истории, географии и которых наук, что принадлежат до артиллерии, яко то в арифметике, географии и фортификации.

По прошению моему, а по ордеру Его Превосходительства от фортификации генерал-майора Муравьева, оный сын мой чрез инженер-капитан-порутчика Шалыгина и освидетельствован.

И как оный сын мой ревностное желание и охоту имеет служить Ея Императорскому Величеству [2] в артиллерийском корпусе, того ради Ваше Высокографское Сиятельство всепокорнейше прошу, дабы повелено было...

1.Общепринятым годом рождения Кутузова, утвердившимся в литературе, считается 1745 г. Однако данные, содержащиеся как в публикуемом документе, так и в ряде формулярных списков 1769, 1785, 1791 гг., указывают на возможность отнесения этой даты к 1747 или 1748 г. Уточнение этого важнейшего факта биографии Кутузова требует дальнейших специальных исследований.

2.Императрица Елизавета Петровна.

С. 434:

¹Имеется в виду трактат Морица Саксонского о военном искусстве «Мои мечтания».

²П.М. Волконский, в 1805 г. — генерал-майор, дежурный генерал русско-австрийской армии.

С. 467:

С. 62—63:

¹ Начальником Московского ополчения Кутузов был избран 16 июля 1812.

² Память изменила мемуаристу: Александр I не мог получить в Москве известие о взятии французами Смоленска, поскольку он покинул ее и выехал в Петербург в ночь с 18 на 19 июля, а Смоленск был занят неприятелем 6 августа.

С. 468:

С. 25—26:

Очевидно, мемуариста подвела память. Барклай де Толли покинул армию в конце сентября, когда она уже заняла позицию при Тарутине, а Тормасов временно принял команду над Главной армией лишь в ноябре 1812.

П.А. Жилин

Михаил Илларионович Кутузов.

Жизнь и полководческая деятельность.

М. 1978

С. 11:

Особенное внимание обращалось на глубокое знание математики. П.И. Шувалов так, например, обосновывал необходимость изучения математики: «Знание геометрии артиллеристу и инженеру необходимо... Я не требую, чтобы артиллерийские и инженерные офицеры были великие алгебраисты, ибо сия наука весьма трудна, но довольно для офицера, если он знает способ извлекать радикалы натуру сравнением и словом, что называется алгеброю простою»¹.

¹ Исторический очерк 2-го кадетского корпуса 1712—1912 гг. Т. 1. Спб., 1912, с. 22 (в разделе «Приложения»).

С. 113:

Войны России с Турцией сыграли также большую роль в исторических судьбах народов Балкан.

Народы Балкан, не имея возможности своими силами освободиться от иноземного гнета, всегда с надеждой смотрели на Россию. Маркс и Энгельс, анализируя вопрос о положении национальностей в Турецкой империи, писали: «...серб, болгарин, боснийский "райя", крестьянин-славянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с южными славянами-католиками, говорящими на одном с ними языке»³.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 9.

3. Начальником Московского ополчения Кутузов был избран 16 июля 1812 г.

4. Память изменила мемуаристу: Александр I не мог получить в Москве известие о взятии французами Смоленска, поскольку он покинул ее и выехал в Петербург в ночь с 18 на 19 июля, а Смоленск был занят неприятелем 6 августа.

5. Очевидно, мемуариста подвела память. Барклай де Толи покинул армию в конце сентября, когда она уже заняла позицию при Тарутине, а Тормасов временно принял команду над Главной армией лишь в ноябре 1812 г.

А.В. Шишов

С. 12:

Особое внимание обращалось на знание математических дисциплин. Граф П.И. Шувалов так, например, обосновал необходимость изучения математики: «Знание геометрии артиллеристу и инженеру необходимо... Я не требую, чтобы артиллерийские и инженерные офицеры были великие алгебраисты, ибо сия наука весьма трудна, но довольно для офицера, если он знает способ извлекать радикалы натуру сравнением и словом, что называется алгеброю простою» [8].

8. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса 1712—1912 гг. — Спб., 1912. Т. I. — С. 22 (в разделе «Приложения»).

С. 189—190:

Войны России с Турцией играли большую роль в исторических судьбах славянских, христианских народов Балкан. Они, не имея возможности собственными силами освободиться от османского гнета, всегда с надеждой смотрели на православную Россию. Классики научного коммунизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс, анализируя вопрос о положении национальных меньшинств в Турецкой империи, писали: «...серб, болгарин, боснийский "райя", крестьянин-славянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с южными славянами-католиками, говорящими на одном с ними языке» [38].

38. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. IX. С. 9.

С. 313:

Вот почему у Кутузова вызвала резкое недовольство оценка сражения адъютантом главнокомандующего 1-й Западной армии Л. Вольцогеном*, который заявил, что русские войска расстроены, позиции их заняты французами, а значит, и битва проиграна. Михаил Илларионович выслушал слова адъютанта Барклая и в присутствии всей свиты офицеров с возмущением ответил: «Что касается до сражения, то ход его известен мне самому как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах, завтра погоним его из священной земли русской»⁵⁸. И такой приказ действительно был послан Кутузовым с адъютантом А.П. Ермолова артиллерии поручиком П.Х. Граббе к Барклаю-де-Толли и Дохтурову. В нем говорилось: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сие сражение, и потому, завязавши уже дело с ним, решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем»⁵⁹. Этот приказ, по воспоминаниям А.П. Ермолова, был встречен в войсках с большим воодушевлением.

...К вечеру Наполеон понял, что разбить армию Кутузова ему не удалось, а значит, этим сражением русская кампания не окончена. «Успех дня обеспечен..., но я должен заботиться об успехе всей кампании, и вот почему мне следовало сберечь мои резервы», — вспоминал слова императора М. Дюма**⁶¹.

⁵⁸ БОГДАНОВИЧ М.И. (источник тот же), с. 220.

⁵⁹ М.И. Кутузов, Сб. док. (источник тот же), док. № 184, с. 150—151.

⁶¹ БАРТЕНЕВ П. Русский архив. Год четырнадцатый, кн. 1. М., 1876, с. 224.

*Л. Вольцоген (1774—1845) — вюртембергский офицер, с 1807 г. на русской службе, в 1812 г. флигель-адъютант, полковник, адъютант Барклая-де-Толли.

**Дюма Матье (1753—1837) — граф, в 1812 г. генерал-интендант наполеоновской армии.

С. 268—269:

Вот почему у М.И. Голенищева-Кутузова вызвала резкое недовольство оценка итогов сражения адъютантом Барклая-де-Толли полковником Л. Вольцогеном, вюртембергским офицером на русской службе, заявившим в присутствии всей свиты офицеров главнокомандующего, что «русские войска расстроены, позиции их заняты французами, а значит, и битва проиграна».

Михаил Илларионович выслушал посланца военного министра и с возмущением ответил: «Что касается до сражения, то ход его мне известен самому как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах; завтра погоним его из священной земли русской»[23].

Вечером полководец отправил Барклаю-де-Толли и Дохтурову приказ: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сие сражение, и потому, завязавши уже дело с ним, решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем»[24]. Кутузовский приказ, по воспоминаниям А.П. Ермолова, был встречен с большим воодушевлением.

...К вечеру Наполеон понял, что разбить кутузовскую армию ему не удалось, а значит, этим генеральным сражением русская кампания для него не закончена.

Генерал-интендант наполеоновской армии граф Матье Дюма вспоминал слова императора: «Успех дня обеспечен..., но я должен заботиться об успехе всей кампании, и вот почему мне следовало сберечь мои резервы» [25].

23. БОГДАНОВИЧ М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. С. 220.

24. М.И. Кутузов. Сборник документов. Док. № 184. С. 150—151.

25. БАРТЕНЕВ П. Русский архив. Год четырнадцатый. М., 1876. Кн. 1. С. 224.